ISBN 978-5-6042374-7-2

9 785604 237472

ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ 15

2019

Государственная
АРХИВНАЯ СЛУЖБА
Нижегородской области

ФАКУЛЬТЕТ

ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Выпуск XV

АРЗАМАС 2019

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО»
Арзамасский филиал ННГУ

Государственное казенное учреждение
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ,
г. Арзамас

ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Сборник статей участников
XVI Региональной научно-практической конференции
(13 декабря 2018 г.).

Выпуск XV

Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2019

УДК 930.1/2 (093)
ББК 63.211 я43+79я43
В74

Рецензенты:
Доктор исторических наук, профессор Е.П. Титков;
Директор ГАНО, г. Арзамас А.А. Гурьянов

Редакционная коллегия:
В.И. Грубов (ответственный редактор), А.А. Исаков (научный редактор)

В74 **ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ:** сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции (13 декабря 2018 г.). Вып. XV / отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – 322 с. + 16 с. ил.
ISBN 978-5-9907932-0-0

В сборнике представлены доклады участников XVI Региональной научно-практической конференции «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе», проведенной на базе Арзамасского филиала ННГУ 13 декабря 2018 г. Участниками конференции были сотрудники архивов и музеев, краеведы, преподаватели, аспиранты и студенты вузов и средних учебных заведений, учителя и ученики школ Нижегородского региона. В их докладах рассматриваются различные аспекты локальной истории с древнейших времен до наших дней.

Сборник адресован преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам, школьникам и всем интересующимся историей родного края.

УДК 930.1/2 (093)
ББК 63.211 я43+79я43

ISBN 978-5-9907932-0-0

© Арзамасский филиал ННГУ, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ С ДРЕВНОСТИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Малышев Ал.В.	Буртасы и сувазы-чуваши на юго-западе Нижегородской области (по данным топонимики) …	7
Сочнев Ю.В.	Проблема определения «данщиков» в ярлыке золотоордынского хана Менгу-Темира ……..	14
Инжутов А.А.	Исчезнувшие озера в междуречье Тёши и Пьяны (по данным источников XVI–XVIII вв.) …..	19
Варенцова Л.Ю.	Дворцовый город Юрьевец-Поволжский во второй половине XVII века: система управления и хозяйства (по писцовой и межевой книгам 1676 г.) ….....	27
Арясов Н.В., Егошин А.Л.	Предметы из коллекций индивидуальных находок археологических исследований на территории г. Арзамаса ……....	31
Кузьмина А.И.	Типология керамического материала из культурного слоя Арзамаса XVIII–XIX вв. ……..…	35
Николаев Д.А.	Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.	39
Игонькин С.А.	Солдатские и офицерские жены и дети в России первой половины XIX века ……...	44
Малышев Анд.В.	Об архитекторах, строителях и художниках Арзамасского Воскресенского собора ……	49
Маслова Е.И., Щетинин А.И.	О крестьянских волнениях в селе Виняево Ардатовского уезда в 50-х гг. XIX века ……..	69
Курдин Ю.А., Панов А.Р.	Публицистическое и эпистолярное наследие Михаила Григорьевича Черняева ……	74
Пакшина Н.А., Аникина Е.Ю.	Аскалон Николаевич Труворов: дополнения к биографии ……..	83
Неупокоева В.Ю.	Основные мотивы домовой резьбы в Арзамасе в XIX – начале XX века ……	88
Андронов А.С.	Арзамасская городская дума в 70-х гг. XIX – начале XX века ……..	94
Зайцева И.Г.	Библиотечная деятельность в Арзамасе в конце XIX – начале XX века (по документам Арзамасского архива) ……..……	99
Кудряшова А.С.	Быт крестьян дивеевской округи в конце XIX – начале XX века …….	107

Скрябина С.А. Костюмные комплексы Арзамасского уезда второй половины XIX – начала XX века …… 114
Суетнова Н.И. Коллекция ситцевых платков Арзамасского историко-художественного музея ……..……. 117

Раздел II. ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Кузьмина А.Н. Память о них храня… (к 115-летию создания Арзамасского Александро-Невского общества хоругвеносцев) ……..……. 123
Ефимов О.В. Противоречия между духовенством и крестьянством в России в начале XX века (на материалах Нижегородской губернии) …….. 128
Кауркин Р.В., Павлова О.А. Анализ состава «Книги памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны» …….. 133
Сапон В.П. М.С. Сергушев о своей жизни и партийной работе ……. 139
Глазунов А.С., Субботина И.С. Роль личности в региональной истории 1917 г.: П.А. Демидов – первый губернский комиссар Временного правительства в Нижегородской губернии ……. 146
Подрепный Е.И., Титков Е.П. 100 лет Главному разведывательному управлению: портрет на фоне эпохи …… 149
Домахин А.А. Муромское восстание в июле 1918 г.: нижегородские сюжеты …….……... 156
Щеглетова А.Е., Коннова О.Н. Экспозиционно-выставочный проект историко-художественного музея г. Арзамаса «Они были первыми» как источниковая база по изучению истории Арзамасской комсомольской организиции …….. 161
Завьялова С.В., Завьялова А.А., Русаков И.С. Первые комсомольские организации в селах Варнавинского и Ветлужского уездов …… 167
Морозова И.В. Юрьевский колхоз: история образования и динамика развития (1928–2017 гг.) …… 174
Смирницкий А.Е., Смирнов А.Ю. Специфика становления районного здравоохранения в железнодорожном поселке при станции Шахунья в 1930-е гг. ……. 180
Ляпин Д.А. Вредительство или «вредительство»: опыт источниковедческого анализа …… 186

Калмыков И.А.,	Социальная история: опыт современной исто-	
Подрепный Е.И.	риографии и перспективы развития ……	193
Пустырев П.В.	Производство танков Т-34 на заводах СССР в период Великой Отечественной войны: опыт современной историографии ……...	201
Гребенникова А.Д.	Развитие трудовых коллективов авиационных заводов Горьковской области в годы Великой Отечественной войны: опыт современной российской историографии ……..……..	208
Бажанова Д.С.	Союзные поставки в СССР бронетанковой техники в 1941–1945 гг.: опыт современной историографии …….	213
Железнов Д.П.	Советские спецслужбы на начальном этапе холодной войны: опыт современной историографии …….	220
Смирницкий А.Е.	Кадровая политика Советского государства в сфере школьного образования (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.) ……..	229
Балахонова И.Н.	Особенности партийно-государственного руководства промысловой кооперацией в 1946–1960 гг. (на примере Горьковской области) …..	232
Федченко А.М.	Архив РФЯЦ-ВНИИЭФ (к 65-летию создания)	240
Исаков А.А.,	Арзамасский хлебокомбинат в структуре Арза-	
Исакова Л.В.	масского треста «Росглавхлеб» ..…….	245
Клюшина А.Е.	Фотодокументы по истории Кремёнковской неполной средней школы. Н.В. Артёмов ……..	250
Нагорных О.С.	Особенности сотрудничества советских и китайских врачей в 1950-е гг. (на примере командировки профессора Горьковского мединститута В.Г. Вогралика в Пекин) ……	255

Раздел III. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Малышев Ал.В.	Terra incognita Ардатовского края ……..	261
Михеева В.В.,	Жизнь и творчество Матильды Кшесинской в	
Хорева Н.В.	источниках и литературе …….	274
Казнина Т.В.	Столяр Т.Н. Ганков – из арзамасского окружения М. Горького ……	281
Родина Г.И.,	Поэма М.В. Шестерикова «Тетрадка» (проблема	
Чепак В.О.	формирования личности) ……	285
Макарова М.Ю.	Культурная жизнь села Хватовки (1920-е – 1980-е гг.) ……..	289
Колосунин Е.В.	Мемориальные места города Арзамаса ……..	295

Завьялова С.В., Разъезд «44-я верста» ……... 300
Цветков И.А.,
Цветкова С.П.

Завьялова С.В., Портрет комсомольского лидера:
Завьялова А.А., А.М. Спекторский ……. 304
Маркина Е.А.

Завьялова С.В., К истории Линдовской птицефабрики ……..…….. 308
Лещук Н.Ю.

Воробьёва О.В. Карикатура как наглядное средство и исторический источник в условиях визуализации обучения ……... 314

НАШИ АВТОРЫ …… 319

ПРИЛОЖЕНИЯ
Приложение 1 (к статье А.А. Инжутова)
Приложение 2 (к статье Н.В. Арясова и А.Л. Егошина)
Приложение 3 (к статье А.И. Кузьминой)
Приложение 4 (к статье В.Ю. Неупокоевой)
Приложение 5 (к статье С.А. Скрябиной)
Приложение 6 (к статье А.Е. Щеглетовой и О.Н. Конновой)
Приложение 7 (к статье А.Е. Клюшиной)
Приложение 8 (к статье О.В. Воробьёвой)

Раздел I
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ С ДРЕВНОСТИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 81 373.21(4/9)

БУРТАСЫ И СУВАЗЫ-ЧУВАШИ НА ЮГО-ЗАПАДЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (по данным топонимики)

BURTASES AND SUWAZES-CHUVASHES IN THE SOUTH-WEST OF NIZHNY NOVGOROD REGION (according to toponymy)

А.В. Малышев
A.V. Malychev
Независимый исследователь (г. Нижний Новгород)
E-mail: ma2502@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается происхождение и расселение буртасов. На материалах топонимики юго-запада Нижегородской области впервые делается вывод о присутствии в древности буртасов и сувазов-чувашей в этом регионе, их расселении в бассейне Тёши.

Ключевые слова: топонимика Нижегородской области; буртасы; сувазы; чуваши; венгры; мадьяры; археология средневековья.

Summary. The present research is focused on origin and settlement of Burtases. Based on the toponymy of south-west of Nizhny Novgorod region this research draws a conclusion of settling Burtases and Suwases-Chuvashes in this region and in Tiosha river-basin in ancient times.

Key words: toponymy of Nizhny Novgorod region; Burtases; Suwases; Chuvashes; Hungarians; Magyars; archeology of Middle Ages.

Средневековая этническая история юго-запада Нижегородской области (или территории, лежащей в междуречье Тёши, Оки, Кокши и Мокши) очень многогранна. Вопреки устоявшемуся мнению, что здесь с начала I тысячелетия проживали в основном мордовские эрзянские племена, эта земля, расположенная на перекрестке важных сухопутных и речных транзитных магистралей Восточной Европы, была объектом влечения самых разных этносов и этнических групп. В отсутствии специальных исторических исследований важным подспорьем в изучении этнической истории указанного региона может стать местная топонимика, хранящая следы языка всех этносов, приходивших на жительство в эти земли. Одним из таких этносов были буртасы, которые, начиная с IX века, обитали в Среднем Поволжье. Как правило, исследователи, говоря о расселении буртасов, ограничивают их продвижение на север и северо-восток рекой Мокшей и Посурьем. Однако данные гидронимии междуречья Оки и Тёши позволяют утверждать, что буртасы осваивали эти территории и проникали в правобережье Тёши.

Первые упоминания о народе буртас датируются IX веком. В сочинениях арабского географа ал-Калби упоминается народ *бурджас*, который ученые-востоковеды отожествляют с буртасами [1, с. 15]. Начиная с этого времени целый ряд арабских и персидских хронистов и путешественников приводит в своих записях сведения о народе *фурт-ас* (буртасы) в числе других народов (болгары, сувары, аланы, хазары, мадьяры, русы), от которых зависела политическая ситуация в Черноморско-Каспийском регионе.

Страна буртасов (Фурт-ас) описана у многих ближневосточных путешественников, но точное расположение границ этой страны до сих пор нельзя назвать полностью решенным. Данные источников настолько противоречивы, что можно составить сразу несколько версий локализации страны буртасов, каждая из которых будет иметь право на существование. Общим местом всех этих версий будет, пожалуй, одно – с IX века буртасы жили в Среднем Поволжье, на границе леса и степи. Археология позволяет утверждать, что уже с IX века буртасы заселяли территории современной Пензенской области. Именно в это время в Пензенской лесостепи появился народ, по своей археологии принадлежащий к салтово-маяцкой культуре и отожествляемый с буртасами. Пришельцы расселились в Засурье, на берегах Вада и Выши, построили города и крепости, осели на земле. Данных о проникновении буртасов севернее указанных территорий нет. Хотя еще у Хвольсона выдвинуто предположение о том, что буртасы доходили до места слияния Волги и Оки [2, с. 72].

Некоторые сообщения средневековых путешественников о хозяйственно-экономической деятельности буртасов позволяют сделать вывод об этом проникновении.

В своих сочинениях географы Ближнего Востока сообщают, что буртасы имеют обширные пашни, разводят крупный рогатый скот, овец, свиней, и особо отмечают развитие пчеловодства. Ибн Даста пишет: *«Занимаются они и хлебопашеством, но главное их богатство составляют мед, меха куньи и меха вообще»* [1, с. 20]. Общеизвестно, что в те времена пчеловоды использовали труд диких пчел, и этот промысел называется бортничеством. Но ремесло бортника всегда и везде связано с лесом; следовательно, границы расселения буртасов в Среднем Поволжье могли доходить до лесных массивов бассейна Мокши, и дальше на север и северо-восток. Другим подтверждением расселения буртасов в лесах между Мокшей и Тёшей могут служить сообщения арабов о буртасских мехах. Ал Масуди пишет: *«Из страны буртас вывозят шкуры черных лисиц, представляющие самые ценные меха. Из них существует несколько видов: бурые и белые, не уступающие по ценности собольему и песцовому. Черные лисьи меха не встречаются нигде в мире, кроме этой страны и соседних с ней стран»* [3, с. 35–36]. Звери с ценным мехом в изобилии водились тогда в лесах междуречья Оки, Волги и Суры, это изобилие подтверждают и более поздние источники [4, с. 148].

Таким образом, можно говорить о проникновении буртасов из Пензенской лесостепи в леса севера и северо-востока. Вероятно, самый большой

приток буртасов в леса Нижегородского Поволжья вызвали события 965 г., когда князь Святослав разгромил хазар и буртасов. В 976 г. Ибн Хаукаль указывал, что *«в настоящее время не осталось и следа ни из Булгара, ни из Буртаса, ни из Хазара… ибо русы отняли у них все эти области и присвоили себе»* [5, с. 159]. Буртасы были оттеснены в леса Средневолжья, где в XI веке упоминаются среди народов, платящих дань Владимиру Мономаху: *«Буртаси, черемиси, вяда и мордва бортничаху на князя великого Владимира»* [6, с. 326–327].

Как видно из летописи, буртасы жили рядом с перечисленными финно-волжскими народами. Они активно взаимодействовали с волжскими финнами и в хозяйственном плане, и в плане этногенеза, принеся в их среду свою материальную культуру и характерный антропологический облик. Эта антропология особенно отразилась на мордовском племени мокшан, так что В.Н. Татищев в своих работах указывал: *«В Руси доднесь народ сарматский моксели, моши и мокшане именуются…»* [7, с. 395].

Вывод о том, что буртасы принадлежали к сармато-аланской этнолингвистической общине, сделан на основании междисциплинарных исследований, включивших в себя и археологические, и антропологические, и лингвистические работы. В частности, этимология этнонима *бурт-ас* прямо указывает на североиранские корни. В первой части этнонима определяющим словом выступает древнейшее ностратическое *бор/ бур/ борть/ мур/ мурт* в значении «дерево с дуплом» [8, с. 195]. Затем в тюркских языках оно трансформировалось в *умарта* – «улей» [9], а в славянских в *борть* – «дупло с дикими пчелами».

Вторую же часть этнонима – *ас* можно идентифицировать как наименование позднесарматской этнолингвистической общности. Аланы-асы (яссы русских летописей) обитали на гигантских просторах южных степей от Приазовья и Предкавказья до Южного Урала и Северного Казахстана. В первой половине I тысячелетия аланы, говорившие на североиранских диалектах, на всей территории своего расселения контактировали и смешивались с другими обитателями просторов Евразии – племенами угров и ранних тюрок, начавших свое движение на запад. На указанных территориях родовой термин *ас* слышен в названии многих народов. Черк-асы и Яз-ыги, Абх-азы и осетины и ряд других европейских этносов имеют в своем этнониме ас (ос, аз). А за Уралом ближайших родственников венгров по языку – народы ханты и манси в старину называли ос-тяками. Страна Хакасия названа именем народа, имеющего в своем этнониме ас. Бартольд говорил, что этноним киргиз – это кырык и ас – сорок асов [10, с. 485].

На территории от Южного Урала до предгорий Саян и Алтая предки названных народов непрерывно контактировали между собой, вбирая друг от друга языковые и культурные заимствования. Здесь североиранское наречие предков буртасов вобрало серьезный пласт угорской лексики, став, так сказать, «ирано-угорским».

Поселившись в VIII веке на правобережье Волги и в Предкавказье, предки буртасов вступили в контакт с местными аланами и тюрками. Возможно, здесь они и обрели свой этноним бурт-ас. Дело в том, что в V–VIII вв. в степях Предкавказья и предгорьях Кавказа шли бурные процессы этногенеза, в которых смешивались местные аланы, пришлые угры и ранние тюрки. В этом «плавильном котле» сложились и хазары, и болгары, и буртасы, и предки современного населения Северного Кавказа.

В IX веке буртасы переселяются в Волго-Донье. При этом часть буртасов осталась в предгорьях Кавказа – о них упоминает в 1083 г. Ибн Сайд, затем в 1380 г. мы видим их в армии Мамая [5, с. 159] В этой связи любопытно указание А. Смирнова на то, что дагестанские аварцы называли чеченцев *бурцтау* или *буртизал* [11, с. 50].

Поселившиеся между Доном и Волгой буртасы влились в угро-тюрко-аланскую этническую среду, которая сложилась в Среднем Поволжье в IX–X вв. В этот период здесь господствовали хазары и булгары – представители оногурской языковой группы тюркских языков, близкой к угорским наречиям, а пришедшие в IX веке из-за Волги венгры-мадьяры были «старыми знакомыми» буртасов. Не исключено, что эта этническая среда и оказала такое воздействие на языки поволжских финнов, после которого они стали угро-финнами.

Источники позволяют думать, что буртасы в языковом отношении отличались от окружавших их тюрок. Средневековые хронисты сообщают, что язык буртасов не похож язык окружавших их тюрок – хазар и булгар [2, с. 73]. Но в сложившихся условиях хазаро-булгарской гегемонии буртасский диалект и образ жизни не могли не подвергнуться тюркизации, что впоследствии и привело к превращению буртасов в татар («буртасы – посопные татаровя»). В многовековом контакте с уграми, а затем с тюрками, и сложился язык буртасов, «ирано-угорский» с большой долей тюркизмов.

На основе этих данных, был сделан вывод, что ряд пензенских гидронимов, строение которых чуждо языкам угро-финнов и тюрков, являются буртасскими названиями. П.Н. Черменский к таким названиям относил гидронимы с топоформантом *-ис (-ас, -ос, -ус, -ес).* Они вместе с топоформантом *-ньга* имеют, по его мнению, буртасский генезис (12, с. 83–94).

Действительно, топоформанты *-ис* не имеют ничего общего с языками мордвы и татар. При этом в пензенской археологии эти гидронимы сопровождаются буртасскими городищами. Нельзя не указать и на связь *-ис* с венгерским топоформантом *-виз* («вода»). Фонетические особенности языка мордвы и татар-мишарей исключают мягкое «в», и *виз* в их речи трансформировался в *ис* (*виз* > *иис* > *ис*).

Известно, что гидронимы по своему происхождению – самые древние топонимы. Установив принадлежность гидронима языку того или иного народа, мы можем констатировать древнее присутствие этого народа в данной местности. Соответственно, в Пензенской лесостепи, где самое большое количество гидронимов с топоформантом *-ис* (Шелемис, Атмис, Катмис,

Умыс, Колдаис, Маис, Катмис, Курмыс, Печенвис, Кермис, и др.), широко расселялись буртасы.

Параллели этих гидронимов есть на Средней Цне (Колаис, Ломовис, Печенвиса), что говорит о присутствии буртасов и в бассейне Цны. Но подобные гидронимы обнаруживаются и в междуречье Тёши и Оки. Сатис, Луктос, Нукус, Ильмис, Мердус говорят нам, что буртасы доходили до берегов этих рек, и, возможно, не так уж неправы те исследователи, которые утверждали, что упомянутая в сочинениях арабов судоходная река Буртас, впадающая в Итиль, на самом деле – Нижняя Ока.

Не исключено, что эти названия отражают личные имена буртасов, владевших землями по берегам названных рек. Волжская Булгария была феодальным государством, и буртасы здесь существовали как вассалы булгар. Известно, что при феодализме, когда *«каждый клочок земли стал чьей-то собственностью»*, имя владельца было главным отличительным признаком тогдашней топонимики [13, с. 30–31]. В этом же ключе можно толковать и древние названия поселков левобережья Нижней Тёши – *Мотмос* и *Тамболес*. Возможно, это древние имена буртасских землевладельцев, живших среди местной мордвы. Ведь подобные окончания имен, только с шипящей «*с»* в конце, мы наблюдаем и у булгар (*Алмыш, Алтыш, Балаш* и др.), и у «мордовских татар» (*Тениш, Баюш, Кугуш* и др.), в этногенезе которых угры сыграли не последнюю роль.

При исследовании буртасского следа в топонимике Нижегородской области нельзя игнорировать мнение историков, археологов и лингвистов о серьезнейшем влиянии на этногенез буртасов мадьярского этноса. Мадьяры, отправившиеся в IX веке на завоевание новой родины, волной прошли через Поволжье, смешиваясь с местными племенами и оседая на этой земле. О селениях венгров в Среднем Поволжье есть подробные описания средневековых европейских путешественников. Современные ученые П.Н. Черменский, Г.Н. Белорыбкин, В.В. Гошуляк не сомневаются в родственности мадьяр-венгров и буртасов. Археология также говорит в пользу такого вывода [14, с. 46–50].

Это дает возможность ряд топонимов, с явно угорскими топоформантами *(-ер, -иг, -ик -га, -ка),* зафиксированных в Нижегородском Поволжье, отнести к буртасо-мадьярским. На изучаемой нами территории такими названиями будут Засик, Илимдиг, Ундюгерь, Канерга, Тайга, Туртапка, озеро Чарское и др. Нельзя исключать и участия в образовании некоторых гидронимов венгерского топоформанта *-виiз*, утратившего мягкое «*в»* в начале слова. Полностью он сохранился в названии рек Ломовис и Печенвис в Тамбовской области, а на исследуемой территории может быть скрыт в названии реки Тёша (Твисса>Тиса>Тиша>Тёша). Неспроста в русских документах XVI–XVII вв. стан, прилегавший к левобережью Тёши, называн Утишным станом [15, с. 4] – в те времена, возможно, наряду с «Тёша», река носила и название «Тиша».

Таким образом, опираясь на данные топонимики, можно говорить, что северной границей расселения буртасской языковой общности было правобережье реки Тёши. Еще одним средневековым этносом, следы языка которого хранит топонимика междуречья Тёши и Оки, могли быть чуваши. Не исключено, что какая-то доля буртасов стала составной частью современных чувашей. И. Добродомов выявил широкий пласт иранизмов в чувашском языке [5, с. 167], а Бахтиев даже видит в буртасах предков чувашей [16, с. 10–14]. Но любопытно, что и венгерский язык имеет немало соответствий в древнечувашском языке [17, с. 5–13], а древние культурные связи венгров и чувашей позволяют думать об их близком соседстве когда-то [18, с. 198–228].

Факт расселения чувашей в Нижегородском Поволжье установлен давно. Но, как правило, районы этого расселения локализуются в восточной части междуречья Оки и Суры. Тем не менее, о присутствии средневековых чувашей в левобережье Тёши может сказать местная топонимика. Известно, что этноним *чуваш* образовался от древнего *суваз*, а тот, в свою очередь, от еще более древнего *сувар*. Топонимы юго-запада Нижегородской области с этнонимичной основой *суваз* и *сувар* – это река *Чевар-да*, селения Чувар-лей и Савас-лейка.

Вдобавок во многих местных населенных пунктах существуют микрорайоны с древним неофициальным названием Курмыш, которое в чувашском языке имеет значение «отдельно стоящий двор». А между селами Гремячево и Саконы Кулебакского района известно урочище Чувашево.

Кроме этого, если следовать упомянутой выше методике выявления названий, созданных на антропонимической основе, к таким можно отнести местные топонимы Димара, Леметь, Мурзицы, Унор, Уркат, Шиморское, Шернавка и др., онимичные соответствия которым есть в трудах Магницкого [19, с. 35–101]. Сюда можно причислить и гидронимы Шилекша, Шилокша и Шилокшлей, в основе которых лежит древнебулгарское слово *шилек* – «чистый, священный» [20, с. 8]. Как антропоним, «Шилка» также зафиксирован у Магницкого [19, с. 95]. Проведенные здесь исследования местной антропонимики также указывают на тюркские корни многих коренных жителей [21, с. 178–200].

Хотя в русских источниках средневековья сувары – сувазы – чуваши в этом регионе нигде не упоминаются, они вполне могут скрываться под этнонимом черемисы (*«мордва и черемисы что к Мурому потягло»*).

Этноним *чуваш* в русских документах известен только с XVI века, а до этого чувашей на Руси часто называли *«татарскими черемисами»*, или просто черемисами [19, с. 3]. Вдобавок, есть основания полагать, что этноним *вяда*, упомянутый в «Слове о погибели…», был экзоэтнонимом древних чувашей, не случайно эрзяне называют чувашей *«ветьке»*. Вероятно, *«Ватцкая мордва»* русских документов, жившая в правобережье Нижней Оки, есть никто иные, как вяда – сувазы – чуваши.

Впоследствии, после присоединения края к России, сувазы-чуваши или ушли на восток, или ассимилировались после христианизации и влились в состав русского населения края.

Дополнительным свидетельством присутствия буртасов и мадьяр в бассейне Тёши могли бы стать археологические раскопки. Оговоримся, что специальных археологических работ в левобережье Нижней и Средней Тёши не проводилось, хотя наличие в прошлом древнего торгового пути, проходившего здесь, говорит о назревшей необходимости таких работ.

Источники и литература

1. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р.Х.). – СПб, 1870.
2. Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах. – СПб, 1869.
3. Афанасьев Г.Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII – начале X в. // Советская этнография. – 1984. – № 4.
4. Флетчер Д. О государстве Русском. – М., 2002.
5. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. – Вып. 2. – М., 1971.
6. Слово о погибели Русской земли. – М., 1969.
7. Татищев В.Н. Избранные сочинения. – Л., 1979.
8. Закиев М.З. Этногенез тюрков, булгар, башкир. – Уфа, 2011.
9. Хайретдинов Д.З. Нижние социальные страты в этногенезе нижегородских татар [Электронный ресурс]. – URL: http://www.teoria-practica.ru (дата обращения 6.07.2018).
10. Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. – М., 1963.
11. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1952.
12. Черменский П.Н. Народ буртасы по известиям восточных писателей и данным топонимики // Историческая география России. Вопросы географии. – М., 1970.
13. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М., 2011.
14. Круглов Е.В. Памятники авиловского типа и проблема их культурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. – Пенза, 1990.
15. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII–XVIII веков. – Нижний Новгород, 2013.
16. Бахтиев Ш.З. Буртасы – предки чувашей // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. – Пенза, 1990.
17. Поппе Н.Н. Чуваши и их соседи. – Чебоксары, 1927.
18. Алексеев А.А. Чувашско-венгерские культурные связи //История и культура чувашской АССР. – Вып. 59. – Чебоксары, 1975.
19. Магницкий В.К. Чувашские традиционные имена. – Чебоксары, 2013.
20. Мадуров Д.Ф. Серебряная Булгария. Основные вехи истории. – СПб., 2018.
21. Малышев А.В. Иллюстрация к исследованию этногенеза жителей Нижегородского Поволжья // Карповские чтения. Вып. 7 / отв. ред. Ю.А. Курдин; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас, 2017.

УДК 94(47).03/031

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ДАНШИКОВ» В ЯРЛЫКЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ХАНА МЕНГУ-ТЕМИРА

THE PROBLEM OF DEFINING “DANSHCHIKS” IN THE LABEL OF THE GOLDEN HORDE KHAN MENGU-TEMIR

Ю.В. Сочнев

Yu.V. Sochnev

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, кафедра теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент

603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12

E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

Аннотация. Статья продолжает направление исследований, обращенных к изучению ярлыка золотоордынского хана Менгу-Темира. Автор рассматривает дискуссионный вопрос определения содержания термина «данщики», содержащегося в указанном источнике.

Ключевые слова: Золотая Орда; ярлыки; ярлык Менгу-Темира; исторические источники; льготы духовенству; история церкви.

Summary. The article continues the research of the label of the Golden Horde Khan Mengu-Temir. The author considers the controversial issue of determining the content of the term “danshchiks” contained in this source.

Key words: The Golden Horde; labels; Mengu-Temir's label; historical sources; the clergy privileges; Church history.

Среди собрания источников по русской и золотоордынской истории XIII–XIV вв. особое место занимают ярлыки, выданные ханами степного государства русским митрополитам. Они содержат исходные данные о характере и объеме привилегий, предоставленных завоевателями русской церкви, о ее правовом и социально-экономическом положении в период чужеземного господства, дают представление о налоговых и даннических отношениях, о составе чиновничества в степном государстве, и о многом другом. Еще в XVIII веке историографы оценили значение ярлыков как исторических источников, однако изучение сохранившихся переводов ханских грамот продолжается и в наше время. Подлинные тексты документов находились в митрополичьем архиве, и лишь в конце XIV – начале XV вв. только шесть из них были переведены на русский язык. Эти переводы одной проезжей и пяти тарханных грамот составили так называемое «Краткое собрание ярлыков». Исследование этих документов важно и с точки зрения источниковедения, и с позиций конкретной истории, поскольку от результатов во многом зависят выводы о характере русско-ордынских отношений, о роли церкви в то далекое и непростое время, об особенностях административного устройства золотоордынского государства и др.

Важность, значимость и даже уникальность ярлыков как исторических источников очевидна, но вот проблемы, связанные с таким их использованием, в историографии гораздо менее обозначены. А ведь это обстоятельство может серьезно повлиять на итоги исследований. Главная проблема состоит в

том, что до нас дошли не подлинники актов, а переводы, причем довольно позднего происхождения. Поэтому по отношению к ярлыкам особо заслуживают внимания мнения специалистов, имеющих языковую подготовку.

Известный советский лингвист-тюрколог А.К. Боровков писал: *«Изучение текстов русских переводов тарханных ярлыков, выданных русским митрополитам ханами Золотой Орды, – задача в филологическом и лингвистическом отношении очень сложная»* [1, с. 17]. Он же в своей статье приводил мнение другого, не менее известного исследователя ярлыков А.Н. Самойловича о том, что изучение этих актов *«поныне находится еще в таком незаконченном состоянии, что пользоваться ими невостоковедам, как историческим источником, по существующим изданиям и при имеющейся пока о них востоковедческой литературе довольно затруднительно, как и показала одна из позднейших крупных работ по этому вопросу: "Ханские ярлыки русским митрополитам" М.Д. Приселкова»* [1, с. 18]. К сожалению, во многом этот вывод, сформулированный еще в начале XX века, остается актуальным до сих пор.

Сложность интерпретации конкретных сведений в содержании ханских грамот, вытекающая из специфики средневекового перевода, позднее происхождение этих источников делают необходимым выполнение еще одной рекомендации А.К. Боровкова: *«По сути дела каждый отдельно взятый перевод ярлыка нуждается в очень подробном исследовании»* [1, с. 19]. А вот этого-то зачастую и не происходит. Чаще всего у историков не хватает специальной лингвистической подготовки для оценки источниковедческих результатов исследования ярлыков, и им приходится использовать данные исторические источники, полагаясь на авторитет предшественников. Такое положение дел порой ведет к казусам. С одним из них автор данных строк столкнулся в ходе подготовки одной из предшествующих своих статей. Рассмотрим все по порядку.

Одним из самых авторитетных исследователей проблем русской истории ордынского периода по праву является А.Н. Насонов. Его работа «Монголы и Русь» давно стала классической. Несмотря на появление новых работ, многие выводы А.Н. Насонова сохраняют свое значение и для современной науки. Исследователь одним из первых обратил внимание на информацию о «данщиках», получаемую при анализе ханских ярлыков.

Предварительно следует отметить, что среди указанных актов самым ранним является ярлык хана Менгу-Темира (1266–1280), выданный, по всей вероятности, митрополиту Кириллу, который первым возглавил русскую церковь после установления власти монгольских ханов. Именно в переводе этого документа в формуле обращения среди перечня золотоордынских административных чинов, к кому был адресован ярлык, встречается термин «данщики». В других сохранившихся переводах ярлыков, относящихся к XIV веку, данный термин отсутствует [2].

Опираясь на анализ политической ситуации, А.Н. Насонов так истолковал обнаруженную информацию: «В *эпоху двоевластия в Орде, в конце*

XIII в., произошли, по-видимому, некоторые изменения в организации эксплоатации русского Северо-Востока, отразившиеся на организации ордынского владычества в последующее время. При Менгу-Тимуре (ум. в 1280–1282 г.) на Русь посылались "даньщики", как видно из ярлыка Менгу-Тимура. Тексты же "ярлыков", критически разработанные М.Д. Приселковым, относящиеся к середине и ко второй половине XIV в. говорят, как и ярлык XIII в., о "писцах", но не говорят более о "даньщиках". "Даньщики", очевидно, из Орды в этот период уже не присылались» [3, с. 77].

Выводы авторитетного ученого стали основой для разработок последующих историков. Исследователь истории Золотой Орды М.Г. Сафаргалиев писал: *«Какие-то движения, должно быть, происходили и в Русском улусе. Видимо, они заставили ханов пойти на уступки местным великим и удельным князьям. При хане Мемгу-Тимуре, как видно из его ярлыка, татарская дань в пользу ханов собиралась "данщиками". "Данщики" – откупщики, посылаемые ханами, беспощадно обирали Русский улус. После Менгу-Тимура "данщики" исчезают, и право сбора дани перешло в руки великих князей. Собранную дань они сами отвозили в Орду. Население было избавлено от произвола "данщиков" и, быть может, именно в связи с этим были сокращены размеры самой дани»* [4, с. 64]. По сути, мнение А.Н. Насонова повторено. Можно говорить о формировании по этому вопросу определенной историографической традиции, что подтверждается и комментариями А.А. Зимина.

В 1955 г. в 3-ем томе «Памятников русского права» были опубликованы с краткими комментариями переводы ханских льготных иммунитетных грамот – ярлыков, составляющих уже упомянутую Краткую коллекцию. Подготовил тексты к публикации еще один известный историк А.А. Зимин, он же является и автором комментариев к ярлыкам. До сегодняшнего дня это академическое издание переводов ханских ярлыков среди специалистов считается самым фундаментальным и авторитетным. Именно оно служит основой для современных переизданий рассматриваемого вида исторических источников [5, с. 843–851; 6, с. 323–333]. Примечательно, что в комментариях к ярлыку хана Менгу-Темира содержащийся в нем термин «даншики» («даньшики») раскрывается как: *«в данном случае сборщики ордынской дани»*. Далее следует небольшое пояснение: *«В связи с ликвидацией системы баскачества на Руси сбор дани был поручен русским князьям, поэтому в ярлыках XIV века даньшики не упоминаются»* [2, с. 476].

Как видим, в приведенных примерах информация о «даншиках», единственный раз встречающаяся в переводе ярлыка хана Менгу-Темира, в целом достаточно логично и внешне убедительно истолковывается в духе доминирующей историографической версии развития русско-ордынских отношений. У автора данных строк, как, по-видимому, и у многих других историков, отмеченная интерпретация достаточно долго не вызывала никаких сомнений. Все это продолжалось до того момента, когда в ходе подготовки одной из предшествующих статей, также посвященных проблемам изучения ярлыка хана Менгу-Темира, не пришлось детально познакомиться с работами линг-

вистов-востоковедов, занимавшихся переводом и изданием сохранившихся до наших дней подлинных текстов указов монгольских Великих каанов (императоров), а также и изучением ярлыков золотоордынских ханов. Их мнение, также достаточно авторитетное, по поводу интерпретации термина «даншики» серьезно отличалось от традиционного выше обозначенного.

Справедливости ради следует отметить, что существует еще вариант истолкования термина «даншики» в ярлыке Менгу-Темира. Его предложил питерский исследователь А.Г. Григорьев, известный своими трудами по «реконструкции» содержания ханских ярлыков. В процессе своей работы он, безусловно, не мог не затронуть интересующий нас вопрос. Еще в статье 1990 г. этот историк писал: *«В тексте пожалования ярлыка самого Менгу-Тимура среди взимаемых налогов на первом месте названа тамга. Там же встречаем и сборщиков этого налога – таможников. Термина "данщики" в пожаловании этого ярлыка нет. Остается допустить, что русскому обозначению "данщики" в адресате ярлыка Менгу-Тимура соответствовало слово "таможники"»* [7, с. 78]. По сути, это априорное утверждение выглядит не очень убедительно, как и стремление автора в угоду своим построениям «подправлять» текст ярлыка: *«Нарушение очередности в обозначении третьей и четвертой групп должностных лиц в адресате ярлыка Менгу-Тимура было вызвано, видимо, тем, что редактор русского текста ярлыка, заменяя в его адресате наименование "таможники" на "данщики", по небрежности поставил "данщиков" не на свое место. В рекомендуемом нами адресате следует эту ошибку исправить»* [7, с. 81]. Тем не менее эти же допущения буквально были повторены в книге 2004 г., подготовленной как обобщение предыдущих статей А.Г. Григорьева [8, с. 26, 28].

Однако вернемся к трудам лингвистов-востоковедов. Сначала рассмотрим мнение одного из известнейших специалистов по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии Н.Н. Поппе. В своей монографии, посвященной изучению памятников квадратного письма на монгольском языке, наряду с изданием основных текстов, исследователь дает и детальные филологические, исторические и лингвистические комментарии к ним. В ходе подготовки переводов сохранившихся указов монгольских императоров и грамот некоторых местных правителей, а также их комментирования широко привлекались другие сохранившиеся тексты и исторические источники, в том числе, переводы ярлыков ордынских ханов. Как следствие, в указанных комментариях обнаруживаются интереснейшие суждения и оценки по поводу отдельных элементов и терминов, содержащихся в ярлыках.

В отличие от историков, опирающихся только на русскоязычные переводы ханских ярлыков и демонстрирующих стремление к буквально-казуальному их пониманию, лингвисты, знакомые с более широким спектром оригинальных исторических текстов и источников, стремятся к более широкому символическо-смысловому пониманию терминологии и отдельных языковых оборотов. Такой подход представляется более перспективным. Рассматриваемый в данной статье вопрос Н.Н. Поппе специально не исследовал,

но переводя и комментируя элемент обращения в актах монгольских имперских властей, сопоставлял его с данными из ордынских ярлыков, поэтому и оставил по нему ценные замечания. В частности исследователь писал: *«Во всяком случае, из памятников квадратного письма явствует, что* harаn *– 'человек' (или 'люди') "простой", т.е. не нойон. В грамоте вдовы Дармабала наряду с* c'erig harana *упоминается еще* irgene *'народу'. Отсюда видно, что термином* irgen *обозначались широкие народные массы вообще (см. толкование этого термина у Б.Я. Владимирцова, ук. соч., стр. 59), а термин* haran *имеет несколько более узкое, специальное значение людей угнетенного класса в составе* 'irgen, *в данном случае "простые воины", "воины из простолюдинов".*

Термину harana *в ханских ярлыках русским митрополитам соответствует "данщиком" (ярлык Менгу-Тимура. См. Приселков, ук. соч., стр. 90)»* [9, с. 104–105].

В сущности, это замечание указывает на то, что термин «даньщики», встречаемый в переводе ярлыка Менгу-Темира, является не буквальным переводом, а позднейшим осмыслением русским переводчиком непонятного ему ордынского термина.

О сложности и превратности переводов ордынских ярлыков, подтверждающих мнение Н.Н. Поппе, писал и другой известнейший советский тюрколог А.Н. Самойлович [10]. Ввиду рассматриваемого вопроса интересным выглядят следующие его суждения по поводу элемента обращения в ярлыках золотоордынских и крымских ханов: *«Подобные выражения, встречающаяся и в остальных частях ярлыков, например, при перечислении налогов и повинностей, отнюдь не преследуют цели дать исчерпывающий перечень в действительности существующих отдельных должностей, профессий и т.п., а лишь условно отмечают общие группы таковых. Некоторые из терминов, входящих в состав условных традиционных обозначений группы должностей, податей и т.д., могут, как отметил Н.И. Веселовский в своей рецензии на книгу М.Д. Приселкова, являться уже пустым звуком, взятые отдельно, – и не иметь реального значения для известного места и в известное время. М.Д. Приселков не учел этого важного обстоятельства при своем историческом исследовании ярлыков русским митрополитам»* [10, с. 1113].

В заключение нашего краткого рассмотрения вопроса о «данщиках» в ярлыке золотоордынского хана Менгу-Темира констатируем:

1) наиболее распространенная историографическая версия, интерпретирующая данный термин как обозначение конкретных должностей чиновников в составе золотоордынской администрации, не выглядит обоснованной и неоспоримой. Напротив, выдвигаемый лингвистами-тюркологами вариант его объяснения представляется более правильным;

2) обращение к рассматриваемому вопросу наглядно показало, что изучение ярлыков золотоордынских ханов, несмотря на давнюю источниковедческую традицию, далеко (особенно с позиций лингвистики) от итоговых результатов;

3) в совокупности выявленные проблемы, связанные с изучением и использованием ордынских ярлыков как исторических источников, настоятельно требуют нового издания их текстов в соответствии с современными достижениями историографии и источниковедения, с обязательным обобщением имеющихся вариантов переводов и комментариев авторитетных переводчиков.

Источники и литература

1. Боровков А.К. Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1966. Т. XXV. Вып. 1. – С. 13–24.

2. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. Краткое собрание // Памятники русского права. – М., 1955. Вып. 3. – С. 463–489.

3. Насонов А.Н. Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 178 с.

4. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – 276 с.

5. История татар с древнейших времен. В 7-ми томах / гл. ред.: Р.С. Хакимов; Науч. ред.: Р.Р. Салихов. Том 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.

6. Абзалов Л.Ф. Ордынская канцелярия. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – 333 с., вкл.

7. Григорьев А.П. Ярлык Менгу-Тимура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XII. – Л.: ЛГУ, 1990. – С. 53–102.

8. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. – СПб., 2004. – 276 с.

9. Поппе Н.Н. Квадратная письменность. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 168 с.

10. Самойлович А.Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга. (Посвящается памяти В.В. Григорьева) // Известия Российской Академии наук. Серия VI. 1918, Т. 12. Вып. 11. – С. 1109–1124.

УДК 908

ИСЧЕЗНУВШИЕ ОЗЕРА В МЕЖДУРЕЧЬЕ ТЁШИ И ПЬЯНЫ (по данным источников XVI–XVIII вв.)

DISAPPEARED LAKES BETWEEN THE RIVERS TESHA AND PIANA (according to sources of the XVI-XVIII centuries)

А.А. Инжутов

A.A. Inzhutov

Шатковский районный историко-краеведческий музей, директор

607700, Нижегородская обл., р.п. Шатки, ул. Центральная, д. 24

E-mail: al.injutow2010@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена озерам, существовавшим в междуречье Тёши и Пьяны в XVI–XVIII вв., исчезнувшим к настоящему времени. По данным письменных источников рассматриваются вопросы исторической

географии, связанные с местонахождением озер. Приводятся версии происхождения названий отдельных озер.

Ключевые слова: озера; историческая география; мордва; XVI–XVIII вв.; Генеральное межевание; междуречье Тёши и Пьяны; Арзамасский уезд.

Summary. The article is devoted to the lakes that existed between the rivers Tesha and Pyana in the XVI–XVIII centuries, disappeared to the present time. According to written sources, the issues of historical geography related to the location of lakes are considered. Versions of the origin of the names of individual lakes are given.

Key words: lakes; historic geography; Mordvinians; XVI–XVIII centuries; General surveying; the interfluve the Techa and the Piana; Arzamas district.

Письменные источники XVI–XVIII вв. содержат сведения о таких географических объектах, как озера, местонахождение которых в настоящее время не только не найти на современных картах, но и не определить на местности без специальных исследований. Между тем, в писцовых книгах, картах XVIII века, на планах Генерального межевания и в «Экономических примечаниях» к ним описано и показано немало озер, часть из которых исчезла к настоящему времени. Действительно, и в настоящее время многие озера в Нижегородской области относятся к деградирующей группе и находятся на заключительной стадии своего существования. Деградация озер идет путем зарастания и пересыхания [1, с. 23]. На дне озер накопляются озерные осадки, которые приводят к обмелению, заболачиванию и исчезновению водоемов. Скорость накопления осадков еще более возрастает при интенсивном сельскохозяйственном освоении озерного водосбора. Также исчезновение озера может быть вызвано развитием карста, когда в результате эрозионных процессов вода уходит из озера под землю.

С исчезновением озер исчезает и привязка происходивших в прошлом исторических событий. Между тем, точная локализация исчезнувших озер позволяет ответить на многие вопросы исторической географии: реконструировать ландшафты, установить древние пути и соответственно, маршруты походов войск, определить местонахождение исчезнувших поселений, исследовать процессы заселения и освоения территории.

Рассмотрим несколько озер в междуречье Тёши и Пьяны, о существовании которых в прошлом известно из письменных источников ***(Приложение 1, рис. 1, 2)***.

Озеро Отерка (Атерка) – озеро на речке Келя (в прошлом – Большая Келя), левом притоке Пьяны. На речке расположены села Мисюриха и Сунеево. Русло Кели на большем протяжении пересохшее, заполняется только в паводок. Более половины верхнего течения речка состоит из двух притоков – Большой Кели и Малой Кели, которые, объединяясь, собственно и составляют Келю.

В названии озера – Атерка прослеживается мордовский эрзянский гидроформант *«эрьке»* – «озеро». Озеро упоминалось в конце XVI – начале XVII века. Впервые встречается в 1586 г. среди географических объектов, обозначающих границы Юрьевской пустоши в междуречье Большой и Малой Кели: *«Да вниз врагом Явилеем до речки до Большого Киля, а наниз Большим Килем до* ***озера Отерки****, по правую сторону Киля Большова Юрьевская пустошь, а по левую сторону Курмышский уезд, а от* ***Отерки озера*** *по Малый Киль, а Малым Килем вверх по обе стороны до черново лесу»* [2, с. 36]. Пустошь дана была во владение служилым татарам во главе с Алтышем Алышевым, переведенным из Кадома. В 1595 г. им к прежней даче была еще дана *«пустошь на сакме* ***Атерки*** *на Большой Келе до Малой Кели»* [2, с. 103], располагавшаяся севернее Юрьевской. Вероятно, попытка переселить сюда служилых татар была связана с обеспечением контроля старой дороги – сакмы перед Шатковским лесом и защиты проходившей в лесу оборонительной линии – засеки.

Татарский след в истории Атерки был недолгим, в последующее время бывшие земли служилых татар назывались покидными татарскими землями. В 1620-е гг. *«пустошь на речке Келе, у озера* ***Отерки*** *и озера Колмырки»* принадлежала князю Ивану Путятину и его детям [3, с. 64]. Деревня «Пустошь на Келе» возникла между 1621–1646 гг., впоследствии по фамилии владельцев получила название Путятино [4, с. 347].

На «Карте всего Арзамасского уезда» из собрания карт И.К. Кирилова 1722–1737 гг., на плане Генерального межевания и в «Экономических примечаниях» озеро Атерка не было указано, но локализовать озеро позволяет сохранившееся название урочища «Оттерский лес». Лес расположен на правом берегу Большой Кели в 2 км вверх от устья Малой Кели.

Упоминание сакмы рядом с озером позволяет уточнить место старой дороги, по которой в 1552 г. шло на Казань русское войско Ивана Грозного: Царская дружина и полк Левой руки. Сведения, приведенные в Царственной книге о его станах (остановках), совпадают с общим направлением сакмы. Шестой стан – *«на Кевсе»*, седьмой – *«на озере на Икше»* [5, с. 46], между ними, почти на прямой линии находилось озеро Атерка.

Озеро на Икше (озеро на Екшени (Якшени)) – озеро на речке Якшени (в настоящее время Малой Якшенке), левом притоке Пьяны.

Речка-ручей Малая Якшенка в настоящее время представляет пересохшее русло. Направление русла – северо-восточное. На речке в настоящее время расположены села Неледино, Большая Якшень и деревня Малая Якшенка. Гидроним Якшенка имеет суффиксальное образование: «якша» + «-енка»). В верховьях Якшенка имеет несколько оврагов с собственными названиями.

Согласно Царственной книге, седьмой стан Ивана Грозного после выхода из Мурома располагался «на озере на Икше». Это озеро «на Икше» не просто условная запись летописца, оно вполне локализуется, если обратить внимание на то, что в XVI–XVII вв. оно продолжало служить достаточно

крупным географическим ориентиром. Впервые после летописи упоминается в 1592 г., когда пустошь Улановская Гордеева ***«на озере на Екшене»*** [2, с. 58] была дана Андрею и Суторме Любятинским. Деревня, возникшая на пустоши, получила название Сутормина и просуществовала до XIX века (пустошь и деревня располагались по правую сторону речки Якшенки).

Напротив деревни Сутормина, по левую сторону Якшенки, располагалась *«пустошь Ивановская Нелединского **на озере**»* [2, с. 577]. В 1618 г. эта пустошь уже была заселена. Деревня, возникшая на пустоши, получила название Нелединo и писалась на ***«большом озере»***.

Это озеро без названия было показано на «Карте всего Арзамасского уезда» из собрания карт И.К. Кирилова (1722–1737) между деревнями Нелединo и Сутормина; правда, составители поместили Сутормину на левый берег, тогда как она располагалась на правом берегу, в стороне от озера [6].

В «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию приводится описание озера, к которому примыкали земли трех дач: д. Суторминой, пустоши Смолиной и д. Нелединo.

Деревня Сутормина: *«…Положение имеет по обе стороны оврага безымянного и пруда а дачею простирается по берегам речки Якшенки на которой **озеро**…»* [7, д. 4, л. 119 об].

Пустошь Смолина: *«Пустошь что была деревня Смолина… Положение имеет при речке Якшенке и на оной **озера** оврага Филина на правой Иванцевского на левой сторонах…»*. Далее дается характеристика речки, оврагов и самого озера: *«И те речки и овраги в летнее жаркое время кроме **озера** совсем пересыхают, в том **озере** рыбы не имеется»* [7, д. 4, л. 121].

Сельцо Меледино (Нелединo): *«Положение имеет по левую сторону речки Якшенки и на оной **озера**…»* [7, д. 4, л. 121 об].

Хотя в конце XVIII века озеро на Якшенке не пересыхало, карты специального межевания 1858 г. не фиксируют положение озера, по обоим берегам русла Якшенки напротив Нелединa показаны луга и неудобные земли [8, д. 2098; д. 2099, д. 2100].

Таким образом, описывая местонахождение седьмого стана войска Ивана Грозного, летописец выбрал достаточно крупный ориентир, который и впоследствии долгое время продолжал им оставаться. Этот стан «на озере на Икше» находился, если провести прямую линию, в 15 км от прежнего стана «на Кевсе». С учетом рельефа и изгибов дороги, путь перехода, конечно, был несколько длиннее.

Направление пути войска по сакме может подтвердить и тот факт, что при описании пустоши Улановской Гордеева «на озере на Екшени» в 1592 г. среди межевых ориентиров упоминается непосредственно сама дорога – сакма. Сакма описана рядом с вершиной Верягинского врага, который впадал в речку Екшень [2, с. 58]. От водораздела далее на восток, уже в речную систему речки Сердемь отходит овраг, который еще в конце XVIII века на плане Генерального межевания назывался Сакминский [8, д. 2835]. Сохранился план пустоши Сакминой, располагавшейся к северу от этого оврага. Соглас-

но плану, пустошь Сакмина непосредственно граничила с землями деревни Сутормина [8, д. 2835].

Озеро Колмырка – озеро на речке Малая Келя, правом притоке Большой Кели, левом притоке Пьяны. Озеро имеет мордовский эрзянский гидроформант *«эрьке»* – «озеро», в словообразовании названия можно выделить мордовское эрзянское слово *«калмо»* – «могила».

В 1620-е гг. «пустошь на речке на Келе», принадлежавшая князю Ивану Путятину и его детям, располагалась *«у озера Отерки и **озера Колмырки**»* [3, с. 64]. На востоке пустошь доходила до Малой Кели. На плане Генерального межевания и в «Экономических примечаниях» озеро не было указано. Предположительно, именно это озеро обозначено на «Карте всего Арзамасского уезда» 1722-1737 гг. Если не принимать в расчет погрешности, на карте достаточно правильно изображен единственный приток Большой Кели (Малая Келя) и единственное озеро на Малой Келе примерно чуть ниже середины ее длины. Между тем, указанный на плане Генерального межевания и плане специального межевания овраг Колмагерской является правым притоком Малой Кели и впадает в нее напротив земель села Путятина. Этот овраг расположен к юго-западу от села Смирново [8, д. 2971]. Деревня Смирново первоначально называлась Старое Алемаево [3, с. 316], в отличие от мордовского Алемаева, располагавшегося в 2 км к югу. Именно в направлении оврага в 1-2 км к юго-западу от Смирнова были обнаружены разные предметы, как предполагалось, из разрушенных погребений средневекового могильника [9, с. 332]. Возможно, название и озеро, и овраг получили от близкого расположения дохристианского мордовского кладбища.

Озеро Тюгелево (озеро Сердома) – озеро на речке Сердемь, левом притоке Пьяны. В настоящее время русло речки, пересохшее на большем протяжении, заполняется водой только в паводок. Направление – широтное и в северо-восточном направлении. На речке расположены села Алемаево, Большие Печерки, Наумово.

Озеро Тюгелево находилось в русле Сердемы на устье ее правого притока – речке Суморге. Озеро было обозначено и подписано своим названием на плане Генерального межевания. В «Экономических примечаниях» озеро также упоминается *«…**озере Тюгелеве**… те речки и овраги против сел и дач в летнее жаркое время кроме озер и прудов совсем пересыхают в озере и в прудах ловятся рыба карась и лини которые употребляются для крестьянского обихода…»* [10, д. 8, л. 126 об.]. Возможно, лини были записаны и ошибочно, т.к. еще около 1750 г. озеро Тюгелево находилось в пользовании жителей деревни Костянки на оброке за 36 копеек. Что касается рыбы, то было указано, что *«рыба в нем ловится плотва, карась – и то самая мелкая, которою довольствуются сами, а на продажу никуда не отвозят»* [11, с. 335].

Озеро Тюгелево представляет интерес в связи с тем, что на нем располагалась деревня Старое Тюгелево. С последней связано происхождение нескольких деревень так называемой «тюгелевской мордвы», упоминаемой в источниках XVI–XVII вв. Название «Тюгелево» в конце XVI–XVII вв. носи-

ли еще две деревни: Новое Тюгелево (Великий Враг) на речке Сердасе в 3,5 км к юго-востоку от озера и Вечкусово – Тюгелево на речке Суморге в 3,5 км к юго-западу от озера [2, с. 36, 43; 10, д. 8, л. 195 об., 187 об.].

Старое Тюгелево на озере было окончательно покинуто жителями до 1628 г. Новые 24 двора были поставлены в 2 км к северу – у помры Костянки. Деревня стала называться Тюгелево, Костянка тож [10, д. 8, л. 190 об.]. Еще два двора были поставлены в 1,5 км к юго-западу от озера. Новый починок называли по имени первопоселенцев или просто «Починок под дубровою»: *«Починок под дубровою выставлен ис Старово Тюгелева с* ***озера Сердома****»* [10, д. 8, л. 194 об. – 195]. Впоследствии починок стал называться деревней Крапивкой.

Место селища, где осталось 20 дворовых мест, стало использоваться под сенокос: *«За ними ж селище что было Старое Тюгелево на озере на Сердеме дватцет мест дворовых. Сенных покосов меж пашен и по дуброве и по врагом и около* ***озера Сердема*** *тысяча копен»*[10, д. 8, л. 191].

Здесь же, неподалеку от озера располагалось городище и мар: *«…А от столба до* ***Большова озера Тюгелевского*** *на вяз, а на нем грани. А от вяза на городище, а от городища на мар, а с мару на дуб…а с того дуба в лес Вамаер»*[10, д. 8, л. 195].

Таким образом, с озером связана история оснований поселений Вечкусово, Великий Враг, Костянка, Крапивка. Непосредственно к озеру привязаны несколько мордовских памятников археологии: мордовское селище (на юго-западном берегу озера), городище, мар.

На Генеральной топографической карте Нижегородской губернии 1860 г. на месте озера показано болото, без названия, подписью «б». Через болото уже проходит полевая дорога [12, д. 60]. В настоящее время топонима Тюгелево не существует.

Другие озера на речке Сердемь.

Кроме озера Тюгелева, писцовые книги XVII века свидетельствуют еще о нескольких озерах по течению Сердемы. В их названиях характерен мордовский эрзянский гидроформант *«эрьке»* – «озеро»: озеро Малое Тумерко (*«тумо»* – «дуб») на устье оврага Большой Ревелей; озеро Мускомерка (*«муськемс»* – «мыть, полоскать») выше озера Тюгелево; озеро Сергиярки ниже озера Тюгелево.

Здесь также обращаем внимание на топоним Печерки (село Большие Печерки, деревня Малые Печерки). В исторических документах Печерки впервые упоминаются под 1591 г. как *«Пичерки»* [2, с. 42]. Изначально населенный пункт располагался *«у Старого Михаила Архангила у* ***Сосновского озера*** *на речке Сердеме»* [2, с. 397]. То есть при описании местонахождения деревни указано «Сосновское озеро», что является калькой, непосредственным переводом топонима с мордовского эрзянского языка: *«пиче»* – «сосна» и *«ерьке»* – «озеро».

Озеро на Чюпаре (Чепаре, Чапаре), озеро Чапарское – озеро на речке Ливеза (другое название Чапар, Вилиза), левом притоке Пьяны. Речка Ли-

веза в настоящее время пересыхает. На речке расположены село Чапары, деревня Пузыриха.

На озере возникла деревня Чапары.

До 1587 г. землями ***«на озере на Чюпаре»*** владел Василий Романов. Ему принадлежало 313 четвертей земли в поле. В 1587 г. сын Василия Романова – Иван был поверстан 150 четвертями отцовского поместья. Часть оставшейся земли – 76 четвертей в поле (пашня, облог, дикое поле), в 1596 г. была дана в поместье Любиму Языкову, остальную часть отписали на государя [2, с. 583]. В 1603 г. Иван Романов пропал без вести *«сшел от воровства в язычной молвке».* В связи с этим поместье на озере на Чепаре было отписано на государя. В 1603 г. поместье просили себе в оклад Яков Офонасьев Волынский, Нефедь Петров сын Собакин и Ивашка Горностаев сын Языков [2, с. 219]. В 1610 г. Чапары уже деревня [2, с. 360].

В 1620-х гг. существует деревня Грачев усад [4, с. 345], возможно, как часть современного села Чапары. Грачев усад как отдельная деревня существовала на протяжении XVII и первой половины XVIII века. Эта часть принадлежала Собакиным. Деревня Грачев Усад была показана на «Карте всего Арзамасского уезда» 1722-1737 гг. на озере на правом берегу Ливезы рядом с деревней Чапары [6].

В конце XVIII века сельцо имело общее название – Чапары Грачев Усад тож и принадлежало статской советнице Настасье Петровне Волынской. Находилось *«при речке Ливезе и на оной **озера Чапарского** и оврага безымянного на левых и оврага безымянного на правой и по обе стороны озера безымянного…»* [7, д. 4, л. 131 об. - 132]. Озера показаны как безрыбные: *«Та речка Ливиза и овраги кроме озер пересыхают в озерах рыбы не имеется...»* [7, д. 4, л. 131 об. - 132].

Озеро еще было показано на Генеральной топографической карте Нижегородской губернии 1860 г., располагалось оно в русле Ливезы напротив деревни Чапары [12, д. 60].

Озеро Кривое – озеро на речке Ливеза (другое название Чапар, Вилиза), левом притоке Пьяны. Располагалось в 2 км к юго-западу от деревни Чапары.

В 1584–1585 гг. на долю Ивана Губина сына Языкова *«в селище Бирилеве на **Кривом озере**»* приходилось 125 четвертей пашни [2, с. 604]. В 1620-х гг. уже за Петром Матвеевым сыном Языкова, *«что было за Иваном Губиным сыном Языкова в пустоши в Бирюевском усадище 125 чети»* [3, с. 151]. Пустошь Бирьевская (Бирюевская) существовала долгое время, в результате генерального межевания были зафиксированы ее границы. Непосредственно в черту пустоши озеро Кривое не вошло, но северный край пустоши непосредственно примыкал к озеру, название которого на плане Арзамасского уезда, составленном по результатам генерального межевания, было подписано от руки. Как следует из «Экономических примечаний», озеро не пересыхало, но рыбы в нем не имелось. На Генеральной топографической карте Нижегородской губернии 1860 г. озеро было показано без названия.

Селище Бирилево (Бирюево, Бирьево) представляет интерес в связи с тем, что поселение к 1584 г. было покинуто жителями. Возникает вопрос о его происхождении. Если это было покинутое русское поселение, то оно могло бы считаться одним из первых русских поселений в этом районе; ближайшее русское поселение, существовавшее до 1584 г., – Шарапово. В случае, если это было мордовское поселение, то факт его существования дал бы новые сведения для формировании более полного представления о мордовском освоении территории.

Таким образом, все рассмотренные в статье озера не сохранились до настоящего времени. Некоторые из них, существовавшие в конце XVI – начале XVII века, не сохранились уже к концу XVIII столетия. Предположительно, это было связано с тем, что они находились на заключительной стадии своего существования; в частности, среди оставшихся озер к концу XVIII века только в озере Тюгелево водилась рыба. В результате зарастания и заболачивания озера пересохли и стали лугами. Яркий пример – озеро Тюгелево, деградацию которого путем зарастания, превращения в болото и пересыхания можно проследить по данным письменных источников. Возможно, ускорила деградацию озер активная антропогенная нагрузка, связанная с вырубкой лесов и последующим интенсивным сельскохозяйственным освоением озерного водосбора, распашки под пашню земель, пастьбы скота.

Большая часть названий озер имела мордовское эрзянское происхождение (исключение – озеро Кривое). У части озер собственных названий не было, они писались по местонахождению речки, на которой находились («на Икше» («на Якшени»), «на Чюпаре» («на Чапаре»)). С исчезновением озер исчезли и некоторые названия (озера Колмырка, Тюгелево и ряд озер по речке Сердемь). Самобытные гидронимы сохранились частично: так, озеро Атерка дала название близлежащему урочищу; гидроним Сосновское озеро сохранился в названии села Большие Печерки.

Источники и литература

1. Баканина Ф.М., Воротников В.П., Лукина Е.В., Фридман Б.И. Озера Нижегородской области. – Н. Новгород: Издание ВООП, 2001.

2. Арзамасские поместные Акты 1578–1618 гг. / под ред. С.Б. Веселовского. – М., 1915.

3. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. // Действия НГУАК. Т. 15. Вып. VIII, кн. 1 – Н. Новгород, 1915.

4. Медведев Д.О. Землевладение и сельское хозяйство в Арзамасском уезде в XVII веке: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1949.

5. К 350-летию покорения Казани 1552–1902. Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года и Сказание Князя Курбского о покорении Казани. – М., 1902.

6. Атлас Всероссийской Империи. Собрание карт И.К. Кирилова. – СПб., 1722–1737 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.runivers.ru/bookreader/book16667/#page/34/mode/1up (дата обращения: 09.11.2018).

7. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 829. Оп. 676 б.

8. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676 а.

9. Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 1. – М.: ООО «Пандора-1», 2004.

10. ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1.

11. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. Избранное: в 2 ч. – Ч. 1 / Гераклитов А.А.; редкол.: В.А. Юрченков и др.– Саранск, 2011.

12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1357. Оп. 2.

УДК 94 (47)

ДВОРЦОВЫЙ ГОРОД ЮРЬЕВЕЦ-ПОВОЛЖСКИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА: СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА

(по писцовой и межевой книгам 1676 г.)

PALACE CITY YUR'EVETS-POVOLZHSKY IN THE SECOND HALF OF XVII CENTURY: CONTROL SYSTEM AND ECONOMY

(on scribe's and land books, 1676)

Л.Ю. Варенцова

L.Yu. Varentsova

Нижегородская академия МВД России, кафедра теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент

603144, Нижний Новгород, Анкундиновское шоссе, д. 3

E-mail: l_varentsova.65@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о системе власти и хозяйства в дворцовом городе Юрьевце-Поволжском во второй половине XVII века. Особое внимание уделяется организации дворцового хозяйства. Основными историческими источниками являются писцовая и межевая книги 1676 г.

Ключевые слова: царские вотчины; царский домен; дворцовый город; государевы конюшни; государевы винокурни.

Summary. The article deals with the issue of the system of government and economy in the palace city of Yur'evets-Povolzhsky in the second half of the XVII century. Particular attention is paid to the organization of the palace economy in Yur'evets-Povolzhsky. The main historical sources are the scribe's and land books of 1676.

Key words: the Royal patrimony; the Royal domain; the city Palace; the sovereign Mews; sovereign distillery.

На протяжении XVI–XVII столетий шел процесс формирования домениальных владений рода Романовых. За это время масштабы царского домена удвоились. В XVI веке дворцовые земли находились не менее, чем в 32 уездах Европейской части страны. В XVII веке дворцовые вотчины располагались уже в 60 уездах Российского государства. Они в большей степени концентрировались в центральной, северо-западной, южной частях России, в районах Поволжья.

Цель данной статьи – рассмотреть систему власти и организацию дворцового хозяйства в дворцовом городе Юрьевце-Поволжском во второй поло-

вине XVII века с помощью писцовой и межевой книг 1676 г., обнаруженных в архиве Юрьевецкого городского правления членами Костромской губернской ученой архивной комиссии во время одной из археографо-археологических поездок в начале XX века. Это была рукописная книга в кожаном переплете, в дубовых досках, украшенная тиснением. Она имела полное название «Писцовая и межевая книга по г. Юрьевцу Поволжскому и Стрелицкой слободе 7184 (1676) г.» [1, с. 1–282]. Член Костромской губернской ученой архивной комиссии Н.Н. Виноградов подготовил ее к публикации в 1912 г. Она вошла в книгу «Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии».

Другое название источника – «Выпись города Юрьевца Поволского 184 года писцов И. Желябужского да подьячего А. Рыбинского». Выпись выдана 12 марта 7184 (1676) г. по челобитью земского старосты У. Нечаева. В дворцовом городе Юрьевце Повожском в 1674-1676 гг. по наказу из приказа Большого дворца работали писец И.А. Желябужский и подьячий А. Рыбинский, проводившие межевание государевых волостей и земель помещиков, вотчинников, церковников. Писцы определяли, каким образом *«всякие ево, великого государя, подати платить и всякими угодьи владеть…»* [1, с. 3]. Выпись содержит сведения о дворцовом населении, о царских земельных владениях, перечень правительственных и общественных сооружений и зданий. Особо выделены входившие в составные элементы царского хозяйства на территории Юрьевца-Поволжского.

Юрьевец-Поволжский как составная часть обширного царского домена находился в подчинении приказа Большого дворца, наряду с такими городами как Балахна, Белоозеро, Вага, Дмитров, Кинешма, Молога, Олонец, Перемышль, Плёс, Романов, Рыбная Слобода, Скопин, Соль Большая и Соль Малая, Углич [2, с. 27]. По мнению Г.К. Котошихина, данным приказом контролировались более 40 российских городов [3, с. 111].

Местное управление в дворцовых землях строилось по одному типу. Это были своего рода административные округа с особым представителем приказной власти в лице воеводы или приказчика, со своим центром управления в виде села или города. В подчинении приказа Большого дворца в Юрьевце находились как воеводы, так и приказчики. Вопрос о назначении власти на местах решался государем. Например, в Юрьевце-Поволжском во времена царя Михаила Федоровича, в 1631 г., управлял приказчик, а при Алексее Михайловиче, в 1670-х гг. – воевода [4, с. 359].

Исполнительными агентами московских приказов на местах являлись воеводы, назначавшиеся из бояр, дворян, детей боярских, с согласия царя на один-два года, в особых случаях срок их службы продлевался до трех лет. За службу они жаловались поместными и денежными окладами. Воеводские дворы строились и содержались силами дворцовых посадских и уездных людей. Воеводы несли ответственность за организацию работ в системе дворцового хозяйства, городские укрепления, сбор податей, распределение повинностей, судили местное население.

Приказчик по своему статусу приравнивался к воеводе. «Приказные люди, его великого государя» осуществляли административно-хозяйственные, фискальные, судебные полномочия, были постоянными представителями центра на местах.

Подробное описание воеводского двора как комплекса построек дано в «Писцовой и межевой книгах по г. Юрьевцу Поволжскому и Стрелицкой слободе 7184 (1676) г.». *«В Юрьевце же Поволжском на посаде у реки Волги двор великого государя, где живут воеводы и приказные люди, а на дворе строения: две избы на подклетах…»* [1, с. 59]. Воеводский двор представлял собой целый комплекс жилых и нежилых построек. В него входили повалуши, сени, чуланы, задние избы, чердаки, бани, ледник, погреб, поварня, сушило, анбар, огороженные забором, с воротами «о трех вереях». *«А мера двору: длиннику от ворот 31 сажен, поперечнику по воротам 25 сажен»* [1, с. 59], то есть площадь его превышала 3 тыс. м^2. Обслуживался государев двор специальными людьми – *«воеводского двора дворниками»* [1, с. 59]. В нем попеременно жили назначавшиеся из Москвы либо воеводы, либо приказчики.

Центром приказного управления дворцовых городов, сел, волостей являлась съезжая изба – присутственное место воеводы или приказчика. В съезжую избу поступали распоряжения из приказа Большого дворца. В ней решались судебные и административные дела. Съезжая изба была местом сбора крестьянской или посадской общины. Приказная изба в городе Юрьевце-Поволжском в 1676 г. размещалась по соседству с воеводским двором. Она представляла собой строение *«на подклете, перед ним сени рубленые, передняя стена с мосту дощатая»* [1, с. 60]. Следовательно, съезжая изба и воеводский двор концентрировались в одном месте. Подьячие и сторожа приказной избы получали государево денежное жалование [1, с. 140]. Деньги на бумагу, чернила, дрова для приказной избы собирали местные дворцовые посадские и уездные люди [1, с. 140]. При приказной избе для нарушителей порядка и должников имелась, вероятно, небольшая *«тюрьма в тыну»* [1, с. 140]. Упоминается в выписи и тюремный сторож – Васка Иванов сын Шабанов [1, с. 130].

Земские органы управления – старосты и целовальники – избирались дворцовым населением ежегодно. Их главное назначение – раскладка («разруб») и сбор податей, выполнение государевых повинностей, согласно наказам – «памятям» из столичных дворцовых приказов. На них возлагалась ответственность за обеспечение порядка в пределах своей общины. В дворцовом городе Юрьевце-Поволжском с многоотраслевым царским хозяйством было две земские избы. Их описание также включено в «Писцовую и межевую книги по г. Юрьевцу Поволжскому и Стрелецкой слободе 7184 (1676) г.». *«Земский двор, на дворе изба, перед нею сени досчатые, накрыты навесом, да ворота о дву вереях с затвор, огорожен двор забором, мера тому двору – длиннику 20 сажен* (более 40 м)*, поперечнику по воротам 7 сажен* (около 14 м)» [1, с. 60–61]. О другом дворе говорилось, что он предназначал-

ся для приезжих людей, и в нем *«3 избы поземных»* (не на подклетах – ***Л.В.***) с рублеными сенями [4, с. 512].

Дворцовые власти были заинтересованы в том, чтобы Юрьевец-Поволжский приносил максимальное количество денежных доходов, продовольствия. Природные угодья сдавалась на условиях аренды посадским людям. По царским указам по торгам дворцовых городов и сел *«кликали бирючи»*, которые предлагали *«охочим людям»* взять на оброк *«из наддачи»* сенные пожни, рыбные ловли, водяные мельницы, бортные ухожья, бобровые гоны, с условием того, что плата за право пользования будет ежегодно увеличиваться [1, с. 198]. Оброчные угодья приносили государевой казне прибыль, которая со временем должна была возрастать.

В конце XVII века Юрьевец-Поволжский входил в состав дворцовых вотчин, поставлявших свежую и просольную рыбу в приказ Большого дворца, наряду с Великим Новгородом, Костромой, Ярославлем, Белоозером, Ростовом, Угличем, Рыбной слободой [5, с. 536]. На берегу реки Волги был специально обустроен *«Государев двор рыбного приему»* [1, с. 61]. В выписи значится: *«А на дворе хором: изба полутретьи сажени, перед нею мост, построен избы онбар, на дворе же ледник, над ледником онбар полупяты сажени, перед онбаром навес, крыт онбар и навес драницами; погреб, над погребом онбар, баня, конюшня; а все хоромы ветхи; около двора забор и столбы; а по мере двору и огороду в длину 51 сажень, поперечнику 20 сажен...»* [1, с. 61]. «Государев двор рыбного приему» был огорожен от остальных строений, включал многочисленные составные части: амбары, ледник, погреб, баню, конюшню.

В состав царского хозяйства также входили государевы конюшни под названием *«Двор великого государя конюшенный и кобыличей»* [1, с. 132]. *«А на конюшенном дворе строенья: заборы в столбы – 48 звен; от передних ворот по забору срублена конюшня, а в ней стойла на обе стороны; от конюшни по всему забору до задних ворот зделаны денники и кобылычьи дворцы; от задних ворот по всему ж забору и до передних ворот поделаны денники и навесы, и дворцы, трои ворота; а мерою двора кругом 147 сажен; да двор конюшенной же остожной* (двор с сеном – ***Л.В.***)*, а мера ему в длину 41 сажень, поперечнику 33 сажени; конюшенный же лековый двор, длиннику 20 сажен, поперечнику 7 сажен»* [1, с. 132]. Лошади использовались в дворцовом хозяйстве для возделывания государевой десятинной пашни в различных уездах Российского государства.

Через улицу от конюшен, прямо напротив них, находился *«Государев винокуренный завод»* [1, с. 132]. В выписи сказано, что это был *«двор великого государя винокуренный, что вино варят на кружечной Юрьевецкой двор»* [1, с. 132], *«10 сажен мера винокуренному двору длинника против конюшенного двора 48 сажен, с солодовенными месты, поперечнику 16 сажен, а строенья на винокуренном дворе 2 избы ветхи, а перед избами горны винокуренныя, огорожены забором, да онбар с выходом новой, накрыт онбар дранью; у онбара решетки на железных крюках, и у решеток засовы железные с*

замками; другой онбар ветчан с выходом; для хлебных запасов 4 онбара да солодовня; да 2 овина, да 10 чанов, да 2 котла железных больших, 2 колоды» [1, с. 132].

Таким образом, Юрьевец-Поволжский являлся важнейшим звеном в составе царского домена в XVII веке. Здесь была типичная для дворцовых вотчин система центральной власти. Особенностью местного управления являлось попеременное назначение в Москве воевод и приказчиков. Юрьевец-Поволжский имел многоотраслевое дворцовое хозяйство, включавшее государевы конюшни, винокурни, добычу рыбы на Волге для государева обихода. Сдача в арендное содержание царских оброчных угодий приносила дополнительные денежные средства в царскую казну.

Источники и литература

1. Виноградов Н.Н. Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. 1. Писцовая и межевая книги по г. Юрьевцу Поволжскому и Стрелицкой слободе 7184 (1676) г. – Кострома, 1912.

2. Веселовский С.Б. Приказной строй управления Московского государства. – Киев, 1912.

3. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000.

4. Чичерин Б. Областные учреждения в России XVII в. – М., 1856.

5. Приказ Большого дворца. Приходные и расходные книги // Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1725 гг. Вып. 2. – М., 1883.

УДК 902

ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ НАХОДОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ г. АРЗАМАСА

ITEMS FROM THE COLLECTIONS OF INDIVIDUAL FINDS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES IN THE CITY OF ARZAMAS

Н.В. Арясов[1], А.Л. Егошин[2]

N.V. Aryasov, A.L. Egoshin

[1] Марийский государственный университет,
историко-филологический факультет, магистрант
Республика Марий-Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1
E-mail: nikolai.ariasow@yandex.ru;

[2] Нижнеокское историко-археологическое бюро «Артефакт»,
научный сотрудник
Владимирская обл., г. Муром, ул. Мечникова, д. 34-61
E-mail: mefodius_77@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена характеристике предметов из индивидуальных коллекций археологических исследований в г. Арзамасе в 1993-2018 гг. Данные материалы определяют содержание культурных напластований городского поселения.

Ключевые слова: история города Арзамаса; археологические исследования; материальная культура; хозяйство и быт горожан в XVIII–XIX вв.

Summary. The article is devoted to the characteristics of individual items from the collections of the archaeological researches in the city of Arzamas in 1993-2018. These materials determine the content of cultural strata of the urban settlement.

Key words: history of the city of Arzamas; archaeological researches; material culture; economy and life of citizens in the XVIII–XIX centuries.

Город Арзамас, несмотря на статус исторического поселения федерального значения [1], в археологическом плане остается малоизученным. Из 360 га общей площади охранных зон объекта культурного наследия «Культурный слой г. Арзамаса, XVI–XVIII вв.» на сегодняшний день исследованы всего около 500 м^2. При этом раскопок, одновременно охватывающих более или менее значительную часть культурного слоя, проводилось немного. Основным методом исследований была постановка разведочных шурфов на местах проектируемых строительных и земляных работ. Исключением из этой практики стали археологические раскопки 2015 г. в границах земельного участка, предназначенного под строительство многоквартирного жилого дома по адресу: г. Арзамас, ул. Свободы, 12, когда было исследовано 288 м^2. В результате всех вышеперечисленных работ был накоплен определенный комплекс индивидуальных находок, характеризующий наполнение культурных напластований в пределах объекта культурного наследия «Культурный слой г. Арзамаса, XVI–XVIII вв.».

Наибольшее количество индивидуальных находок (150 ед.) дал раскоп 2015 г., вскрывший культурный слой мощностью до 3,5 м. Остальные исследования, проводившиеся в период с 1993 по 2018 гг., имели коллекции индивидуальных находок численностью от нескольких единиц до десятка. В данной статье мы будем опираться на наиболее репрезентативные источники.

Большинство предметов из коллекций индивидуальных находок, полученных в результате археологических исследований, относятся к разряду бытовых и хозяйственных вещей; несколько меньшим количеством исчисляются находки монет, единичными являются находки предметов декоративно-прикладного искусства и религиозного культа. Хронологически все вещи укладываются в период от начала XVII-го до начала XX века.

Условно все предметы можно разделить на несколько категорий: изделия из металла, изделия из стекла, предметы из фарфора, фаянса и керамики.

Изделия из металла. Среди изделий из металла присутствуют такие хозяйственно-бытовые предметы, как кухонные приборы, мебельная фурнитура, железные висячие замки, подковы обувные и лошадиные, канцелярские принадлежности, сельскохозяйственный и ремесленный инвентарь ***(Приложение 2, илл. 1)***. Особое внимание привлекает монетный материал ***(Приложение 2, илл. 2)***. Всего при археологических исследованиях в Арзамасе было найдено 42 монеты XVII – начала XX века. Особый интерес

представляют находки медных монет-пуло, предположительно датируемых концом XVI – началом XVII века. Всего было найдено два экземпляра: один В.Н. Мартьяновым в 1993 г. при наблюдениях за работами в районе Соборной площади, второй – при сборе подъемного материала на площадке под строительство дома по ул. Свободы, 12. Монеты-пуло дают достаточно определенный хронологический горизонт наиболее древних свидетельств существования г. Арзамаса.

Интересной также является находка при раскопках 2015 г. бронзовой литой нагрудной иконки «Свт. Николай Чудотворец Мирликийский». В центре иконы изображена поясная фигура святителя Николая с крестчатым омофором на плечах; в левой руке он держит закрытое Евангелие, подложенное краем омофора, а правой – благословляет двумя перстами, направленными почти горизонтально (старое перстосложение). Поле нимба гладкое, плавно углублено к контуру головы, слева и справа от святителя расположена надпись: «СТЫІ НИКОЛ.....». Верх иконы закруглен, к нему примыкает квадратное оглавие с образом Спаса Нерукотворного; на обороте оглавия – ушко для шнура. Изображение Николы окружено узкой рамкой, ограниченной двумя бортиками. Поле рамки орнаментировано штриховкой в косую сетку, разделено на секторы розетками в виде прямоугольников с прочерченными в них диагоналями. Размеры 40х35 мм, датируется XVIII веком и по технике исполнения относится к смоленской литейно-ремесленной традиции [2, с. 47–54].

Изделия из стекла. Изделия из стекла ***(Приложение 2, илл. 3)*** представлены, во-первых, бутылочной посудой разных форм. Имеются экземпляры штофов XVII века прямоугольного сечения и высокими прямыми плечиками, так и бутылок XVIII – начала XX века (винных, пивных и сосудов для специальных жидкостей). Особый интерес и, возможно, актуальную тему для дальнейших исследований представляет коллекция бутылочных клейм с логотипами производителей и торговых фирм того времени.

Многочисленными являются находки весьма распространенных для культурных слоев городских поселений XIX – начала XX века предметов, таких как стеклянные аптечные флаконы стандартизированных форм и размеров. Как правило, они выглядят как сосуды прозрачного стекла, выпуклого подовального сечения, с литыми арками по стенкам, с горлом средней высоты и небольшим плоским венчиком. Судя по клеймовым меткам, большинство из них изготовлены на заводах Нечаева-Мальцова в г. Гусь-Хрустальный.

Предметы из фарфора, фаянса и керамики (Приложение 2, илл. 4) достаточно многочисленны. Они представлены фарфоровой и фаянсовой посудой производства известных фабрик Кузнецова и Гарднера, датируемой второй половиной – концом XIX века. Кроме посуды, обнаружено несколько фрагментов частей фарфоровых кукол и неопределенных предметов декоративного назначения. Детские игрушки изготавливались также из белой раскрашенной глины, о чем свидетельствуют находки частей фигур людей, ло-

шадок и других животных. Очень широко представлены глиняные изразцы XVII–XIX вв. – красноглиняные, зеленые глазурированные («муравленые»), с синей кобальтовой раскраской, полихромные. Объединяет культурный слой г. Арзамаса с напластованиями других, подчас более крупных городов, наличие среди находок фрагментов курительных трубок из красной глины, фасона «тахта-чубук», датируемых второй половиной XVIII века, фаянсовых помадных банок цилиндрической формы, разных размеров и пропорций, датируемых XIX веком. Особенный интерес вызывает единственная пока на территории Арзамаса находка фрагмента духового музыкального инструмента (флейты или свирели) из мореной керамики. Фрагмент цилиндрообразной формы, внутри полый, один конец плавно переходит в расширение, на одной из сторон по сырой глине на расстоянии 27 мм от расширяющегося конца выполнены три отверстия диаметром 5–7 мм, отстоящие на 15–17 мм друг от друга. Внешняя поверхность имеет грубое продольное лощение. Общая длина 86 мм, диаметр 27 мм, внешний диаметр расширяющегося конца 34 мм; толщина стенки 4–5 мм. Датируется данный музыкальный инструмент XVIII – началом XIX века [3, с. 159].

Подводя итоги представленного краткого обзора, можно выделить два важных момента. Во-первых, самыми древними среди индивидуальных находок являются предметы, датируемые XVII веком. Во-вторых, содержание культурных напластований г. Арзамаса имеет сходную структуру с культурными слоями городов Нижнего Новгорода, Мурома, Балахны и других населенных пунктов, имевших ранг не ниже уездных центров.

Источники и литература

1. Приказ Министерства культуры Российской Федерации, Министерства регионального развития Российской Федерации от 29 июля 2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений».

2. Черников В.А. Образ Николая Чудотворца на меднолитых иконах // Летопись Причерноморья. Литература, история, археология, нумизматика. – Херсон, 2000.

3. Краткий научный отчет о проведении работ по сохранению объекта археологического наследия «Культурный слой г. Арзамаса, XVI–XVIII вв.» в границах земельного участка кадастровый номер 52:40:0301001:1530, предназначенного под застройку по адресу: Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Свободы, д. 12 в 2015 году». Т. 2. // Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области.

УДК 902.4

ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ АРЗАМАСА XVIII–XIX ВВ.

TYPOLOGY OF CERAMIC MATERIAL FROM THE ARZAMAS CULTURAL LAYER IN XVIII-XIX CENTURIES

А.И. Кузьмина

A.I. Kuzmina

Марийский государственный университет,
историко-филологический факультет, магистрант
Республика Марий-Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1;
Музейно-выставочный центр р.п. Выездное, Музей «Природа»
им. С.И. Трофимова, специалист экспозиционно-выставочного отдела
607247, Нижегородская область, Арзамасский район, р.п. Выездное,
ул. Советская, д. 76а
E-mail: angelinakuzmina@mail.ru

Аннотация. В данной статье речь идет об историческом происхождении арзамасской керамической традиции, ее типологии и вариантах обработки. Также приводится датировка массового материала.

Ключевые слова: археология; история Арзамаса; керамика; хозяйство и быт.

Summary. This article deals with the historical origin of the Arzamas ceramic tradition, its typology and processing options. The dating of the mass material is also given.

Key words: Archeology; Arzamas history; ceramic; economy and life.

Керамика как одна из категорий массового археологического материала – многоплановый, информативный источник, содержащий сведения не только о гончарстве как ремесле, но и об этнокультурных контактах, идеологических представлениях, уровне развития техники [1].

Как известно, керамическая традиция насчитывает не одну тысячу лет, ее истоки уходят в глубокую древность. Однако, в категорию массового материала она переходит именно в эпоху средневековья. Для территории Центральной России наиболее характерными типами керамики являются:

1. Средневековая лепная керамика;
2. Древнерусская (домонгольская) гончарная керамика из красножгущегося теста (XII – начало XIII вв.);
3. Древнерусская (послемонгольская) гончарная керамика из красножгущегося теста (середина XIII – XIV вв.);
4. Древнерусская гончарная керамика из беложгущегося теста (XII – начало XIII вв.);
5. Древнерусская гончарная керамика из красножгущегося теста ангобированная (XII – начало XIII вв.);
6. Краснолощеная керамика (XV–XVII вв.);
7. Красноглиняная тонкая керамика (XV–XVII вв.);
8. Красноглиняная гладкая керамика (XV–XVII вв.);
9. Красноглиняная керамика (XVIII–XIX вв.);

10. Белоглиняная керамика (XV–XVII вв.);
11. Красноглиняная гладкая ангобированная керамика (XVI–XVII вв.);
12. Белоглиняная керамика (XVIII–XIX вв.);
13. Чернолощеная керамика (XVIII–XIX вв.);
14. Мореная керамика (XVIII–XIX вв.);
15. Белоглиняная лощеная керамика (XVIII – начало XIX вв.);
16. Белоглиняная керамика с росписью красной краской (XVIII – начало XIX вв.) [2, с. 96].

Исходя из данной типологии и приведенной датировки, можно выделить типы керамики, которые предположительно могут быть распространены на изучаемой нами территории г. Арзамаса. Это белоглиняная, красноглиняная и чернолощеная керамика. Появлению этих трех видов керамики на территории Центральной России предшествовал древнерусский монгольский и домонгольские этапы, а также период лепной керамики.

Говоря о лепной керамике, нужно упомянуть, что она специфична для отдельных местностей, так как зависит от глины и примесей, которые можно раздобыть в этом регионе.

Керамика древнерусского периода более единообразна, и можно уже выделить ряд отличительных качеств. Так, для изготовления керамической посуды в XII – начале XIII вв. использовались сорта красножгущейся глины, которые при обжиге давали различные цветовые оттенки серого, красно-розового, охристого и коричневого цвета. С целью сделать обжиг более качественным, а также преодолеть излишнюю жирность глины, если таковая имела место, гончары вносили в сырье различные добавки – отощители [3, с. 7]. Они не давали сосудам при сушке и обжиге сильно усыхать и трескаться, что способствовало большей водонепроницаемости сосудов [4, с. 31–50]. Сосуды в рассматриваемый период изготовлялись на ручном гончарном круге с медленной скоростью вращения. Для того, чтобы сосуд было легче снять с гончарного круга после его формовки, делалась специальная подсыпка под донцем сосуда. Для домонгольского периода характерна зольная подсыпка, реже – подсыпка дресвы средних размеров. Это определяется по характерным следам, оставшимся на внешней стороне донца.

В изготовлении керамики середины XIII–XIV вв. сохранились многие традиции домонгольского периода, поэтому ее зачастую путают с более ранней. Сосуды производились из неожелезненной красножгущейся глины. Можно отметить, что сразу после монгольского нашествия качество сосудов заметно ухудшается. Выражается это, например, в том, что в тесто стали добавлять слишком много отощителя – крупного песка и дресвы, отчего тесто становилось рыхлым, хрупким и легко расслаивалось. Обжиг изделий был неполным. Уровень гончарного производства домонгольского времени был заново достигнут в конце XIII–XIV вв.

Типы керамики, наиболее распространенные на территории Арзамаса, появились в период XV–XVI вв. и сохранялись вплоть до конца XIX века. Керамические сосуды выделенного периода изготовлялись из двух сортов

глины – красножгущихся и беложгущихся. Тесто сосудов, как правило, хорошо вымученное, плотное. В состав теста входит отощитель, представляющий собой мелкий и средний песок, реже мелкую дресву и шамот. Сосуды по-прежнему изготовлялись на ручном гончарном круге. Для подсыпки под донце сосудов в основном использовался мелкозернистый песок. Кроме того, в данный период гончары могли обходиться вовсе без подсыпки и снимать горшок с гончарного круга с помощью ножа или нитки, от которых остаются соответствующие следы.

Все керамические изделия проходили термическую обработку в гончарных горнах. Изменяется техника обжига: температура при обжиге повышается и доходит до 900˚С [5, с. 9]. Некоторые сосуды имеют следы «овара» – это затеки или пятна бурого цвета на поверхности изделий. Мастера применяли метод «овара» для закаливания керамической посуды: сосуд вынимался из горна и погружался в корыто с горячим квасом или тестом, нагретым до температуры в 60–80˚С, или обрызгивался ими [3, с. 44]. Это придавало изделию дополнительную прочность.

В период с XV по XIX век гончары стали использовать специальные инструменты для изготовления керамики. Следы этих инструментов особенно заметны на плечиках сосудов, если они имеют сложный профиль [5, с. 8].

Клейма на сосудах встречаются очень редко. В пример можно привести солярные знаки – круг с крестом ***(Приложение 3, рис. 1.1)*** и солнце в круге ***(Приложение 3, рис. 1.2-4)***.

В XV–XVI вв. появляется новая техника ангобирования и, соответственно, ангобированная керамика, изготовление которой продолжалось и в XVII веке. Ангоб – это раствор жидкой белой глины, который наносился до обжига на сырое керамическое изделие.

Ангобированные керамические изделия, аналогичные найденным на территории Арзамаса, были обнаружены во Владимире. Однако там пока не найдено производственных печей, где изготовлялись бы ангобированные изделия, но в ходе раскопок встречаются фрагменты ангобированных кувшинов, мисок, кубышек, кумганов ***(Приложение 3, рис. 2.1; рис. 3.1–4)***. Все изделия были изготовлены на ручном гончарном круге. Тесто, как правило, хорошо вымученное, однослойное, с добавлением мелкого песка. Ангоб наносился в виде косых линий, крест-накрест, а также иногда представлял собой сюжетные изображения [6]. Реже встречаются фрагменты сосудов, которые полностью были покрыты белым ангобом.

Что касается орнамента сосудов XV-XVI вв., то он встречается реже, чем на сосудах XII–XIV вв. Характерные виды орнамента – линейный, волнистый, штампованный (в виде решетки в круге и гребенчатый), ножевидный (нанесенный ножом), а также их сочетания, которые встречаются довольно часто. При этом линейный и волнистый орнаменты наносились на разные категории сосудов, а штампованный и ножевидный орнаменты характерны в основном для кувшинов ***(Приложение 3, рис. 2.2).***

Говоря о технологиях изготовления керамики и ее орнаментации, не стоит забывать, что керамическая традиция зависит от экономического развития территории и степени зависимости от уездных центров. Так, керамическое производство, что было хорошо развито в Москве и Владимире на период XV–XVI вв., доходит до Арзамаса позднее, соответственно массовое распространение посуды того или иного типа происходит также с запозданием и продолжает использоваться в городе дольше. С этим моментом связано смещение датирования керамического материала.

К началу XVIII века керамические комплексы, представляли собой хорошо отлаженную традицию изготовления, со своими особенностями, которые зародились еще в XV веке. Керамический материал, найденный на территории Арзамаса, по своим характеристикам имеет аналогии с нижегородской и владимирской керамикой, что представляется логичным, так как наш город находится недалеко от этих двух крупных центров.

Основными типами керамики, которые были распространены на территории Арзамаса в XVIII–XIX вв., – это белоглиняная, красноглиняная и чернолощеная.

Преобладающая посуда для Арзамаса – это белоглиняные сосуды. Они были популярны на территории всей страны, но везде имели некоторые отличия. Широкое распространение белоглиняной керамики, относится ко второй половине XV – первой половине XVI века. Связано это было с тем, что в это время под селом Гжель в 42 км к востоку от Москвы были обнаружены богатые залежи белых глин, которые служили исходным материалом для изготовления керамики [3, с. 45–50]. Как отмечают некоторые исследователи, белоглиняная керамика появляется довольно внезапно и не является продолжением традиций красноглиняной керамики [7, с. 46]. В XVI веке белоглиняная керамика уже занимает господствующее положение в быту горожан и сельских жителей на огромных пространствах Московского государства от верхнего Дона до Белого моря и от Смоленщины до Сибири [8, с. 51].

Немного позднее появилась мореная и чернолощеная керамика. В ранний период чернолощеную керамику изготовляли из красножгущейся глины с последующим обжигом при температуре до 1000˚С. В результате действия такой высокой температуры керамика приобретала черный цвет. Лощение производилось так же, как и у краснолощеной керамики, оно могло наноситься горизонтально и вертикально, реже крест-накрест. Позднее чернолощеную керамику стали изготавливать из белых глин, что и позволяет разделить данный тип керамики на два периода. Это ранний (XV–XVI вв.), так называемая чернолощеная красноглиняная керамика, и поздний – чернолощеная белоглиняная керамика [2].

Еще один распространенный на территории Владимира и Нижнего Новгорода тип керамики – красноглиняный (или красноглиняная гладкая керамика). По технологии изготовления и формовочным окончаниям эта группа очень близка к московской красноглиняной гладкой керамике. Как правило, сосуды этого типа прошли хороший обжиг в окислительной среде. Тесто

имеет примеси мелкозернистого песка; на донцах заметны следы подсыпки песка и угля [9, с. 160]. Но на территории Арзамаса данная группа по количеству фрагментов значительно уступает двум ранее описанным.

Таким образом, керамическая традиция г. Арзамаса типологически ничем не отличалась от владимирской или нижегородской. Однако при дальнейшем изучении, вероятно, можно будет выделить ее характерные черты.

Источники и литература

1. Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. – Новосибирск, 1996.

2. Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы) / В.Ю. Коваль; Рос. акад. наук археологии. – М., 2016.

3. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // Археология СССР: Свод археологических источников. Вып. Е 1-39. – М., 1968.

4. Бобринский А.А. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области // Советская этнография. – 1962. – № 2.

5. Кильдюшевский В.И. Керамика Пскова XII-XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: сб. научных статей. – СПб., 2002.

6. Кабаев Д.А. Отчет о раскопках в г. Владимире в 2008 г. Раскоп в квартале 22 (раскоп № 2). – Владимир, 2009.

7. Беляев Л.А. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: новые данные по хронологии. – М., 1991.

8. Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // Московская керамика: новые данные по хронологии. – М., 1991.

9. Бойцов И.А. Красноглиняная керамика XV–XVI вв. из Большого Гнездниковского переулка (Москва) // Российская археология. – 1999. – № 1.

УДК 94(430).073

МАТЕРИАЛЫ ОФИЦИАЛЬНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ПО ВОПРОСАМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО И ВЕЩЕВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1812 г.

THE MATHERIALS OF THE OFFICIAL RECORDS ON ISSUES OF OOD AND CLOTHING OF THE NIZHNIY NOVGOROD MILITIA OF 1812

Д.А. Николаев

D.A. Nikolaev

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент

603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

E-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос о документальном наследии, характеризующем процесс вещевого и продовольственного обеспечения нижегородского ополчения в 1812 г.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; нижегородское ополчение 1812 г.; мобилизация; продовольственное и вещевое обеспечение.

Summary. The article exams the issue of documentary heritage, which characters the process of clothing and food supply of the Nizhny Novgorod militia in the 1812 era

Key words: Patriotic war of 1812; Nizhny Novgorod militia of 1812; mobilization; food and ware providing.

Первого сентября 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [1, с. 34]. По утвержденной разнарядке (помимо дополнительных рекрутских наборов), всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12.928 «ратников» (12.275 пеших и 653 конных) [2, с. 115] для пяти пехотных и одного конного полков [3, с. 67]. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований и вооружения (являвшихся структурами комитета ополчения Нижегородской губернии) [4, с. 58]. Обмундирование, снаряжение и даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков, либо мещанских сообществ [5, с. 121]. Правила обеспечения ратников продовольствием и одеждой были утверждены 25 июля 1812 г. [6, с. 136]. Согласно им ежемесячное содержание одного ратника (до выступления в поход, когда полагалось уже казенное обеспечение), начиная с 1 октября 1812 г., определялось в 1 пуд 35 фунтов муки, 1,5 гарнца круп, 2 фунта соли и 1 руб. жалования [7, с. 58].

Пешие ополченцы имели следующее обмундирование и снаряжение: армяк серого сукна или чепан; брюки или шаровары *«серого сукна на ошнуре так, чтоб в ненастную погоду надевать под сапоги»*; шейный платок; кожаный ремень с пряжкой; *«кожаный патронташ на 20 патронов, надевающийся на ременной кушак»* [8, д. 4, л. 19]; полушубок (*«так, чтоб закрывал желудок»*), сапоги кожаные *«тупоносые широкие длиною по колено, так, чтобы могли в ненастную погоду надеваться на брюки»*; кожаный ранец с двумя ремнями со следующим содержимым: запасная рубаха (другая на воине), двое порток, суконные онучи, *«наушники»*, рукавицы *«с теплыми варегами»,* холстинные портянки, суконная шапка с латунным крестом, *«а внизу вензель Государя Императора»* [9, д. 9, л. 2].

Ополченцы конного полка («казаки») должны были иметь: армяк серого сукна или чепан, брюки или шаровары *«серого сукна на ошнуре»*, шейный платок, *«ремень с пряжкою вместо кушака»*, кожаный патронташ на 10 патронов, кожаные сапоги, полушубок, *«как и у пехотного»*, седло *«с путлищами, подперсьем, подлогоньем, чемоданными ремнями у задней луки, двумя у передней луки для полушубка и железными стременами»*, уздечку *«с налобником, подборником и чумбуром»*, суконный чемодан (с тем же набором вещей), шапку суконную, *«как у пехотного»*, *«саквы и торбы холстинные, привязываемые у задней луки»* [10, с. 360]. *«Сверх сего как в пеших, так и в конных иметь водоносные фляжки на ремнях. Для пеших и конных не воспрещается иметь суконные казацкие куртки с рукавами, закрывающие грудь воина. Да при каждом конном две пары подков»* [8, д. 4, л. 19]. Обмундиро-

вание урядника практически ничем не отличалось от обмундирования рядового ратника [9, д. 49, л. 67–68].

Масштабные мероприятия по обеспечению нижегородского ополчения получили отражение в значительном комплексе нормативной и делопроизводственной документации. К нормативной документации, касающейся указанным проблем, следует отнести: манифест Александра I о сборе народного ополчения [11, д. 1, л. 131–131 об.]; «определения» губернского и уездных дворянских собраний, регламентирующих, согласно царскому манифесту и циркулярным распоряжениям представителей высшей военной и гражданской администрации, порядок сбора и обеспечения ополчения [12, д. 1587, л. 37-42]; предписания нижегородского губернского правления (отраженные в протоколах его заседаний) о мерах по наблюдению, со стороны *«градских и земских полиций»*, и контролю за своевременным снаряжением ополчения всем необходимым [13, д. 12, л. 192].

Среди многочисленных разновидностей делопроизводственной документации, посвященной продовольственному и вещевому снабжению ополчения, следует выделить такие ее разновидности, как журналы заседаний комитета пожертвований [9, д. 3, 14], хронологически фиксировавших детализированные подробности снабжения ополчения; обширную переписку многочисленных должностных лиц по вопросам *«о доставлении образцов одежды»* (для ратников ополчения), о *«скорейшей сдаче недоимочных по ополчению вещей»*, о разного рода чрезвычайных происшествиях и непредвиденных обстоятельствах, возникших в ходе сбора необходимых припасов [9, д. 5, 9, 23].

Весьма значимой разновидностью материалов официального делопроизводства по вопросам материального обеспечения ополчения являются доклады, рапорта и отчеты провиантских чиновников («комиссаров») [9, д. 114, 120, 121, 128], назначенных из дворянской среды для выполнения функций продовольственного снабжения. Названные документы содержат конкретные цифры продовольственно-фуражных запасов и даты выдачи их по подразделениям, а также периодическую поверочную отчетность обо всем объеме той меняющейся «ресурсной базы», которая находилась в ведении «комиссаров». Кроме того, каждый «комиссар» вел отчетность приема провианта с мест, от помещиков, в специальных книгах (тетрадях) *«приема провианта от отдатчиков»* [9, д. 89, 132]. Аналогичные книги (тетради) записи приема (отпуска) провианта и фуража имелись при каждом ополченском полку, а впоследствии и при каждом батальоне [9, д. 87, 101–105, 107–112, 126]. Они также являются важными источниками для исследования динамики и номенклатуры снабжения ополченских подразделений.

Обеспечение ополчений всем необходимым велось в строгом соответствии с численностью личного состава ополченских частей в конкретных полках, а, значит, в соответствии с т.н. раскладочными списками крестьян (поступавших в ополчение) [9, д. 4] и списками личного состава ополченских полков, с сопутствующими им «формулярными», «амуничными» и «арма-

турными» списками воинов. Прием ратников в ополчение и, соответственно, «первоначальное» снабжение их амуницией и провиантом, находилось в ведении уездных предводителей дворянства (совместно с назначенным для этой цели офицером ополченского полка), составлявших свои «отношения» [14, с. 96] командующему *«нижегородской военной силою»* (князю Грузинскому). В этих «отношениях» также присутствовали порой сведения об обмундировании и продовольственном обеспечении призванных [9, д. 19, 27-37]. Отношения о состоянии обмундирования и амуниции, *«об удовлетворении воинов провиантом»*, *«о приходе и расходе провианта»* (также на имя командующего) периодически составляли и командиры подразделений (полков и батальонов) [9, д. 18].

Кроме того, к числу необходимой отчетной документации, содержащей информацию по указанной проблеме, нужно отнести многочисленные ведомости [9, д. 49], исходящие от должностных лиц ополчения, гражданской и военной администрации и касающиеся практически всех аспектов продовольственного и вещевого обеспечения [15, с. 96]; списки ратников всех подразделений на получение провианта и «построения» нового обмундирования, а также списки «отдатчиков» (помещиков), как исполнивших свои обязательства по снаряжению своих крепостных (при отдаче их в ратники ополчения) [16, с. 95], так и имеющих недоимки по снабжению необходимыми припасами [9, д. 10, 12]. В 1815 г. комитет пожертвований нижегородского ополчения отправил государственному контролеру «генеральный» отчет обо всех мероприятиях по снаряжению ополчения [9, д. 60], где указаны десятки статей по приходу и расходу значительных объемов материальных ресурсов и содержатся уточненные поверочные данные обо всех расходах по обеспечению нижегородского ополчения.

Указанный комплекс документов позволяет достаточно эффективно решать научные задачи как по изучению проблем продовольственного и вещевого снабжения нижегородского ополчения 1812 г., так и прочих аспектов социально-экономической истории начала XIX века, что убедительно доказывают материалы проводимой в Арзамасе на протяжении многих лет конференции «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» [17–20].

Источники и литература

1. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. – Н. Новгород: НО ИРИ, 2012.

2. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2018. – № 2 (99). – С. 115–119.

3. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 2. – С. 67–77.

4. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения

1812 г.) // Оборонно-промышленный комплекс России: Исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород, НГТУ, 2017. – С. 58–62.

5. Николаев Д.А. [Рец. на кн.] Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. / сост. Н.Ф. Хованский / Саратовская губернская ученая архивная комиссия. 1912. Репринт. изд. – Саратов: Изд-во ООО «Орион», 2012 // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 121.

6. Николаев Д.А. Прошения офицеров нижегородского ополчения 1812 г. об увольнении со службы (по делопроизводственным материалам начала XIX в.) // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства: материалы XIV Международного симпозиума / под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород, 2018. – С. 136–137.

7. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в ноябре 1812 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 58–61.

8. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 143. Оп. 93-а.

9. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1.

10. Николаев Д.А. Из истории нижегородского ополчения 1812 г.: особенности формирования «подвижного магазейна» для снабжения армии // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Н. Новгород, 2018. – С. 360–365.

11. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556 (1812 год).

12. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124.

13. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 42 (1812 год).

14. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 96–99.

15. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 95–98.

16. Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6–3. – С. 95–99.

17. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2015. – №2. – С. 119.

18. Николаев Д.А., Грубов В.И. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2016. – № 1. – С. 121–122.

19. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2017. – № 2. – С. 128.

20. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2018. – № 1. – С. 116–117.

УДК 9301/2 (093)

СОЛДАТСКИЕ И ОФИЦЕРСКИЕ ЖЕНЫ И ДЕТИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

SOLDIERS 'AND OFFICERS' WIVES AND CHILDREN IN RUSSIA, THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

С.А. Игонькин

S.A. Igonkin

МБОУ «Средняя школа № 1 им. М. Горького с углубленным изучением английского языка», учитель

607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 16

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассматривается тема повседневной жизни жен и детей солдат и офицеров русской армии первой половины XIX века. Автор попытался осветить, прежде всего, социальную сторону этого вопроса.

Ключевые слова: военнослужащие; русская армия; жены и дети; повседневная жизнь; первая половина XIX века.

Summary. The article on the basis of archival documents discusses the topic of daily life of wives and children of soldiers and officers of the Russian army in the first half of the XIX century. The author tried to highlight, first of all, the social side of this issue.

Key words: soldiers; Russian army; wives and children; daily life; the first half of the XIX century.

Изучение повседневной жизни жен и детей военнослужащих русской армии представляют несомненный интерес и позволяют раскрыть социальный облик представителей солдатского сословия [1].

В России первой половины XIX века пристальное внимание государства к солдатским детям было вызвано не только их социальной поддержкой, но и безусловной принадлежностью к военному ведомству. В начале 1811 г. в России принимается закон о защите детей-сирот малолетнего возраста [2, д. 1318, л. 246]. По положению военного ведомства, овдовевшие унтер-офицеры и рядовые сухопутных и морских войск, воспитывавшие детей, получали от властей провиант, крупу и муку. На каждого ребенка обоих полов родителю-вдовцу или матери-одиночке выдавали по 10 руб. Все льготы производились на детей до семилетнего возраста. В марте 1811 г. из Нижегородского губернского правления в Арзамасский уездный суд пришло уведомление о призрении в младенческом возрасте сирот обоего пола – детей нижних военных чинов [2, д. 1320, л. 178 об.].

В 1811 г. из Нижегородского губернского правления в Арзамасский уездный суд была доставлена копия указа императора Александра I. В документе говорилось о способах, принятых правительством к распространению в России прививок от оспы. Списки о родившихся и умерших непривитых младенцах периодически посылались из Арзамасского уезда в Нижний Новгород. Причем прививали детей разных сословий. В уездных городах, в т.ч. и в Арзамасе, ответственными за организацию вакцинации детей от «коровьей оспы», как тогда говорили, были предводители дворянства, городская и земская поли-

ция, уездные врачи. Интересно, что в документе о прививке детей указывалось, чтобы лекари *«прививали коровью оспу в селениях, избегали называть ее коровьею, но именовали бы предохранительною оспою»* [2, д. 1319, л. 21–22]. Эта рекомендация была отнюдь не случайной. В массе своей крестьяне были неграмотными, имевшими множество предрассудков. Едва ли не единственной медицинской помощью в деревнях были повивальные бабки. Кстати, при помощи этих народных врачевательниц пытались убедить крестьян в пользе прививания новорожденных. Вакцинация детей в стране растянулась вплоть до конца XIX века. Большие расстояния, наличие малого количества врачей и низкая медицинская помощь в уездах, бюрократические препоны, неграмотность населения, нередко приводившая к противодействию лекарям со стороны простого народа – все это было причинами увеличения детской смертности в России на протяжении XIX века.

В начале весны 1813 г. из Нижегородского гражданского суда в Арзамасский уездный суд пришло сообщение *«обо всех солдатских детях и прижитых незаконно солдатками и их дочерями»*, оставшимися беременными солдатками *«при отлучке мужей их в службу»* [2, д. 747, л. 1]. Губернские чиновники четко требовали от уездного начальства информацию, *«когда оные* (солдатские дети – ***С.И.)*** *…от кого родились, кем с младенчества воспитываются, где жительствуют, имеют ли родственников»* [2, д. 747, л. 1 об.]. По архивным документам на начало января 1814 г. в арзамасской округе значилось 14 детей, рожденных солдатками.

Солдатки, не имевшие подтверждения о смерти своих мужей, не могли вступать вторично в брак: *«Светлейший Правительствующий Синод… изъясняет, что вторые браки без законного удостоверения о смерти первых мужей суть противозаконны»*. Соответственно, на основании официального известия о смерти мужа солдатке выдавался вдовий паспорт. Однако в реальных условиях, когда солдатка с детьми от мужа, служившего в армии, пыталась устроить свою личную жизнь, то вступала в брак вторично. С рожденными в таких семьях детьми надлежало *«поступать как о незаконно рожденных от солдатских жен детях»*.

В селе Никольском арзамасской округи в 1811 г. *«солдатка Моисеева после отдачи мужа ея крестьянина Макара Миронова в военную службу осталась одна с одним прижитым с ним… сыном Яковом»* [2, д. 1319, л. 113–114]. Ребенок причислялся к военному ведомству. Позднее от совместного проживания с крестьянином Абрамом Тимофеевым солдатка родила еще двое детей, причем они причислялись к крестьянскому сословию.

В 1811 г. начальник Нижегородского губернского батальона полковник Шиллер прислал уведомление в Арзамасский уездный суд. В документе он сообщал о предписании генерал-майора Урусова, командующего седьмым округом внутренней военной стражи, разобраться в *«неправильной приписке Арзамасского уезда села Алферьева помещиком Евграфом Егоровичем Мер-*

линым к вотчине своей солдатского сына Маркова», отданного в прошлом в ратники [2, д. 1360, л. 1], т.е. в земскую милицию (ополчение).

Позднее, в январе 1812 г., староста села Алферьева, сообщал в Арзамасский земской суд, что солдатский сын Марк Новоженов был записан в пятую ревизию в возрасте 10 лет в крепостные крестьяне [2, д. 1360, л. 5]. Уже сам этот факт должен был заставить судебных чиновников подойти ответственно к данному вопросу. Как отмечалось, все солдатские дети, в т.ч. и незаконно рожденные, причислялись к военному ведомству. Правда, у закона о солдатских детях была одна существенная деталь. В том случае, если незаконно рожденный солдаткой мальчик воспитывался помещиком и затем вносился в ревизию 1806 г., то он не принадлежал военному ведомству [2, д. 1374, л. 257]. Рассмотрение данного дела было прекращено в мае 1812 г., и основанием к этому чиновники посчитали смерть Е.Е. Мерлина.

В июне 1813 г. в Арзамасском нижнем земском суде рассматривали дело о незаконно рожденном солдатском сыне Василии. Мать Василия, как видно из документа, умерла с самого рождения сына. Воспитывал ребенка крестьянин Сидор Еремеев. Помещик попытался доказать в суде, что сын солдатки являлся его крепостным. Из архивного документа видно, что помещик *«никоим укреплении* (крепостной зависимости солдатского сына – ***С.И.***) *от присутственного места не имеет, а по тому оной посредством Арзамасского нижнего земского суда 14-го года выслать в Нижегородское военно-сиротское отделение»* [2, д. 1374, л. 3].

Борьба за выживание и поиск средств на содержание своих детей оставались основной заботой солдаток. В большинстве случаев в момент призыва рекрута на военную службу его жена освобождалась от крепостной зависимости, но в то же время и от всякой возможной поддержки крестьянского или мещанского общества. Нередки были случаи, когда сами солдатки по бедности своей были неспособны содержать родившегося ребенка. Но они не подкидывали младенца в семьи с большим материальным достатком, а отдавали на воспитание помещику. Законом это разрешалось: *«Всех мужского пола рожденных не только от солдатских вдов, но от девок солдатских до замужества их равно как и дочерями и незаконно прижитых писать во военную службу, что отдаваемы… в солдатские школы»* [2, д. 1374, л. 235]. Иными словами, в кантонисты.

Помещикам, у которых воспитывались незаконно рожденные солдатские дети, государство выделяло *«на сирот обоего пола провиант и за воспитание награду»* – надо полагать, денежное вознаграждение. В 1811 г. в Арзамасском уездном суде рассматривалось дело Л. Бетлинга, помещика села Постникова. В архивном документе значилось: *«Господин коллежский асессор Бетлинг согласно означенной солдатки Максимовой… по крайней… бедности и не имуществу родственников, кои могли того незаконно прижитого ею младенца воспитать до указанных лет и доставить в воспитательный дом принять его* (ребенка – ***С.И.***) *свое воспитание… чтобы на владение его выдан был ему* (Бетлингу – ***С.И.***) *указ»*. Итак, отданные солдатками на содержа-

ние и воспитание помещикам незаконно рожденные дети учитывались за помещиками в ревизию. Уездным чиновникам от вышестоящего губернского начальства были даны четкие инструкции. По требованию судебного листа должно было строго соблюдаться одно правило: солдатки, отдававшие своих незаконно рожденных детей помещику на воспитание, должны быть неимущими. В ином случае *«тех же незаконно рожденных солдатских детей, кои отданы на воспитание помещикам без соблюдения сего правила, считать в числе принадлежащих к военной службе»* [2, д. 1378, л. 60].

В военно-сиротские отделения могли поступать не только дети нижних чинов, но и мальчики, отцы которых были обер-офицерами. Военнослужащие недворянского происхождения вместе с первым офицерским чином получали и личное дворянство. Дворянское достоинство не распространялось на их детей, которые, соответственно, причислялись к другим, податным сословиям: мещанам, крестьянам, ремесленникам и т.д. Эти дети могли быть приписанными к военному ведомству. Осенью 1812 г. в Петербурге в Сенате рассматривалось дело, суть которого была в следующем. Сын отставного поручика Сорокина состоял *«в Петропавловском военно-сиротском отделении в числе кантонистов»* [2, д. 1374, л. 222]. В 1810 г. молодой человек получил чин коллежского регистратора. По «Табели о рангах» это соответствовало XIV классу или младшему обер-офицерскому чину. Официально молодой человек состоял в военно-сиротском отделении, но, будучи представленным начальством к чину коллежского регистратора, уже не являлся воспитанником военно-сиротского отделения. Хотя в законе четко было прописано: *«Записанные в военно-сиротские отделения дети в гражданскую службу отнюдь определяемы не были, ибо все вступаемые, из какого бы они звания не производили, подвержены тому же самому закону, как и солдатские дети»*. Интересно, что отец молодого человека, поручик Сорокин, до своей отставки занимал должность полкового аудитора. В исследовании военного историка И.Э. Ульянова отмечено: *«Служба в аудиторском чине, а это был гражданский чин XIII класса, считался в известной степени неприличной для дворянина… Неудивительно, что среди аудиторов велик был процент бывших фельдфебелей, унтер-офицеров и писарей. Функции этих чинов в основном сводились к судебному делопроизводству; с бумажной работой совмещалось заведование полковым обозом и извозчиками»* [3, с. 101]. Не исключено, что старший Сорокин выслужился в полковые аудиторы из нижних чинов. Этот факт ярко иллюстрирует наличие в российском обществе первой половины XIX века людей, выбившихся в дворяне из других сословий: солдатских детей, мещан, лиц духовного звания и др.

Служивший в 1860-е гг. в 49-м пехотном резервном батальоне, располагавшемся в Арзамасе, штабс-капитан Е.Е. Смирнов начал свою службу в 1850 г. нижним чином в четвертом учебном карабинерном полку [4, д. 6, л. 89]. В этом полку, квартировавшем в Нижнем Новгороде, было четыре действующих батальона, а пятый состоял из кантонистов [5]. Смирнов, отец которого был обер-офицером, попадает в полк кантонистом. Позднее будущий штабс-

капитан был переведен в Тарутинский егерский полк, получил унтерофицерское звание, а в 1854 г. за проявленную при обороне Севастополя храбрость стал прапорщиком.

В большинстве своем многие солдатки проживали в сельской местности, и далеко не просто складывались их взаимоотношения с помещиками. По закону солдатки и их дети, за редким исключением, крепостными не являлись. За будущее солдатских детей боролись не только сами матери-солдатки, скрывая свою беременность, подкидывая младенцев в семьи с большим материальным достатком, но и помещики. Однако это было вызвано не милосердием того или иного помещика, а чисто экономическими соображениями. Помещик стремился сохранить у себя будущую рабочую силу. А государство, в свою очередь, оспаривало у помещика право на солдатских детей по причине приписки их к военному ведомству. Складывалась ситуация противостояния административного и человеческого факторов.

В повседневной жизни солдатские семьи при изменении своего социального положения использовали разные возможности. Абсолютное большинство солдатских жен и их детей рассчитывало только на свои силы и очень редко – на помощь сельской или городской общин и, тем более, – на государство. Лишь после введения в 1874 г. закона о всеобщей воинской повинности и ряда вышедших положений по обеспечению солдатских семей ситуация постепенно меняется.

Источники и литература

1. Игонькин С.А. Жены военнослужащих русской армии в первой половине XIX века // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов X Региональной научно-практической конференции (13 декабря 2012 г.). Вып. IX / под общ. ред. В.И. Грубова; АГПИ им. А.П. Гайдара, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 91–95.

2. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 153. Арзамасский уездный суд. Оп. 97.

3. Ульянов И.Э. 1812. Русская пехота в бою. – М.: Яуза, Эксмо, 2008.

4. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 225. Оп. 1.

5. Игонькин С.А. Военно-учебные заведения для солдатских детей в России в первой половине XIX века // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов научно-практической конференции, посвященной Году учителя (Арзамас, 9 декабря 2010 г.). Вып. VII / под общ. ред. В.И. Грубова; АГПИ им. А.П. Гайдара, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 36–40.

УДК 726.5(092.1)(470.341)

ОБ АРХИТЕКТОРАХ, СТРОИТЕЛЯХ И ХУДОЖНИКАХ АРЗАМАССКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА

ABOUT THE ARCHITECTS, BUILDERS AND ARTISTS OF THE ARZAMAS RESURRECTION CATHEDRAL

А.В. Малышев

A.V. Malyshev

Независимый исследователь (г. Нижний Новгород)

onis@mts-nn.ru

Аннотация. В статье на основе архивных документов восстанавливается история строительства Воскресенского собора в Арзамасе (1814–1840). Названы имена строителей. Уточнены факты биографий причастных к возведению храма архитекторов А.Н. Воронихина, М.П. Коринфского, И.Е. Ефимова, С.И. Соколова, а также художников А.В. Ступина, О.С. Серебрякова, А.О. Серебрякова, Е.Ф. Чернова, И.А. Гладкова, И.А. Лебедева, В.Г. Перова.

Ключевые слова: Арзамас; Воскресенский собор; история архитектуры; Воронихин; Казанский собор; Коринфский; церковная архитектура; академик Ступин.

Summary. The article based on archival documents restores the history of the construction of the Resurrection Chathedral in Arzamas (1814-1840). The names of the builders are mentioned. The facts of the biographies of the architects involved in the construction of the Cathedral are clarified, namely, A.N. Voronikhin, M.P. Korinfsky, I.E. Efimov, S.I. Sokolov, and also the artists, namely, A.V. Stupin, O.S. Serebryakov, A.O. Serebryakov, E.F. Chernov, I.A. Gladkov, I.A. Lebedev, V.G. Perov.

Key words: Arzamas; Resurrection Cathedral; history of architecture; Voronikhin; Kazan Cathedral; Korinfsky; church architecture; academician Stupin.

Традиционно историю постройки Арзамасского Воскресенского собора повествуют, пересказывая главу «Построение нынешнего Воскресенского Собора (в 1814–1842 гг.)» из книг Н.М. Щеголькова (1856–1919) «Арзамасский Воскресенский Собор» [1] или «Исторические сведения о городе Арзамасе» [2]. Так, например, поступили авторы книги «Арзамас: Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры» [3] и авторы текста великолепного альбома «Арзамасский Воскресенский Собор» [4].

Вот краткий, но фактически полный пересказ версии Н.М. Щеголькова об архитекторе, строителях и художниках.

Архитектор М.П. Коринфский. Из строителей не назван никто. Расписал собор ученик академика А.В. Ступина Осип Семенович Серебряков с сыном Александром. Из иконописцев указан только профессор Алексеев. Упоминаются резчики иконостасов Василий Алексеевич Ломакин с братом Климом. А про работу А.В. Ступина сказано: *«Он не сделал для украшения собора ничего»* [1, с. 54; 2, с. 159]. Но в одной из книг автор противоречит себе: *«В августе 1840 г. А.В. Ступин написал “Восстание Господа от гроба” и 4-х ангелов, которые поставлены вверху»* [1, с. 56]. Вот эта непоследовательность Щеголькова и, как увидим дальше, в большинстве ошибочность его сведений и побудила автора написать данный очерк. Начнем с архитекторов.

План собора был утвержден 18 февраля 1814 г. епископом Нижегородским и Арзамасским Моисеем. План этот и ныне хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА) [5, д. 500, л. 2]. На плане подписи архитектора М. Коринфского и одобрившего план профессора А. Воронихина с датой *«18-го сентября 1812»*. Именно на эту дату был выписан Коринфскому билет на отправку в Арзамас [6, д. 2116, л. 11], которым он не воспользовался, т.к. в Москве были войска Наполеона. Билет остался в архиве Академии художеств (далее – АХ).

Вернемся к плану собора. Еще один экземпляр его был опубликован в 1938 г. в книге «Чертежи А.Н. Воронихина. Коллекция музея архитектуры» под номером 32 [7, с. 15, 57]. По заверению составителей альбома, для этого издания было *«отобрано лишь бесспорно принадлежащее Воронихину»* [7, с. 4]. Естественно, данное утверждение вызывает вопрос, насколько самостоятельной была работа Коринфского? Чтобы ответить на него, необходимо обратиться к биографиям обоих архитекторов, по возможности отсеяв огромные наросты мифов.

Андрей Никифорович Воронихин по происхождению – крепостной графа А.С. Строганова (1733–1811). В метрической книге Спасской церкви села Новое Усолье Пермской губернии записано, что 17 октября (здесь и далее даты приведены по старому стилю) 1759 г. у дворового Никифора Степанова Воронина (sic!) родился сын Андрей. Что интересно, в исповедных книгах Спасской церкви в семействе Никифора Воронихина Андрей так и не появился [8, с. 132]. Предположительно, в 1777–1778 гг. он переводится в Подмосковье, о чем свидетельствует поданное в 1778 г. братьями Андреем и Ильей Воронихиными заявление с предложением расписать сени трапезной Троице-Сергиевой лавры [9, с. 22].

В 1779 г. А.С. Строганов с семьей возвратился из-за границы в Петербург. Вскоре Воронихин стал служителем при сыне А.С. Строганова Павле. Воспитателем Павла был француз Жильбер Ромм, контракт с которым был заключен еще в Париже. Ромм был последователем педагогической системы Ж.-Ж. Руссо, в которой большое значение придавалось путешествиям, позволяющим ребенку через непосредственное восприятие познавать окружающий мир и одновременно приучающим преодолевать трудности.

В 1781 г. состоялось первое большое путешествие по маршруту Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань – Урал, сопровождая графа Строганова в поездке, приуроченной к торжественному открытию Пермского наместничества. Свои впечатления об этом и следующих путешествиях Ж. Ромм зафиксировал в переписке и путевых дневниках. Нам они доступны по публикациям историка А.В. Чудинова [10] и искусствоведа Н.В. Мурашовой (Глинки) [11].

Первое упоминание о Воронихине мы встречаем только в письмах во время поездки в Киев, где путешественники пробыли с осени 1785-го до весны 1786 г. *«Мы путешествуем очень просто, мы берем с собой только*

Андрэ (Воронихина – ***А.М.***) *и Клеман* (лакей П. Строганова, швейцарец – ***А.М.***)*»*, – писал А.С. Строганову Ромм [8, с. 8].

В Киеве Воронихин исполнял роль не только служителя, но и учителя рисования и сам делал зарисовки. О занятиях Воронихина рисунком с Павлом оставил свидетельство друг семьи Строгановых Павел Икосов: *«Я от Андрея Никифоровича известился, что вы начали рисовать, дай бог»* [11, с. 287]. Сам мальчик, отчитываясь перед отцом о своих занятиях, неоднократно упоминал Воронихина: *«Я с Андреем чертил разные планы <…> могу вас известить, что скоро вы получите вид киевской, который Андрей тщательно отделывает. Я думаю, что он вам весьма понравится <…> Андрей занимается сейчас вторым видом Киева, который он вам представит»* [11, с. 287].

Для продолжения образования П. Строганова в 1786 г. было решено отправиться за границу. По этому случаю Воронихин получил вольную: *«…А.С. Строганов, в роде своем не последний, отпустил я крепостного своего дворового человека Андрея Никифорова сына Воронихина, который достался мне по наследству после покойного родителя моего барона С.Г. Строганова в 1759 г., положенного в нынешней четвертой ревизии в подушной оклад Московской губернии Воскресенской округи, при сельце Давыдкове…»* [12, с. 54].

За границей Воронихин продолжал заниматься с Павлом русским языком и рисованием, а единственное его обучение – это уроки математики, которые Павлу и ему преподавал Ромм. И самостоятельно рисовал. Но успехи в живописи были весьма скромны. Сохранилась несовершенная по композиции и технике акварель 1787 г. «Вид замка Глене в Швейцарии» и портреты в миниатюре родных Ромма 1788 г., которые, по мнению специалистов, *«не отличаются совершенством рисунка и колорита»* [11, с. 291].

В Париже Воронихин *«начал учиться механике и архитектуре, предпочтя учению живописи <…> мы хотим взять одного учителя для чертежей, что я тоже очень люблю»*, – сообщал Павел в письме отцу [11, с. 291]. Но архитектурное образование и того, и другого не входило в планы А.С. Строганова, и Ромму пришлось оправдываться: *«Я стараюсь ограничить несколько чрезмерную страсть Воронихина к живописи, так как хочу сделать из него человека, действительно полезного для Вашего сына. Я направляю его на изучение архитектуры, механики и всего того, что сделает его сведущим в вопросах производства. Он занимается всем с таким удивительным усердием, видеть которое Вам было бы весьма приятно»* [10, с. 258].

С взятия Бастилии 14 июля 1789 г. началась Великая французская революция. Ж. Ромм и Павел под именем Поль Очер приняли в ней активнейшее участие. Об этом стало известно в Петербурге, и Екатерина II потребовала немедленного возвращения Павла в Россию. В день расставания в Париже в начале декабря 1790 г. Ромм вручил воспитаннику духовное завещание: *«Устройте у себя отдельный стол, где бы вы могли вспоминать Киев и Женеву, где с вашими друзьями будут обращаться так же, как с вами, без пред-*

почтения, без этикета, без принуждения… Пусть добрый Воронихин занимает маленький угол в вашем помещении и живет вместе с вами» [11, с. 293].

Вернувшись в Россию, Воронихин состоял слугой при П.А. Строганове. Сохранились его отчеты о проделанной работе – ремонте кареты, об уплате денег каретнику, о поиске конюшни, о продаже лошадей. Занимался он и отделкой спальни: *«Для спальни вашей, на мой взгляд, лутчаго как приложенный при сем образчик ситцу я не нашел»* [11, с. 304].

А где же его занятия архитектурой, например, перестройка Строгановского дворца? Приписываемые ранее Воронихину из-за его акварелей интерьеров дворца, они оказались просто фиксацией чужой работы. Как убедительно доказала искусствовед Н.В. Мурашова, перестройкой дворца занимался архитектор Федор Иванович Демерцов [11]. Выходец из крепостных, он, как ни странно, стал родственником графу А.С. Строганову – их жены, княгини Трубецкие, были сестрами.

Но вернемся к Воронихину. В 1793 г. он нарисовал акварель «Вид картинной галереи». Работа понравилась Павлу Александровичу, и он попросил отца, почетного члена АХ, как-то отметить Воронихина. Случай представился в конце 1794 г. В ноябре императрица наградила А.С. Строганова двумя высшими орденами России – св. Андрея Первозванного и св. Александра Невского. И это воодушевило его на представление никому не известного художника Воронихина Академии художеств. Одиннадцатого декабря он пишет: *«Я предупредил ваши желания, мой дорогой сын, касающиеся Андрея, потому что это также и мои. Он уже представлен в Академию, и я надеюсь, что на днях будет принят»*, а 22 декабря радостно сообщает: *«Дело Андрея закончено и к нашему общему удовольствию он принят в Академию»* [11, с. 304].

Из решения Совета АХ: *«Живописец перспективы и миниатуры Андрей Воронихин по представленной им в сию академию работы изображающей в перспективном виде картинную галлерею Его Сиятельства Графа Александра Сергеевича Строгонова… удостоен назначенным и в силу сего же пункта дана на произволение его сиятельству задать ему задачу, которую обязался он зделать чрез два года, а потому и сие звание назначенного имеет свою силу до того только срока, в чем и дать ему от академии свидетельство»* [13, с. 336].

Выделим слова *«дана на произволение его сиятельству задать ему задачу»*. Обычно, если не всегда, программу «назначенному» задавал Совет Академии.

Через три года, 19 декабря 1797 г. *«…по большинству баллов удостоены в академики… назначенной г. Воронихин по работе представляющей загородной дом Его Сиятельства Графа Александра Сергеевича Строганова»* [13, с. 365]. Наследие Воронихина состоит из около 500 чертежей, рисунков и единственной (!?) картины маслом «Вид Строгановской дачи» [8, с. 152–165].

В январе 1800 г. по указу Павла I А.С. Строганов был назначен *«президентом Академии Художеств, Императорских библиотек Директором и*

Главным Начальником в Экспедиции Мраморной Ломки… в Пермской губернии» [13, с. 408].

А карьера Воронихина пошла в гору. Шестого марта 1800 г. он был принят *«для преподавания при Академии ученикам класса Архитектуры <…> с жалованьем по четыреста рублей в год»* [13, с. 410].

В августе 1800 г. в Совете АХ *«разсматривана смета двух колонад и четырех обелисков по высочайше конфирмованным рисункам академика Воронихина назначаемых для Петергофского сада…»* [13, с. 416].

Считается, что 14 ноября 1800 г. Павел I утвердил план Казанского собора неизвестного архитектора. Неизвестного, потому что не сохранился ни сам утвержденный план, ни имя архитектора в дальнейших документах. А впереди ожидался указ о построении церкви. Поэтому срочно, 20 ноября 1800 г. *«по предложению господина президента Его Сиятельства Графа Александра Сергеевича Строгонова, во уважение зделанных академиком Воронихиным прожектов для Петергофской колонады и высочайше к производству оной в действие конфирмованных, а равномерно и видимых успехов в обучении воспитанников дать ему звание архитектора»* [13, с. 418]. Так не построивший ни одного достойного объекта, не получивший никакого систематического образования, посредственный художник Воронихин на пятом десятке своей жизни стал архитектором.

Через день, 22 ноября 1800 г. Павел I подписал указ: *«Для построения Казанской церкви по конфирмованному Нами плану повелеваем составить особую Комиссию, <…> а производить строение архитектору Воронихину…»* [13, с. 419].

Ввиду малой компетенции Воронихина в Комиссию был назначен *«придворный архитектор V класса»* Иван Егорович Старов (1745–1808), построивший Таврический дворец, Троицкий собор Александро-Невской лавры, спроектировавший город Николаев. В помощники Воронихину были подобраны лучшие архитекторы и мастера. Чертёжной заведовал академик IX класса Андрей Михайлов, архитекторы Филиппов и Гирше *«у показания вообще всех работ и свидетельства в доброте материалов, употребляемых»* [14, с. 11]. Задача же Воронихина состояла в заключении контрактов с подрядчиками, наблюдении за строительством и докладах о ходе его на заседании Комиссии, собиравшейся один-два раза в неделю. Причем два члена Комиссии ежедневно находились на стройке – один посменно и архитектор Старов постоянно (ему был поручен ежедневный контроль производимых работ).

А.С. Строганов не забывал о продвижении Воронихина по карьерной лестнице в Академии художеств. Так, 8 декабря 1802 г. было решено *«Академиков Воронихина и Михайлова отправляющих должность при архитектурном классе адьюнктов профессорских и получающих то же жалованье именовать Адьюнкт профессорами»* [13, с. 433]. А 3 мая 1804 г. Совет АХ принял решение: *«Для занятия учеников архитектурного класса 4-го возраста практическими познаниями строения положено посылать их на*

строение Казанской церкви каждую неделю два раза, а в случае важной какой либо части сего строения, и ежедневно, от 6-ти до 11-ти часов утром» [13, с. 461]. Контролировать учеников поручили Воронихину. А за это А.С. Строганов 3 декабря 1804 г. предложил назначить Воронихина младшим профессором по архитектурному классу, так как тот *«обучал воспитанников практике архитектурной на самом строении церкви Казанской»* [13, с. 472].

В апреле 1808 г. скончался И.Е. Старов. Пять месяцев его место в Комиссии было вакантным, пока, наконец, его не занял Воронихин; 7 сентября он впервые подписал протокол Комиссии как полноправный ее член.

1808-й – первый год самостоятельной работы Воронихина на строительстве. Как раз именно тогда в соборе начались внутренние штукатурные и лепные работы по его эскизам.

В апреле 1809 г. был заключен контракт с немецкими мастерами резного дела А Лебланом и Ф. Кретенем на изготовление иконостасов по рисункам Воронихина.

Летом этого же года арзамасский художник А.В. Ступин привез в Петербург сына Рафаила и лучшего ученика своей художественной школы Ивана Горбунова для устройства их в училище при Академии. А в сопровождающие он взял арзамасского мещанина, резчика иконостасов Михаила Петровича Коринского. Поездка была удачной. Сам Ступин стал академиком АХ за открытие в Арзамасе художественной школы, юноши приняты в учебу, а о *«Коринском упросил я Воронихина, чтобы он принял к себе, у которого он жил…»* [15, с. 401].

Причины, побудившие Воронихина взять 27-летнего Коринского в свой дом, могли быть следующие. Вначале он был ему интересен как профессиональный резчик иконостасов, который мог оказать помощь Воронихину в приемке работ от немецких мастеров. Затем, когда выяснилось, что Коринский умеет чертить, привлек его к своим проектам по завершению Исаакиевского собора, в конкурсе на достройку которого он участвовал с 1808 г.

В 1810 г. было принято решение о поступлении М.П. Коринского в Академию «посторонним». И понадобилась подделка паспорта: Коринский превратился в Коринфского, а 27 лет превратились в 21 год от роду (или 1782-й год рождения в 1789-й). Между прочим, в справочнике С.Н. Кондакова (1915 г.) у М.П. Коринфского 1789 год рождения [16, с. 344]. Безусловно, подделка паспорта была произведена с ведома Воронихина и с разрешения Строганова. Но 22 года все равно были вне законного возраста для поступления в Академию, и М.П. Коринскому для поступления приписывают архитектурную практику в Арзамасе, жену и детей (он не был женат и не имел детей).

В августе 1810 г. *«профессор Воронихин, представя совету планы, фасады и профиль церкви для города Арзамаса, деланныя Арзамаским мещанином Михайлом Петровым сыном Коринфским, который оставя жену и детей, по склонности своей к архитектуре, приехал сюда усовершенствовать себя в сем художестве, просил совет о позволении ему, яко отличающемуся*

и способностями и отменным благонравием вход в художественные классы вместе с воспитанниками Академии». Совет АХ разрешил *«Коринфскому пользоваться художественными классами для его усовершенствования»* [13, с. 547].

Для любителей заговоров и совпадений. Как мы выше писали, первое путешествие П. Строганова и Ж. Ромма по России состоялось в 1781 г. Нижний Новгород и его окрестности они посетили в самом конце июля, а в начале августа по Волге отправились в Казань [10, с. 185]. Считается, что уже в этой поездке их сопровождал Воронихин. А через девять месяцев родился М. Коринский. Источник информации – 4-я ревизия мещан и купцов г. Арзамаса [17, д. 19, л. 322 об.]. В ревизских сказках семьи Коринских читаем: *«Михайла 4 мцов»*. Запись сделана в июле-августе 1782 г., т.е. Михаил родился в марте-апреле 1782 г.

Мы не утверждаем, что М. Коринский – сын Воронихина, но для подделки документов и смены биографии должны были быть веские основания. Желающих уточнить факты биографии М.П. Коринфского отсылаем к нашей публикации 2015 г. [18].

В феврале 1811 г. Михаил через своего брата Федора подал прошение в Арзамасский городовой магистрат о выходе из арзамасского мещанства. В марте 1811 г. вопрос благополучно разрешился, арзамаский городовой магистрат выдал *«мещанину Михаиле Петрову сыну Коринскому»* свидетельство об исключении его из мещанского сословия [19, д. 333, л. 9, 9 об.]. Заметим, что прошение было от имени Коринфского, а свидетельство выдано на имя Коринского. В ревизских сказках 1811 г. появляется запись о выбытии М.П. Коринского из числа мещан и поступлении его в Петербургскую императорскую Академию художеств *«в архитектурном классе воспитанником»* [17, д. 464, л. 65 об.].

В сентябре 1811 г. новопостроенный Казанский собор был освящен в присутствии Александра I и всей августейшей фамилии. Воронихину был пожалован орден Св. Анны II степени с императорским портретом и пожизненный пенсион в размере годового его жалования.

Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше. Но вскоре умер покровитель Воронихина, президент Академии А.С. Строганов. Сама Академия перешла в ведение министра народного просвещения. Была объявлена ревизия всего хозяйства. Во избежание обнаружения подделки документов и биографии М.П. Коринфского, 2 декабря Воронихин обратился в Совет АХ с просьбой. В ней он указал, что *«находящийся в числе учеников Академии Михайла Коринфский»* уже третий год живет в Петербурге на собственном иждивении, а *«ныне не в состоянии будучи держать себя долее желает возвратиться в дом свой в город Арзамас»*. Свидетельствуя, что ученик *«оказал себя отличным и примерным как по упражнению своему в архитектурном художестве, так и в поведении»*, Воронихин просил выдать Коринфскому *«надлежащий по его достоинству аттестат»*; далее указывалось, что Коринфский желает и в дальнейшем *«для вящшаго усовершенствования участ-*

вовать в делании программ, задаваемых ученикам на месячные и третные экзамены, получая оные чрез своих знакомых, и в Арзамасе, и желает труды свои ежегодно представлять на усмотрение Академии». В итоге Совет АХ определил уволить Коринфского *«с аттестатом первой степени, при чем и хранящееся в Академии свидетельство о изключении его из подушнаго оклада ему выдать»* [20, с. 5–6]. Но М.П. Коринфский вернулся в Арзамас только в 1813 г., о чем свидетельствует запись А.В. Ступина о 4-летнем обучении Коринфского, а также появившаяся только в 1813 г. запись о прихожанине Ильинской церкви художнике 14 класса Михаиле Петрове Коринфском [21, д. 3, л. 1 об.] и другие факты.

Таким образом, Воронихин и Коринфский обманули Совет АХ. Коринфский остался у Воронихина еще где-то на полтора года. В это время Воронихин участвовал в конкурсе на постройку храма Христа в Москве. И, наверняка, Коринфский помогал ему в этом. Упоминаемый выше конкурс на достройку Исаакиевского собора проходил в 1808–1810 гг. и так же, как и конкурс на постройку храма Христа в Москве, не выявил победителя и не получил воплощения в натуре.

Но воплощением этих неосуществленных проектов Воронихина можно считать Воскресенский собор в Арзамасе. К сожалению, не все варианты конкурсных проектов сохранились, а сохранившиеся опубликованы не все. Но достаточно посмотреть на опубликованный в 2010 г. проект храма-памятника, фасад (вариант Д проекта храма Христа по классификации Гримма [8, с. 161, № 300]) с выставки архитектурной графики А.Н. Воронихина, посвященной 250-летию архитектора, из собрания Научно-исследовательского музея Российской академии художеств [22, с. 413] и увидеть фасад Арзамасского Воскресенского собора с более высоким и усложненным барабаном купола и небольшими помещениями по углам. Заметим, что у нас нет утвержденного фасада Воскресенского собора (есть только план), а потому мы не знаем, насколько построенные барабаны соответствуют первоначальному замыслу. Вариант Д является более усложненным вариантом к осуществленному проекту Воскресенского собора в Арзамасе.

Мы не отбираем авторство у Коринфского, но, с учетом вышеизложенного, считаем, что проект Арзамасского Воскресенского собора – это коллективное творчество Воронихина и Коринфского.

Несколько слов об авторстве проекта Казанского собора. Вот мнение митрополита Евгения (Болховитинова) (1767–1837): *«По его же* (Баженова – ***А.М.***) *прожекту и плану, с малыми некоторыми отменами, построен и С.-Петербургский Казанский Собор»* [23, с. 11]. Об авторстве Баженова свидетельствовал и академик архитекторы П.С. Плавов (1794–1864), проходивший архитектурную практику на строительстве Казанского собора у Воронихина [24, с. 129, 130]. А вот заключение научного сотрудника Института истории искусств АН СССР Г.И. Гунькина (1911–1993), опубликованное в академическом издании: *«Вполне естественно думать, что проект этого*

строительства Казанского собора был составлен именно Баженовым» [25, с. 278].

Зимой 1813–1814 гг. Воронихин заметил трещины на штукатурке и лепнине, сделанных в 1808 г., за которые он отвечал.

В феврале 1814 г. он скончался. Через два месяца, 17 апреля, начала опадать штукатурка собора. Еще через четыре дня была собрана техническая комиссия в составе архитекторов Дж. Кваренги, Ф. Демерцова, А. Михайлова и др. После произведенного осмотра постановили *«всю штукатурку и лепную работу снять и потом, хорошо очистя пыль, оштукатурить вновь самым тонким образом, сколь будет возможно»*. В итоге большая часть внутренней отделки собора по проекту Воронихина погибла. А в 1836 г. *«последовала замена иконостаса Воронихина новым – по чертежам К. Тона»* [8, с. 49].

Вымыслы в биографии Воронихина были заложены в «Некрологии» [26], подписанной криптонимом «Д.В» (расшифруем как «Друг Воронихина»). Здесь и наставления *«зодчаго Г-на Баженова… и покровительство известнаго Архитектора Г[осподина] Казакова, предусматривавшаго таланты Воронихина и будущую славу его в искусстве строительном»* [26, с. 232]. В тексте не сказано, что Воронихин был крепостным, только намеки, а графы Строгановы названы великодушными благодетелями. Но согласимся, что к *«обширным занятиям присовокуплял покойный Воронихин ту кротость характера, ту любезность в обращении и скромность, которыя всегда отличают истиннаго художника»* [26, с. 235].

Коринфский вернулся в Арзамас весной 1813 г. Первой его работой стала перестройка дома А.В. Ступина. Вот что об этом написал сам Ступин: *«Я и принялся под присмотром Коринскаго перестраивать. Он сказал, что будет стоить 2 т. р., а вместо того вышло 4 т. р. После того вздумал, да и необходимость требовала, из конюшен и каретнаго сарая сделать картинную и античекую галлереи и внизу кладовыя, длины 11 ½ , ширины 6 сажень; смету назначил Коринский 1000 р., а стало 2 т. р.»* [15, с. 403]. Эти ошибки со сметой в два раза дорого обошлись Коринфскому, сведя на нет частные заказы в Арзамасе. Поэтому ему пришлось покинуть Арзамас в поисках подрядов, а на строительстве Воскресенского собора вместо себя оставить старшего брата Федора, который 1 ноября 1815 г. обвенчался с дочерью купца Семена Вандышева Александрой. Одним из восприемников был академик А.В. Ступин [27, д. 1706, л. 56 об.]. А вот выписка из городовой обывательской книги Арзамаса за 1825 г. о мещанине Федоре Петрове Коринском: *«В грацких службах был с 1815-го году при новостроющемся Воскресенском соборе смотрителем»* [28, д. 157, л. 68 об.].

В 1815 г. нижегородское дворянство приняло решение о строительстве дома для своих собраний в Нижнем Новгороде. Собрали 105.500 руб. и решили *«приискать за надлежащую плату из того ж капитала вольнопрактикующего архитектора со взятием с него обязательства в прочности и исправности строения против плана»* [29, д. 1 а, л. 4 об.]. Этим архитекто-

ром стал М.П. Коринфский. Он выполнил проект, одобренный *«губернским предводителем дворянства Георгием Александровичем Грузинским и всем дворянским сословием»* [6, д. 2605, л. 2], но совершил во многом роковую для себя ошибку. Г.А. Грузинского Коринфский просил ходатайствовать о себе у министра народного просвещения А.К. Разумовского (в ведении которого находилась АХ), а сам обратился в Совет АХ с просьбой поощрить его за этот проект присвоением какого-либо нового звания [20, с. 83]. Но то ли из-за того, что Разумовский ушел в отставку, то ли Совет АХ вспомнил об обмане со срочным отъездом Коринфского в Арзамас в 1811 г., проект получил отрицательное заключение: *«Он представляет более вид какого либо храма или павильона, нежели какого присутственного места…»* [6, д. 2605, л. 2].

Эта неудача закрыла перед Коринфским рынок Нижнего Новгорода (где он не построил ни одного объекта) и во многом всей Нижегородской губернии. Подряды ему пришлось искать в Пензенской и Симбирской губерниях и далее.

Кроме того, назрел и конфликт на строительстве Воскресенского собора. По сведениям арзамасского краеведа П.И. Пискарева (1821–1904), Коринфский ошибся при расчете количества *«потребных материалов»* [30]. К тому же, в октябре 1819 г. умерла его мать Матрена Федоровна [27, д. 1706, л. 107]. Все это побудило Коринфского уехать из Арзамаса. Последнее упоминание о нем и его дворовых людях в исповедных книгах Ильинской церкви Арзамаса – весна 1820 г. [21, д. 3, л. 74 об.].

Архитекторы И.Е. Ефимов и С.И. Соколов

С отъездом Коринфского и при дефиците средств стройка потихоньку угасала. Все же к 1822 г. была закончена каменная кладка собора, возведены купола, сделано перекрытие. На Нижегородской ярмарке у московского купца Герцова было куплено кровельное железо. Из-за отсутствия средств оно было приобретено в кредит. Подошло время очередного платежа, и купившие железо арзамасские купцы обратились к мещанскому и купеческому обществам Арзамаса с предложением взять этот долг на все общество. Было проведено общегородское собрание, и вопрос был решен положительно. Необходимые для расчета с московским купцом 15 тыс. руб. были взяты по ссуде под стандартные для того времени 6% годовых у девицы из дворян Екатерины Михайловны Жидковой [19, д. 483, л. 1].

О самом обязательстве, согласно Городовому положению, необходимо было сообщить нижегородскому гражданскому губернатору. Так губернатор узнал об арзамасском долгострое, и в марте 1823 г. нижегородский гражданский губернатор А.С. Крюков пожелал удостовериться, *«соблюдена ли правильность и прочность в сооружении строящегося в городе Арзамасе собора»*. Губернскому архитектору Ивану Ефимовичу Ефимову (1795–1841) было предписано *«отправиться в Арзамас и освидетельствовать помянутое здание»* [31, д. 28, л. 3].

Рапорт Ефимова губернатору мы приводим полностью, с надеждой, что это будет интересно историкам архитектуры и будущим реставраторам собора.

«Его Превосходительству!
Господину Нижегородскому гражданскому губернатору
Действительному статскому советнику
и разных орденов Кавалеру Александру Семеновичу
от нижегородского губернского Архитектора Ефимова
Рапорт

Во исполнение предписания Вашего превосходительства от 12го числа сего месяца отправлялся я в город Арзамас для свидетельствования вновь строющагося Собора, по освидетельствовании коем и оказалось: что хоть общее расположение оного собора и согласно с утвержденным планом и материалов не щадили употребить на сооружение онаго храма, но не опытное и вовсе не искусное исполнение против плану равно и весьма небрежное производство работ, сделало что сей храм не только не соответствует правильности приличной сему великолепному зданию, но даже имеются и повреждения.

1) Главнейшее повреждение оказалось в 4 контрофорсах с коих имеются во все стороны Арки и на коих утвержден главной купол и оные контрофорсы сделаны со впаденами глубиною на 6 вершков, а по концам остаются пилястры в 1 кирпич с весьма слабыми перемычками кои утверждены на двух железных прутиках на кои кирпич положен плашмя; Арки же начало свое имеют не с капитальных контрофорсах но с сих слабых пилястр, которые никак не в силах выдерживать столь значительной тяжести особливо сим слабым производством работы от чего показались трещины; на опробованном же плане впадины значатся только в 3 вершка.

Средство принятое ими для скрепления сих контрофорсов по моему мнению вовсе безполезное, ибо оне пробивают пилястры, которые и без того уже слабы и сквозь оные пропущают железные связи, сие средство укрепления тогда бы только быть могло полезно, когда бы арки сводов имели свое начало с самых контрофорсов; но здесь к нещастью арки взяты с самых пилястр то своды оных имеют 6 вершков на весу; то по моему мнению должно стараться укрепить сию слабую часть, которую можно зделать следующем образом: начинать от низу оных контрофорсов прибавлять силу к оным увеличить оный кругом на полкирпича заделавши все впадины дабы составить чрез то одну целую массу причем необходимо наблюдать должно чтобы прикладка была в перевязь, а внутри контрофорсов за полкирпича положить связи, которые уже должны скреплять весь контрофорс, а посредине оных контрофорсов употребить вертикальные связи дабы оные не могли допустить отойти средине.

2) Над колоннами зделаны перемычки на железе на котором положен весьма небрежно плашмя кирпич, железо должно служить для подкрепления только, но отнюдь не основывать на оном всю прочность. Каждая часть

строения должна сама по себе быть прочна, а не посредством каких либо побочных частей. Надлежало бы для сего великолепного храма зделать перемычки из тесаного камня, но теперь для предохранения от опасности зделать предполагается из деревянных брусьев; ибо над перемычками имеются еще особенные арки.

3) Карнизы и в оных медальоны приличнее бы было зделать из белого камня и едва ли не дешевле; ибо оной зделан из кирпича и весь на железе, равно во всех углах следовало бы употреблять камень для прочности. Но оной нигде не употреблен и пособить теперь уже тому невозможно.

4) Внутри храма в маленьких куполах зделаны внутри колонны; хотя диагонального разреза и не имеется в числе апробованных рисунках, однакож можно быть уверену что при сей величественной простоте которая предназначена быть внутри, верно не предполагалось быть внутри сих маленьких куполов быть колоннам, есть ли во всей внутренности оных не имеется, они делают излишнюю только тяжесть сводам, но к сожаленью, оных уничтожить невозможно; ибо ту тяжесть, которая должна быть на стенах утвердили на сих колоннах.

5) В сооружении сего храма приметно во всех частях большая небрежность в производстве работы, так что даже наружные колонны и те не имеют своей правильности; что ж касается до сводов, то хотя кружаль из под оных еще и не вынуто, надалжно думать, что сие должны быть прочны судя по их крутизне, да наверх сводов не видится никаких повреждений.

6) Главный купол весьма щастливо что зделан деревянный на каменном осмерике, ибо сие слабое устроение не выдержало бы тяжести онаго.

Все замечанное мною имею честь представить на благоразсмотрение Вашего превосходительства. № 5 марта 27 1823 года» [31, д. 28, л. 3 об. – 4 об.].

Выполнению работ по замечаниям Ефимова помешал большой пожар в Арзамасе в 1823 г., а также трещина, обнаруженная в столпе собора. Устранил ее в 1826 г. мещанин Иван Михайлович Молвин за 728 руб. *«за железо и работу»* [32, д. 32, л. 20], а не Егор Михайлов, как утверждал Щегольков.

В сентябре 1825 г. Ефимов и Коринфский встретились в Петербурге на заседании Совета АХ, где Ефимов стал академиком, а Коринфский *«назначенным»* [20, с. 201, 203] за строительство собора в Симбирске и получил программу на звание академика, но ее не представил. Собор в Симбирске – это также отголосок конкурсных работ Воронихина. И если проект собора в Симбирске Коринфский представил на суд АХ, то проект собора в Арзамасе – нет.

Для устранения замечаний Ефимова, а также восстановления города от пожара был приглашен в 1827 г. из Воронежа городовым архитектором Семен Иванович Соколов (1802–1868). Им в 1828–1829 гг. были сделаны *«план, фасад и разрез холодного Собора, выстроенного <…> в городе Арзамасе». «К сим вышеписанным планам приложены особые рисунки… на устройство под собором выходов и на построение кругом онаго ограды и прочаго»* [5, д. 500,

л. 1]. Должность городового архитектора Соколов занимал до июня 1829 г., в дальнейшем занимался частной практикой; воспитанником АХ он не был.

Строители собора

О ходе строительства собора в 1820–1838 гг., а также имена строителей и художников мы узнаем из «Книги для записывания разхода денег и других вещей быть имеющих по Арзамаскому Воскресенскому Собору» [32, д. 27, л. 1] за период с января 1820 г. по май 1823 г. и «Книги о разходе денег и вещей по церкви Воскресенского Собора состоящаго в городе Арзамасе» [32, д. 32, л. 1] с июля 1823 г. по декабрь 1838 г.

В 1820–1822 гг. в соборе велась только кирпичная кладка артелью Лаврентия Баранова: в 1820 г. на 6.750 руб., в 1821 г. на 4.810 руб. и в 1822 г. только на 1.599 руб. 50 коп. [32, д. 27, л. 6, 10 об., 14 об.].

С 1823-го по 1825 г. работы в основном велись только в «теплом соборе» – церкви иконы Божией Матери «Живоносный Источник».

В 1826 г., как мы писали выше, начались работы по правке треснувшего столпа собора. В 1827–1829 гг. при архитекторе Соколове продолжились работы *«онаго столпа»* Озерским крестьянином Степаном Петровым; крышу покрасили крестьяне Выездной слободы Иван Спиридонов, Степан Усинов, Димитрий Шишулин; плотничьи работы для глав сделал той же слободы крестьянин Григорий Бодягин; оштукатурил собор Озерский крестьянин Михайла Куприянов; кузнец Алексей Алексеев Еремеев в 1829 г. сделал железные решетки [32, д. 32, л. 28 об., 29, 29 об., 35, 36 об., 39].

В 1830 г. кузнец Еремеев поставил железные двери [32, д. 32, л. 42 об.].

В 1831 г. был закуплен сухой сосновый и еловый лес для пола [32, д. 32, л. 48 об.].

В июле 1832 г. *«за иконостас в новостроющийся Собор Арзамасскому мещанину Федору Коринфскому заплачено в придел Покрова Богородицы»* [32, д. 32, л. 51 об.]. Всего за изготовление иконостаса в указанный придел старший брат архитектора Коринфского получил 314 руб.

В октябре 1832 г. *«отдано плотнику Николаю за работу плотничную в новом Соборе для входов вверх»* [32, д. 32, л. 53 об.].

В апреле 1833 г. *«за лес для решетин под крышу в новостроющийся Собор и балки 100 рублей. За плотничью работу на оной же предмет 150 рублей [Николаю Мошенцову]»* [32, д. 32, л. 56 об.].

В мае 1833 г. *«взято из лавки купца Быстрова для перекрытия нового Собора листового железа 70 пудов и 20 фунтов»*, а *«за покрытие кровли железом Выездной слободы крестьянину Михайле Пупкову заплачено 160 рублей»* [32, д. 32, л. 57]. Плотник Николай Мошенцов (Мешенцов) установил 40 рам в стенах.

В марте 1834 г. начались закупки материала для установки лесов для стенной росписи. *«В новостроющийся собор для подмостки лесов на расписание онаго за бревна, жерди, разный тес, канаты и веревки итого 165 руб-*

лей 90 копеек, куплено у разных на торгу плотником Новоусадским Николаем» [32, д. 32, л. 63 об.].

В апреле 1834 г. леса были установлены. *«Плотнику Новоусадскому Николаю Мошенцову за отделку кельи и подмостку лесов в холодном Соборе для стенного росписания онаго отдано 101 рубль»* [32, д. 32, л. 64 об.]. В мае для стенного расписания были оплачены краски, мел и клей; вставлены стекла. А артель *«Осипа Семенова с прочими»* получила в задаток 500 руб. [32, д. 32, л. 65 об.]. Таким образом, у нас есть все основания считать, что роспись собора началась в мае 1834 г. Пасха в том году, между прочим, была 4 мая. У Щеголькова и здесь ошибка – по его словам, росписи начались только в 1835 г. [1, с. 53].

Но более подробно об иконописцах и художниках, расписавших собор, будет рассказано ниже. А сейчас продолжим хронологию работ.

В марте 1835 г. *«за столярную работу и резьбу иконостаса во Всесвятский придел нового Собора отдано Арзамасскому мещанину Василью Алексееву Ломакину 1840 рублей. Ему же, мещанину Ломакину за столярную работу и резьбу иконостаса в придел Святителя Митрофана отдано 3000 рублей. Отдано за позолоту придела Всесвятского Арзамасскому мещанину Филиппу Крылову 2300 рублей. За большое паникадило о 30-ти подсвечниках, купленное в прошедшем году на Макарьевской ярмарке в новый Собор (ценою за 2200 рублей) заплачено Московской купчихе Наталье Котельниковой 1168 рублей»* [32, д. 32, л. 72].

В апреле 1835 г. *«отдано подрятчику Арзамасскому мещанину Василью Алексееву Ломакину за столярную и резную работу двух ярусов в настоящий храм Воскресения Господня»* [32, д. 32, л. 73].

В 1836–1837 гг. были оплачены иконы, позолота иконостаса Филиппом Ивановым Крыловым и роспись собора.

В 1838 г. *«за железную работу на Новом Соборе заплачено Выездной слободы крестьянину Семену Васильеву Усанову»*, а *«за щекотурную работу около куполов Нового Собора заплачено щекотуру села Панова крестьянину Степану Иванову»* [32, д. 32, л. 94, 95 об.].

Иконописцы В. Савин, И.А. Гладков, И.А. Лебедев

Арзамасский мещанин Василий Савин написал для собора одну икону – святителя и чудотворца Николая, за которую в августе 1832 г. получил 25 руб. [32, д. 32, л. 52 об.].

Тогда же получил свой первый заработок арзамасский мещанин Иван Алексеевич Гладков (Глатков) *«за два образа на столпы: 1-й на одной деке Иоанн Предтеча со святители и мученики; 2-й Преображения Господня, из свечной суммы 40 рублей, а из кошельковой 60 рублей»* [32, д. 32, л. 52 об.]. В сентябре 1833 г. он же получил 95 руб. *«за два больших образа… Рождества Христова и Сретения»* [32, д. 32, л. 61]. В апреле 1834 г. ему оплатили «за два образа на стены в холодный Собор: 1-й Муромских князей, 2-й Соше-

ствия Святого Духа… 61 рубль 70 коп.» [32, д. 32, л. 64]. В 1833–1834 гг. им были написаны образа в придел Всех святых [32, д. 32, л. 58, 64 об.].

По 8-й ревизии мещан Арзамаса в 1834 г. И.А. Гладкову значилось 37 лет [17, д. 1104, л. 117 об. – 118]. Известен он был не только в Арзамасе: в 1837–1838 гг. им были написаны иконы для Владимирской церкви Оранского Богородицкого монастыря [33, с. 69]. Умер И.А. Гладков 20 декабря 1868 г. в Арзамасе [34, д. 1, л. 79 об. – 80].

Титулярный советник Иван Алексеевич Лебедев с апреля 1834 г. по август 1837 г. написал иконы в приделы святителя Митрофана Воронежского и Иоанна Воина [32, д. 32. л. 64, 69, 78, 79 об., 87 об.], всего на 1.000 руб. (для сравнения – Гладков получил 620 руб.). Лебедев – любимый ученик А.В. Ступина, по собственному его признанию [15, с. 398]. Родился он в 1787 г., крепостной капитана Дмитрия Свищова. В школе Ступина с 1 января 1799 г. по 20 июля 1811 г. [35, д. 123, л. 44–45]. В упоминавшейся поездке в Петербург (1809 г.) Ступин захватил рисунки Лебедева [15, с. 399], за которые тот получил от АХ серебряную медаль второго достоинства. В это время Лебедевы уже были отпущены на волю, что сообщает сам Ступин и видно из благодарности от *«отпущенного на волю Алексея Лебедева»* за его сына Ивана А.В. Ступину [6, д. 1589, л. 13]. Таких благодарственных аттестатов Ступин привез тогда в АХ девять штук.

В сентябре 1810 г. Лебедев написал прошение с просьбой принять его учителем рисования в Арзамасское уездное училище вместо заболевшего учителя [35, д. 1, л. 50]. Несмотря на поддержку Ступина [35, д. 1, л. 48], эта попытка оказалась неудачной. Но через год новое прошение было удовлетворено, и с 1 сентября 1811 г. Лебедев – учитель рисования в Арзамасском уездном училище, *«но не принят еще в действительную службу»* [36, д. 12, л. 1] (в решении данного вопроса ему помогло ходатайство АХ).

Его чиновничья карьера сложилась вполне успешно, произведен в чины со старшинством: коллежского регистратора в 1815 г., губернского секретаря в 1818 г., коллежского секретаря в 1821 г., титулярного советника с 31 декабря 1824 г. Получил *«знак отличия безпорочной службы за XV лет»*. В ноябре 1833 г. ему была объявлена благодарность Совета Казанского университета. Штатного жалования получал 200 руб. в год [35, д. 560, л. 108 об.].

Лебедев помогал Ступину по его школе, а также имел своих учеников (чаще всего, двоих), которые по окончании обучения получали аттестат от Ступина. А ученик Лебедева Иван Матвеевич Свешников в 1845 г. Академией художеств был удостоен *«звания неклассnаго художника. Живописец портретный»* [16, с. 177].

Из формулярного списка Лебедева за 1837 г.: *«С 15 сентября 1836 г. по сие время классы по болезни не посещал и потому по службе за сей год не рекомендуется; впрочем сей учитель прежде отличал себя усердием к должности; относительно же поведения и ныне вообще известен с похвальной стороны. Женат, имеет сына Павла, 1 год»* [35, д. 560, л. 109].

Уволен в отставку 28 августа 1837 г. Умер 29 августа 1855 г. *«от простуды»* [27, д. 1702, л. 304 об.].

Живописцы Осип Семенов Серебряков и Егор Федоров

Работа по росписи собора началась в мае 1834 г. с получения задатка в 500 руб. *«Осипом Семеновым с прочими»* и окончена в 1837 г. Восьмого июля *«еще за стенное росписание в Новом Соборе живописцу Осипу Семенову додано 90 рублей»* [32, д. 32, л. 87]. Всего за работу эта артель получила 2.272 руб.

Встречаются в документах живописцы Александр Серебряков [32, д. 32, л. 86] и Егор Федоров, которому в октябре 1834 г. *«за стенное росписание в холодном Соборе отдано 300 рублей»* [32, д. 32, л. 69]. Но кто эти живописцы, их происхождение, откуда они родом, было неизвестно. Из вводных это голословное утверждение Щеголькова, что Осип Семенович Серебряков – ученик Ступина [1, с. 54], а также находка саровского исследователя В.А. Степашкина о смерти 9 мая 1862 г. монаха Саровской пустыни.

«Иосиф (Семен Серебряков) рясофорный монах, 80 лет. Живописец клеевых стенных работ особенных способностей. Урожденец г. Арзамаса. В 1845 году росписывал с детми своими церковь Живоноснаго Источника в куполе, а большие картины по стенам писал сын его Александр…» [37, д. 27, л. 56 об.].

Поиск упоминания Осипа Семенова ни по ревизским сказкам г. Арзамаса, ни по исповедным книгам церквей г. Арзамаса ничего не дал. Но помог случай…

По окончании работ в соборе 8 ноября 1837 г. Егор Федоров и дочь Осипа Семеновича Серебрякова Мария были венчаны в Духовской церкви г. Арзамаса. *«Арзамасский мещанин Егор Федоров Чернев холост и подпорутчика Михайла Васильева Грушецкого дворового его человека Иосифа Семенова Серебрякова с дочерью мещанскою девицею Марьею Осиповою. Поручители… по невесте Гна Михаила Васильева Грушецкого дворовый человек Александр Осипов… Все они живут в г. Арзамасе»* [27, д. 1700, л. 137 об.].

Поиск продолжился по ревизским сказкам среди дворовых М.В. Грушецкого и увенчался успехом.

Дворовый Осип Семенов, 25 лет в 1812 г. (т.е., 1786 или 1787 г.р.). Приписан *«Нижегородской губернии Семеновского уезда деревни Ямнова вотчины Лейб Гвардии порутчика Михайлы Васильева сына Грушецкого»*, а в 1813 г. с другими дворовыми *«переведен в Московскую губернию Дмитровский уезд в сельцо Носково»* [17, д. 701, л. 33]. Вот почему О. Семенову с работниками в мае 1834 г. выдали задаток в 500 руб. – для обустройства в Арзамасе.

Егор Федоров Чернев в арзамасские мещане был приписан в 1834 г., и было ему тогда 26 лет. Тогда же и получил фамилию Чернев, а до этого Егор Федоров, дворовый Чемоданова [17, д. 1104, л. 457 об., 471 об.], вероятно, Алексея Егоровича – Арзамасского предводителя дворянства и почетного

смотрителя Арзамасского уездного училища. Умер Е.Ф. Чернов (Чернев) 10 ноября 1868 г. в Арзамасе [38, д. 2, л. 149 об. – 150].

А Осип Семенов с сыновьями Александром и Иваном получили свободу позже: в 1850 г. они были приписаны к арзамасским мещанам. В ревизской сказке 1850 г. сделана пометка, что к 5 августа все души в наличности *«показаны и прописных нет в том Арзамаской мещанин Осип Семенов, а вместо его за болезнию его правой руки по его велению сын его Арзамаской мещанин Александр Осипов руку приложил»* [17, д. 1612, л. 1008 об., 1009]. Осипу Семенову показано 64 года, Александру – 32 года и Ивану – 22 года.

А.О. Серебряков умер 9 ноября 1851 г. [39, д. 1, л. 102 об.-103]. Через год, 14 декабря 1852 года умерла М.О. Чернева [39, д. 1, л. 123 об.-124]. А на странице ревизской сказки появилась пометка *«об увольнении Осипа Семенова в монашество прошение Д-7-56 г. дело 1857 г. № 196»* [17, д. 1612, л. 1008 об.].

Портрет старца Серафима работы О.С. Серебрякова стал каноническим при создании иконографии преподобного.

О работах О.С. Серебрякова и Е. Федорова в соборе написал в 1958 г. упоминаемый выше историк архитектуры Г.И. Гунькин. *«Об авторской принадлежности росписей можно судить только по косвенным данным. Знакомясь с реставрационными работами в 1957 г., нам посчастливилось видеть на верхней полочке архивольта восточной подпружной арки (внутри барабана) оригинальную надпись: “1780 сей писака Егор Федоров 1835 г.” (там имеются и другие надписи, но они так сильно стерты, что прочитать их не представляется возможным)… поскольку надпись сделана на подпружной арке главного барабана, то из этого можно заключить, что масляная живопись в главном куполе, изображающая Триипостасное божество, клеевая роспись двенадцати апостолов на простенках окон барабана и четырех евангелистов на парусах выполнены Е. Федоровым. В самом деле, только желая выделить свою часть работы, мастер мог поставить свою фамилию. А дата 1835 г. рассматривается нами, как год окончания работы. Остальные росписи внутренних стен храма мы относим к артели художников, возглавлявшейся Осипом Семеновичем Серебряковым»* [40, № 244].

По мнению Г.И. Гунькина, *«техника письма и композиция картин “Поклонение волхвов”, “Поклонение пастырей”, роспись купола и др. на сводах и стенах Смоленской церкви села Выездное говорят о том, что они несомненно принадлежат кисти артели художников, возглавляемой О. Серебряковым. Той же артели следует отнести и росписи стен в доме по улице Ленина, 20»* [40, № 242].

Им обнаружен контракт, заключенный в июне 1845 г. О. Серебряковым на росписи стен клеевыми красками теплого собора (при его капитальном ремонте в 1885 г. он подвергся большим переделкам, росписи были сбиты и заменены новыми) [40, № 242].

Критично высказался Г.И. Гунькин о книгах Н.М. Щеголькова. *«Хотя Н. Щегольков писал свои труды на основе архивных документов, тем не ме-*

нее, в них много неточностей и неверных выводов. Все великолепие внутреннего убранства он ставил в заслугу по существу только двум лицам: О. Серебрякову и В. Ломакину. В действительности здесь трудился огромный коллектив различных мастеров, руками которых вырезались изумительного рисунка затейливые узоры иконостасов, осуществлялась лепка архитектурных форм и богатая роспись стен» [40, № 236].

А.В. Ступин и его ученики

Г.И. Гунькин работал над документами по Воскресенскому собору в Арзамасском архиве, в т.ч. с теми, которые ныне утрачены (например: ГАНО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 1. Д. 47). По версии работников архива, утрата произошла во время проводимых архивом выставок, посвященных А.В. Ступину.

Формат газетной публикации не позволил Гунькину давать ссылки на архивный документ, но он их цитирует. *«В той же "Книге записи расхода денежных средств" за декабрь 1848 г. прямо записано: "Отдано за написание четырех образов на холодном соборе снаружи во фронтонах с четырех сторон, именно: воскресения Христа от гроба, Святыя троицы, Покрова Богородицы, всех святых, и на восточной стороне спасителя седящаго на престоле: Академику Александру Васильевичу Ступину серебром три ста пятьдесят рублей серебром". В подписи написано: "оные деньги три ста пятьдесят рублей серебром получил Академик Александр Ступин и расписался"... Документы неопровержимо подтверждают непосредственное участие А.В. Ступина в росписи наружных стен арзамасского Воскресенского собора»* [40, № 245].

Но, безусловно, Ступин, как и остальные подрядчики, возглавлял артель. Его артель – это ученики его школы. И самый знаменитый из них – будущий великий художник Василий Перов, которому в тот год было 14 лет. Годы его обучения у Ступина с 1846-го по 1849-й.

В своих воспоминаниях о школе Ступина он называет двух учеников. Как писали биографы В.Г. Перова, *«некто Ивановский»* [41, стб. 80], его товарищ, и *«некто Гусев»* [41, стб. 81]. С ним произошел конфликт, из-за которого Василий покинул школу. Назовем этих «некто». Ивановский Федор Николаевич, арзамасский мещанин (в 1848 г. ему было 18 лет [42, д. 1340, л. 90]) и Михаил Константинович Гусев, краснослободской 3-й гильдии купеческий сын, 20 лет.

Перечислим остальных учеников в тот год:

Г. Лебедева дворовый человек Гавриил Петров Малышев – 23 года.

Нижегородский мещанин Сергей Сергеев Иванов – 20 лет.

Г. Сущева отпущенник Александр Александров Дмитриев – 19 лет.

Московский цеховой Иван Тимофеев Мордашев – 17 лет.

Покровский мещанин Александр Васильев Клеонов – 16 лет.

Горбатовский мещанин Петр Алексеев – 15 лет.

Вольноотпущенный Михаил Митрофанов Лебедев – 18 лет.

Иностранец, прусский подданный Андрей Андреев Имсен – 20 лет [42, д. 1291, л. 83-83 об.].

Г.И. Гунькина интересовало также участие Ступина в написании икон в самом храме. *«Прежде всего, мы имеем в виду две местные хорошо сохранившиеся иконы в главном иконостасе… Из всех икон собора они отличаются четкостью рисунка, прекрасной лепкой форм и светлой гаммой коричневатых тонов. Они, безусловно, написаны уверенной рукой зрелого мастера, прошедшего академическую выучку. Судя по тому, что в нише с восточной наружной стороны Ступиным была изображена фигура Спасителя в тех же формах, как и в иконостасе, вернее – повторена со всеми подробностями, но только больших размеров, мы считаем Ступина автором и этих икон»* [40, № 246].

Но в авторстве этих икон признавался и сам Ступин: *«Сентября 15* (1840 г. – ***А.М.***) *происходило освящение настоящаго престола в арзамасском Воскресенском соборе преосвящен. Иоанном, при стечении многочисленного народа разного звания, и после освящения дан был обед как преосвященному, так и почетным гражданам, куда и я был приглашен, как трудящийся для того собора – написанием на правой стороне придела, также в настоящий иконостас двух местных образов: Спасителя и Божия Матери, на престоле сидящих»* [15, с. 417].

Здесь два признания – написание икон для правого придела и упомянутых двух икон в *«настоящий иконостас»*, который в тот день освящали. С правой стороны в соборе два придела: во имя Св. Митрофана Воронежского, иконы для которого были написаны И.А. Лебедевым, и Покрова Богородицы, иконостас которого сделал Ф.П. Коринфский, а авторство икон до сего момента было неизвестно. Поэтому Ступин или его ученики – авторы икон придела Покрова Богородицы.

Не доверять «Запискам» Ступина нет оснований. Они были вполне публичны и послужили основой целого ряда прижизненных публикаций в губернской прессе, а также в столичном «Современнике» в 1850 г. [43].

Приписываемое Щегольковым авторство упомянутых двух икон *«профессору Алексееву»* опровергает сам академик Н.М. Алексеев. В анкете для «Сборника материалов по истории АХ» в 1869 г. он перечисляет все свои значительные работы *«…5) в Арзамасе в церкви Св. Духа в иконостас и на стенах…»* [44, д. 11, л. 54 об.]. Про работу в Арзамасе больше ничего. А профессором он хотел быть, но так и не стал.

Потерянные документы из ГАНО, г. Арзамас в последний раз упоминаются со ссылками на конкретные страницы в 2009 г. Это доклад сотрудника архива С.Н. Потанина на конференции в Арзамасе [45]. Написанный по рукописным материалам бывшего директора архива В.М. Чараевой, он содержит технические ошибки в примечаниях: в фондах нет таких описей, в деле нет столько листов и т.д. Но это не смущает некоторых архивистов и историков. Не только не дойдя до архивов, но и не сумев проверить на пра-

вильность номера описей, дел и т.д., они смело переписывают ошибки С.Н. Потанина, но на его статью не ссылаются.

Автор выражает благодарность сотруднику ГАНО, г. Арзамас И.Г. Зайцевой за содействие в написании данной статьи.

Источники и литература

1. Щегольков Н.М. Арзамасский Воскресенский Собор. История его и описание. В двух частях. С видом Собора. Составил Николай Щегольков. – Арзамас, 1909.

2. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. С видами и портретами. – Арзамас, 1911.

3. Арзамас: Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / отв. ред. А.Л. Гельфонд. – Н. Новгород: Кварц, 2013.

4. Арзамасский Воскресенский Собор. – М.: Индрик, 2011.

5. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 835. Оп. 1.

6. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1.

7. Чертежи А.Н. Воронихина. Коллекция музея архитектуры. – М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1938.

8. Гримм Г.Г. Архитектор Воронихин. – Л., М.: Гос. изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963.

9. Свирин А.Н. Сергиевский Историко-художественный музей. – М., Л.: Гос. изд-во, 1925. (Подмосковные музеи / Путеводители; Вып. 5).

10. Чудинов А. Жильбер Ромм и Павел Строганов: История необычного союза. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.

11. Мурашова Н.А. А.Н. Воронихин и Ф.И. Демерцов. Были и легенды // Панорама искусств. Вып. 13. – М., 1990. – С. 285–312.

12. Безсонов С.В. Крепостные архитекторы: I. Опыт исторического исследования. II. Словарь крепостных архитекторов. – М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1938.

13. Петров П.Н. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ея существования. Ч. 1. – СПб., 1864.

14. Аплаксин А. Казанский собор 1811-1911 в Санкт-Петербурге. – СПб., 1911.

15. Собственноручные записки о жизни академика А.В. Ступина // Щукинский сборник. Вып. III. – М., 1904. – С. 369–482.

16. Кондаков С.Н. Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – СПб., 1915.

17. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 60. Оп. 239 а.

18. Малышев А.В. Архитектор Михаил Петрович Коринфский (1782–1851). Домыслы и факты биографии, 1782–1814 гг. // Нижегородский край в истории России (Памяти профессора Н.Ф. Филатова): материалы IV научной конференции 29 апреля 2015 года. – Н. Новгород: Изд-во Pixel-print, 2015. – С. 105–116.

19. ЦАНО. Ф. 118. Оп. 26 а.

20. Петров П.Н. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ея существования. Ч. 2. – СПб., 1865.

21. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 123. Оп. 1.

22. Андрей Никифорович Воронихин. Мастер, эпоха, творческое наследие: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию архитектора А.Н. Воронихина (1759–1814), 28-30 октября 2009 г. – СПб., 2010.

23. Евгений (Болховитинов), митрополит. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. 1. – М., 1845.

24. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Выпуск первый. – СПб., 1869.

25. Гунькин Г.И. К архитектурному наследию В.И. Баженова // Неизвестные и предполагаемые постройки В.И. Баженова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.

26. Некрология // Сын Отечества. – 1814. – № 12. – С. 231–236.

27. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 4.

28. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 33. Оп. 2.

29. ЦАНО. Ф. 1429. Оп. 717.

30. Пискарев П.И. Арзамасский Воскресенский собор // Тамбовские губернские ведомости. Отдел неофициальный. – 1857. – № 5. – С. 21.

31. ЦАНО. Ф. 671. Оп. 1.

32. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 1.

33. Макарий (Миролюбов), иеромонах. Описание Оранской Богородицкой пустыни, составленное профессором, иеромонахом Макарием. – М., 1851.

34. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 61. Оп. 2.

35. ЦАНО. Ф. 505. Оп. 407.

36. РГИА. Ф. 733. Оп. 16.

37. Центральный государственный архив республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 1. Оп.2.

38. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 2.

39. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 195. Оп. 1.

40. Гунькин Г. А.В. Ступин и строители Воскресенского собора // Арзамасская правда. – 1958. – №№ 235, 236, 242, 244, 245, 246.

41. Собко Н.П. Словарь русских художников… Т. 1–3. – СПб., 1893-1899. – 3 т.; Вып. 1. – П: (700 имен). – 1899.

42. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559 а.

43. Терещенко А. Академик А.В. Ступин // Современник. Т. XXIII. № 10 (Октябрь). Отд. VI. – 1850. – С. 123–140.

44. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Литера А.

45. Потанин С.Н. Арзамасский живописец и его школа // Карповские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Русское народное слово в языке и речи», 22–24 октября 2009 г. – Арзамас, 2009. – С. 208–214.

УДК 908

О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЯХ В СЕЛЕ ВИНЯЕВО АРДАТОВСКОГО УЕЗДА В 50-е гг. XIX ВЕКА

ABOUT PEASANT REVOLTS IN THE VILLAGE OF VINYAEVO ARDATOVSKY DISTRICT IN THE 50ies OF THE XIX CENTURY

Е.И. Маслова[1], А.И. Щетинин[2]

E.I. Maslova, A.I. Schetinin

[1] Независимый исследователь (г. Нижний Новгород)

E-mail: schetinina.katerina@yandex.ru;

[2] Независимый исследователь (г. Арзамас)

E-mail: aleksej-shhetinin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, относящиеся к крестьянским волнениям в селе Виняево Ардатовского уезда в середине XIX века. Анализируются причины, характер и последствия этих волнений, поднимается тема взаимоотношений между

помещицей и крестьянами. Особое внимание уделено конкретным участникам этих событий.

Ключевые слова: Виняево; крестьяне; помещица; волнения; прошение.

Summary. The article discusses issues related to peasant unrests in the village of Vinyaevo Ardatovsky district in the mid-nineteenth century. The reasons, character and consequences of these unrests are analyzed, the subject of relationship between the landowner and peasants is raised. Special attention is paid to the specific participants of these events.

Key words: Vinyaevo; peasants; landowner; unrests; petition.

Крепостное право к середине XIX века превратилось в одну из самых острых проблем в русском обществе. Крестьяне, уставшие от произвола и поборов помещиков, отчаянно стремились к свободе, в связи с чем росло и количество беспорядков. Они заключались в отказе крестьян от повиновения своим помещикам, от выплаты оброка, массовых побегах. Волнения, произошедшие в начале 1850-х гг. в селе Виняево Ардатовского уезда (сейчас село относится к Арзамасскому району) явились частью той общей картины, которая сложилась на территории Нижегородской губернии накануне проведения крестьянской реформы.

В селе Виняево, расположенном в 27 верстах от уездного города Ардатова, согласно IX ревизии (1850 г.) проживало 480 человек, из них 225 – мужского пола и 255 – женского [1, д. 1603, л. 475]. Село было помещичьим и с 1827 г. принадлежало гвардии прапорщице Варваре Петровне Киреевой. Сама она здесь не жила, а всеми делами ведал управляющий, который, впрочем, не имел никаких жалоб на крестьян. Те регулярно, в полном объеме платили оброк и не были замечены ни в каких противоправных действиях.

Однако примерно с 1850 г. среди крестьян стали распространяться слухи о якобы неправильном владении ими помещицей Киреевой. Информация была основана на том, что после смерти прежней владелицы, графини Разумовской, Киреева взяла виняевских крестьян в арендное держание сроком на 25 лет. Срок этот подходил к концу, и крестьяне с нетерпением ожидали приближающейся свободы. Кроме того, народные чаяния подогревал некий чиновник из Нижнего Новгорода, Семен Светов [2, с. 552]. Письмо от него было обнаружено у одного из крестьян. В письме С. Светов сопереживал крепостным и давал некоторые советы. Для получения подтверждения своим надеждам двое крестьян – Михаил Прокофьев (читай: «Прокофьев сын», т.е. Прокофьевич; здесь и далее указаны отчества, которые тогда у крестьян фиксировались так – ***Авт.***) Понятов и Ефрем Михайлов Вязов – отправились в Ардатов, где занялись поиском документов по интересующему их вопросу, но ничего не нашли. После этого подозрения в том, что помещица владеет виняевскими крепостными незаконно, только усилились.

На общем сходе сельчан было решено прекратить выплату оброка, в принципе для них не обременительного, о чем сами они свидетельствовали позднее. Кроме этого, было решено выбрать ходоков в Петербург для подачи самому императору прошения об отыскании вольности. Всего, как свиде-

тельствуют архивные документы, состоялось три «хождения» в столицу. Первыми для этой цели были выбраны крестьяне села Виняево Михаил Прокофьев, Понятов и Алексей Петров Жуков, а также крестьянин Федор Егоров из деревни Голяткино, которая тоже принадлежала В.П. Киреевой. Вскоре были собраны необходимые деньги, и в конце лета 1850 г. ходоки отправились в путь.

В октябре того же года вновь из села Виняево отправились в Петербург крестьяне – Федот Парамонов Вязов и Семен Лаврентьев Рябов. Уже позднее, во время следствия, Федот Вязов так описывал это:

«…В прошлом 1850 году в октябре месяце, а которого числа не упомнит он, Парамонов, с одновотчинным и односельским крестьянином Семеном Лаврентьевым отлучились в С. Петербург, а до них ушли туда Алексей Петров и Михаил Прокофьев и деревни Голяткина Федор Егоров, без письменных видов, по одним выданным им от общества приговорам за рукоприкладством умеющих грамоте крестьян для подачи Государю Императору просьбы о востребовании с помещицы Киреевой купчей крепости, потому что им неизвестно, по какому именно праву она владеет крестьянами, находящимися в селе Виняево и деревне Голяткино. По прибытии в Санкт-Петербург они остановились на постоялом дворе в Ямской улице у дворника Федора Прохорова, где находились и Петров с Прокофьевым и Егоровым. Первоначально подано прошение Господину министру внутренних дел, каковую просьбу писал им неизвестный человек; вследствие этой просьбы их послан был запрос к Господину Нижегородскому военному губернатору и до получения на оный ответа они проживали в Санкт-Петербурге у означенного дворника и ожидали, какой будет прислан от Господина Военного губернатора ответ. Когда был получен таковой, то о содержании оного по приказанию Господина Министра Внутренних дел им было через чиновника объявлено: в том, что вся вотчина находится в должном повиновении. После этого они отыскали чиновника Павла Алексеева, фамилии не упомнит, проживающего на Кобыльей улице, на квартире, но у кого неизвестно, равно в какой части и квартале не знают, который со слов их написал просьбу Государю Императору о неправильном владении ими помещицею Киреевой…» [3, д. 2241, л. 385–385 об.]. За услугу чиновнику было заплачено 3 рубля серебром. Это прошение они намеревались подать уже лично императору.

Спустя некоторое время крестьяне ожидали государя возле Зимнего дворца и при его появлении обратились к нему со своей просьбой. Николай I приказал своему флигель-адъютанту взять их прошение, а им самим было велено возвратиться домой и ожидать ответа. Ф. Вязов и С. Рябов отправились назад, а А. Жуков остался в Петербурге (М. Понятов же покинул столицу раньше, еще до встречи с государем).

Вязов и Рябов прибыли в Виняево 9 мая 1851 г., но уже через три дня вновь были отправлены в столицу в качестве ходоков, чтобы подать прошение о нестеснении крестьян вплоть до разрешения дела. Однако

на этот раз они были пойманы в Нижнем Новгороде управляющим имением Киреевой господином Вишневским и отправлены в полицию. Всем остальным крестьянам было приказано оставаться в должном повиновении своей помещице.

Таким образом, выясняется, что первые ходоки – Понятов и Жуков – отправились в столицу летом 1850 г. и подали свое прошение министру внутренних дел. Вторые – Вязов и Рябов – покинули Виняево в октябре того же года, и их прошение было передано уже императору. Но был еще и третий ходок – Василий Евдокимов Пеканов, однако его роль не совсем ясна. По утверждению самого Пеканова на последующих допросах, он был избран в ходоки на сходке 25 июля 1851 г., то есть уже после ареста предыдущих ходоков [3, д. 2399, л. 36 об.]. Его слова подтверждали и односельчане – Ерофей Петров Ушаков, Афанасий Егоров Щетинин, Ермолай Михайлов Корчагин, Федор Прокофьев Понятов и др. Согласно их показаниям, сходка состоялась в проулке напротив дома Лаврентия Ионова Рябова, где и был избран В. Пеканов. Но другие крестьяне – Архип Федоров Кисляков, Давыд Дмитриев Чудаков, Григорий Михайлов Клыков, Карп Петров Вилков – не согласились с этим. Так, Архип Кисляков в Ардатовском уездном суде дал следующие показания: *«Архипом меня зовут Федоров сын. От роду имею 66 лет. Веры православной, на исповеди и у Святого причастия бываю, грамоту знаю, в штрафах и под судом никогда ни за что не находился. Вотчины Г. Киреевой села Виняева крестьянин, где и в сказках 9-ой ревизии показанным состою. В селе Виняево для выбора односельского крестьянина Василья Пеканова в С. Петербург в ходоки я на сходке не был и была ли таковая когда-либо для сего предмета сходка не знаю, и сам его в ходоки не избирал, что и показал по самой сущей справедливости»* [3, д. 2399, л. 27].

Вполне возможно, что часть виняевских крестьян, видя безуспешность поданных прошений, или же испугавшись возможных последствий, оставили попытки добиться свободы, но другая часть не отступала, в том числе и В. Пеканов. Он отправился в Петербург, где лично подал прошение императору и возвратился в родное село в феврале 1852 г., но результат оставался тем же – крестьянам было велено подчиниться Киреевой и прекратить попытки к освобождению.

В то время, когда В. Пеканов был в столице, участники первых двух «ходок» находились в Ардатовской тюрьме. От наказания удалось скрыться лишь М. Понятову. С этого момента волнения в Виняеве перешли в следующую стадию – от мирной подачи прошений к более решительным действиям.

В июле 1851 г. крестьяне, численностью от 50 до 70 человек, прибыли в Ардатов, чтобы попытаться освободить своих односельчан [2, с. 553]. По приказу Ардатовского уездного предводителя дворянства были схвачены главные зачинщики, начались беспорядки. Начальник Ардатовской инвалидной команды штабс-капитан Николай Гордеевич Григорьев, описывая данное происшествие, отмечал, что схваченные из толпы крестьяне кричали: *«Православные, нас одних обижать не выдавайте!»* [3, д. 2292, л. 37 об.]. Осталь-

ные своим натиском чуть было не смели предводителя дворянства Левашова и непременного заседателя Маслова, но были отброшены солдатами инвалидной команды. Выставив вперед штыки, штабс-капитан Григорьев пригрозил крестьянам, что если те не усмирятся, то будут приняты суровые меры. Это в какой-то мере напугало и успокоило крестьян, и они покинули Ардатов под конвоем солдат. Но теперь в тюрьме оказались, помимо самих ходоков, еще и те, кто пытался их освободить.

С этого момента волнения в Виняеве стали спадать, хотя некоторые крестьяне еще продолжали упорствовать в своих намерениях добиться свободы. Так, например, М. Понятов, долгое время скрывавшийся, несколько раз возвращался в родное село, чтобы собрать среди односельчан денег на новый поход в Петербург. Однако поддержки он не получил.

В октябре 1851 г. состоялся суд над арестованными. Им вменялось в вину неповиновение своей помещице, самовольные отлучки, подачи жалоб императору, сопротивление властям. Некоторые из крестьян во время следствия признались в своих заблуждениях, дали добровольные показания и подписку о последующем повиновении Киреевой. Среди них были Ефрем Вязов и голяткинский крестьянин Федор Егоров, которых вскоре освободили из заключения. Отказавшиеся дать подобную подписку были приговорены к 60 ударам розгами и передаче в арестантские роты гражданского ведомства. Таковых было шесть человек: Василий Спиридонов Емельянов 41 года, Федот Парамонов Вязов и Семен Лаврентьев Рябов 46 лет, Алексей Петров Жуков 54 лет, Савостьян Михеев Кондаранцев 59 лет, Василий Евдокимов Пеканов 62 лет [3, д. 2241, л. 403].

Определить точный срок их пребывания в тюрьме довольно затруднительно. Согласно ревизской сказке 1858 г. они все еще находились в заключении. По метрическим книгам села Виняево эти крестьяне встречаются в качестве восприемников при крещениях или поручителей при венчаниях с 1865 г. [4, д. 1, л. 451]. Следовательно, они были освобождены в период между 1858 и 1865 гг. Но вернулись в родное село не все. Записей о смерти Савостьяна Кондаранцева и Василия Емельянова в метрических книгах Виняева нет. Вполне возможно, что они скончались во время своего заключения.

Таким образом, волнения виняевских крестьян, стремившихся получить свободу, окончились неудачей. Село осталось во владении помещицы Киреевой, а наиболее активные участники этих событий были арестованы. Прекращение сопротивления, вероятно, было связано не только с вмешательством властей, но и с тем, что уже в 1852 г. (или в 1853 г.) Варвара Петровна Киреева умерла, и владение перешло к ее внукам. А 19 февраля 1861 г. был подписан Манифест об отмене крепостного права, который, несмотря на всю свою противоречивость, определенно внес изменения в жизнь крестьян.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 60. Нижегородская казенная палата. Оп. 239 А.

2. Действия НГУАК. Т. 1. Вып. 1: XVI. Заседание 22 октября 1891 г.
3. ЦАНО. Ф. 152. Ардатовский уездный суд Нижегородской губернии. Оп. 96.
4. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (ГАНО, г. Арзамас). Ф. 207. Успенская церковь с. Виняево Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Оп. 1.

УДК 94(47).081(093)

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ И ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА ЧЕРНЯЕВА

PUBLICISTIC AND EPISTOLAR HERITAGE OF MIKHAIL GRIGORIEVICH CHERNYAEV

Ю.А. Курдин[1], А.Р. Панов[2]

Yu.A. Kurdin, A.R. Panov

[1] Арзамасский филиал ННГУ, кафедра русского языка и литературы, кандидат филологических наук, доцент
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: yukurdin@mail.ru

[2] Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания, доктор исторических наук, доцент
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: panov_alexandr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению публицистического и эпистолярного наследия генерала М. Г. Черняева – участника среднеазиатских походов середины 1860-х гг. и сербско-турецкой войны 1876 г. М.Г. Черняев был также публицистом и издавал газету «Русский мир»: интерес представляют его статьи, имевшие консервативную направленность. Сохранились и письма М.Г. Черняева – наибольшей исторической ценностью обладает его переписка с И.С. Аксаковым и сербским князем Миланом.

Ключевые слова: М.Г. Черняев; сербско-турецкая война 1876 г.; газета «Русский мир»; письма.

Summary. The article deals with publicistic and epistolar heritage of General M.G. Chernyaev, who have taken part in Central Asian campaigns in the mid-1860-s and in the Serbian-Turkish war of 1876. M.G. Chernyaev was also a publicist and editor of the newspaper “Russkiy Mir”: his articles of conservative orientation are of interest. Furthermore, the letters of M.G. Chernyaev are known; the most valuable is his correspondence with I.S. Aksakov and the Serbian prince Milan.

Key words: M.G. Chernyaev; Serbian-Turkish war of 1876; newspaper “Russkiy Mir”; letters.

Имя Михаила Григорьевича Черняева (1828–1898) в 60–70-е гг. XIX века было широко известно не только в России, но и за ее пределами. Наибольшую славу генералу Черняеву принесло участие в двух кампаниях. В середине 1860-х гг. он участвовал в военных действиях против Кокандского ханства. Действовавший под его началом отряд в 1864 г. захватил город Чимкент, а летом 1865 г. быстротечным штурмом был взят Ташкент, в кото-

ром Черняев прожил около года в качестве губернатора Туркестанской области. Тем самым ценой немногочисленных жертв и без крупных затрат Российская империя приобрела обширные территории в Средней Азии. Спустя десятилетие М.Г. Черняев вновь оказался в центре внимания в связи с сербско-турецкой войной 1876 г., в которой он участвовал, будучи командующим сербской армией, причем в Сербию он прибыл, по сути, нелегально, не имея за собой поддержки российских властей. Несмотря на сочувственное отношение к сербскому выступлению российской общественности, внешнеполитический курс правительства оставался сдержанным, так что Россия вмешалась лишь тогда, когда война была проиграна. Тем не менее, события 1876 г. стали своеобразной прелюдией к победоносной русско-турецкой войне 1877–1878 гг., и показательно, что по народной популярности М.Г. Черняев в те годы вполне мог соперничать с М.Д. Скобелевым. Склонный к рискованным действиям, всегда не только имевший собственное мнение, но и пытавшийся его отстаивать, М.Г. Черняев нередко плохо ладил с начальством, что негативным образом сказывалось на его продвижении и признании заслуг. В результате Черняев несколько раз выходил в отставку (первый раз в 38-летнем возрасте), и война в Сербии стала одновременно пиком и завершением его полководческой карьеры.

Своеобразной отдушиной для энергичной натуры М.Г. Черняева, возможностью выразить свою точку зрения стала публицистическая и издательская деятельность. Любопытно, что первая известная нам оценка способностей М.Г. Черняева излагать свои мысли исходила от Николая I – в 1854 г. Черняев участвовал в дунайской кампании Крымской войны, и на искусно составленном им донесении о ходе одного из боев рукой императора было начертано: *«Заметить этого молодого офицера»* [1, с. 455].

Впоследствии М.Г. Черняев начал печататься, и его предпочтением была публицистика. Он часто обращался к полемическим темам, к тому, что волновало российское общество второй половины XIX века, и практически всегда предметом его статей являлось то, что он знал не понаслышке, а вынес из собственного опыта и личных наблюдений. Одна из первых его статей под названием «Геройский подвиг уральских казаков» была помещена в газете военного министерства «Русский инвалид» в № 20 за 1865 г. Эта краткая заметка была посвящена бою, произошедшему в декабре 1864 г. близ селения Икан: казачья сотня под командованием есаула Серова больше двух дней сдерживала атаки кокандской армии численностью свыше 10 тыс. человек. Иканская сотня потеряла половину своего состава, почти все уцелевшие казаки были ранены, однако им удалось организованно отойти, соединившись с высланным на их выручку отрядом. Сам Черняев не принимал участие в этом бою, но подвиг уральцев произвел на него большое впечатление, и он представил его русской общественности. Позднее М.Г. Черняев не раз обращался к событиям туркестанских походов, и поводом для одной из его статей стала публикация работы Е.Т. Смирнова «Султаны Кенисара и Садык». В этой книге оказались собраны разнообразные свидетельства, касающиеся борьбы

казахского хана Кенисары Касымова и его сына Садыка против России. Внимание М.Г. Черняева привлек отдельный эпизод, затрагиваемый в работе Е.Т. Смирнова, а именно бой в урочище Ак-Булак в июле 1864 г., ход которого излагался автором на основании двух источников – донесений капитана Мейера и самого Черняева. В своей статье Черняев дополняет описание боя новыми подробностями и пояснениями.

Покинув военную службу, М.Г. Черняев избрал новым делом публицистику и издательство. В 1873 г. им была приобретена газета консервативной направленности «Русский мир», настрой которой в отношении либеральных реформ Александра II был критичен. Тогда же М.Г. Черняев сближается со славянофилами, одним из лидеров которых являлся Иван Сергеевич Аксаков. Позднее, после продолжительного запрета И.С. Аксаков получил возможность издавать собственную газету «Русь», с которой Черняев также сотрудничал. Что касается «Русского мира», то несколько лет редактором газеты был Ф.Н. Берг: впоследствии он занимался изданием весьма влиятельного литературного и общественно-политического журнала «Русский вестник», в котором Черняев также печатался.

Одним из сподвижников М.Г. Черняева стал другой отставной генерал – Ростислав Андреевич Фадеев: на протяжении двух десятилетий их жизненный путь много раз пересекался. Их знакомство состоялось в 1859 г. во время службы на Кавказе при князе А.И. Барятинском, и очевидно, что уже тогда обозначилось сходство их взглядов на многие вопросы. В отставку они вышли друг за другом, причем оба вскоре после получения звания генерал-майора. Фадеев часто печатался в «Русском мире»; например, в 1874 г. вышла целая серия его статей под заглавием «Чем нам быть?» Даже Сербия соединила имена Черняева и Фадеева: последний также был готов принять участие в войне 1876 г. и возглавить сербскую армию, но был отозван русским правительством и, в отличие от М.Г. Черняева, не решился на самовольные действия. Однако, даже находясь в России, Фадеев пристально следил за развитием ситуации на Балканах, и от него исходил план поднятия антитурецкого восстания в Болгарии. Безусловно, для тех, кто поддерживал борьбу славянских народов за свободу, фигуры Черняева и Фадеева стояли рядом. Можно сказать, что именно Фадеев предельно прямолинейно обозначил необходимость решения Россией восточного вопроса и представил свое оригинальное видение его. Книга «Мнение о восточном вопросе» [2] сразу же стала сенсацией мирового масштаба и была переведена на другие языки. Р.А. Фадеев призывал разрешить восточный вопрос путем ликвидации Австро-Венгрии и разгрома Османской империи, что позволило бы осуществить объединение славянских народов в одно государство под властью русского царя. Последующий ход событий в Сербии и деятельность там М.Г. Черняева во многом могли восприниматься как первые шаги по претворению великого славянского проекта в жизнь.

Едины были Черняев и Фадеев также в оценке военных преобразований, инициированных Д.А. Милютиным, причем нельзя не отметить, что и

здесь Р.А. Фадеев высказался первым. Во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. выходили его статьи о вооруженных силах России, основа которых была сведена в книгу «Наш военный вопрос» (1873). В этих работах предложения военного министра подвергались критике, и отстаивались традиционные основы русской армии.

Аналогичный настрой имела весьма объемная статья М.Г. Черняева «Наше военное воспитание», опубликованная в том же самом «Русском вестнике», в котором ранее помещались статьи Р.А. Фадеева. Публикация «Нашего военного воспитания» растянулась на два года – с 1889 по 1891 гг., причем если первые две части статьи были подписаны М.Г. Черняевым, то две последние, вышедшие в свет после годового перерыва, имели анонимный вид. Вероятно, объяснение нужно искать в том, что в 1890 г. Черняев был возвращен в Военный совет, из которого ранее он был исключен, и это наложило определенные ограничения на его свободу в публичных суждениях. Вместе с тем, не приходится сомневаться, что даже если сам текст окончания статьи не был написан непосредственно самим Черняевым, там была в полной мере отражена его позиция. М.Г. Черняев неприязненно относился к Д.А. Милютину еще с той поры, когда тот преподавал ему военную географию в Академии генерального штаба, и в последующем оставался решительным противником проводимых военных реформ, особенно введения воинской повинности и деления на округа. В статье «Наше военное воспитание», начинавшейся с исторического очерка, автор давал оценку новациям в сфере военного образования.

К началу 60-х гг. XIX века основу системы военного образования составляли кадетские корпуса закрытого типа, воспитанники которых, преимущественно дворяне, на протяжении 7–8 и более лет готовились к получению офицерского звания. Кадетские корпуса довольно дорого обходились казне, но при этом давали менее трети офицеров, поступавших на укомплектование армии. Д.А. Милютин считал систему кадетских корпусов неэффективной и преследующей не только образовательную, но и благотворительную цель. Поэтому он выступал за преобразование корпусов в гражданские образовательные заведения и одновременное создание в войсках юнкерских училищ для подготовки офицеров. Предложения Милютина нашли прохладный отклик у императора и яростный отпор со стороны защитников кадетских корпусов. Для обсуждения вопроса о преобразовании военно-учебных заведения в октябре 1862 г. был учрежден Особый комитет под председательством великого князя Михаила Николаевича. Комитет занимался анализом различных мнений и проектов, касавшихся предполагавшейся реформы: свои предложения высказали П.С. Ванновский, Н.А. Крыжановский, А.С. Платов, С.Г. Строганов, В.В. Медем и другие представители генералитета. Итогом работы комитета стал проект, предусматривавший образование юнкерских школ и реорганизацию кадетских корпусов. Хотя в окончательном проекте содержались некоторые уступки противникам предложений Милютина, в большей мере он соответствовал духу его идей. В 1863 г. реформа военно-

учебных заведений начала реализовываться: кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии и прогимназии, дававшие общее образование и потерявшие право производить своих выпускников в офицеры; подготовкой же офицеров занимались военные и юнкерские училища.

Однако два десятилетия спустя правительственная политика совершила разворот. Контрреформы Александра III охватывали, помимо прочего, и военное ведомство: в 1882 г. военно-учебные заведения опять были реорганизованы. Военным гимназиям было дано прежнее наименование «кадетский корпус», и произошел определенный возврат к дореформенным порядкам, но восстановленные кадетские корпуса имели общеобразовательную учебную направленность и не получили возможность производства офицеров.

М.Г. Черняев в своей статье вводит читателя в содержание полемики относительно военно-учебных заведений: он неоднократно цитирует тех, кто принимал участие в дискуссии, развернувшейся в начале 1860-х гг., и характеризует результаты милютинских преобразований. В целом, Черняев неустанно выражал уверенность в том, что в военном деле первенствующее значение имеет духовное начало, и в реформах Д.А. Милютина видел именно подрыв духовно-нравственных основ русской армии. Бесспорно, он приветствовал возобновление деятельности кадетских корпусов, но считал это полумерою, и его идеалом оставались традиции николаевской эпохи. Таким образом, «Наше военное воспитание» представляет интерес в том смысле, что позволяет взглянуть на военные преобразования Д.А. Милютина с точки зрения противников реформ и оценить их аргументацию.

Еще одной сквозной темой в статьях как М.Г. Черняева, так и Р.А. Фадеева [3; 4], были рассуждения геополитического характера. Помимо восточного вопроса, Фадеев высказывался о роли Кавказа для России: наиболее значимыми стали его публицистические очерки о Кавказской войне, в которых, помимо описания чисто военных событий, освещались проблемы российской политики на Кавказе в контексте выделения стратегических целей России на восточном направлении. Фадеев считал необходимостью закрепление России на Кавказе: по его словам, именно кавказская армия «держит ключ от Востока» [5, с. 40], и он именовал российской политической аксиомой исключение из западноевропейского влияния азиатской Турции, Персии, Туркестана, Афганистана, Монголии и Северного Китая, что стало достижимым после покорения Кавказа [6, с. 297].

Черняев разделял мнение Р.А. Фадеева о необходимости активизации действий России на южном направлении и обращал внимание на значение Средней Азии. При этом Черняев был не просто теоретиком: во многом именно его твердая позиция определила судьбу Ташкента в 1865 г. Если МИД и военное ведомство склонялись к объявлению независимости Ташкента, то Черняев настойчиво выступал за присоединение захваченных территорий к российским владениям, как это в итоге и произошло. Позднее, в начале 1880-х гг., когда Черняев был назначен туркестанским генерал-губернатором, он остался верен своим взглядам и предложил ликвидировать Бухарское и

Хивинское ханства: данное предложение, впрочем, было отклонено [7, с. 166]. С другой стороны, Черняев полагал, что России не стоит распылять силы и пытаться обеспечить максимальное продвижение по окраинам империи. Заметный эффект произвели две статьи Черняева, где развивались подобные идеи. Осенью 1885 г. в славянофильской газете «Русь» были опубликованы три заметки М.Г. Черняева под сводным названием «От Тихого океана до Урала». Это были размышления, навеянные недавним путешествием Черняева, когда он возвращался из Японии через Сибирь. Большую часть текста составляют описания дальневосточных поселений, в которых побывал Черняев, и получившаяся картина выглядела довольно неприглядно. Михаил Григорьевич пишет о многочисленных трудностях, связанных с освоением дальневосточного края, и общий его настрой весьма сдержан: на его взгляд, представления о неисчерпаемых богатствах Сибири не в полной мере соответствуют истине, и он советует обратиться к более доступным для поселения окраинам России, сохранив Дальний Восток как запас для будущих поколений. Его призыв властям звучал следующим образом: *«Заселите прежде благодатные места Кавказа, способные к орошению земли Туркестана, осушите Пинские болота, отдайте в непосредственное пользование народу втуне лежащие государственные земли Европейской России, ...и это послужит к усилению и обогащению государства. Об Туруханских же, Камчадальских, Амурских и иных странах с их подозреваемыми богатствами предоставьте заботы нашим пра-пра-правнукам»* [8, с. 8].

Подобный критичный тон в отношении правительственной политики М.Г. Черняев продемонстрировал и в статье «Академическая железная дорога», опубликованной в суворинском «Новом вестнике» в апреле 1886 г. Речь там шла о Закаспийской военной железной дороге, строительство первого этапа которой было завершено: Черняев скептически отнесся к идее проведения железнодорожного пути через пустынные местности и счел затраты на Закаспийскую железную дорогу бесполезными. Именно эта статья вызвала неудовольствие военного министра и стала причиной очередной отставки Михаила Григорьевича.

Помимо публикационной деятельности, Черняев вел обширную переписку: среди его адресатов были монархи, министры, видные военные, государственные и общественные деятели той эпохи.

После смерти М.Г. Черняева в 1898 г. его архив был передан в Государственный исторический музей, где эти документы находятся и поныне в Отделе письменных источников ГИМ. Существующий там фонд М.Г. Черняева (ф. 208) состоит из рукописей статей Черняева, его автобиографии и его писем различным корреспондентам, в число которых входили канцлер Российской империи А.М. Горчаков, военный министр П.С. Ванновский, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, председатель Московского Славянского комитета И.С. Аксаков, генерал И.И. Воронцов-Дашков и др.

Хранителями памяти о Черняеве стали прежде члены его семьи. Дочь генерала Антонина Михайловна Черняева не только подготовила серию пуб-

ликаций о своем отце, но и издала ряд оставшихся от него материалов. В журнале «Русский архив» были опубликованы датированные 50-ми гг. XIX века заметки Черняева, включая вышеупомянутое донесение, отмеченное императором, а также письма сербского митрополита Михаила и властителей Сербии к М.Г. Черняеву [1; 9–12].

Кроме того, под псевдонимом А. Михайлов Антонина Михайловна выпустила биографический очерк об М.Г. Черняеве в виде отдельной книги. Издание было подготовлено к 40-летию со дня взятия Ташкента и включало в себя два раздела: собственно биографическая часть и приложение, в которое вошли стихотворения, обращения и частные письма, адресованные М.Г. Черняеву (в основном, относящиеся к периоду военных действий в Сербии) [13].

После Октябрьской революции А.М. Черняева покинула пределы России: в 20–30-е гг. XX века она проживала в Югославии, а затем немецкая оккупация вынудила ее перебраться в Финляндию. До конца жизни Антонина Михайловна продолжала сбор сведений о Михаиле Григорьевиче: сочинения отца, его письма, личные воспоминания, опубликованные источники – все это легло в основу написанного ею «Жизнеописания М.Г. Черняева», которое она пыталась издать. В 1948 г. она обращалась в известное парижское издательство «Возрождение», которое как раз тогда возобновляло свою деятельность, прерванную Второй мировой войной, с предложением публикации биографии ее отца, однако, это издание так и не было осуществлено. После смерти А.М. Черняевой собранные ею материалы попали в одно из наиболее крупных архивных хранилищ Европы по истории общественных движений – Международный институт социальной истории (International Institute of Social History) в Амстердаме. Фонд М.Г. Черняева (Michail Grigor'evič Černjaev Papers) включает в себя «Автобиографию» М.Г. Черняева, его письма, фотографии, «Жизнеописание», составленное А.М. Черняевой, ее заметки.

Эпистолярное наследие М.Г. Черняева, хранящееся в Международном институте социальной истории, включает в себя несколько групп писем, объединенных адресатом или тематикой. Наибольший исторический интерес представляет переписка с И.С. Аксаковым, по большей части датированная 1876 г. Данные письма показывают, какую поддержку в ходе сербско-турецкой войны Черняев получал от Славянского комитета и от российской общественности вообще, как его деятельность воспринималась в России. Отдельный цикл писем получил название «Морское путешествие в письмах» – это послания М.Г. Черняева дочери Антонине в ходе его путешествия в Японию в 1885 г. Содержание писем отличает свойственная М.Г. Черняеву наблюдательность и основательность описаний. Также в состав архивного фонда вошли письма частного характера, относящиеся преимущественно к последним годам жизни Черняева, когда он большую часть времени жил в Санкт-Петербурге или в своем имении Тубышки – адресатом являлась его дочь Антонина.

Другие дочери М.Г. Черняева после 1917 г. оставались в России, и одна из них, Надежда Михайловна Черняева, внесла свой вклад в сохранение

наследия отца. В 1957 г. ею была передана в отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина подборка материалов о М.Г. Черняеве. В фонд Н.М. Черняевой (ф. 1009) вошли автобиография М.Г. Черняева, его статья «Туркестан», собственные заметки Н.М. Черняевой к биографии ее отца, а также ее переписка.

В советское время имя М.Г. Черняева крайне редко фигурировало в исторических работах – имелись лишь отдельные упоминания, чаще всего, в связи с событиями в Сербии в 1876 г. Так, в первом томе фундаментального издания «Освобождение Болгарии от турецкого ига» были представлены документы, иллюстрирующие добровольческое движение в Сербии в 1876 г., включая фрагменты переписки М.Г. Черняева с И.С. Аксаковым.

После длительного периода практически полного забвения интерес к М.Г. Черняеву в постсоветской историографии выделяется со всей очевидностью, и за последние два десятилетия появились специальные работы, ему посвященные [14–22]. Тем самым, объективно назрела необходимость представить широкому читателю жизнь и взгляды Михаила Григорьевича Черняева, и в 2018 г. увидело свет издание, включившее в себя его основные статьи, письма, а также автобиографию и «Жизнеописание», написанное его дочерью [23].

Конечно, объективно Черняева нельзя отнести к самым ярким представителям общественной мысли России второй половины XIX века – в этом отношении, к примеру, работы его единомышленников И.С. Аксакова и Р.А. Фадеева более глубоки и содержательны. Тем не менее, не подлежит сомнению, что в условиях происходившего тогда идейно-политического противостояния Черняев входил в ядро того направления, которое можно обозначить как консерватизм, причем консерватизм особого толка. Представители этого лагеря осознавали необходимость перемен, но при этом выступали против либеральных идей западнического типа: характерно, что Черняев сохранял свой оппозиционный настрой как при либеральном Александре II, так и в эпоху контрреформ Александра III. Таким образом, обращение к наследию М.Г. Черняева позволяет не только ознакомиться с его взглядами, но и лучше понять ту переломную эпоху, которая отразилась в его судьбе.

Источники и литература

1. Черняев М.Г. Во время русско-турецкой войны 1853–1856 гг. // Русский архив. – 1906. – Вып. 3. – С. 449–458.

2. Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе: по поводу последних рецензий на «Вооруженные силы России». – СПб.: тип. Деп. уделов, 1870.

3. Лебедев С.В., Линицкая Т.В. Русский геополитик XIX века Ростислав Фадеев // Геополитика и безопасность. – 2010. – № 1(9). – С. 29–34.

4. Сулима Е.Н., Шепелев М.А. Геополитические идеи Ростислава Фадеева // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2016. – № 4. – С. 56–66.

5. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны // Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 33–131.

6. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа. Письмо тринадцатое // Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 290–307.

7. Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. – М.: Центрполиграф, 2010.

8. Черняев М.Г. От Тихого океана до Урала // Русь. – 1885. – № 16. – С. 6–8.

9. Дневник М.Г. Черняева. 1858. Поход в Кунград // Русский архив. – 1906. – Вып. 3. – С. 459–482.

10. Черняев М.Г. Об управлении Киргизскою ордою // Русский архив. – 1906. – Вып. 3. – С. 482–486.

11. Письма митрополита сербского Михаила к М.Г. Черняеву // Русский архив. – 1907. – № 3. – С. 309–317.

12. Письма властителей Сербии к М.Г. Черняеву // Русский архив. – 1914. – Вып. 1. – С. 25-65; Вып. 2. – С. 182–198.

13. Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. – СПб.: Типолитография Б. Авидона, 1906.

14. Шемякин А.Л. Генерал М.Г. Черняев и Сербская война // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 2. – М., 2006. – С. 199–217.

15. Шемякин А.Л. М.Г. Черняев и Сербия // Величие и язвы Российской империи. Международный исторический сборник. – М., 2012. – С. 187–200.

16. Курдин Я.Ю. О возвращении забытого имени // SCHOLA-2007. Сборник научных статей философского факультета МГУ. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2007. – С. 60–63.

17. Кочуков С.А. Михаил Григорьевич Черняев // Проблемы истории российской цивилизации: сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2009. – С. 149–156.

18. Кочуков С.А. Русский Гарибальди (русский военный деятель Михаил Григорьевич Черняев) // Чтения по военной истории. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2011. – С. 131–136.

19. Брежнева С.Н. «Ташкентский лев» генерал М.Г. Черняев // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова): материалы международной научной конференции. – СПб: Издательский дом С.-Петербургского государственного университета, 2010. – С. 209–219.

20. Брежнева С.Н. Генерал М.Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2014. – № 1. – С. 106–117.

21. Червинская О. Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М.Г. Черняева в рецепции Ф.М. Достоевского (непрочитанная страница «Дневника писателя») // Історична панорама. Вип. 10. – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2010. – С. 41–66.

22. Сергеенкова В.В. Белорусская составляющая биографии российского генерала Михаила Григорьевича Черняева // Российские и славянские исследования. Вып. VIII. – Минск: БГУ, 2013. – С. 304–308.

23. Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания / под ред. А.А. Ширинянца, А.И. Волошина, авт.-сост. Ю.А. Курдин, А.Р. Панов, А.В. Пряников, О.Д. Дальская, А.А. Ширинянц. – М.: Изд-во Московского университета, 2018.

УДК 929.52+908

АСКАЛОН НИКОЛАЕВИЧ ТРУВОРОВ: ДОПОЛНЕНИЯ К БИОГРАФИИ

ASKALON NIKOLAEVICH TRUVOROV: ADDITIONS TO BIOGRAPHY

Н.А. Пакшина[1], Е.Ю. Аникина[2]

N.A. Pakshina, E.Yu. Anikina

[1] Арзамасский политехнический институт (филиал) НГТУ им. Р.Е. Алексеева, кафедра прикладной математики, кандидат технических наук, доцент

607227, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Калинина, д. 19

E-mail: Nataliapakshina@mail.ru

[2] НП журнал «Хозяйство и право» (Москва), независимый исследователь

115446, г. Москва, Коломенский проезд, д. 14

E-mail: e.anikina35@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного известному российскому археографу Аскалону Николаевичу Труворову. О детстве Труворова опубликовано совсем мало информации. В данной публикации приведены сведения о крепкой связи ученого с селом Болобоново (Курмышского уезда, Симбирской губернии). Особое внимание уделено некоторым неопубликованным ранее письмам Труворова.

Ключевые слова: Аскалон Николаевич Труворов; биография; письма; Болобоново (Симбирской губернии).

Summary. The article presents the results of research on the well-known Russian archeograph Askalon N. Truvorov. There is little published information about his childhood. This publication provides information on the strong connection of the scientist with the village of Bolobonovo (Kurmyshsky district, Simbirsk province). Particular attention was paid to copies of some unpublished letters of Truvorov.

Key words: Askalon N. Truvorov; biography; letters; Bolobonovo (Simbirsk province).

Деятельность археографа, писателя, преподавателя, директора Археологического института Аскалона Николаевича Труворова была на редкость многогранной, а биография интересной и поучительной. Одну из первых биографических справок о нем мы можем найти еще в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона [1]. И тут мы можем обнаружить несколько неточностей, которые позднее перекочует во многие биографии этого человека, на которые нам предстоит внести поправки в данной публикации. Например, дата смерти ученого в словаре значится как 1893 г., в действительности же это событие произошло 30 марта 1896 г. [2, с. 682]. Но не будем забегать вперед и постараемся перечислить основные вехи его жизни в хронологической последовательности.

Будущий археограф родился в марте 1819 г. в селе Никольском Кузнецкого уезда Саратовской губернии. По его собственным словам, он «*не обучался ни в одном учебном казенном заведении и ни в одной из частных школ, но достиг образования самоучкой*» [3]. Имея с детства большую

склонность к рисованию, А.Н. Труворов поехал в Москву, где недолгое время посещал творческий кружок, так называемый «Художественный класс», основанный в 1830 г. группой художников-любителей и профессиональных живописцев. Затем вернулся в Поволжье и 24 марта 1843 г. поступил на службу в Кузнецкое уездное училище преподавателем рисования и черчения. Труворов на этом не остановился и продолжил свое самообразование. В 1846 г. он выдержал экзамен в Казанском университете на звание учителя, получил место преподавателя русского языка в Сердобском уездном училище. В общей сложности, его педагогическая деятельность продолжалась 12 лет, после чего он был избран заседателем Сердобского уездного суда и стал работать в должности уездного судьи.

Как человек исключительно творческий и любознательный, он ни к какой деятельности не относился формально. И тут, казалось бы, занимаясь не очень интересной работой, Труворов серьезно изучает дореформенное судопроизводство и начинает публиковаться. Так, в «Московских Ведомостях» (1857) появляются его «Заметки о Сердобской старине». Кроме того, занявшись краеведением, он опубликовал этнографическое исследование «О свадебных обрядах крестьян Сердобского уезда». В этот период будущий ученый знакомится с известным археографом, историком и юристом Н.В. Калачовым, по рекомендации которого Труворов становится сотрудником Археографической Комиссии. Так археограф переезжает в Петербург, где его ждет совершенно новая и очень увлекательная деятельность. Он становится редактором полного собрания постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской империи. Он составляет Указатели к «Летописи по Ипатьевскому списку» и для десяти томов «Дополнений к актам историческим», публикует статьи в «Русском Архиве», «Историческом Вестнике», «Русской Старине», «Вестнике Археологии» и др. В 1885 г. Труворов был избран почетным членом Археологического института, а в июле 1891 г. назначен его директором [2, с. 683]. Скончался тайный советник Аскалон Николаевич Труворов 30 марта 1896 г., похоронен в Александро-Невской лавре. Но все это известные факты биографии А.Н. Труворова. Что нового можно добавить?

В селе Болобоново Курмышского уезда Симбирской губернии на высоком берегу речки Курмышки стоял храм Святой Живоначальной Троицы, построенный еще в 1793 г. Церковь была деревянной, но красивой, изящной и строгой, очень характерной для века XIX-го, но в 50-х гг. прошлого столетия она обветшала, и ее разобрали. Фотографии храма, к счастью, сохранились [4, с. 102]. В брошюре, посвященной храму и приходу села, изданной в 1902 г., мы обнаружили очень интересную информацию, касающуюся Труворова. Оказывается, этого человека в свое время относили к главным благотворителям, советникам и руководителям храма, поскольку от него и его жены поступала «*помощь словом и делом, при приведении в должное благолепие храма и прихода*». В этой же книге приведены краткие биографические сведения об А.Н. Труворове: «*А.Н. Труворов родился 18 марта 1819 го-*

да в селе Никольском Кузнецкого уезда, Саратовской губернии. В детстве и юности А.Н. перенес много невзгод, но это не помешало ему, благодаря его замечательной энергии, неутомимости и трудолюбию, достичь того положения, которое он занимал в последние годы своей жизни, прослужив Царю, отечеству и науке более полувека…» [5, с. 6].

На первый взгляд, прочтя эти строки, мы не узнали чего-то принципиально нового. Действительно, под конец жизни Аскалон Николаевич Труворов, являясь тайным советником и директором столичного института, был человеком достаточно состоятельным. Об этом может говорить и тот факт, что в конце XIX столетия в Санкт-Петербурге на Средней Невке (ныне наб. Мартынова), 70 он построил красивейший особняк, который сохранился, именуется особняком Труворова и продолжает восхищать наших современнико до сих пор [6]. Аскалон Николаевич был глубоко верующим человеком – это тоже общеизвестно. В чем же загадка? Не совсем понятно, по какой-то причине был выбран не какой-нибудь храм в Петербурге – городе, где он жил с 1858 г. до самой смерти, не церковь села, где он родился, не храм в городке Сердобске, в котором проработал порядка пятнадцати лет сначала преподавателем в училище, а затем в уездном суде.

Ответ на этот вопрос был обнаружен достаточно неожиданно в письмах А.Н. Труворова, адресованных членам семьи дворян Шипиловых, постоянно проживавших именно в Болобонове. Эти письма сейчас хранятся в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук [7]. Двенадцать писем охватывают период 1885–1895 гг. В них археограф поведал о любви и привязанности к присурским местам, о признательности к людям, потомки которых продолжали там жить в конце XIX века.

Если быть точнее, он состоял в переписке с Сергеем Александровичем Шипиловым, его женой Анной Михайловной и дочерью Софьей Сергеевной. Оказывается, в детстве до десятилетнего возраста он жил именно в этом селе и не только жил, но и пел в церковном хоре.

Приведем далее несколько выдержек из этих писем. В представленных фрагментах и последующих письмах сохранены языковые и стилистические особенности и пунктуация оригинала, с заменой вышедших из употребления букв и буквосочетаний на современные.

«Я не теряю надежды побывать еще хоть раз в Болобонове, но только не на четверть часа, как было в 1882 году. Мне страстно хочется осмотреть там каждое местечко, Курмышку с ея пискарями и гольцами, Тувакину стрелку, Остров, Гурьев враг… словом мне страстно желается воскресить свое младенчество в Болобонове».

«Когда существовал в Болобоново хор, тогда слово “сопрано” не было еще в ходу и вместо него употреблялось “дисканты”. …Дуняша пела альта, при том первого, а вторым состоял Ваш покорный слуга. Учитель наш Иван Семенович Смоляк. Мне нравились пьесы самого Смоляка… Из Болобоново я уехал 10-ти летним мальчиком, лет через 15 или более, я попал в Курмыш с Н.В. Калачовым для археографической цели...».

«…Вы наверное, не верите, что в моей душе и сердце моем лучшее местечко отдано далекому Болобонову».

«…Успокоясь после поездки в ваше дорогое и родное Болобоново, а затем в Симбирск, спешу выразить Вам мою глубокую благодарность за гостеприимство.

Попаду ли вновь в милое Болобоново?» [7, д. 207, л. 6 об, 7, 7 об, 15, 29 об.].

Более того, он не оставлял надежды приобрести землю и перебраться к старости в эти края. Не раз писал Аскалон Николаевич о местах, рядом с которыми, хотел бы обосноваться:

«Всю прошлую неделю я провел в волнении из-за продажи с аукциона Ильиной Горы и Кисленки, назначенной на 5 ноября в Москве. А так у меня есть желание поселиться поближе или к Болобоново, или к Ощерихе, то мой московский агент зорко следил за ходом дела, но 4 оба имения были сняты с продажи и я остался вновь в Петербурге как рак на мели».

«…Нельзя ли сторговать у госпожи Войнич или у Назаровой, принадлежащие первой в Ягодном, а последней в Карловке земли? Мне страстно желается иметь оседлость на Суре» [7, д. 207, л. 20, 22 об.].

Теперь рассмотрим вопрос, каким же образом А.Н. Труворов помогал Троицкой церкви в Болобоново. Некоторые упоминания о его подарках имеются в тех же письмах:

«Еще в прошлом году меня прельстила на выставке картинной галереи герцогов Лейтенбергхских Мадонна Мурилло и я решил снять с нея копию и препроводить в Вашу Болобоновскую церковь, как память об украсителе храма Александре Петровиче.

Теперь копия закончена, я прилагаю рисунок для рамы, который прошу передать живущему в Болобонове резчику Дмитрию Николаевичу, когда рама будет сделана, я вышлю копию, но только не испанскую Мадонну, а уже православную икону Божией Матери с Младенцем, подправленную. Отыскать помещение для иконы в церкви попросите от меня Софью Сергеевну».

«Что вы решили поместить мою Мадонну в первом ярусе иконостаса, я очень рад. О пандане к ней не беспокойтесь, я пришлю вместе с нею. Им будет Моисей со скрижалями ветхого завета, моей собственной работы, скопированной с оригинала Филиппа де Шампань у нас в Эрмитаже. Этой копией я закончил свое художественное поприще, начало коему было положено в Болобонове под покровительством Александра Петровича».

Под панданом здесь понимается равная по величине икона, предназначенная висеть симметрично.

«…Чтобы образ, пожертвованный мною в Вашу церковь, дошел бы непременно к 12 июня, я отослал его 2 числа в Нижний, прося доставить его в Болобоново непременно к 12».

«Вслед за этим письмом почта доставит Вам посылку, в которой находится книга “Апостол”. Книга предназначена для церкви… Я купил “Апостол” и посвятил его памяти дорого для меня Александра Петровича и

пожелал, чтобы книга была внесена в церковь в день рождения его внучки. Он ими обеими бы любовался, если бы дожил» [7, д. 207, л. 16, 22, 25].

Скажем несколько слов о неоднократно упоминаемом в письмах Александре Петровиче Шипилове. А.П. Шипилов (1776–1849) был достаточно крупным землевладельцем. Он начинал свою службу как кавалергард, но большую часть жизни находился не на военной, а на статской службе. Был произведен в титулярные советники, какое-то время служил в Симбирске, в 1808 г. был избран Курмышским уездным предводителем. А когда началась Отечественная война, поступил поручиком в 1-й полк Симбирского ополчения и командовал в нем 1-й ротой 1-го батальона. И уже 12 сентября 1812 г. выступил в поход. Александр Петрович был отцом большого семейства. Все знавшие его люди характеризовали его как «ценителя искусств», он имел склонность к рисованию, и его рисунки обнаружены в знаменитом Остафьевском альбоме, в котором есть автографы и А.С. Пушкина, и многих других известных людей [8, с. 298].

Итак, рассмотрев несколько писем А.Н. Труворова, мы узнали о связи его с селом Болобоново, что ныне находится на территории Пильнинского района Нижегородской области, выяснили, что в творческой судьбе будущего археографа большую роль сыграл симбирский помещик Александр Петрович Шипилов. Мы увидели, что связь Труворова с местами, где прошло его детство, была очень сильна. Он до последних дней старался так или иначе отплатить добром потомкам тех людей, которые приняли участие в его судьбе.

Но все ли белые пятна его биографии теперь «закрашены»? Нет. Более того, возникло много новых вопросов. Что за невзгоды постигли его в ранний период жизни? Действительно ли он был крепостным, и если да, когда и как был избавлен от крепостной зависимости? Некоторые исследователи придерживаются версии, что родился он крепостным крестьянином в Нижегородском имении помещика Бобоедова [5]. И версия эта не совсем беспочвенна. В первой половине XIX века помещики Бобоедовы действительно являлись совладельцами села Болобоново и владельцами сел Ощериха (Ащериха) Симбирской губернии, Ожгибовка Нижегородской губернии. В 1870 г. Труворов опубликовал очень информативную работу «Былое из Пугачевщины. Посвящается потомкам Петра Михайловича Бобоедова», в которой раскрыл социально-экономические корни крепостничества [9].

К сожалению, пока не удалось окончательно выяснить вопросы происхождения А.Н. Труворова и это, несомненно, интересная тема дальнейших поисков.

Источники и литература

1. Аскалон Николаевич Труворов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. – URL: https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron/1673495.html (дата обращения 29.06.2018).

2. Языков Д.Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц». Вып. 16 (Р-Я): Русские писатели и писательницы, умершие в 1896 году / публ. Г.Ю. Дрезгуновой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и до-

кументах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2010. – Т. XIX. – С. 682–684.

3. Аскалон Николаевич Труворов: автобиографическая заметка // Нижне-Волжская биобиблиографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: www.gen-volga.ru/alf/sem/truvorov.htm (дата обращения 30.06.2018).

4. Пакшина Н.А. Александр Ляпунов: гимназические годы: монография. – Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2017. − 170 с.

5. Село Болобоново Курмышского уезда. Составил И.Ф. Токмаков. С 23 рисунками. – М., 1902.

6. Особняк Труворова (наб. Мартынова, 70) [Электронный ресурс]. − URL: https://profilib.net/chtenie/29819/sergey-petrov-krestovskiy-elagin-petrovskiy-ostrova-nevskoy-delty-89.php (дата обращения 27.06.2018).

7. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 752. Оп. 1.

8. Пакшина Н.А., Аникина Е.Ю. История усадьбы Александра Петровича Шипилова в документах, воспоминаниях, фотографиях // Экология культуры – экология нравственности. Русская усадьба: мир, миф и миг: сб. док. Международной научной конференции «XLI Добролюбовские чтения» и Всероссийской (с международным участием) НПК «Русская усадьба: мир, миф и миг действительности» / под ред. Г.А. Дмитриевской, В.М. Строгецкого. – Н. Новгород: О.В. Гладкова, 2017. – С. 297–303.

9. Труворов А.Н. Былое из Пугачевщины. Посвящается потомкам Петра Михайловича Бобоедова. – СПб., 1870.

УДК 391.984

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ДОМОВОЙ РЕЗЬБЫ В АРЗАМАСЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

THE MAIN MOTIVE OF ARZAMAS HOUSE DECOR IN XIX – EARLY XX CENTURY

В.Ю. Неупокоева

V.Y. Neupokoeva

Марийский государственный университет,
историко-филологический факультет, магистрант
Республика Марий-Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1;
Муромский историко-художественный музей, научный сотрудник
сектора хранения отдела фондов
602267, Владимирская область, г. Муром, ул. Московская, д. 13
E-mail: valya.neupokoeva@mail.ru

Аннотация. В статье речь пойдет об одном из традиционных видов декоративно-прикладного искусства – резьбе по дереву. В Арзамасском крае существуют собственные традиции домовой резьбы, которые и освещены ниже.

Ключевые слова: этнология; история Арзамаса; резьба по дереву; декоративно-прикладное искусство; хозяйство и быт.

Summary. The article will discuss one of the traditional forms of decorative and applied art - wood carving. The Arzamas region has its own traditions of house carving, which are highlighted below.

Key words: Ethnology; Arzamas history; woodcarving; arts and crafts; economy and life.

В современном мире культурные традиции продолжают существовать в самых разных сферах – от повседневной жизни до профессионального искусства. Традиционные варианты предметного и знаково-символического воплощения различных идей в области прикладного искусства появлялись под воздействием определенных, отошедших в прошлое, социально-экономических, природно-географических и культурных условий. Традиция в качестве способа функционирования народной культуры – это ярчайший маркер культурной среды.

Например, жилище в наших широтах строили максимально практично. Различные архитектурные детали несли определенное утилитарное значение и в то же время играли декоративную роль, выполняя обереговую функцию.

Так, оконные наличники появились не только и не столько из-за стремления к эстетическому оформлению дома. Они перекрывают зазор между оконной коробкой и плоскостью стены, таким образом, защищая дом от влаги и, что самое главное, помогая сохранять тепло [1, с. 308].

Также развитию домовой резьбы в Верхнем Поволжье способствовало то, что в XVIII веке крыши домов начинают укладывать на стропильную конструкцию, а не на самцы. (Самцовая крыша – в древнерусском зодчестве крыша, в которой тес укладывался не на наклонные стропила, а на горизонтальные бревна. При этом не использовались гвозди.) С такой крышей приходится нивелировать зазор при переходе от тесового фронтона к срубу [2, с. 18]. Тут и появляется на фасаде здания широкая лобовая доска над окнами, или проще говоря, – карниз.

И наличники, и карниз как бы сами собой напрашиваются на какое-то украшение. Хотя бы с фасада. А за ними и другие элементы декора подтянулись, которые, конечно же, несли в себе некий сакральный смысл.

В книге «Язычество древней Руси» Б.А. Рыбаков о появлении наличников и их назначении писал так: *«Щели в оконницах, сквозняки, зимний холод, все то, что могло причинить болезнь, все это преображалось в сознании людей в образы невидимых, неосязаемых навий, несущих людям “на злых ветрах” различные несчастья. В связи с этим возник такой важный элемент заклинательного декора, как наличник, обрамление окна, обычно обильно насыщенной языческой охранной символикой»* [3, с. 216].

При этом Рыбаков утверждает, что вход в дом не защищался так же сильно, как и окна, охранной резьбой. Часто защита ограничивалась тремя крестами на притолоке, топором под порогом (Стоит признать, что топор – действенный оберег во всех смыслах. И как магический предмет, и как реальная физическая защита от незваных гостей) или подковой внутри дома над входом. Хотя подкова – более позднее явление. У двери дома находился коник (может быть, от этого и появился впоследствии обычай прибивать подкову) [3, с. 215]. К изображениям лошадей в резьбе мы еще вернемся.

В Арзамасском крае домовая резьба получила широкое распространение в двух устойчивых формах. Вначале появилась глухая резьба с непрорез-

ным фоном и высоким рельефом узора [2, с. 19]. Она же называется корабельной резьбой. Несмотря на то, что она широко распространилась в Нижегородском Поволжье и является уникальным явлением для резьбы в русском государстве вообще, в Арзамасе она была не слишком популярна [4, с. 5]. А та, что и была, уничтожена интенсивной перестройкой города по новому «Геометрическому плану» [2, с. 20]. А что уцелело – уничтожено пожаром 1834 г., когда выгорела почти вся нижняя часть города [5, с. 24].

Довольно долгое время глухая резьба сохранялась в селах. Это объясняется скорее бедностью населения: крестьяне долго не перестраивали свои дома или бережно переносили наличники и очельную доску на новый дом – ведь заказывать новые было довольно накладно [6, с. 129]. По данным П.В. Еремеева, образцы корабельной резьбы сохранялись дольше всего в селах Костылиха и Ковакса, в северо-западной части современного Арзамасского района [2, с. 22].

Ко второй половине XIX века получает распространение пропильная (или пропиловочная) резьба, которая достигает своего расцвета на рубеже веков. Именно она в обилии представлена в Арзамасском крае. Проблемой для данного исследования являлось то, что тот же вид резьбы набрал популярность еще и во второй половине XX века [4, с. 5]. Но здесь на помощь пришли городские планы, представленные в каталоге памятников истории и культуры, а также данные об архитектурных сооружениях, собранные П.В. Еремеевым.

Для начала стоит пояснить, что же такое пропильная резьба. Это вариант резьбы, когда в процессе создания орнамента дерево иногда прорезается насквозь. Потому ее еще иногда называют сквозной резьбой. А потому, что эти фрагменты декора накладываются на пустой наличник, по сути, просто деревянную плашку, иногда окрашенную, – ее еще и накладной резьбой называют. Все эти термины обозначают одно и то же и являются равнозначными [6, с. 148].

Орнаментальные мотивы пропильной на территории Верхней Волги резьбы сначала переходили из корабельной, затем обретали свой стиль.

В Арзамасе накладная резьба получила широкое распространение под воздействием двух факторов. Во-первых, это давние традиции резьбы иконостасов: резчики просто стали брать заказы еще и на архитектурную резьбу. Во-вторых, огромное влияние на архитектурный декоративный облик города имело существование в Арзамасе в 1802–1861 гг. школы живописи А.В. Ступина [2, с. 22]. Художники Ступинской школы проектировали рисунки как для обрамления иконостасов, так и домового убранства.

Художники довели до совершенства композицию декорируемой площади доски и отдельных ее частей. Потому П.В. Еремеев говорит о появлении арзамасского стиля домовой резьбы, с присущей ему особой пластичностью и изяществом линий и форм классической орнаменталистики растительного происхождения и ее продуманным обрамлением [2, с. 23]. Резьба часто не только пропильная, но еще и профилированная, поэтому каждый

стебелек в солнечную погоду играет на свету, листья выступают в скульптурной форме, создавая иллюзию пластичности. При этом на улицу выносится иконостасный стиль резьбы. На многих элементах домовой резьбы можно найти явные признаки стиля «рокайль» – это прихотливая объемистость виноградного листа, цветка и плодов [2, с. 23–24]. Но некоторое исследователи считают, что образ крупного растения восходит к общекультурному архетипу Мирового Древа [7, с. 578], дерева жизни, в представлениях славян прораставшего через три мира и обозначавшее связь времен.

Размещалась такая резьба на домах по-разному. Иногда украшали только наличники и карниз, иногда весь фасад здания изобиловал разнообразными резными вставками, которые, тем не менее, не выглядят громоздко за счет ажурности пропилочной резьбы.

Прежде чем перейти к описанию конкретных архитектурных построек с элементами резьбы, стоит упомянуть об особенностях мордовской резьбы XIX – начала XX вв. Особенности были, но их немного. Некоторое своеобразие при исполнении наличников встречалось в деревнях арзамасской мордвы – они часто применяли мотив зигзага в качестве бордюра. На доску накладывалась выпиленная из другой доски зигзагообразная полоса, или же в рейке прямоугольного сечения попеременно в ребрах противоположных сторон делались двугранные углубления, затем рейка прибивалась на доску [4, с. 6].

Растительные мотивы тоже широко распространились среди мордвы примерно в то же время, что и у остального населения Арзамаса. Оригинальным можно считать только некоторые зооморфные изображения. Иногда вырезали птиц в верхней части наличников. Стилизованное изображение коня иногда поддерживало крышу крыльца. Но деревянные кони на крыльце есть и у восточных славян, мы об этом упоминали выше (об этом еще Б.А. Рыбаков писал). Таким образом, мордовское жилище уже практически не отличается от русского. И те, и другие стали применять в украшении домов «модную» пропильную резьбу.

На примере городской застройки Арзамаса рассмотрим самые интересные образцы дореволюционной домовой резьбы. Начнем с дома, которого уже не существует. Дом дворян Лебедевых, некогда стоявший на ул. К. Маркса (здесь и далее приводятся современные названия улиц – ***В.Н.***), по словам П.В. Еремеева [2, с. 18], был украшен фигурами львов (этот мотив часто используется на Владимиро-Суздальской земле) по краям фасада – они несли охранительную функцию. А на наличниках был крупноформатный профилированный растительный орнамент. Львов с этого дома мы уже никогда не увидим, но один наличник в довольно хорошем состоянии хранится в Арзамасском историко-художественном музее.

На ул. К. Маркса также находится дом, в котором в 1902 г. жил в ссылке А.М. Горький. Сейчас там расположен музей. Дом, казалось бы, неприметный, на нем нет изобилия деревянного кружева. Но это-то и оригинально для постройки начала XIX века. Все окна дома обрамлены рамочными мелко

профилированными наличниками [5, с. 231]. А стены завершает фриз с орнаментальной накладной резьбой, на первый взгляд, незатейливой, но на самом деле довольно сложной в исполнении.

Своей лаконичностью дом Горького похож на дом, в котором в 1894–1919 гг. жил арзамасский городской голова, купец, общественный деятель и краевед Н.М. Щегольков; дом этот расположен по адресу ул. Пушкина, 34 [5, с. 348]. Торцы бревен сруба закрыты декоративными лопатками, в которые заключены круглые розетки и растительные виньетки. Профилированный карниз дополнен фризом, украшенным s-образно изгибающимся растительным орнаментом и каймой из двух крученых жгутов. Такими же жгутами, без излишеств, обрамлены наличники. В отделке фасада использован еще один довольно популярный прием – вертикальная обшивка сруба нащельниками, в данном случае имеющими вид тонких профилированных реек. К сожалению, дом находится в плохом состоянии, большая часть нащельников исчезла с фасада.

Теперь перечислим несколько домов, датированных концом XIX – началом XX вв., то есть построенных во время наибольшего расцвета ажурной пропильной резьбы. Все они отличаются большим количеством резных элементов на фасадах. Таким, например, является дом мещанина Синицына по ул. 1 Мая, 1 [5, с. 342]. Деревянный одноэтажный дом изобилует резным растительным орнаментом. Торцы бревен обшиты досками, имитирующими пилястры, украшенные накладной резьбой (в настоящее время они даже не окрашены). Стены венчает фриз с накладной резьбой, да еще вперед от крыши выступает карниз, также украшенный сквозной резьбой. Наличники и крыша крыльца заслуживают отдельного внимания. Здесь накладная резьба идет в несколько слоев. Причем так украшены 11 окон, выходящие на улицы Горького и 1 Мая. Крыша крыльца, выходящая на ул. Горького, не только обильно украшена несколькими слоями сквозной резьбы, но и поддерживается декоративными головами лошадей, о которых уже не раз говорилось выше ***(Приложение 4, фото 1–3)***. Похожие изображения конских голов приводит Б.А. Рыбаков [3, с. 35], о них же, уже применительно к Нижегородскому Поволжью, пишут и приводят изображения В. Федоров и Н. Мошков [8, с. 114]. В данном случае изображение лошади – скорее дань традиции от мастеров мастерской Оточина.

Такой же высокохудожественной моделированной резьбой, ведущей свое происхождение от резьбы церковных иконостасов, украшены жилые дома: № 1 по ул. Ступина, № 10 по ул. 1 Мая, № 10 по ул. Березина, № 18 по ул. Володарского (он же – главный дом усадьбы Верхоглядовой), № 16 по ул. Октябрьской (он же – дом, в котором была провозглашена Советская власть в Арзамасском уезде) ***(Приложение 4, фото 4–7)***.

Отдельного внимания заслуживает одноэтажный жилой дом № 4 на улице Советской. Он привлекает внимание крупноразмерным декором, характерным для модерна начала XX века [5, с. 125]. Плоскостно трактованные наличники контрастируют с необшитым бревенчатым сводом. Орнамент

наличников состоит из крупных крестов, окружностей и прямоугольников. Вертикали боковин наличников визуально продолжают крупные сдвоенные кронштейны, образующие широкий фриз под карнизом ***(Приложение 4, фото 8–9)***.

Еще один оригинальный дом начала XX века по ул. Советской – дом № 39. На втором этаже дома расположен балкон со сквозным деревянным ограждением. Окна второго этажа украшены пропильными наличниками с солярными символами – дань национальному стилю ***(Приложение 4, фото 10)***. Вообще в Арзамасе распространены два вида солярных символов в архитектурной резьбе: три линии, исходящие из одной точки или круга, или круг с точкой посредине и стилизованный «цветок» с загнутыми по часовой стрелке кончиками листьев [7, с. 578]. Солярный символ, как и растительные мотивы, продолжает встречаться и в резьбе XX века.

Итак, отражение знаково-символических форм в орнаментальной интерпретации на предметах декоративно-прикладного искусства находится в зависимости от мировоззренческих основ, миропонимания народа. Большое количество предметов бытового пользования, изготовленных своими руками, и творчески переработанных в художественные формы, выражали эстетические идеалы и духовную культуру народа.

Так, широко распространились растительные мотивы пропильной резьбы по дереву, ставшие модными со второй половины XIX века. Причем здесь даже уместно говорить о формировании местного, арзамасского стиля архитектурной резьбы, поскольку он вобрал в себя лучшее от прекрасно развитой в Арзамасе иконостасной резьбы и идей художников Ступинской школы.

Источники и литература

1. Мухаметшин Ю.Г., Халиков Н.А. Поселения и жилище. Тартарика. Этнография. – Казань-М., 2008. – 357 с.

2. Еремеев П.В. Арзамасские мастера. – Н. Новгород, 1992. – 255 с.

3. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М., 1987. – 587 с.

4. Мартьянов В.Н. Арзамасская мордва. Резьба по дереву. – Арзамас, 2000. – 168 с.

5. Арзамас: Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / отв. ред. А.Л. Гельфанд. – Н. Новгород, 2013. – 528 с.

6. Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. – М.-Л., 1984. – 476 с.

7. Родина С. Космос в деревянном кружеве // Арзамасская сторона: альманах. – Арзамас, 2010. – № 3. – С. 575-580.

8. Мошков Н., Федоров В. Нижегородская домовая резьба. Загадки. Поиски. Находки. – Н. Новгород, 2014. – 170 с.

УДК 908

АРЗАМАССКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА В 70-х гг. XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ARZAMAS CITY COUNCIL
IN THE 70-ies OF XIX – EARLY XX CENTURY

А.С. Андронов
A.S. Andronov
Музей Русского Патриаршества в г. Арзамасе, филиал Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, экскурсовод
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, пл. Соборная, д. 1а
E-mail: arzmagistrat@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает особенности устройства, спектр проблем и задач Арзамасской городской думы конца XIX – начала XIX вв. Приводятся конкретные примеры решения вопросов городской жизни, поставленных перед органами местного самоуправления.

Ключевые слова: Арзамас; самоуправление; городская дума; функции органов городского самоуправления.

Summary. The article reveals the features of the device, the range of problems and tasks of the Arzamas city Council of the late XIX – early XIX centuries. The article provides specific examples of solving the issues of urban life set before the local authorities.

Key words: Arzamas; self-government; city council; functions of city self-government bodies.

История становления системы самоуправления российских городов – интересная и непростая тема для изучения. Городовые магистраты и думы определяли социальный облик города, направляли внутренние процессы его развития. С течением времени менялась и модель городского самоуправления. Об Арзамасском городовом магистрате как органе самоуправления в XVIII – 60-х гг. XIX века мы уже писали [1, с. 64–67].

1870 г. стал новым рубежом в истории местного самоуправления в России, когда было принято новое Городовое положение. Согласно этому документу на новых принципах была сформирована, в частности, Арзамасская городская дума. В сентябре 1871 г. состоялись выборы ее гласных (депутатов, по терминологии того времени). Всего в новый орган самоуправления было избрано 57 человек, по 19 от каждого из трех курий (разрядов избирателей) [2, с. 79]. Все избранные были из купцов и мещан, за исключением двух чиновников – доктора И.Г. Рачинского и секретаря прежней и новой Думы А.Е. Венского. Городским головой стал потомственный почетный гражданин И.А. Бебешин.

По своей сути, спектр выполняемой административной работы новые органы самоуправления перенимают от ликвидируемых магистратов, однако качественно меняется их состав и перераспределяются административные роли служащих.

Первый год работы Арзамасской городской думы был посвящен становлению системы управления. В частности, отрабатывался механизм приема имущества и капиталов от государственных учреждений: казенной палаты, приказа общественного призрения, присутствий и комитетов, палаты государственных имуществ. Также отрабатывались способы получения денежных средств, определялись их траты на различные актуальные нужды. Бюджет городской думы напрямую формировался из доходов, поступавших от городского недвижимого имущества, сборов документов на право промыслов и торговли, пожертвований городских жителей на определенные нужды.

Первое заседание думы было посвящено выборам новой городской управы, которая должна была к следующему административному собранию предоставить свои соображения и суждения по главным вопросам городского самоуправления, городского хозяйства. Отдельно ставился вопрос о владении и распределении капиталов, принадлежавших дореформенным городским учреждениям. Важно отметить, что городская дума имела полный контроль над промышленностью Арзамаса. Здания с торговыми площадями, строения и природные ресурсы также являлись городской собственностью. Строительство новых зданий и сооружений в Арзамасе проводилось только с разрешения городской думы. Дума не просто вводила монополию на градоустройство, но тем самым выражала свое попечение об экологии города. Органы городского самоуправления выдавали разрешения заниматься производством и промыслами.

Народное просвещение и здравоохранение, обеспечение населения продовольствием – важные направления административной деятельности Арзамасской думы. Вот один из примеров. В 1880 г. по случаю 25-летия царствования императора Александра II была открыта городская больница, построенная целиком и полностью на деньги членов городской управы И.А. Бебешина, П.И. Серебренникова, И.И. Потехина. Общая сумма пожертвований составила 3 тыс. рублей. Хранящаяся в Арзамасском госархиве опись свидетельствует о достойном содержании данной больницы. Стулья, столы, табуреты и шкафы, кровати и диваны, половники, тазы, подсвечники и железные ведра – атрибуты далеко не каждой маленькой провинциальной больницы. В Арзамасской больнице имелись положенные простыни, пододеяльники, мешки и наволочки, полотенца, фартуки и халаты, а также шерстяные одеяла [3, д. 505, л. 15 а]. Имущество и белье содержалось в полном порядке. Смотрителем больницы был П. Петросов.

Следила городская дума и за аптеками. К 1870 г. их в Арзамасе числилось две, обе были частными. Одна принадлежала К.О. Румелю, вторая – Б.А. Мемборскому. Лекарства в этих аптеках были недоступны для малоимущих, поэтому члены городской управы И.А. Бебешин, П.И. Серебренников, И.А. Ванин, И.И. Потехин собрали средства на открытие в городе бесплатной аптеки для бедных. Деньги были собраны благодаря добровольному отказу вышеуказанных лиц получать жалование в течение двух лет.

Народное образование в Арзамасе тоже находилось под контролем городской думы. Ее участие в этой сфере регулировалось Положением о начальных народных училищах от 14 июля 1864 г. Городская дума участвовала в хозяйственном отношении в попечении о народном просвещении и учреждала начальные народные училища с предварительного разрешения училищного совета. Подобные советы имели право закрывать училища «в случае беспорядка и вредного направления». Училищный совет составляли: двое гласных от Арзамасской городской думы, чиновники министерств внутренних дел и народного просвещения, духовного ведомства православного вероисповедания, а также по одному человеку от иных ведомств, содержавших у себя училища. Контроль над учебным процессом осуществляли указанные советы, а право выбирать попечителя либо устанавливать правила финансирования учебных заведений предоставлялось непосредственно городской думе.

Жесткий административный и финансовый контроль со стороны городской думы на самом деле создавал благоприятные условия для развития и повышения уровня образования. Первое женское приходское училище, начавшее работать еще в 1861 г., стало в 1872 г. прогимназией, а в 1902 г. – гимназией. Три училища добавились к уже имевшимся в 1870 г.: Рождественское, Кирилло-Мефодиевское (мужские) и еще одно Рождественское (женское). Появилось новое Ильинское мужское училище. «Отчет о деятельности Общества по распространению грамотности в Нижегородской губернии за 1873–1874 годы» отмечал: *«Теперь относительное число начальных городских школ в Арзамасе значительно превышает число школ в Нижнем, население которого в 4,5 раза более Арзамаса, а число школ только в 2,5 раза. Нижний сравняется с Арзамасом по открытии еще 8 новых школ»* [цит. по: 4, с. 232]. Седьмого августа 1897 г. произошла торжественная закладка нового здания для духовного училища на улице Сальниковой (ныне ул. К. Маркса) [5, с. 266].

Вот еще один пример результатов работы городской думы в сфере народного образования. Восьмого октября 1897 г. состоялось открытие церковно-приходской второклассной женской школы для подготовки учительниц сельских и церковно-приходских школ. Для нее был куплен дом купца Ермолова, расположенный рядом с Алексеевской общиной [5, с. 266]. Основным пунктом траты денежных средств Арзамасской думой являлась заработная плата учителей. Кроме того, дума оказывала учебным заведениям существенную материальную поддержку, через попечителей контролировала расходование выделяемых денежных средств. Бедным ученикам выплачивались стимулирующие денежные пособия. Размер жалования учителя составлял от 16 до 18 рублей в месяц.

А.Ф. Колесов, исполнявший в 1874–1887 гг. обязанности городского головы, лично способствовал развитию просвещения в городе. Он разрешил своему сыну учительствовать. Подобного арзамасские купцы раньше не делали.

Попечительской помощью городской думы пользовались и библиотеки, которых в Арзамасе было несколько. Открытие библиотек не являлось административной формальностью. Организация нового учебного заведения либо библиотеки входило в историю города и одновременно с этим меняло его культурный облик. «Новая» дума отметилась в этом плане открытием двух новых библиотек в Арзамасе. Первая открылась в память коронования императора Николая II в 1895 г. На нее было определено выделять по 160 рублей ежегодно при бесплатном помещении. А в 1897 г. была открыта бесплатная библиотека-читальня, учрежденная по постановлению думы в память бракосочетания Николая II. Библиотека эта была открыта при Кирилло-Мефодиевском приходском училище.

Отдельным направлением работы городской думы являлась ветеринарная часть. Думой разрабатывалось страхование домашнего скота, заблаговременно принимались меры по предупреждению его падежа. На основании постановления очередного заседания Арзамасской городской думы в 1874 г. за жителем Выездной слободы Суворовым была закреплена должность по надзору за гуртовым и убойным скотом. Жалование он получал штатное – 200 рублей в год из сумм городской управы [6, д. 6, л. 12].

Кроме этого, Арзамасская городская дума ведала вопросами пожарной безопасности. В частности, думой были приняты меры по планированию сооружений в Арзамасе. На здании бывшего городового магистрата (ратуши) была выстроена деревянная пожарная каланча, на которой велось постоянное дежурство. Совместно с пожарными нарядами разрабатывалась система быстрого оповещения населения о пожарах. Одновременно с этим на думу легла обязанность выплачивать пособия пострадавшим от пожаров. Велись специальные приходно-расходные книги выдачи сумм горожанам-погорельцам. Например, после пожара в 1883 г. на Соборной площади и на Нижней Набережной реки Тёши, в результате которого сгорело 25 домов, Арзамасская городская управа выделила пострадавшим в общей сложности 1.623 рубля 49 копеек. Позднее было принято решение владельцам сгоревших двух крупных деревянных домов доплатить еще по 119 рублей каждому [6, д. 21, л. 6, 6 а]. А после крупного пожара в Ардатове в 1877 г. Арзамасская городская дума совместно с Арзамасским купеческим обществом оказали погорельцам благотворительную материальную помощь в размере 2 тыс. рублей [6, д. 16, л. 27]. В сентябре 1894 г. была учреждена вольная пожарная дружина. В 1896 г. был утвержден ее устав, а официальное открытие состоялось 10 марта 1897 г. В 1900 г. при дружине образовался оркестр [5, с. 264].

Наряду с перечисленными выше проблемами, одним из самых важных и сложных аспектов деятельности Арзамасской думы являлся вопрос о квартирных сборах. Эти сборы значительно пополняли городскую казну. Ежегодное обращение думы к этой теме послужило поводом для создания отдельного административного органа – Арзамасской квартирной комиссии. Подчинялась данная комиссия непосредственно министерству внутренних

дел. В 1872 г. квартирный сбор составлял 300 рублей, в 1873 г. – 340, в 1874 г. – 380 рублей [3, д. 502, л. 14, 19, 23], в 1893 г. – 620 рублей [3, д. 36, л. 17], в 1897 г. – 840 рублей [3, д. 38, л. 21], в 1902 г. – 1.200 рублей [3, д. 76, л. 14].

Одним из ключевых направлений деятельности Арзамасской городской думы являлось благоустройство города. Исправность городских площадей, чистота улиц, благоустройство дорог, садов и бульваров, освещение улиц, правильность, безопасность и законность частного строительства, контроль водных источников, памятников – лишь малый перечень аспектов этого направления деятельности городской думы. На законодательном уровне органы городского самоуправления имели право издавать особые постановления для горожан, а также следить за их исполнением. Характер издаваемых постановлений, социальная дифференциация, результаты деятельности – все это во многом определялось особенностями социально-экономического облика города.

Приведем пример. При городской управе под председательством А.Ф. Колесова активно обсуждался вопрос о благоустройстве города. На очередном заседании думы было принято решение о разработке и приведении в действие системы мощения арзамасских улиц. К 1902 г. почти все улицы города были замощены. Особое постановление для горожан заключалось при этом в следующем. Каждый хозяин дома в городе был обязан напротив своей усадьбы вымостить тротуар и уличную часть до ее середины. Противоположная сторона, соответственно, переходила соседу напротив. Подобным способом были полностью вымощены улицы Ново-Московская, Рождественская и Кузнечная, Прогонная и Сальникова, в 1876 г. Большая и Старо-Московская. Затем Стрелецкая, Новая, Алексеевская, Спасская, Изосимовская, Ильинская. За три года было замощено около 2 тыс. квадратных сажен. Чуть позже была устроена Благовещенская площадь. Сперва со стороны Соборной площади и Ореховской улицы срыли козырьки обеих сторон оврага, подняли его днище, замостили два новых съезда, вследствие чего можно было легко попадать на площадь и конным, и пешим [4, с. 178-179].

Сфера практической деятельности Арзамасской городской думы постоянно увеличивалась и расширялась. Именно дума принимала непосредственное участие в организации телеграфа, который начал свою работу в городе 1 октября 1874 г. Благодаря органам городского самоуправления в 1878 г., кроме телеграфного сообщения с Нижним Новгородом и Пензой, была проведена телеграфная линия на Ардатов. На Арзамасскую думу возлагались обязанности по содержанию почтовых станций. Совершенствование почтовой связи во второй половине XIX века способствовало расширению административных связей Арзамасской думы с нижегородскими городскими органами самоуправления. Арзамасские чиновники получили возможность обращаться непосредственно к императору и правительству по трудноразрешимым вопросам.

Городские власти принимали прямое и непосредственное участие в постройке главных арзамасских храмов. Дума выбирала церковных старост. На

содержании органов самоуправления находились больницы, благотворительные заведения. Городской бюджет регулярно выделял значительные средства на помощь нуждавшимся горожанам. В 1900 г. состоялось открытие железнодорожной станции «Арзамас». Это стало возможным благодаря грамотной муниципальной, как бы сказали сейчас, политике.

Внутренняя политика органов самоуправления Арзамаса в конце XIX – начале XX столетий представляет интересную тему для исследований. Административные решения, принимаемые в этот период, преобразили город и определили его экономическое развитие.

Источники и литература

1. Андронов А.С. Арзамасский городовой магистрат // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник статей участников XV Региональной научно-практической конференции (7 декабря 2017 г.). Выпуск XIV / отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. – С. 64-67.

2. История Арзамаса / авт. кол.: О.В. Воробьева, В.И. Грубов, А.Л. Егошин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов; администрация г. Арзамаса, Арзамасский филиал ННГУ. – Саранск, 2015. – С. 79.

3. Государственный архив Нижегородской области ГАНО, г. Арзамас. Ф-33. Оп. 2.

4. Еремеев П. Арзамас-городок. – Арзамас, 1998.

5. Щегольков Н. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Ярославль, 1992.

6. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Ф-23. Оп. 1.

УДК 908

БИБЛИОТЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АРЗАМАСЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по документам Арзамасского архива)

LIBRARY ACTIVITY IN ARZAMAS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY (according to the documents of Arzamas archive)

И.Г. Зайцева

I.G. Zaytseva

Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас,
главный архивист отдела информационно-поисковых систем и использования документов
607224, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Мира, д. 13 А
E-mail: official@arhiv.arzamas.kreml.nnov.ru

Аннотация. Статья посвящена организации и работе библиотек в Арзамасе в конце XIX – начале XX века. Рассмотрена деятельность публичных, общественных библиотек и библиотек при учебных заведениях города до революции 1917 г., а также после их централизации в 1919 г.

Ключевый слова: библиотека; библиотечная деятельность; публичная библиотека; центральная библиотека; Арзамас.

Summary. The article is devoted to the arrangement and work of the libraries in Arzamas in the late XIX – early XX century. The activity of public libraries and libraries of educational institutions of the town before revolution of 1917 and after their centralization in 1919 is considered.
Key words: library; library activity; public library; central library; Arzamas.

Активное развитие библиотечного дела в уездных городах относится ко второй половине XIX века. В основном, уездные библиотеки существовали при монастырях и уездных училищах. Начиная с 1856 г., библиотеки училищ стали преобразовываться в публичные, которые до 1867 г. находились в ведении Министерства народного просвещения, а затем перешли под контроль Министерства внутренних дел. С конца 1860-х гг. началась передача публичных библиотек в ведение городского самоуправления.

Согласно документам Арзамасского госархива, в конце XIX – начале XX века в г. Арзамасе работали библиотеки в основном при учебных заведениях, существовала библиотека Арзамасского уездного комитета попечительства о народной трезвости и две общественные библиотеки.

Решение об учреждении учительской библиотеки при Арзамасском духовном училище Спасо-Преображенского монастыря было принято наставниками училища 14 мая 1869 г. Оно было одобрено смотрителем духовного училища архимандритом Макарием, и 27 мая 1869 г. по разрешению и благословению епископа Нижегородского и Арзамасского Филарета состоялось официальное открытие. При выписке книг в учительскую библиотеку решено было руководствоваться следующим: приобретать, прежде всего, руководства, пособия и сочинения по всем отраслям наук среднего учебного заведения, рекомендуемые для семинарий учебным комитетом Св. Синода и для гимназий комитетом Министерства народного просвещения; научные и популярные сочинения, удостоенные конкурсных премий, а также сочинения, получившие более или менее значительную известность. Кроме того, библиотека пополнялась оригинальными богословскими, церковно-историческими и апологетико-христианскими сочинениями, сочинениями по всеобщей и русской истории, естествознанию, словесности и капитальными педагогическими сочинениями и журналами, рекомендованными Министерством народного просвещения.

Для образования библиотеки необходимы были немалые средства, поэтому решено было в первый год производить отчисления в размере 2% от жалованья, получаемого за учительскую службу. В дальнейшем планировалось отчислять по 1% от получаемого дохода. Конечно, создатели библиотеки рассчитывали и на поступление пожертвований от неравнодушных граждан, готовых оказать помощь общеполезному делу. В первый год существования библиотеки было собрано 165 руб. и выписано 39 изданий (71 том) и две газеты. У пользователей библиотеки также была возможность пользоваться книгами смотрителя духовного училища архимандрита Макария (99 названий в 165 томах), отданными в пользование библиотеки на неопределенное время. Всего же книг, которыми располагала библиотека в первый год

своего существования, насчитывалось 140 названий (396 томов); имелись и журналы [1, д. 26, л. 15–17].

К 1877 г. библиотека разделилась на фундаментальную, учительскую и ученическую.

В фундаментальной библиотеке числилось 545 названий в 830 томах, 10 периодических изданий в 211 томах, два глобуса, географические атласы разных изданий и величин, арифметический ящик, несколько священных картин и теллурий. При фундаментальной библиотеке находилась библиотека с учебными книгами, которые выдавались ученикам бесплатно (37 названий в 463 томах), и библиотека с книгами и учебными пособиями для продажи (49 названий в 2.233 томах). Особого помещения для фундаментальной библиотеки определено не было, книги располагались в шкафах в комнате, занимаемой правлением училища.

Учительская библиотека включала 391 название в 588 томах и 22 периодических издания. Ей могли воспользоваться и сторонние лица, но при условии внесения определенной платы. Кроме учителей, вносивших взносы в размере 1% от получаемого жалованья, в библиотеке значилось 34 подписчика, четверо из которых принадлежали к духовному сословию. Учительская библиотека была открыта в течение двух часов по воскресеньям и средам, за исключением основных православных праздников. Книги и журналы текущего года выдавались на недельный срок, за прошлые годы – двухнедельный. При потере книги следовало возместить ее стоимость либо купить такую же книгу взамен потерянной. Учительской библиотекой заведовали учителя училища по очереди.

Ученическая библиотека была размещена в шкафу в наставнической комнате. В нее входило значительное количество книг исторического и богословского содержания, книг по естествознанию, изящной словесности и детских журналов (всего 202 издания в 374 томах). Кроме того, в библиотеке временно находилась часть книг из фундаментальной библиотеки училища. Хранением и выдачей книг заведовал помощник смотрителя под его наблюдением, согласно инструкции. Ученики с большой охотой пользовались книгами из библиотеки. Рекомендации по чтению они получали как от начальства училища, так и от наставников, которые также занимались проверкой книг при посещении ученических квартир, в классе и при сдаче книг в библиотеку.

С 1876 г. книги ученической библиотеки стали доступны не только ученикам духовного училища, правда, за это взималась небольшая плата. Ученическая библиотека содержала достаточно богатый книжный фонд благодаря частным пожертвованиям и пожертвованиям со стороны учеников, собираемым трижды в год. Ее финансирование осуществлялось также за счет штрафов, взимаемых с учеников за позднюю явку в училище после каникул, процентов с серий в казенных епархиальных суммах и выручки от продажи ученических принадлежностей в училищной лавке [1, д. 96, л. 37 об. – 40].

Одной из первых публичных библиотек в городе стала библиотека при Арзамасском Кирилло-Мефодиевском мужском приходском училище.

История библиотеки начинается 22 декабря 1888 г., когда Арзамасская городская дума, по инициативе бывшего депутата от духовного ведомства Ф.И. Владимирского, ввиду увеличения материалов для чтения для педагогов и учащихся городских приходских училищ, определила образовать из частных библиотек этих училищ одну общую библиотеку.

На собрание, состоявшееся 9 марта 1889 г. в городской управе под председательством городского головы, были приглашены все учителя приходских училищ и участковый инспектор народных училищ. Было решено открыть центральную библиотеку городских приходских училищ г. Арзамаса при Кирилло-Мефодиевском мужском училище, выделив для нее пустовавшее помещение при квартире училища; при этом просить владельца дома, попечителя училища А.С. Вязовова сделать соответствующий ремонт. Для заведования библиотекой решено назначить библиотекаря и двух его помощников. На собрании был составлен список необходимых книг для пополнения библиотеки и разработаны правила пользования.

После рассмотрения этого вопроса на заседании городской думы 29 марта 1889 г. было постановлено ассигновать ежегодно по 30 руб. на покупку учебников для библиотеки, а книги для чтения выписывать по мере необходимости. В том же 1889 г. на средства попечителя училища А.С. Вязовова под наблюдением Ф.И. Владимирского было построено помещение под библиотеку.

На заседании Арзамасской городской думы 23 ноября 1894 г. было решено ежегодно отпускать на выписку книг для чтения в центральную библиотеку по 100 руб., а 4 мая 1896 г. *«в память священного коронования Их императорских величеств»* постановлено преобразовать ее в общественную бесплатную библиотеку, чтобы дать возможность всем жителям города бесплатно пользоваться книгами.

Разрешение управляющего Министерством народного просвещения на открытие публичной библиотеки при Арзамасском Кирилло-Мефодиевском мужском приходском училище было получено 28 августа 1897 г. Официальное открытие библиотеки состоялось 28 сентября 1897 года. Попечителем публичной библиотеки избран потомственный почетный гражданин Илья Васильевич Бебешин, а библиотекарем со дня открытия библиотеки безвозмездно состоял учитель Кирилло-Мефодиевского училища Д.М. Корнилов.

Согласно отчету библиотеки за 1911 г., в течение года она была открыта для читателей 84 дня: с 15 мая по 1 сентября – только по воскресеньям с 9.30 до 13–14 часов дня, в остальное время еще по средам с 13.30 до 16–17 часов. Библиотека включала 3.066 различных изданий (8.573 тома): 110 различных книг (278 томов), 50 разновидностей учебников (а всего 2.045 томов), 2.838 (4.510 томов) книг для чтения, 9 (85 томов) педагогических журналов и 59 (1.855 томов) журналов для чтения. В течение 1911 г. в библиотеку было записано 457 человек [2, д. 714, л. 177–179 об.].

В здании бывшей чайной в Арзамасе помещалась Центральная библиотека Арзамасского уездного комитета попечительства о народной трезвости.

На начало 1906 г., согласно отчету о деятельности комитета, в ней содержалось 1.784 экземпляра изданий, а на начало 1907 г. – уже 4.519 экземпляров. Выдача книг производилась библиотекой только школам. За 1906 г. библиотека работала 212 дней, за которые было выдано 2.866 книг 62 школам уезда [3, д. 25, л. 6].

В начале XX века в городе появилась Арзамасская общественная библиотека имени Н.А. Некрасова. Считается, что она была образована по инициативе А.М. Горького, пребывавшего летом 1902 г. в арзамасской ссылке. Писатель пожертвовал для нее несколько сот своих личных книг и позднее, еще в течение 10 лет, присылал в нее книги из разных городов России и из-за границы [4, л. 438].

К сожалению, в архивных документах не удалось обнаружить точную дату создания и местонахождение библиотеки, но подтверждение того, что писатель присылал книги в библиотеку, действительно есть. В отчете о деятельности библиотеки за 1912 г. сказано: *«…за отчетный период пожертвовано книгами:*

А.М. Пешков – 94 кн. на 103 р. 30 к.
Н.П. Суворов – 18 -------- 14 р. 35 к.
А.Г. Санов – 9 ----------
Неизвестное лицо – 6 ---- 6 р.-----…» [5, д. 740, л. 149].

Пожертвования в библиотеку поступали и денежные от таких известных в городе людей, как Г.Г. Кащеев, Ф.И. Владимирский, Л.В. Жевайкина и др.

В архиве есть и еще один интересный документ 1912 г. Это заверенная копия письма А.М. Пешкова Ф.И. Владимирскому, в котором писатель просит создателя городского водопровода распорядиться процентами с капитала в 1 тыс. руб., пожертвованными писателем на строительство водопровода в Арзамасе, но оставшихся неизрасходованными, в пользу Некрасовской библиотеки [3, д. 969, л. 2 об. – 3].

Где была открыта библиотека, тоже точно не известно. По словам многих исследователей, расположилась она в доме арзамасского мещанина Леонида Петровича Цыбышева в Поповом переулке (ныне – ул. Владимирского, д. 29). На самом деле, согласно «Раскладочной ведомости налога с недвижимых имуществ города Арзамаса Нижегородской губернии на 1903 год», каменный дом с надворными строениями и флигелем по Повову переулку, оцененный в 550 руб., принадлежал матери Леонида Петровича, арзамасской мещанке Анне Алексеевне Цыбышевой. О Леониде Петровиче сохранилось достаточно мало сведений, он умер в 1909 г., в возрасте 37 лет, и был похоронен на Тихвинском кладбище Арзамаса [6, д. 6. л. 121 об. – 122].

В 1912 г. председателем правления общественной библиотеки была Е.Е. Богоявленская, заведовала библиотекой С.И. Тархова, число абонементов в библиотеке равнялось 942, а лиц, состоявших подписчиками, было 363. Среди почетных членов библиотеки были указаны А.М. Пешков и А.М. Храбров. При библиотеке существовала бесплатная читальня. За 1912 г., например, ее посетили 6.259 чел. А книг за этот год было выдано

8.570 штук. Среди самых читаемых писателей были Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, В. Гюго, А.М. Горький и др. [5, д. 740, л. 148–149 об.].

В 1913 г. состав правления библиотекой полностью изменился. А к почетным членам добавились еще две фамилии – В.П. Вахтеров и С.И. Тархова [5, д. 887, л. 65 а-65 а об.].

К моменту централизации, на 1 июня 1919 г., число подписчиков библиотеки равнялось 869, количество посещений составляло 613, всего было выдано 826 книг (123 научных, 542 художественных, 161 периодическое издание). Число читателей в бесплатной читальне библиотеки составило 89 человек, из которых 5 постоянных. Библиотека принимала посетителей трижды в неделю: в понедельник, четверг и субботу. Остальные дни были отведены на введение карточной системы. Читальня работала ежедневно, за исключением среды [7, д. 69, л. 5-5 об.].

При арзамасском Владимирско-Рождественском приходском училище находилась Центральная библиотека Арзамасского уездного училищного Совета. Согласно отчету за 1916-1917 гг. заведыванием библиотекой занимался учитель Алексей Павлович Подсосов. Два отдела библиотеки – учительский и ученический – включали 3.938 названий. Учительский отдел состоял из 803 названий в 1.159 томах. Преобладали книги педагогического содержания. В течение года книгами из библиотеки пользовались 24 человека, которым было выдано 270 книг. Ученический отдел библиотеки подразделялся на шесть отделов: религиозно-нравственный, историко-биографический, географии и путешествий, естествознания и сельского хозяйства, художественной литературы (романы, повести, рассказы) и книги разного содержания. Всего на 1917 г. в библиотеке числилось 3.135 названий. Книгами ученического отдела пользовались 16 училищ Арзамасского уезда. За год всего было выдано 1.564 книги, выдачи проводились 42 раза. Наибольшим спросом пользовались рассказы и сказки. Библиотека была открыта трижды в неделю: в понедельник, среду и пятницу с часу до четырех часов дня. Библиотека существовала на средства Арзамасского уездного земства [8, д. 3, л. 237–238].

Сведений об Арзамасской общественной библиотеке при Красном клубе в архивных документах практически не сохранилось. Исходя из отчета библиотеки на 1 июня 1919 г., в ней было оформлено 581 человек подписчиков, но книг выдавалось достаточно много – 1.244 (78 научных, 1.060 художественных и 106 периодических изданий). Число читателей в бесплатной читальне библиотеки составило 70 чел., из которых 3 постоянных.

После революции 1917 г. библиотечная деятельность в Арзамасе перешла в ведение созданного 1 апреля 1918 г. исполнительного комитета Арзамасского уездного Совета по народному образованию [9, д. 39, л. 53]. Девятого апреля 1918 г. правлению Некрасовской библиотеки, а затем и библиотеке общества трезвости было предложено сдать дела исполкому [9, д. 39, л. 83]. При приемке дел у исполкома возникли некоторые трудности, особо при этом выделяются общество трезвости и правление Некрасовской библиотеки, которые *«отнеслись к новой власти с явным недоброжелательством»*

[9, д. 39, л. 29]. В мае 1918 г. в структуре исполкома был выделен внешкольный отдел, который, прежде всего, занялся организацией, перегруппировкой и ревизией библиотек города и уезда [9, д. 58, л. 13]. Им были приняты библиотеки общества трезвости, Некрасовская, Арзамасского духовного училища и др. Таким образом, городские библиотеки были реорганизованы. Некрасовская библиотека переведена в другое помещение, при ней устроена читальня. В нее начали поступать советские газеты, книги по идеологии и истории марксизма. Пополнялась она также книгами из ликвидированной Кирилло-Мефодиевской библиотеки. В городе планировалось создание центральной библиотеки. На заседании исполкома 27 мая 1918 г. было принято решение о том, чтобы разбить вновь организованную Некрасовскую библиотеку на отделы: для детей, юношества и взрослых [9, д. 39, л. 84].

Двадцать третьего июня 1918 г. в исполком Арзамасского Совета рабочих и крестьянских депутатов поступило предложении о переименовании исполкома Арзамасского уездного Совета по народному образованию в отдел народного образования, в связи с чем внешкольный отдел также был преобразован в подотдел [9, д. 39, л. 53 об., 55]. Переход библиотек в ведение советских органов во многом негативно отразился на их работе. Частные источники финансирования иссякли, выписка книг значительно уменьшилась [9, д. 48, л. 83].

Создание централизованного библиотечного дела в городе относится к 1919 г. Согласно отчету Арзамасского уездного отдела народного образования от 16 октября 1919 г., *«…в целях экономии на книгу, централизации книжного дела со стороны технической, для достижения экономии сил, а главное для создания аппарата по руководству миросозерцанием читателя – создается единая городская и уездная центральная библиотека и при ней библиотечный совет, который в самом непродолжительном времени преобразуется в библиотечную секцию…»* [10, д. 40, л. 387].

В сведениях о состоянии Арзамасской центральной библиотеки за 1920 г. (датируется по документам дела) указано, что она *«…централизована из бывших Некрасовской, Красноклубской, педагогической городской Кирило-Мефодиевской, бывшего Комитета о народной трезвости, ученической, Дома-музея и уездного земства библиотек…»* [7, д. 117, л. 5].

В ней было выделено два отдела – для взрослых и для детей. Оба отдела были распределены на книги беллетристического и книги научного содержания. Научный отдел, в свою очередь, разделялся на следующие подотделы: общий, философских знаний, религии, общественных знаний, языкознания, математики и естествознания, прикладных знаний, искусства, развлечения и спорта, литературы, истории и географии и иностранный отдел.

В то время у центральной библиотеки было множество проблем. Так, по инвентарной книге значилось в отделе для взрослых 4.988 названий и 9.039 томов, для детей – 4.824 названия и 10.872 тома. Но в библиотеке имелось и много литературы, которая была классифицирована, зашифрована и

готова к обращению, но не имела переплета, а достать материал для переплета было очень сложно [7, д. 117, л. 5].

Одной из проблем детской библиотеки было полное отсутствие литературы для младшего школьного возраста, а многие другие книги от частого употребления пришли в ветхость [7, д. 117, л. 5 об.]. Также в библиотеке отмечались частые случаи кражи книг, были проблемы с освещением и отоплением в зимнее время [7, д. 117, л. 1].

Отдел центральной библиотеки для взрослых, напротив, отличался полнотой книг, достаточной для удовлетворения потребностей в них не только жителей города, но и уезда.

Состав служащих библиотеки был следующим: заведующий-инструктор библиотечной секцией П.А. Пирогов, библиотекари отдела для взрослых и библиотекари ученической библиотеки [7, д. 117, л. 5]. Всего по штату было положено 25 работников, по факту число сотрудников равнялось 19 [7, д. 123, л. 37]. В обязанности библиотекарей входила не только выдача книг и наблюдение за работой библиотеки. Для установления большего общения библиотекарей с читателями было постановлено: *«…всем библиотекарям, в свободное от занятий по выдаче время, заняться ознакомлением с литературой и своими впечатлениями делиться друг с другом на общих собраниях, для того чтобы потом легче можно было рекомендовать книги читателям…»* [7, д. 117, л. 6 об.].

При центральной библиотеке имелась библиотека и читальня. Часы работы библиотеки были следующими: воскресенье и среда – с 11 до 16 часов, в остальные дни – с 16 до 21 часа, выходной день – среда. Ученическая библиотека принимала посетителей с 13 до 18 часов.

За каждую просроченную книгу во взрослом отделении библиотеки взимался штраф в размере 1 руб. в день [7, д. 117, л. 9].

Центральная библиотека, объединившая все существовавшие в городе библиотеки, расположилась в нижнем этаже бывшего Духовного училища на улице Сальникова, д. 36 (ныне – улица К. Маркса). Оттуда осуществлялось снабжение книгами районных и сельских библиотек, руководство библиотечным делом в городе [10, д. 40, л. 387 об.]. Согласно статистическому отчету за 1924 г., библиотека переехала и работала уже по новому адресу: ул. Коммунистов, д. 21 [7, д. 251, л. 2].

Планировалось открытие в городе громких читален. На заседании библиотечной секции при Арзамасском отделе народного образования 16 января 1920 г. было постановлено открывать читальню по вечерам три раза в неделю. Для проведения громких чтений пригласить лекторов из школьно-лекторской коллегии [7, д. 117, л. 1]. Уже в марте того же года было решено организовать чтения и беседы и в детской библиотеке, разделив детей на три группы – младшего, среднего и старшего возраста. Чтения для детей каждой группы должны были проводиться дважды в неделю [7, д. 117, л. 6].

Еще одной задачей, стоявшей перед библиотекой в то время, была работа по комплектованию подвижных библиотек для уезда. К 1920 г. их уже

было создано 10, по 100 книг в каждой. Планировалось их размещать в разных селах на 1–2 месяца с последующим перемещением в другой населенный пункт [7, д. 117, л. 5 об.]. Подвижные библиотеки направлялись в те села, где отсутствовали постоянные библиотеки.

С каждым годом сфера работы библиотекарей расширялась. Для пропаганды книги устраивались книжные выставки различной тематики, велась работа по изучению предпочтений читателей. Все свободное от работы с читателями время библиотекари тратили на составление каталогов. Проводились громкие читки, готовились доклады и беседы.

В 1928 г. в связи с 60-летним юбилеем А.М. Горького, который *«…жил в Арзамасе на углу Новоплотинной улицы…»*, Арзамасский горсовет принял решение о переименовании этой улицы в улицу Горького и присвоении центральной библиотеке города имени известного писателя [11, д. 58, л. 86, 97, 99 об.].

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 26. Оп. 1.
2. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 1.
3. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 22. Оп. 1.
4. ГАНО, г. Арзамас. НСБ. Арзамасская правда. – 1952. – 18 мая.
5. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 2. Оп. 1.
6. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 123. Оп. 2.
7. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-103. Оп. 1.
8. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 2. Оп. 2.
9. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-23. Оп. 3.
10. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-24. Оп. 1.
11. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-322. Оп. 1.

УДК 908

БЫТ КРЕСТЬЯН ДИВЕЕВСКОЙ ОКРУГИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

THE HOUSEHOLD LIFE OF THE PEASANTS OF DIVEEVO VICINITY IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

А.С. Кудряшова
A.S. Kudryashova
Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания,
кандидат исторических наук, доцент
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: kudryashova.annet@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается бытовой уклад жизни крестьян дивеевской округи на рубеже XIX–XX вв. Акцент делается на таких деталях, как обустройство дома, повседневная одежда и влияние на нее веяний времени, содержание крестьянского рациона.

Ключевые слова: крестьяне; изба; меблировка; крестьянская одежда: питание; Ардатовский уезд; село Дивеево.

Summary. The article discusses the everyday lifestyle of peasants in the Diveevo vicinity at the turn of the XIX-XX centuries. Emphasis is placed on such details as the arrangement of the house, casual clothing and the influence on it of the trends of time, the content of the peasant diet.

Key words: peasants; hut; furnishings; peasant clothes; food; Ardatov district; village of Diveevo.

На рубеже XIX–XX вв. в России происходил бурный рост капиталистических отношений, но она оставалась преимущественно аграрной страной. Ее сельское население сильно преобладало над населением городов.

Повседневный быт крестьян, несмотря на новые явления, происходившие в социально-экономической, политической и культурной сферах страны, не претерпевал существенных изменений. Сохранялся в неизменном виде цикл сельскохозяйственных работ. Традиционными оставались общинные порядки. В силе была коллективная ответственность за поступки каждого члена общины, своя система поощрений и наказаний, устройство общих деревенских праздников и коллективных «помочей». Крепки были и патриархальные устои крестьянской семьи: от воли отца или «большака» всецело зависели заключение браков детей, распорядок рабочего дня, распределение работ между членами семьи и т.д. Но тем не менее новшества, все же проникали в крестьянский уклад, в том числе и в уклад жизни крестьян дивеевской округи.

Большинство населенных пунктов Дивеевского края было основано во второй половине XVI столетия. По своему внешнему виду они к концу XIX – началу XX века выглядели более пристойно, нежели многие другие, но особым благоустройством не отличались.

В качестве основного строительного материала дивеевский крестьянин в своем хозяйстве использовал древесину. Солома, если и применялась, то только для кровли дворов и токов на приусадебных участках.

Типовые избы в селах и деревнях дивеевской округи чаще всего состояли из одной комнаты, были четырехстенными. Конечно, строились и пятистенные двухкомнатные, и даже шестистенные из трех изб, следующих одна за другой, с внутренними входными дверями. Были также строения из двух изб, разделенных сенями.

Бревенчатая крестьянская однокомнатная изба строилась размером 6,3х6,3 метра. В ее фасадной, передней стене прорубалось три окна и часто одно окно в боковой стене, которое так и называлось – боковое. Перед входной дверью находились сени, затем крыльцо. Площадка крыльца ограничивалась перилами. Стопа избы, стены, оконные и дверные проемы устанавливались с применением утеплителя – болотного мха, отходов конопляной, льняной пеньки, конопатились, то есть уплотнялись по швам.

Дивеевские мастера – плотники и столяры – проявляли искусное мастерство при оформлении дома. Готовые, уже с рамами, оконные проемы они обрамляли наличниками с самой замысловатой резьбой. Точно так же отделывались карнизы, и украшался конек кровли.

Оставалась традиционной внутренняя планировка жилья. Главное место в избе занимала печь. Она выкладывалась из красного кирпича на деревянном опечье. Размеры печи составляли примерно 1,5х2 метра. В начале XX века курные избы в домах дивеевских крестьян почти повсеместно уступили место «белым». Другими предметами меблировки жилья были обеденный стол, скамьи, грубой поделки табуретки. Под потолком от боковой стены до печи устраивались полати-нары. Обязательной принадлежностью дома являлась и «зыбка» (колыбель). Передний угол избы занимали иконы [1, с. 6]. В богатых крестьянских домах в начале XX столетия появились стулья, комоды, зеркала, лубочные картинки [1, с. 12].

Особо домовитые хозяева оснащали свое жилье настенными часами-ходиками. Их точность сверялась лишь приблизительно по высоте стояния солнца по разным предметам. По ним сверяли свой распорядок дня не только в самой семье, но и в соседних. По часам хозяйка пекла хлеб, а хозяин узнавал, хотя бы примерно, сколько времени заняла его поездка в лес за дровами, на базар, на мельницу и т.д. Для освещения своего жилья дивеевские крестьяне до конца XIX столетия использовали лучину. Она заготавливалась впрок из сухих березовых поленьев и хранилась за трубой русской печи. Но появилась в это время в крестьянском обиходе и керосиновая лампа [2].

О чистоте и порядке в крестьянских домах можно говорить с большой натяжкой. Постоянные работы по хозяйству и в поле практически не оставляли на это времени. Из избы, в лучшем случае, один раз в день выметался сор. Полы мыли два-три раза в год, обычно к празднику. Особый порядок в доме наводился к Пасхе [3].

Довольно разнообразны были крестьянские хозяйственные постройки: амбары, подвалы, бани, риги, овины и т.д. (подробнее об этом см.: [4]).

В состав крестьянской семьи в то время в среднем входило восемьдесять человек. Детей рождалось много, но более половины из них умирало, не дожив до пяти лет. К высокой детской смертности приводили плохое питание, неудовлетворительное состояние врачебной помощи (на все сельское население в Арзамасском, Ардатовском и Лукояновском уездах в конце XIX – начале XX века был один лекарь [5, д. 212, л. 52–53] (крестьяне, как правило, лечились «домашними средствами» либо прибегали к услугам знахарей и знахарок), тяжелый изнурительный труд [6, д. 44, л. 12].

Каждый в семье знал, какие на нем лежат хозяйственные обязанности, и понимал, что за их исполнение спрос со стороны старших установлен строгий. Взрослые мужчины, мальчишки-подростки ухаживали за скотом, содержали в порядке конный инвентарь, выполняли весь комплекс полевых работ, вплоть до молотьбы и уборки зерна на хранение. Мальчики до 12-летнего возраста выполняли мелкие поручения. Например, в летнее время их непременной обязанностью являлось пригляд за пригоном табунов с пастбищ, сбор скотины во двор. Женщины с девушками и малышками вели домашнее хозяйство, пропалывали посевы, выращивали овощи на огороде, жали хлеб, го-

товили конопляную и льняную пеньку к прядению. В осеннюю и зимнюю пору они пряли, ткали холсты, сукна, вязали варежки, чулки, вышивали и т.д.

Воспитательная политика подрастающего поколения в крестьянской семье проводилась очень продуманно. Поощрялось влечение детей к труду, но в разумных пределах. Поддерживались забавы. Все это делалось непринужденно, исподволь. В итоге, казалось бы, обыденные детские будни целиком заполнялись полезным. Времени на ненужные шалости у мальчишек и девчонок практически не оставалось.

Долгое время Россию называли сермяжной страной. Это название определила одежда из грубого полотна, которую носили крестьяне. Что же представляло собой одеяние населения дивеевской округи на рубеже XIX–XX вв.?

Непременным элементом верхней одежды мужчин служил короткополый пиджак самого примитивного покроя. Материалом для него служило холстинное полотно, реже – хлопчатобумажная ткань. Для ношения в теплое время пиджак шился без утеплителя, подчас и без воротника. Зимний же пиджак утеплялся охлопьями конопляной или льняной пеньки. Но чаще всего утеплителем служили овчины. Такие пиджаки мужчины одевали только при выполнении хозяйственных работ во дворе или при поездках в лес.

Не каждая семья решалась пошить пиджак из бобрика – толстого черного сукна фабричного производства. Такой пиджак приобретался к свадьбе, служил долго и с течением времени переходил по наследству детям и даже внукам. Те дивеевцы, которые к 80-м гг. XX столетия имели возраст шесть-семь десятков, донесли из своего детства до наших дней память о таких бобриковых пиджаках.

Каждая крестьянская семья всеми силами стремилась обзавестись еще двумя видами одежды – тулупом и чапаном. Тулуп шился из овчин красной и черной дубки, а чапан – из домотканого сукна. Крестьянина, одетого в тулуп или чапан, не брал ни промозглый осенний ветер, ни мороз.

Пожилые мужчины в осеннюю пору и зимой носили зипуны и шубы. Те и другие шились в талию: зипуны – из домотканого черного сукна, шубы – из овчин красной (оранжевой) дубки. Признаком достатка в семье являлись шубы из черной дубки. Они никакой тканью не крылись, носились по праздникам и в торжественных случаях.

Долгое время верхнюю одежду портные шили вручную. Но в конце XIX века в дивеевской глубинке появились первые швейные машинки компании «Зингер» [2].

Женщины осенью и зимой также одевались в зипуны и шубы.

Вся верхняя мужская и женская одежда застегивалась на крючки, что было практично. Не нужно было нашивать петли для пуговиц.

На головы в летнюю пору мужчины надевали картузы, сшитые из мягкой ткани. Иные головные уборы в дивееской округе до конца XIX века не встречались. Лишь к началу XX столетия здесь появилась простая кепка, и носила ее в основном молодежь.

В зимнюю пору мужчины надевали шапки-малахаи, пошитые из овчин. Верхом мечты дивеевских парней были шапки-финки.

Женщины в домашних условиях и в теплое время года повязывали на голову белые кисейные платки. В холодную пору на кисейки повязывались более теплые платки или шали собственной вязки. Пожилые замужние женщины под платком носили повойник, под который убирали волосы.

В повседневной жизни мужчины ходили в брюках простейшего покроя, с одной пуговицей на поясе и с одним карманом с правой стороны. Из-за простоты покроя и пошива они назывались портками. Под них надевали подштанники. В зимнюю пору для тепла мужчины надевали брюки из домотканого сукна или сшитые из овчины.

Сверху надевали рубашку. Носили ее навыпуск и обязательно подпоясывали по талии поясом. Шили рубашки из холста или из хлопчатобумажной ткани. В состоятельных дивеевских семьях для взрослых парней верхняя пара (рубашка и брюки) подчас шилась из плиса [2].

Женщины носили нижние рубашки, на них одевалась юбка, длиннополое платье и кофта. Низ рубашки шился из холста, а верх – из хлопчатобумажной ткани. Пожилые женщины вместо платья носили длиннополые сарафаны на мысках. Они шились из плотной хлопчатобумажной ткани.

Детей в крестьянских семьях одевали упрощенно, по принципу лишь бы не пустить ребенка на улицу голым. И с ранних лет юному поколению прививалась бережливость ко всему, что оно носило.

Основной обувью среди дивеевских крестьян вплоть до Великой Отечественной войны являлись лапти. Они плелись из коры молодой липы. В осеннюю пору при обувании в лапти на ногу навертывались онучи, нарезанные из сурового холста, а зимой – онучи из домашнего сукна.

Мечтой дивеевских парней со временем стали кожаные, а еще лучше, хромовые сапоги. Такая обувь покупалась перед женитьбой. Мечтой женщин являлись хромовые полусапожки, как правило, на низком каблуке. Покупались они на всю жизнь, и их очень берегли [2].

Как легкая летняя обувь носились и сандалии. Их часто шили местные мастера из старых хромовых сапог на кожаной же от голенищ сапог подметке.

В зимнюю пору в ходу была валяная обувь – чесанки. Они валялись как из черной, так и из белой шерсти, и носились с калошами.

Основу питания крестьянской семьи дивеевской округи составляли хлебобулочные изделия. Ассортимент их был довольно широк и всецело оправдывал старинную поговорку «Хлеб – всему голова».

В наборе мучных изделий главенствующее место занимал ржаной хлеб. Выпекали хозяйки не менее семи-восьми ржаных караваев за раз и не менее трех раз в неделю. На стол такой хлеб подавался в самом начале завтрака, обеда и ужина. Он нарезался ломтями через весь каравай и напополам, складывался горкой, и уже от ломтя каждый отламывал себе нужный кусок. Взрослые следили за детьми, чтобы они брали хлеба именно столько, сколь съедят. Кусков, объедков на обеденном столе не оставалось.

Из пшеничной муки простого помола дивеевские хозяйки выпекали ситник. Он представлял собой большую лепешку размером примерно 25 сантиметров, толщиной более пяти сантиметров. Выпекался ситник по воскресеньям и по праздникам для разовых закусок в промежутках между обедом и ужином.

Пшеничная мука использовалась и для выпечки пирогов. Начинкой для них служили картофель, пшенная каша, вареный горох, различные ягоды, пареная свекла. Выпекались пироги к завтраку, как для дома, так и для пахаря, занятого в поле.

Разновидностью крестьянской кулинарии являлись блины. Они выпекались из пшеничной, пшенной, гречневой и даже гороховой муки. «Блинным сезоном» считалась масленица. Выпекались они и в другое время, чаще всего по субботам.

В большие праздники готовился лапшевник.

Размол зерна в деревнях дивеевской округи к концу XIX столетия не представлял собой никаких трудностей. К этому времени здесь действовало достаточное количество ветряных мельниц. А во всем Ардатовском уезде, куда входили дивеевские земли, работало более четырехсот ветряных и водяных мельниц, в среднем по две мельницы на один населенный пункт. В некоторых крестьянских хозяйствах, особенно бедняцких, сохранялись и жернова для ручного размола зерна. Крупяные культуры перерабатывались на крупорушках и круподерках. Их в XIX столетии в уезде насчитывалось свыше четырех десятков [2].

Разнообразие обеденного стола крестьянской семьи зависело от православного календаря. Молоко, коровье масло, творог, мясо, словом, все продукты, богатые белковыми веществами, появлялись на крестьянском столе в исключительных случаях, то есть на свадьбах, при разговении и в престольные праздники [7, с. 4]. В посты, по средам и пятницам обеденный стол был скуден. Разрешалось только употребление растительной пищи. Иногда подавалось что-нибудь рыбное.

Прием пищи в семье начинался с завтрака. Его меню не имело постоянного ассортимента кулинарных блюд. Бывало, что на стол ставился только чугун неочищенной картошки, приправой к которой служили квашеная капуста, соленые огурцы и грибы. В другой раз пеклись пироги.

Обеденный перерыв наступал ровно в полдень. Он начинался с похлебки – супа или щей. На второе подавалась картошка. На третье готовилась пшенная каша на молоке.

Крестьянский ужин был достаточно скромен. На стол подавался оставшийся от обеда суп, на второе – картофель, молочная каша или крахмальный кисель.

Что касается ассортимента продуктов, то он не являлся постоянным. На качестве питания крестьянской семьи сказывались многие факторы.

Во-первых, по своему достатку крестьянские хозяйства разительно отличались друг от друга. Во-вторых, крестьянское благополучие зависело от природных условий, от стихийных бедствий.

Вот, например, осенью 1882 г. в населенных пунктах уезда огромное количество озимых посевов было истреблено червем, а яровые культуры побиты градом. Общий убыток тогда составил более 27 тыс. руб. А в 1904 г. убыток от гибели посевов, вновь истребленных червем, составил более 150 тыс. руб. Особенно пострадали земли Ичаловской, Ореховской, Глуховской, Макателемской и Успенской волостей, то есть земли, ныне входящие в состав Дивеевского района.

В целом, крестьяне дивеевской округи не были склонны к переменам в вековом укладе своего быта. По вековым обычаям строились их дома и хозяйственные помещения. Традиционными были внутренняя обстановка и предметы мебели. Но появлялись и новшества. Так, некоторые дивеевские крестьяне обзаводились часами и лампами. Для пошива одежды все чаще стали применять материалы фабричного производства. У некоторых хозяек в начале XX столетия даже появились швейные машины. Как и в прежние времена, основу рациона крестьян дивеевского края составляли продукты натурального производства. Достаток пищи носил сезонный характер, а состав находился в прямой зависимости от церковного календаря.

Источники и литература

1. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов. Том 16. – Н. Новгород, 1913.

2. Карпушов В.В. Воспоминания о былом жителей села Дивеева. Рукопись // Хранится в личном архиве А.С. Кудряшовой.

3. Безгин В.Б. Традиции крестьянского быта конца XIX – начала XX веков (пища, жилище, одежда) [Электронный ресурс]. – Адрес доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/traditsii-krestyanskogo-byta-kontsa-xix-nachala-xx-vekov-pischa-zhilische-odezhda

4. Кудряшова А.С. Поселения дивеевской округи в XIX – начале XX вв. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XII Региональной научно-практической конференции (4 декабря 2014 г.). Выпуск XI / под общ. ред. В.И. Грубова; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2015. – С. 89–94.

5. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 2. Оп. 1.

6. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 231. Оп. 1.

7. Бржеский Н. Земледельческий центр России и его оскудение. – СПб., 1908.

УДК 391.2

КОСТЮМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

COSTUME COMPLEXES OF THE ARZAMAS DISTRICT OF THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

С.А. Скрябина

S.A. Scryabina

Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
607220, г. Арзамас Нижегородской области, пл. Соборная, д. 9
E-mail: rodinasvet@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ коллекции предметов женского крестьянского костюма Арзамасского уезда второй половины XIX – начала XX века, хранящихся в фондах музея. Предлагается типология костюмных комплектов, бытовавших в Арзамасском крае, прослеживаются особенности кроя и специфика функционирования деталей костюма.

Ключевые слова: типология; костюмный комплекс; косоклинный сарафан; золотный костюм; прямой сарафан; костюм-парочка.

Summary. The article analyzes the collection of subjects of a female peasant costume of the Arzamas district of the second half XIX – early XX century, stored in the Museum. The typology of costume sets that existed in the Arzamas region is proposed, the features of the cut and the specifics of the functioning of the costume details are traced.

Key words: typology; costume complex; kosoklinny sundress; gold suit; straight sundress; suit-couple.

Арзамасский историко-художественный музей располагает богатой и интересной коллекцией женского крестьянского костюма Арзамасского уезда XIX – начала XX века, включающей несколько сотен предметов. Среди них рукава, сарафаны, передники, пояса, костюмы-парочки, предметы Чернухинского золотного костюма, а также головные уборы: платки и шали, женские и девичьи головные уборы. Сотрудниками музея ведется работа по атрибуции и анализу бытования предметов, по восстановлению и исследованию костюмных комплексов, хранящихся в фондах музея.

В целях более детального изучения крестьянского женского костюма, бытовавшего в Арзамасском уезде в XIX – начале XX века, с 2013 г. предпринимаются этнографические экспедиции по селам Арзамасского района. Научным консультантом выступает Е.И. Шабалина, научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея-заповедника Щелоковский хутор, специалист в области женского крестьянского костюма Нижегородской губернии. Были предприняты поездки в села Арзамасского района: Чернуху, Мотовилово, Вторусское, Выездное, Водоватово.

Источниками для восстановления костюмных комплексов служат музейные фонды и книги поступлений, в которых содержится информация о времени и источнике поступления предмета, место его бытования, комплектация с другими вещами. Данные по бытованию предметов получены также в

результате опросов старожилов сел, местных краеведов и старейших участников ансамблей «Золотые узоры» с. Чернуха и «Семики» с. Водоватово. В результате сложилось представление о нескольких типах женских крестьянских костюмных комплексов, бытовавших в конце XIX – начале XX века в Арзамасском уезде. Обращение к женскому костюму обусловлено разнообразием и богатством соответствующей коллекции в фондах нашего музея, а также в доступных коллекциях Арзамасского района. Женская одежда разнообразнее мужской. В ней заметнее сказывалось взаимовлияние разных социальных и религиозных групп населения, заметнее возрастные различия [1, с. 22]. Для Арзамасского уезда характерен севернорусский тип костюмного комплекса [2, с. 8]. В соответствии с общепринятой типологией, основанной на покрое основной детали костюма, мы выделяем три вида костюмных комплексов, бытовавших в Арзамасском уезде XIX – начале XX века: сарафанный комплекс с косоклинным сарафаном, сарафанный комплекс с прямым сарафаном, и костюм парочка «городского» типа, бытовавший среди крестьянок Арзамасского уезда. Каждый из них предполагает сочетание определенного типа сарафана или юбки, рукавов, передника, головных уборов, обуви, украшений.

Сарафанный комплекс с косоклинным сарафаном. Сарафан – это женская одежда, надеваемая поверх рубахи, напоминающая платье без рукавов, или в виде высокой юбки на лямках. В Арзамаском уезде бытовал распашной косоклинный сарафан, который шили в виде полукруга: *«К двум передним и одному заднему полотнищу пришивали по бокам косые клинья, сильно расширяющие сарафан к подолу»* (рисунок, крой сарафана) [3, с. 27]. Данный комплекс включает рукава, которые шили без стана или снабжали станом из холста или другой недорогой ткани, и передник без грудки. Косоклинный сарафан получил распространение на Руси в XV–XVII вв. [3, с. 19]; его появление на территории Арзамасского уезда можно связывать с появлением русской крепости во второй половине XVI века, когда на мордовские земли пришла русская культура. В XIX веке косоклинный сарафан сохраняет актуальность, но приобретает устойчивый статус «немодной» одежды и все чаще становится деталью костюма женщин старшего возраста. Этот комплекс имел в нашей местности наибольшее число вариаций.

Необходимо выделить известные нам два подвида косоклинных сарафанов, бытовавших у нас. В Коваксе, Котихе и близлежащих селениях был распространен косоклинный сарафан с высоким лифом, с вырезом под горло ***(Приложение 5, фото 1)***. Спинка широкая с большим расстоянием между лямками. Покрой отличался тем, что в спинку вшивали клинья, сильно расширяющиеся книзу, и подол сарафана сзади приобретал дополнительную ширину. Котихинский сарафан – самый архаичный вариант косоклинного сарафана.

Более модный вариант, который носили девушки и молодые женщины, – косоклинный сарафан «чернухинского» типа, с более глубоким вырезом, узкой спинкой и сформированной «лягушкой», зачастую с плиссированным подолом. Плиссированный подол требовал особого мастерства при формировании складок и особого ухода. Чтобы складки не деформировались, кресть-

янка перед хранением складывала его особым образом ***(Приложение 5, фото 2)***. Нужно отметить, что в пределах одного уезда, особенно в близлежащих селах, наблюдается взаимовлияние модных тенденций, сосуществование их на одной ограниченной территории. Так, в Чернухе бытовал и сарафан котихинского типа, и другие костюмные комплексы; в свою очередь, чернухинский сарафан был распространен во всех селах уезда и представлял собой достаточно актуальный вариант женского костюма, ассоциировавшегося с высоким уровнем достатка его обладательницы. Чернухинские старообрядки носили в церковь сарафаны «котихинского» типа из черной ткани и называли их молельными. Данный комплекс имел яркую разновидность – роскошный праздничный вариант, известный этнографам как золотный арзамасский или чернухинский костюм ***(Приложение 5, фото 3)***. Ценность этого наряда очень высока, и посетителям музея зачастую сложно поверить, что он принадлежал крестьянке. Ввиду высокой стоимости золотной вышивки такой костюм мог быть не полностью расшит золотом, а содержать те или иные золотные детали.

Полностью укомплектованный золотный костюм отличался от других видов сарафанного комплекса с косоклинным сарафаном наличием характерных деталей:

- подчеркнутая роскошь фактур и цвета. Ткани использовались исключительно дорогие, яркие: для рукавов и сарафана шелк, для шапочек и передников – парча или бархат;
- украшение всех деталей костюма золотной вышивкой;
- наличие аппликаций на плечах – оплечий (полеп), не характерных для арзамасской традиции. Ни в одном другом костюмном комплексе мы не встречаем подобных украшений рукавов;
- присутствие импровизированных бус – «бороды», которую делали, укладывая на шее золотную бахрому бородку – ряд за рядом, тщательно, соблюдая определенные правила: расстояние между кромками бахромы не должно превышать 4–5 мм, нижние кромки не должны быть видны под бахромой. Девушка, не соблюдавшая эти правила, могла прослыть несдержанной или неопрятной;
- наличие «теплого» варианта костюма для прохладной погоды, который включал специальный расшитый золотом кафтан пониток, собранный на талии сзади в трубчатые складки ***(Приложение 5, фото 4)*** и дополнительный головной убор в виде широкой полосы радужной шелковой ткани с золотной бахромой по концам – «крышку», которую носили, скалывая под подбородком.

Сарафанный комплекс с прямым сарафаном. *«Прямой сарафан более поздний, чем косоклинный, он появляется в 17 веке, но вплоть до 19 века воспринимается как модная одежда молодых женщин»* [4, с. 642]. Это так называемый московский сарафан – прямой сосборенный, на лямках. К нему надевали рубаху со станом, сшитые из одной ткани или станушку – рукава цельнокроенные со станиной. Бытовали сарафаны «под фартук» (передняя

часть часто содержит вставку из вспомогательной ткани для удешевления изделия). С таким сарафаном надевали передник с грудкой и с ушками.

Подтипом комплекса на основе прямого сарафана можно считать своеобразный костюм-«тройку», бытовавший в с. Второусское, а также постепенно распространявшийся в других селах (Красное, Выездное): прямой сосборенный сарафан с небольшой грудкой, тщательно и красиво оформленной проймой (тесьма, вышивка, фигурная складка). К нему из той же ткани шилась кофта, аналогичная кофте от парочки. Под сарафан надевали рукава, не отличавшиеся особенностями кроя ***(Приложение 5, фото 5)***. Сарафан носили с кофтой как парочку или снимали кофту и носили как сарафан с рукавами. При этом передник надевали поверх сарафана, под кофту.

Костюм парочка «городского» типа представляет собой комплект из юбки и кофты, сшитых из одной ткани. Он приобрел популярность среди крестьянок Арзамасского уезда в результате распространения городской моды 1880–1890-х гг. [5, с. 8] ***(Приложение 5, фото 6)***.

В заключение необходимо отметить, что данную типологию мы не можем считать законченной в связи с большим количеством «белых пятен» в истории женского костюма, а значит, исследование костюмных комплексов Арзамасссского уезда требует продолжения.

Источники и литература

1. Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. – Казань, 1996.

2. Русский народный костюм. Из собрания государственного музея этнографии народов СССР. – Л., 1984.

3. Крестьянская одежда населения европейской России (XIX – начало XX вв.). – М., 1971.

4. Восточнославянский этнографический сборник. – М., 1956.

5. Ефимова Л.В. Русский народный костюм. – М., 1962.

УДК 391.2

КОЛЛЕКЦИЯ СИТЦЕВЫХ ПЛАТКОВ АРЗАМАССКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

CHINTZ KERCHIEFS COLLECTION
OF ARZAMAS HISTORICAL AND ART MUSEUM

Н.И. Суетнова
N.I. Suetnova
Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области, научный сотрудник
607220, Нижегородская область, г. Арзамас, пл. Соборная, д. 9
E-mail: arzmuzeum@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется коллекция ситцевых платков Арзамасского историко-художественного музея. Рассмотрены платки с печатными клеймами различных российских мануфактур и фабрик конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: платок ситцевый; доска-манера; мануфактура; ручная набойка; орнамент; анилин.

Summary. The article investigates the chintz kerchiefs collection of Arzamas historical and art Museum. Kerchiefs with printed stamps of various Russian manufactories and factories of the late XIX – early XX century are considered.

Key words: chintz kerchief; Board-style; manufacture; hand block printing; ornament; aniline.

Исстари платки и шали были дополнением и украшением женского костюма. Повседневные и праздничные, хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые, они ведут свою историю с глубокой древности. Сведения о полотенцах-убрусах встречаются уже в письменных памятниках XII века. Для покрывания головы использовались и куски ткани – платы. Полотенца-убрусы и платы-платки обычно носили поверх головного убора и только с отмиранием народного самобытного народного костюма в XIX веке головные полотенца уходят из быта, а платками начинают покрывать голову, сначала поверх мягких волосников, а затем прямо на волосы.

Среди экспонатов Арзамасского историко-художественного музея достойное место занимает собрание платков и шалей конца XIX – начала XX века, которое является одним из интереснейших и колоритных и насчитывает 161 предмет. Мы остановимся на коллекции ситцевых платков. Ее формирование проходило на протяжении нескольких десятилетий, начиная с первого года деятельности музея по настоящее время. Значительная часть предметов была закуплена у местного населения, многие предметы попали к нам из населенных пунктов Шатковского района (бывший Арзамасский уезд) – сел Красный Бор, Озерки, Пятницы, деревни Уланки, а также из частной коллекции жителя г. Арзамаса Писаревского.

Особую ценность имеют платки с печатными клеймами, позволяющими установить место, а иногда и время их изготовления. В нашем музее хранится 31 такой платок. Это изделия Московской мануфактуры Будаевых (1 платок), фабрики Посылина в Шуе (12 платков), Московской Трехгорной мануфактуры товарищества Прохорова (13 платков), фабрики Рубачевых в Шуе (2 платка), товарищества Даниловской мануфактуры (1 платок), мануфактуры Баранова (1 платок), Павлово-Посадской фабрики (1 платок). Наличие клейм позволяет датировать предметы концом XIX – началом XX века.

Хлопконабивное дело в России стало укореняться со второй половины XVIII века в связи с развитием текстильной промышленности. Самые крупные заведения были построены во Владимирской, Московской и Петербургской губерниях. А с начала XIX века хлопконабивные производства платков появляются и в Нижегородской губернии, а также в Рязанской, Воронежской и Саратовской.

Вначале набивные ситцы были модной и дорогой новинкой, доступной только высшим слоям общества. Изготавливались они вручную: на хлопчатобумажную ткань (как правило, это был индийский или английский мит-

каль) набивали рисунок деревянными досками-манерами. С появлением в 1847 г. на фабрике Посылина в Шуе пирротины началась механизация ситценабивного производства. Одновременно шла замена дорогих привозных тканей отечественными, вырабатывавшимися на российских мануфактурах. Развитию набивного дела способствовало изобретение нового химического красителя – анилина, обладающего, к тому же, большей прочностью по сравнению с естественными красителями [1, с. 6].

В конце XIX века набивные ситцы получили широкое распространение в простонародной среде. Особенно любимыми были платки и шали, что объясняется древним обычаем, согласно которому замужняя женщина не могла выйти на люди простоволосой, т.е. без головного убора. До сих пор в русских селах сохранились особые названия платков: ярко-красные, наиболее праздничные, назывались «французскими», «заграничными», «александрийскими»; с бледно-коричневым фоном – «домовыми», «глинистыми». Черные платки с белым узором были траурными и носили название «молчанских» или «монашечьих».

«Журнал мануфактур и торговли» за 1864 г. отмечал, что часто весь успех предприятия зависел от *«умения подделываться под вкус масс, нередко странный и оригинальный…»*. Например, крестьянки Рязанской губернии предпочитали ярко-желтые платки, а пензенские, тамбовские – красные и глинистые. Центр, юг России и Поволжье явились местом распространения «кубовых», синих платков, известных также под названием «дикосовых».

Одной из самых крупных фабрик конца XIX – начала XX века была Трехгорная мануфактура, основанная в 1799 г. В.И. Прохоровым и Ф.И. Резановым. Изделия фабрики выгодно отличались чистотой и отчетливостью выработки, изяществом и новизной рисунка. Среди разнообразного ассортимента Прохоровской мануфактуры значительное место занимали платки и шали. Их изготовление с момента основания производства и до начала XX века было преимущественно ручным. Кроме того, мануфактура все время оставалась чисто русской фабрикой с русскими колористами и мастерами. К началу XX века на мануфактуре ежегодно разрабатывалось до 800 различных рисунков, которые в граверной мастерской переводились на манеры или валы.

Собрание нашего музея насчитывает 13 платков с клеймом Прохоровской мануфактуры: это, в основном, светлофоновые платки с различными оттенками коричневого цвета и многокрасочными цветочными узорами. Если на ранних платках XIX века хорошо узнаваемы природные формы роз, яблоневых цветов и незабудок, то на рубеже XIX–XX вв. они приобретают все более фантазийные очертания. В орнаменте платков этого времени появляются листья, причудливо соединяющиеся в букеты, корзины цветов, сердцеобразные мотивы. Цветы, произвольно меняя свою естественную окраску, напоминают диковинные композиции с венками, плодами, листьями. Привлекают внимание разнообразные кружевные ленты, перевивающие гирлян-

ду-кайму. Их введение в узор объясняется широким применением кружева в русском костюме середины XIX века, что развило различные способы их имитации. Но на большинстве изделий, как правило, имеет место «классическое» размещение орнамента: широкая, с пышной цветочной гирляндой кайма, большой средник с ритмически уравновешенными букетами или веточками, создающими ощущение некоторой статичности узора [2, с. 24]. Изделия дореволюционной Трехгорки отличались высоким художественным вкусом, для них были характерны гармоничное и уравновешенное соотношение форм и ритмов цветочного орнамента, отсутствие пестроты и крикливости в его расцветках.

Еще одним известным центром по изготовлению набивных платков была Шуя. С конца XVIII века существовало ткацко-набивное заведение, принадлежавшее купцам Посылиным. В 1841 г. произошел раздел имущества Посылиных, что привело к образованию двух самостоятельных производств: Степана Ивановича и Алексея Ивановича Посылиных. Хотя именно на мануфактуре Посылиных впервые появилась пирротина (машина, набивавшая узор на ткань), в обоих заведениях до 1920-х гг. сохраняется ручная набойка платков [3, с. 43]. В музейной коллекции «Платков и шалей» хранится 12 платков с клеймами фабрикантов Посылиных. Исследователи отмечают, что фабриканты нередко заимствовали наиболее ходовые рисунки текстильных изделий друг у друга. Одни платки близки глинистым платкам Прохоровской мануфактуры; другие – кубовым, с мелким цветочным орнаментом мануфактуры Зубкова; третьи платки «с огурцами» схожи с платками мануфактуры братьев Рубачевых. Последние выделяются богатством и множеством вариантов использования «восточного огурца», композиция которых выполнялись по синим, зеленым, красно-кирпичным и черным фонам. Из «огурцов» составлялись гирлянды, каймы, они то складывались в многолепестковый цветок, то являлись бутоном сказочного цветка.

Во второй половине XVIII века успешному развитию платочного производства способствовало разрешение крестьянам свободно ткать, которое было объявлено в 1796 г. [4, с. 18]. К концу XVIII века Богородский уезд Московской губернии становится крупным центром текстильного производства. Особенно славились платки из села Вохна на Клязьме и прилегающих к нему деревень – Захарово, Усова, Дуброво, Меленки. Все эти села и деревни слились в одно поселение, которое в 1844 г. было переименовано в Павловский Посад. Традиционный узор павловопосадских платков (розы) широко распространен в русском народном искусстве. В течение XIX века Москва и Павловский Посад являлись главными центрами производства платков. Павловопосадская фабрика представлена у нас в музее единичным клейменным предметом, однако в коллекции имеются платки и шали этой фабрики без клейма.

В ситцево-набивном производстве находили отражение важнейшие явления общественной и культурной жизни. Особенно широко популяризовались события Отечественной войны 1812 г., Манифест 1861 г. об отмене кре-

постного права, коронация русских императоров и императриц, празднование трехсотлетия Дома Романовых. Юбилейные платки выпускали Прохоровская трехгорная мануфактура, Товарищество Вычугинских мануфактур, Даниловской мануфактуры и др. Были платки, посвященные Александру II Освободителю, Иоанну Кронштадскому, коронованию Николая II и Александры Федоровны и др.

В собрании нашего музея имеется платок с клеймом товарищества Даниловской мануфактуры в Москве, посвященный Иоанну Кронштадскому (в миру – Иван Ильич Сергеев). Это видный церковно-общественный деятель Русской православной церкви. Он известен как большой подвижник и популяризатор трезвеннического движения в Российской империи, занимался частной благотворительностью, раздавал все свое жалование бедным, а когда не оставалось денег, отдавал свою рясу, сапоги и сам босой возвращался домой в церковный дом. Это привело к тому, что одно время его жалование выдавалось не ему, а его жене. Основал Дом трудолюбия (работный дом с мастерскими), школы для бедных, женскую богадельню, детский приют, ввел общую исповедь, призывал к частому приобщению Святых тайн. Канонизирован в лике праведных Русской православной церковью за границей 19 октября (1 ноября) 1964 г., а 8 июня 1990 г. – и православной церковью в России как святой праведный Иоанн Кронштадский.

Центральное место в среднике платка занимает погрудное изображение Иоанна Кронштадского, а по краям в декоративных розетках: 1) общий вид села Суры; 2) дом, в котором жил Иоанн Кронштадский; 3) Андреевский собор; 4) Дом трудолюбия.

Другой тематический платок, хранящийся в нашем музее, изготовлен Государственным Владимиро-Александровским трестом хлопчатобумажной фабрики специально для делегатов I Всесоюзного Учительского съезда, проходившего в Москве 12 января 1925 г. Это агитационный платок с изображением вождей мирового пролетариата: в центре – В.И. Ленин, а в каждом углу платка в овалах изображены К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Калинин и Л. Троцкий.

Кроме того, что тематические платки выпускались небольшими партиями, и уже одно это делало их уникальными, у данного платка есть своя удивительная история. Почти шесть десятилетий эта реликвия хранилась в семье местных жителей Бебешиных и оказалась у нас в музее, когда в 1991 г. они покинули Арзамас. Богатая купеческая семья Бебешиных жила на Соборной площади в доме, где сегодня расположено медицинское училище. После революции Н.В. Бебешин был арестован, а семья выселена и перебралась в другой дом. В начале 1930-х гг. Бебешиных снова готовят к выселению и из этого дома. Но один из сотрудников НКВД увидел маленький столик, покрытый платком с изображением вождя революции. «Чей платок?» – спросил чекист. Домочадцы дружно ответили: «Наш!» Последовал вывод: «Семья, в которой хранится такая вещь, не может быть выселена из своего дома!» Так платок спас семью, и долгие годы хранился в ней как реликвия.

Коллекцию ситцевых платков мы активно используем как в экспозиционно-выставочной, так и в научно-образовательной деятельности. Коллекция постоянно пополняется, являясь неиссякаемым источником вдохновения для местных художников и искусствоведов.

Источники и литература

1. Русские платки и шали. Государственный исторический музей. Каталог. – М.: Внешторгиздат, 1978.

2. Кирсанов Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.

3. Русские ситцевые платки XIX – начала XX вв. в собрании Сергиево-Посадского Государственного историко-художественного музея-заповедника. Каталог. – М., 1994.

4. Ивановские ситцы XVIII – начала XX века. – Л.: Художник РСФСР, 1983.

Раздел II
ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

УДК 908

ПАМЯТЬ О НИХ ХРАНЯ... (к 115-летию создания Арзамасского Александро-Невского общества хоругвеносцев)

MEMORY ABOUT THEM IS KEEPING... (to the 115th anniversary of the Arzamas Alexander Nevsky society of gonfaloniers)

А.Н. Кузьмина

A.N. Kuzmina

Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас, начальник отдела информационно-поисковых систем и использования документов

607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Мира, д. 13 А

E-mail: official@arhiv.arzamas.kreml.nnov.ru

Аннотация. Статья посвящена деятельности Арзамасского Александро-Невского общества хоругвеносцев, в особенности, активным членам общества, которые шли по пути развития духовной жизни города, воспитания чувства патриотизма и любви к родной истории на примере проведения крестных ходов в память особо важных отечественных и местных событий. Статья подготовлена на основе документов Государственного архива Нижегородской области, г. Арзамас.

Ключевые слова: г. Арзамас; г. Зарайск; общество хоругвеносцев; хоругвь; крестный ход; икона; церковь; патриотизм.

Summary. The article is devoted to the activity of the Arzamas Alexander Nevsky society of gonfaloniers. In particular, active members of the society, who were on the way of development of spiritual life of the city, education of patriotism and love for native history on the example of religious processions in memory of especially important domestic and local events. The article is prepared on the basis of documents of the state archive of the Nizhny Novgorod region, city of Arzamas.

Key words: city of Arzamas; city of Zaraysk; society of gonfaloniers; the gonfalon; the cross procession; an icon; a Church; patriotism.

В последней четверти XIX века при российских храмах и монастырях духовенством и прихожанами создавались общества хоругвеносцев. Основным направлением деятельности подобных обществ было участие в организации и проведении уже существовавших крестных ходов, усиление их благолепия, учреждение новых крестных ходов, а также поддержание порядка во время шествия.

Практически все общества хоругвеносцев на собственные средства сооружали иконы, ковчеги, киоты, хоругви, кресты и т.п., собирали пожертвования на благоукрашения беднейших храмов своих епархий. Всего в России на начало XX века действовало около таких 150 обществ [1, с. 42].

Не стал исключением и город Арзамас. Среди его жителей мысль об учреждении общества хоругвеносцев, как и во многих городах (Москве, Владимире, Богородске и др.), возникла еще в 1902 г. Первым, кто поддержал эту мысль, был священник арзамасской Крестовоздвиженской церкви Михаил Петрович Никольский. С помощью благочинного г. Арзамаса, протоиерея Федора Ивановича Владимирского, он разработал устав общества. Определением Святейшего Синода 15 января 1903 г. устав был утвержден, а 23 марта 1903 г. последовало открытие общества при Воскресенском соборе. В этот день, по приглашению благочинного, в соборе собрались лица, ходатайствовавшие об учреждении общества. В его состав записались первые 62 действительных члена, и было избрано, согласно уставу, правление общества (на три года) в составе председателя А.М. Чичерова и трех членов: Н.М. Щегольков, Н.В. Бебешина и Н.А. Ичаловского. При этом Н.М. Щегольков и Н.В. Бебешин согласились принять на себя обязанности, соответственно, делопроизводителя и казначея общества [2, д. 17, л. 17].

Общество объединило в своих рядах людей разных сословий, от известных арзамасских купцов и почетных граждан до простых мещан и крестьян из близлежащих сел и деревень. Этих людей сплотила общая цель – горячее желание служить благому делу на пользу Отечеству под знаменем православной веры. Целью деятельности общества, в первую очередь, стала забота о развитии духовной жизни города, воспитание патриотизма и любви к родной истории путем проведения крестных ходов в память особо важных отечественных и местных событий. Деятельность общества заключалась в организации всех крестных ходов, которые ежегодно совершались в Арзамасе (например, в течение лета 1903 г. их было 12). Также хоругвеносцы принимали участие в малых крестных ходах при встрече и проводах святых икон, которые привозили в Арзамас из других городов [2, д. 17, л. 18 об.].

На 1 января 1908 г. список членов общества вырос до 165 человек: почетные члены общества – 22 (это все известные и уважаемые в городе люди, среди них протоиерей Федор Иванович Владимирский, Николай Михайлович Ичаловский, Николай Васильевич Бебешин, Василий Амвросиевич Крылов, Николай Михайлович Щегольков и т.д.); действующие члены – 92 (шестеро из них проживали в Москве); члены-соревнователи – 27 человек (среди них также были иногородние представители, жители Москвы и Орехово-Зуева); два несовершеннолетних хоругвеносца были вписаны в состав общества по их желанию и ходатайству их родителей; 15 человек, жители Арзамаса и села Выездная Слобода, были вписаны пожизненно членами-соревнователями за их особое усердие при участии в крестных ходах; 7 церковных старост церквей Арзамаса и Арзамасского уезда [2, д. 48, л. 13 об. – 15].

Самые яркие и значимые мероприятия, в которых принимало участие Арзамасское Александро-Невское общество, подробно расписаны в документах архивного фонда *Ф. 46 Арзамасское Александро-Невское общество хоругвеносцев* с момента его создания и до ликвидации; документы фонда охватывают хронологический период 1903–1918 гг.

В первый же год существования общества его члены приняли участие в торжествах открытия мощей преподобного Серафима Саровского [3, с. 158]. Еще до организации Арзамасского общества хоругвеносцев (т.е. до марта 1903 г.) было известно, что общества других городов России примут участие в этом торжестве, поэтому первою важнейшей заботой правления общества был вопрос об участии в саровских торжествах. Депутация из 13 человек участвовала в торжествах при открытии его мощей. В дар Саровской пустыни от правления общества принесли серебро-позлащенный напрестольный крест [2, д. 15, л. 1 об. – 2].

Следующим значимым мероприятием, которое было организовано обществом – это торжества в Зарайске. Вопрос о чествовании 300 арзамасцев, погибших под Зарайском в 1608 г., поднимался ранее неоднократно. В документах архивного фонда Арзамасской городской управы от 14 июня 1907 г. имеется доклад арзамасского мещанина Алексея Ивановича Мунина в городскую Думу: *«В виду предложения гласного Думы Щеголькова о назначении от городского общества депутации для представления священной хоругви в Зарайск, на курган православных воинов Арзамасской дружины, по случаю предстоящего 30 марта 1908 года 300-летию кончины их. Не признает ли городская Дума возможным в состав депутации включить меня, так как о памяти Арзамасской дружины 25 лет тому назад в 1882 году в Арзамасе было предложено лично мною Городскому голове покойнику А.Ф. Колесову и по моей инициативе совершена о них после 275 лет в Арзамасском соборе торжественная всем городским духовенством первая панихида. Поэтому благодаря деятельности гласного Думы Щеголькова было бы желательно им разделить в общее с ним скромное духовное торжество...»* [4, д. 446, л. 4, 4 об.].

В свою очередь, Н.М. Щегольков на заседании правления Арзамасского Александро-Невского общества хоругвеносцев предложил достойно почтить память арзамасцев, ввиду приближающегося 300-летия этого события [2, д. 38, л. 1].

Было решено соорудить в Зарайскую Благовещенскую церковь хоругвь, которую планировали отправить в Зарайск с депутацией от Арзамасского общества хоругвеносцев. На тексте протокола собрания преосвященным Назарием, епископом Нижегородским и Арзамасским поставлена резолюция: *«18 марта 1906 г. Да поможет Господь Бог Арзамасскому Александро-Невскому обществу и в дальнейшей его полезной церковной деятельности. Особливо утешен докладом Н.М. Щеголькова о чествовании памяти 300 арзамасцев, убиенных в Зарайске постановлением общества ознаменовать 300-летие дня битвы их с поляками молитвою, сооружением хоругви-памятника»* [2, д. 38, л. 9–10; д. 55, л. 2].

В течение 1907 г. члены общества, жители Арзамаса вносили добровольные пожертвования на сооружение хоругви-памятника. На собранные средства она была заказана и выполнена в Переяславле-Залесском, на известной фабрике церковных вещей сыновей А. Захряпина и доставлена в Арзамас в конце декабря 1907 г. [2, д. 48, л. 6 об.]. Величественная и изящная хоругвь

была выполнена в виде запрестольной иконы – медная, вызолоченная через огонь, с эмалевыми украшениями и четырьмя иконами, написанными на золоте красками по металлу. Ее вес составлял около 1,5 пудов, высота (с медным высеребренным постаментом) – около 3,5 аршин, стоимость – 300 руб. На хоругви имелись следующие священные изображения и надписи: *«С одной стороны икона Благовещения. В память того, что: 1) Ратники-арзамасцы имели при себе св. икону Благовещения, которая зарайским письменным памятником называется чудотворною – Арзамасскою. 2) Само событие под Зарайском, произошло вскоре после праздника Благовещения и 3) Св. храм, построенный по повелению Царя Михаила Федоровича для поминовения православных воинов рядом с Зарайским курганом, посвящен Благовещению. Над этой иконой, в верхней части хоругви помещена другая круглая, на которой изображен Спаситель; внизу под иконой Благовещения надпись синей эмалью: "В память 300 воинов Арзамасцев, убиенных в битве с поляками под гор. Зарайском 30 марта 1608 года и погребенных при Зарайской Благовещенской церкви".*

На другой стороне хоругви – икона святых: Николая Чудотворца, покровителя г. Зарайска, Александра Невского, покровителя Арзамасского общества хоругвеносцев, и пр. Серафима Саровского, просиявшего в близких в Арзамасу местах. Над этой иконой другая, круглая "Знамение Пресвятой Богородицы", а внизу надпись: "1908 г. 30 марта в день 300-летия поставлен сей памятник в Зарайской Благовещенской церкви, тщанием Арзамасского Александро-Невского общества хоругвеносцев"» [2, д. 55, л. 2 об. – 3].

Имея в виду, что воины-арзамасцы достойны почитания не только общества хоругвеносцев, но и всех жителей города, Н.М. Щегольков выступил с инициативой: предложить Арзамасской городской Думе и сословным обществам города принять участие в поездке в Зарайск. Все общества приняли это приглашение с полным сочувствием. Представителями от городской Думы были избраны гласные Дмитрий Андреевич Сурин и Николай Михайлович Щегольков, от мещанского общества – староста Василий Михайлович Лихонин и мещанин Алексей Иванович Мунин, от ремесленного общества – Иван Петрович Самыкин (он еще в 1906 г. первым из хоругвеносцев добровольно вызвался принять участие в поездке в Зарайск), от арзамасского духовенства – протоиерей Федор Иванович Владимирский [2, д. 55, л. 4].

Помимо организации хоругвеносцами регулярных крестных ходов, продолжалась работа по сохранению памяти погибших воинов. В 1912 г., к 100-летию Отечественной войны 1812 г., общество хоругвеносцев приняло решение принять под свою охрану братскую могилу православных воинов, скончавшихся от полученных в битвах с французами ран. Могила эта находилась на Всехсвятском кладбище Арзамаса. На средства общества хоругвеносцев вокруг могилы была устроена ограда. Правление общества постановило ежегодно в день Всех Святых, во время крестного хода совершать на могиле воинов 1812 г. панихиду, расходы на которую покрывались добровольными даяниями хоругвеносцев [2, д. 83, л. 3 об.; д. 89, л. 4 об.].

Для сохранения вечной памяти о православных воинах в центре ограды, у подножия кургана с западной стороны был поставлен дубовый столб в виде колонны. На нем водрузили чугунный крест с распятием, художественной работы Каслинского чугунного завода на Урале. К столбу была прикреплена надпись, написанная на белом железе: *«Проста и скромна эта ограда так же, как просты и скромны лежащие здесь православные русские воины, но будем надеяться, что эта ограда простоит лет 50, а благодаря ей, сохранится и память о положивших жизнь свою за Веру и Отечество, а тогда Господь воздвигнет им новых усердных поминальников, которые исправят нашу обветшавшую ограду»* [2, д. 89, л. 4 об.].

Помимо этого, деятельность общества выражалась в благотворительных делах. Так, в августе 1914 г., в самом начале Первой мировой войны, в Арзамас стали поступать первые эшелоны с ранеными воинами. Правление Арзамасского общества хоругвеносцев не осталось в стороне. Арзамасская городская дума обратилась с просьбой ко всем членам общества: принять участие в переносе больных и раненых на носилках из вагонов и с вокзала в экипажи, а в случае надобности – и до больницы. Откликнувшись на эту просьбу, члены общества также оборудовали в местном лазарете одну койку имени общества хоругвеносцев, содержавшуюся за его счет [2, д. 92, л. 11]. Протоиерей Ф.И. Владимирский безвозмездно совершал церковные богослужения в городском лазарете для раненых и больных воинов вместе с помощником церковного старосты Арзамасского Воскресенского собора Н.М. Щегольковым [2, д. 92, л. 14].

Просуществовало Арзамасское Александро-Невское общество хоругвеносцев 15 лет, до середины 1918 г., многое сделав для духовного прославления истории Отечества и патриотизма русского народа. В минуты праздников и в трудное для страны время члены общества хоругвеносцев всегда и радость, и горе делили вместе со своим народом. Добрым словом и личным примером они показывали, что жить надо в дружбе, по-братски и с пользой для Отечества, чтобы приумножать добрую славу предков. Немало добра и пользы хоругвеносцы принесли и себе, и семьям своим, и всему местному обществу. Не столько материальными жертвами, личным трудом, сколько участием в крестных ходах, прикосновением к святыням они открыли для себя путь к духовному возрождению, очищению своих сердец, к обновлению своих духовных и телесных сил.

Источники и литература

1. Кузнецов И.А. История деятельности обществ хоругвеносцев в Российской империи и после 1918 года // Нижегородская старина. – 2012. – №№ 31–32.

2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 46. Оп. 1.

3. Арзамасский Воскресенский собор: история и его описание. В двух частях с видом Собора. Составил Николай Щегольков. – Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1909.

4. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 1.

УДК 908

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ДУХОВЕНСТВОМ И КРЕСТЬЯНСТВОМ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на материалах Нижегородской губернии)

THE CONTRADICTIONS BETWEEN THE CLERGY AND THE PEASANTRY IN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY (on materials of Nizhny Novgorod province)

О.В. Ефимов

O.V. Efimov

Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания,
кандидат исторических наук, доцент
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: istros2008@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отношения РПЦ, государства и общества в начале XX века. Раскрываются противоречия между обществом и духовенством в период революционных событий.

Ключевые слова: церковь; общество; государство; богоборчество; революция.

Summary. The relationships between the Russian Orthodox Church and the state at the beginning of XX century are depicted in the article. The tensions between society and clergy in a period of revolutionary events are uncovered.

Key words: church; state; society; militant atheism; revolution.

В период богоборческой политики 20–30-х гг. XX века в Арзамасе и Арзамасском уезде было уничтожено, разграблено и закрыто большое количество храмов и монастырей. Власть систематически проводила гонения на представителей духовенства. Повсеместно шла антирелигиозная пропаганда, унижая достоинство верующего населения. Как могло получиться так, чтобы в религиозном городе за короткий срок властям удалось разрушить духовное сознание общества, надругаться над религиозным культом? Следствием богоборческой политики должны были быть восстания, мятежи и акции неповиновения населения. Однако все мероприятия властей прошли при молчаливом согласии, а порой, и с одобрения граждан. В Арзамасском государственном архиве имеется большое количество документов, где собрания сельских обществ, предприятий, трудовых коллективов выносили решения в поддержку властей по сносу храмов и монастырей. В резолюциях собраний очень часто можно встретить формулировки: *«Мы, нижеподписавшиеся, требуем уничтожить очаги мракобесия»*, *«трудовые коллективы не хотят мириться с паразитизмом попов и монахинь»* и.т.д. Чем же было вызвано столь негативное отношение общества к духовенству и поддержка богоборческой политики власти?

Отношения между обществом и духовенством были весьма не однозначными. Начиная с XVII века, государство проводило политику, направленную на подчинение себе Церкви. Церковь же, в силу сложившихся причин, не могла противостоять этому процессу, закончившемуся ее полным

подчинением. Все это приводило к постепенному выходу народного духа из-под власти Церкви и формированию новых, светских, порой деструктивных начал русского общества. Наиболее ярко эти противоречия проявились после Февральского переворота 1917 г., главным образом, в среде крестьянства, так как это был самый большой социальный слой в российском государстве.

Об этом свидетельствуют многочисленные факты, когда крестьяне устраивали самосуды, глумления, аресты или просто изгоняли священников из приходов. Так, священник Благочинного 5-го Лукояновского округа Иоанн Садовский в рапорте Иоакиму, архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому, сообщал о нежелании священников работать в селе Темяшево. Прихожане этого села нанесли местному священнику массу оскорблений, унижений и подвергли аресту. Другие священники из страха за свою безопасность отказались ехать в Темяшевский приход [1, д. 14, л. 221].

Крестьяне села Пустыни, деревень Левина и Валетово потребовали удаления из прихода священника Василия Успенского за поддержку прежнего строя и черносотенную пропаганду [1, д. 2, л. 19–20].

Настоятельница Серафимо-Понетаевского монастыря Евпраксия сообщала 22 апреля 1917 г., что граждане селений Кошелиха, Камкина, Лихачей подвергают монахинь угрозам. Крестьяне потребовали от монахинь отпереть хлебные амбары для раздачи хлеба, а в противном случае обещали монастырь сжечь, а монахинь разогнать [2, д. 2, л. 119].

О частых конфликтах между крестьянами и духовенством сообщал 20 апреля обер-прокурор Святейшего Синода В. Львов. В своем послании он писал: *«До сведения моего путем официальным через телеграммы и почтою доходят сведения о нередких случаях ареста священников в разных епархиях местными исполнительными комитетами за их неприязненное отношение к новому государственному строю, выражаемое, как в частных разговорах, так и с церковных кафедр. Особенно такие аресты происходят после безуспешных обращений к Епархиальной власти об увольнении того или другого священника в виду полного к нему недоверия прихожан и порвавшейся с ним духовной и нравственной связью.*

Такими, без сомнения, ненормальными и прискорбными проявлениями в церковно-общественной жизни подрывается авторитет православного духовенства и поселяется смута и нестроение в приходах.

Со стороны Епархиальной власти должны быть приняты все возможные меры к пресечению столь печальных явлений, угрожающих разобщением пастырей и паствы» [1, д. 14, л. 241].

Причины конфликта между крестьянством и духовенством имели прямую связь с отношениями крестьянства и власти. К 1917 г. авторитет Церкви был подорван из-за ее слишком тесной связи с царским правительством. *«Государство на излете монархии подмяло под себя Церковь, а когда сама власть вошла в конфликт с крестьянством, она втянула в этот конфликт и духовенство»* [3, с. 316].

Линия на снижение авторитета православия связана с многолетней политикой по подчинению Русской церкви чиновничьему произволу, насаждению формальной церковности. В XVIII–IX вв. в России образовалось так называемое ученое монашество, организованное на бюрократических началах чиновничества и карьеризма. Г. Флоровский совершенно справедливо назвал это монашество «Орденом», создаваемым светской властью как средство властвовать в Церкви. Именно из этого «Ордена» вышла большая часть церковного руководства, далекая от духовных начал православия и занятая интересами и помыслами о карьере и обогащении. Линия формальной церковности подтачивала православие, отталкивала от него многие тысячи верующих [4, с. 63].

Февральские события 1917 г. стали своеобразным тестом на прочность позиций православного духовенства в крестьянской среде. Постепенное размывание традиционных ценностей при отсутствии механизмов, способных смягчить или обуздать агрессивные инстинкты в условиях массового ожесточения, вело к прогрессирующей моральной безнормативности поведения, что, в свою очередь, обусловило пренебрежение к интересам человеческой личности и безответственности поступков. Трагедия духовенства заключалась и в том, что в экстремальной обстановке оно зачастую не могло дать пастве убедительные ответы на вопросы, волновавшие крестьянское общество. Призывы к терпению оценивалось радикалами как фарисейство.

Царское правительство имело серьезнейшее противоречие с крестьянством по аграрному вопросу и эксплуатации. Духовенство, чья основная функция заключалась в воспроизведении в обществе веры в Бога и призыве жить по Божьим законам, своей миссии, как правило, не выполняло. Представители церкви поддерживали власть, хотя властные структуры были первыми нарушителями Божьих заповедей («не убей», «не укради», «относись к ближнему как к самому себе» и т.д.). Поэтому крестьянство видело в духовенстве тех, кто призывает жить по заповедям Господа, а сами поддерживают власть, которая первой нарушила эти заповеди. Таким образом, представители культа, по мнению крестьянства, служили не Богу, а власти.

Невыполнение духовенством своей важнейшей функции привело к подрыву авторитета Церкви. Растущее недоверие к Церкви неоднократно отмечалось и самим духовенством: *«В народе, то есть в малообразованной среде, которая противополагается обыкновенно интеллигенции, голоса эти... раздаются почти исключительно из среды, враждебной церкви, из среды раскола и сектантства или рабочего класса, проникнутого уже антирелигиозной пропагандой»* [5, с. 814–815]. Уклонение от духовного звания выпускников духовных семинарий откровенно связывалось *«с глумлением над духовенством, ненавистью к нему, невниманием к нему со стороны интеллигенции, светской литературы и даже крестьянства»* [6, с. 320].

Крестьяне не становились менее религиозными, вера в Бога сохранялась, но к духовенству и представителям Церкви веры уже не было. *«Сама Церковь остро переживала это положение, многие архиереи видели в нем*

истоки кризиса и требовали реформ, направленных на освобождение Церкви от государственной зависимости» [7, с. 27]. Напомним о некоторых из них: восстановление патриаршества, созыв Собора Русской православной церкви, восстановление автономии и широкого самоуправления приходов, проведение реформ в литургии, просвещении, церковном судопроизводстве. Обсуждение путей решения этих проблем происходило на фоне катаклизмов, вызывавших тревогу не только духовенства, но и светских общественных деятелей. Однако реальных шагов на устранение противоречий в отношениях Церкви и государства в период самодержавия не было.

Поэтому после февральского переворота, когда в приходах священники осуждали действия новой власти или ратовали о возвращении прежней, крестьянство изгоняло их или творило насилие в отношении этих священнослужителей. Крестьяне считали их поборниками свергнутого режима, не желающими изменений к лучшему, чего ожидали крестьяне от Временного правительства.

Прочность новой, возникающей после революции государственности, власти определяется тем, насколько быстро создаются институты органов управления и права, и насколько быстро и полно они обретают легитимность. То либерально-буржуазное государство западного образца, которое могло быть результатом февральского переворота, складывалось столь медленно, что не успевало за событиями. Идеологи Временного правительства отстаивали принцип «непредрешенчества», оставляя главные вопросы государственного строительства будущему Учредительному собранию, с созывом которого, однако, они не торопились. Даже объявить Россию республикой они не решились. Страна формально до осени 1917 г. оставалась монархией – без царя и без предпосылок для коронации нового монарха. Более того, Временное правительство своими мероприятиями не устранило социальные противоречия, а наоборот, своим бездействием, неспособностью, а то и нежеланием действовать подтолкнуло общество к хаосу, анархии и взаимоистреблению. Как признавал тогда лидер правых А.И. Гучков, *«мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть»* [3, с. 146]. Ситуация безвластия лишь усложняла отношения между крестьянством и духовенством. Особой остроты противоречия достигли в аграрном вопросе.

Церковь была крупным землевладельцем. В Нижегородской губернии у монастырей в собственности находилось свыше 5 тыс. десятин земли [8, д. 64, л. 270]. Крестьянство воспринимало это как несправедливость и источник своей эксплуатации.

Временное правительство отгородилось от решения аграрного вопроса и в то же время оказалось неспособным защитить собственность на землю. Поэтому нижегородское крестьянство пошло на самостоятельное решение проблемы своего малоземелья. Своим бездействием новая власть еще больше усилила противоречия между крестьянством и духовенством.

Уже в апреле 1917 г. игумен Оранского монастыря Нижегородского уезда жаловался губернскому комиссару на порубки монастырского леса, на прямое насилие крестьян над монастырскими служащими и рабочими.

Управляющий же Понетаевского монастыря Арзамасского уезда за противодействие крестьянам был ими арестован и под вооруженной охраной доставлен в уезд. Крестьяне начали самовольно пахать монастырскую землю [8, д. 64, л. 275].

В Лукояновском уезде у женского монастыря были взяты лошади и сельскохозяйственные орудия. Крестьяне деревни Бебяево и Пешелани не дали косить луга рабочим Арзамасского Новодевичьего монастыря, застогованное сено развезли по домам [8, д. 5, л. 85].

Таким образом, подчиненность власти, частная собственность на землю, участие в эксплуатации разобщили духовенство с крестьянством.

Согласно отчетам военных духовников, когда в 1917 г. Временное правительство освободило православных солдат от обязательного соблюдения церковных таинств, доля причащавшихся сразу упала со 100% до 10% и менее [1, д. 14, л. 241]. При этом надо заметить, что основная солдатская масса – это крестьяне.

Рассматривая противоречия в отношениях крестьянства и духовенства, необходимо затронуть и роль русской интеллигенции, деятельность которой только обострила этот конфликт.

Русская религиозная философия того времени отражала духовный распад русской интеллигенции. Интеллигенция не смогла выполнить свой долг перед Отечеством, состоящий, как и в любом государстве, в сохранении, творческом развитии и совершенствовании национальных основ, традиций и идеалов. В России происходило чудовищное. Значительная часть образованного общества была сторонниками не развития и сохранения, а разрушения национальных основ, рассматривая их как реакционные и отсталые. Русская православная церковь была главной мишенью разрушителей. Она не подходила им из-за своей «реакционности». В этой «духовной» обстановке и начинает возникать религиозные учения, которые в средние века назвали бы еретическими, целью которых было создать веру, подходящую для интеллигентов, лишенных национального сознания, или хотя бы приспособить православие к нуждам этих интеллигентов [4, с. 111].

Систематическая критика, литературные творческие «атаки» на Православную церковь пагубно отражались не только на Церкви, но и на сознании общества и, в первую очередь, на крестьянстве. Всеобщий нигилизм стирал всякие традиции, законы, правоотношения, что впоследствии вело к разрушению государства, общества и Церкви. Поэтому-то начатая в 1922 г. советским правительством антицерковная кампания и не встретила массового сопротивления крестьянства.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1882. Оп. 1.
2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р-25. Оп. 1.
3. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 1. От начала до Великой Победы. – М., 2002.
4. Платонов О.А. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. Т. 1. – М., 1997.
5. Самарские епархиальные ведомости. – 1905. – № 19.
6. Самарские епархиальные ведомости. – 1905. – № 8.
7. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995.
8. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 3.

УДК 94(47).083

АНАЛИЗ СОСТАВА «КНИГИ ПАМЯТИ НИЖЕГОРОДЦЕВ – НИЖНИХ ЧИНОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ И ФЛОТА, УБИТЫХ, УМЕРШИХ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»

ANALYSIS OF THE COMPOSITION "BOOK OF MEMORY OF NIZHNY NOVGOROD – THE LOWER RANKS OF THE RUSSIAN ARMY AND NAVY, KILLED, DEAD, MISSING DURING THE FIRST WORLD WAR"

Р.В. Кауркин[1], О.А. Павлова[2]

R.V. Kaurkin, O.A. Pavlova

[1] НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, департамент социальных наук, кандидат исторических наук, доцент
603155, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, д. 25/12
E-mail: rad-kaurkin@mail.ru;

[2] Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, кафедра гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент
606340, Нижегородская область, г. Княгинино, ул. Октябрьская, д. 22 а
E-mail: olgapavlova08@yandex.ru

Аннотация. Целью работы является анализ состава «Книги памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны». Критериями статистического анализа стали звания нижних чинов, конфессиональное положение, семейное положение. В результате исследования авторы пришли к выводам: нижние чины рассматриваемых губерний проходили службу практически во всех воинских соединениях русской императорской армии и флота; наибольшее количество нижних чинов – рядовые; основная масса потерь принимавших участие в боевых действиях относится к категории «пропал без вести»; в своем большинстве нижние чины были православного вероисповедания, однако встречаются и мусульмане, единоверцы, старообрядцы, иудеи, католики, протестанты.

Ключевые слова: Первая мировая война; Великая война; «Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны».

Summary. The aim of the work is to analyze the composition of the "Book of memory of Nizhny Novgorod – the lower ranks of the Russian army and Navy, killed, dead, missing during the First World war". The criteria of statistical analysis were the ranks of the lower ranks, confessional status, and marital status. As a result of the study, the authors came to the conclusions: the lower ranks of the province under consideration served in almost all military units of the Russian Imperial army and Navy; the largest number of lower ranks – ordinary; the bulk of the losses involved in the fighting belongs to the category of "missing"; most of the lower ranks were of the Orthodox religion, but there are Muslims, co-religionists, old believers, Jews, Catholics, Protestants.

Key words: the First World war; the Great War; "Book of memory of Nizhny Novgorod – the lower ranks of the Russian army and Navy, killed, dead, missing during the First World War".

Первая мировая война коренным образом повлияла на дальнейшую судьбу нашего государства. Впервые в мировой практике в этой войне главенствовал принцип тотального уничтожения живой силы противника. Е.С. Сенявская, исследуя этот вопрос, отмечает: *«Только за период с начала войны до 1 марта 1917 г. число мобилизованных в русскую армию достигло 15,1 млн. чел., а общие потери личного состава к 31 декабря 1917 г. составили 7,4 млн. чел., из них безвозвратные – около 1,7 млн. чел., не считая свыше 3,4 млн. пленных»* [1, с. 37]. Б.Ц. Урланис приводит следующие данные о погибших в этой войне (в тыс.) [2].

Автор, источник	**Антигерманский блок**						**Германский блок**			
	Россия	Франция	Англия	Италия	Румыния	США	Германия	Австро-Венгрия	Турция	Болгария
Дэринг	3000	1400	800	600	159	52	2000	1500	500	65
Французский журнал «Драпо блё»	1700	1385	934	465	159	51	2000	800	250	100
«Союз французских патриотов»	1700	1071	498	466	159	51	1677	688	437	-
Английский статистико-географический ежегодник	1700	1071	872	466	-	53	1600	688	437	-
Британский статистический ежегодник	-	1359	946	497	159	57	1824	-	-	70
Британская энциклопедия	1700	1358	908	650	336	126	1774	1200	325	87
Военное министерство США	1700	1358	908	650	356	126	1774	1200	325	88
«Большая советская энциклопедия», 1-е изд.	1800	1400	700	500	100	80	2000	1400	-	100

В работе «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации», вышедшей в издательстве Московского университета, указывается, что Россия потеряла в этой войне *«погибшими в бою»* 1.700.000 чел., раненые составили 3.850.000 чел., *«пропавшие без вести, пленные»* исчислялись цифрой в 2.417.000 чел., *«военные потери на 1 млн населения»* равнялись 10.494 чел. [3, с. 716].

К 100-летию начала Первой мировой войны была опубликована «Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны» [4]. Она составлена по территориальному и алфавитному принципам. Именные списки приводятся по административно-территориальному делению Нижегородской губернии на 1914 г., которая включала в себя 11 уездов – Ардатовский, Арзамасский, Балахнинский, Васильсурский, Горбатовский, Княгининский, Лукояновский, Макарьевский, Нижегородский, Семеновский, Сергачский. Помимо уездов, составители отдельно выделили раздел «Нижегородская губерния», в который вошли имена тех, в записях которых отсутствуют сведения об уездах и населенных пунктах, но они представлены в документах как уроженцы Нижегородской губернии или проживавшие в ней на момент их призыва в действующую армию.

Источниковой базой «Книги памяти нижегородцев…» послужили данные фондов Центрального архива Нижегородской области, Государственного архива Нижегородской области, г. Арзамас и нижегородской периодической печати.

Нижегородцы проходили службу практически во всех воинских соединениях русской императорской армии и флота. Исходные данные позволяют детально представить общую, хотя, видимо, далеко не полную картину, кем они служили.

Звания нижних чинов

(приведенные чины, звания, специальности и т.д.
представлены в полном соответствии с источниками)

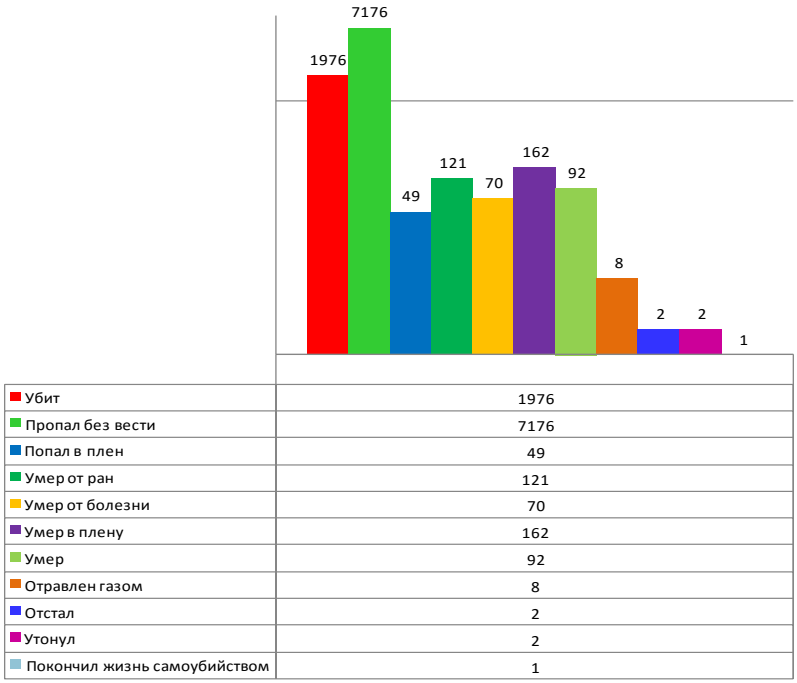
Звания / Уезд	Ардатовский	Арзамасский	Балахнинский	Васильсурский	Горбатовский	Княгининский	Лукояновский	Макарьевский	Нижегород-ский	Семеновский	Сергачский	Нижегород-ская губерния	Всего
Подпрапорщик	3	5	3	6	1	5	5	2	2	1	2	2	37
Фельдфебель	1	3	2	2	-	3	3	3	4	-	1	-	22
Ст. унтер-офицер	34	44	45	37	36	38	74	31	63	18	52	22	494
Мл. унтер-офицер	39	44	23	45	31	33	78	32	63	20	44	16	468
Ефрейтор	94	108	33	111	93	90	170	48	117	80	106	32	1082
Рядовой	549	496	462	592	540	566	953	426	868	464	673	264	6853
Мастер	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	2
Фельдшер	-	1	-	-	1	-	-	-	2	-	1	-	5
Санитар	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
Машинный кондуктор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Унтер-офицер 1 ст.	1	-	2	1	-	-	-	-	2	1	-	1	8
Унтер-офицер 2 ст.	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Матрос	2	-	3	-	-	1	-	3	-	1	2	2	14
Данные не известны	2	4	74	6	2	1	10	-	3	543	4	22	671
Итого 9659													

Основная масса потерь принимавших участие в боевых действиях относится к категории «пропал без вести». Даже суммарная цифра «убитых, умерших от ран и болезней, отравленных газом» и т.д. далеко отстоит от этого показателя. Приводимые ниже таблицы ярко иллюстрирует это.

Категории потерь

	Ардатовский	Арзамасский	Балахнинский	Васильсурский	Горбатовский	Княгининский	Лукояновский	Макарьевский	Нижегородский	Семеновский	Сергачский	Нижегородская губерния	Всего
Убит	139	170	141	135	92	89	279	127	305	301	148	50	1976
Пропал без вести	566	516	477	642	603	641	990	414	749	648	724	206	7176
Попал в плен	1	2	2	1	1	1	5	-	3	30	2	1	49
Умер от ран	6	10	11	7	2	4	9	2	22	31	3	11	118
Умер от болезни	7	4	2	1	-	-	1	-	12	38	-	5	70
Умер в плену	1	2	3	11	4	3	9	2	12	23	8	84	162
Умер	5	1	6	-	1	-	-	-	19	59	-	4	95
Отравлен газом	-	-	5	2	-	-	-	-	-	1	-	-	8
Отстал	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	2
Утонул	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	2
Покончил жизнь самоубийством	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
Итого 9659													

Более наглядно картина потерь предстает в виде гистограммы.



Убит	1976
Пропал без вести	7176
Попал в плен	49
Умер от ран	121
Умер от болезни	70
Умер в плену	162
Умер	92
Отравлен газом	8
Отстал	2
Утонул	2
Покончил жизнь самоубийством	1

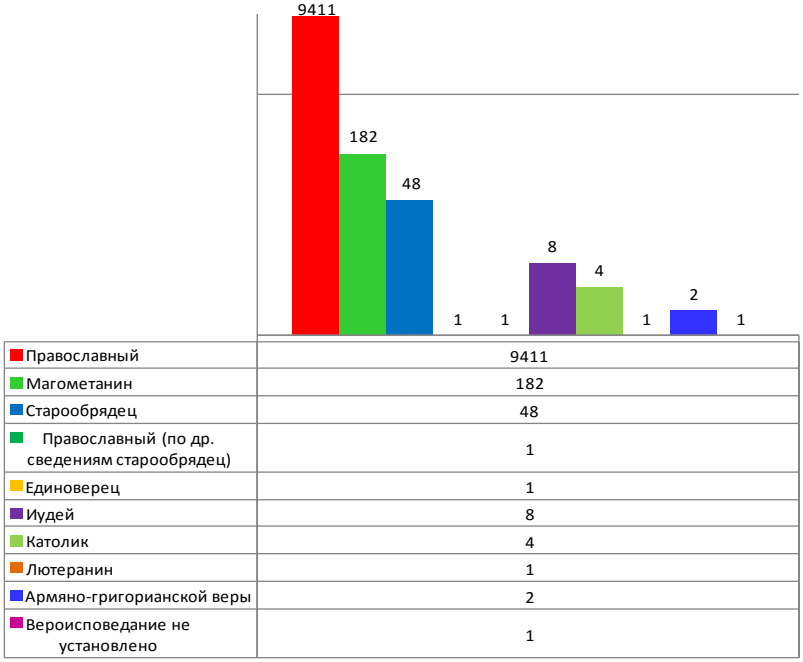
Особо следует отметить, что из многотысячного списка, приведенного в «Книге памяти…», лишь у двоих указано «отстал» – это И.И. Соболев,

уроженец Горбатовского уезда [4, с. 144] и Н.В. Горичев из Нижегородского уезда [4, с. 240]. Даже если предположить, что они умышленно покинули войска – то их поступок носит явно исключительный характер.

Помимо звания, семейного положения и др., отмечалось и вероисповедание. Основная масса нижних чинов были православными, однако, встречаются и мусульмане, единоверцы, старообрядцы, иудеи, католики, протестанты. Однако в архивных и, особенно, в печатных материалах конфессиональная принадлежность отражалась далеко не всегда.

Вероисповедание

Уезд / Вероисповедание	Ардатовский	Арзамасский	Балахнинский	Васильсурский	Горбатовский	Княгининский	Лукояновский	Макарьевский	Нижегородский	Семновский	Сергачский	Нижегородская губерния	Всего
Православный	723	702	634	741	703	722	1292	543	1111	1111	773	356	9411
Магометанин	-	-	-	52	-	14	-	-	-	-	110	6	182
Старообрядец	2	3	13	6	-	-	-	1	4	18	1	-	48
Православный (по др. сведениям старообрядец)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
Единоверец	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
Иудей	-	-	-	-	1	-	1	1	5	-	-	-	8
Католик	-	-	-	1	-	-	-	-	3	-	-	-	4
Лютеранин	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Армяно-григорианской веры	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	2
Вероисповедание не установлено	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Итого	9659												

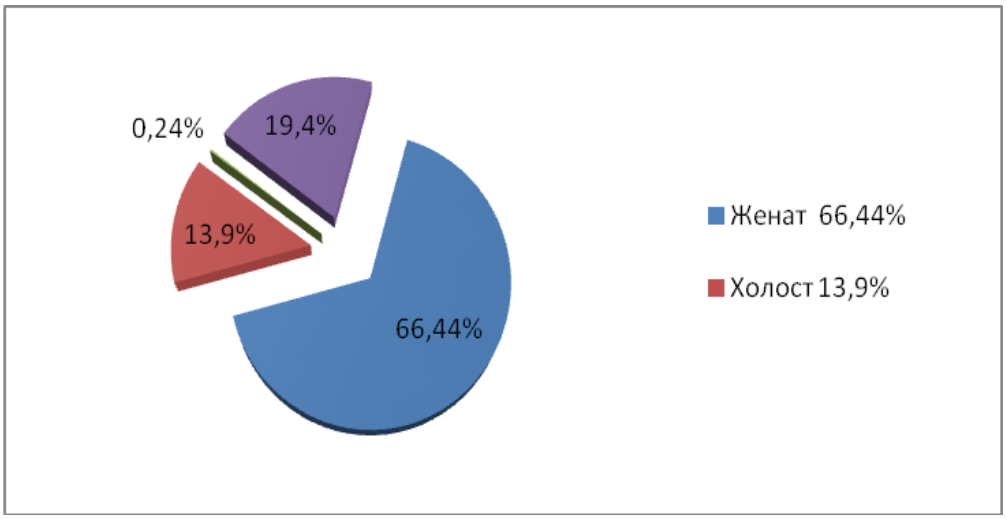


Как правило, в сохранившихся архивных документах указано семейное положение нижних чинов. В то же время, в газетных публикациях это не повсеместно нашло свое отражение. Поэтому цифры, приведенные ниже, нужно воспринимать с определенной долей сомнения.

Семейное положение

Уезд	Ардатовский	Арзамасский	Балахнинский	Васильсурский	Горбатовский	Княгининский	Лукояновский	Макарьевский	Нижегородский	Семеновский	Сергачский	Нижегородская губерния	Всего
Женат	592	531	247	560	576	557	1053	373	499	618	621	190	6417
Холост	72	99	144	123	88	117	111	99	147	162	131	53	1346
Вдовец	4	3	-	1	1	2	3	-	4	3	2	-	23
Данные не известны	57	72	256	116	39	62	126	73	474	348	131	119	1873
Итого	9659												

Из таблицы видно, что вдовцы являлись исключением из общей массы. Соотношение «женат» – «холост» предстает в цифрах как 6.417 к 1.346. В процентном отношении это выглядит как 66,44% к 13,9%. Общая же картина, представленная в виде диаграммы, выглядит следующим образом.



Таким образом, получается, что женатых было почти в пять раз больше, чем холостых. Если мы применим соотношение «женат» – «холост» к графе «данные не известны», то количество женатых возрастет до 7.915 чел.

По данным Г.И. Шигалина, в Первой мировой войне участвовало 22,6% всего мужского населения Российской империи, а в армию было призвано 19 млн чел. [5, с. 55].

Установить поименно всех солдат и офицеров русской армии и флота – участников Великой войны – задача крайне сложная, а скорее всего, невыполнимая в силу существующей сохранности архивного материала.

Источники и литература

1. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

2. Урланис Б.Ц. История военных потерь. – СПб.: Полигон, 1994.

3. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Изд-во Московского университета, 2014.

4. Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны / ред. Р.В. Кауркин. – Н. Новгород: Деком, 2014.

5. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. – М., 1956.

УДК 329+82-94 (47)“19/20”

М.С. СЕРГУШЕВ О СВОЕЙ ЖИЗНИ И ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ

M.S. SERGUSHEV ON HIS LIFE AND PARTY WORK

В.П. Сапон

V.P. Sapon

НГПУ имени Козьмы Минина, кафедра истории России
и вспомогательных исторических дисциплин,
доктор исторических наук, доцент
603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1
E-mail: vladimail2008@mail.ru

Аннотация. В советский период в научный оборот были введены многочисленные документы личного происхождения, авторами которых являлись активные участники российского революционного движения. В наше время исследовательская работа в этом направлении продолжается. Данная автобиография крупного функционера большевистской партии М.С. Сергушева содержит немало интересных подробностей, которые ранее не были обнародованы.

Ключевые слова: российское революционное движение; партия большевиков; М.С. Сергушев.

Summary. During the Soviet period numerous documents of personal origin which authors had been active participants of Russian revolutionary movement were introduced for scientific use. In present time research work in this direction is being continued. This autobiography of the prominent functionary of the Bolshevik party M.S. Sergushev contains a lot of interesting details which haven’t been published earlier.

Key words: Russian revolutionary movement; Bolshevik party; M.S. Sergushev.

В нижегородских государственных (и, вероятно, семейных) архивах по-прежнему хранится немало документов личного происхождения, в которых активные участники российского революционного движения излагали интересные, иногда уникальные, подробности своей жизни и деятельности. Некоторые из этих автобиографий и мемуарных материалов уже опубликованы в последние годы в научных и краеведческих изданиях [см., напр.: 1–4]. Другие, возможно, так и не получили бы своего шанса дойти до заинтересованного читателя, если бы не удачное стечение обстоятельств. Именно так слу-

чилось, когда сотрудник Нижегородского технического музея И.С. Богомолов обнаружил и передал мне ряд документов М.С.Сергушева и некоторых других видных партийных работников раннесоветского периода, за что выражаю ему искреннюю признательность.

В автобиографии М.С. Сергушев обозначил вехи своей личностной и революционно-партийной эволюции; основные из них неоднократно изложены в разного рода исторической литературе [см., напр.: 5]. Однако, из публикуемого документа можно узнать и некоторые подробности, которые раньше по разным причинам не подлежали огласке.

В частности, выясняется, что Маркел Аксенов (будущий Михаил Сергушев) родился в старообрядческой семье – это дополнительно оттеняет его образ радикального борца с авторитарным режимом (что, впрочем, не мешало молодому борцу вплоть до Первой русской революции считать особу монарха «неприкосновенной»). Интересны также «многопартийные» детали автобиографии будущего идейного большевика: осенью 1904 г. Маркел принял активное участие в либерально-земской кампании, приуроченной к юбилею судебной реформы; до октября 1905 г. он тесно сотрудничал с меньшевиками. На поселении в Туруханском крае Аксенов-Сергушев общался как с анархистами (в частности, с «ассоциационером» Львом Черным, который замышлял поднять восстание недалеко от д. Осиновки, объявить Туруханский край самостоятельной республикой и присоединиться к Америке [см.: 6]), так и с эсерами, меньшевиками. Можно предположить, что в это время он познакомился и с крупными деятелями партии большевиков И.В. Джугашвили и Я.М. Свердловым (со второй половины 1913 г. они временами проживали в упомянутых Сергушевым селах Селиваниха и Монастырское), хотя в автобиографии об этом почему-то не упоминается. В целом, публикуемый документ предлагает исследователям как новые любопытные сведения, так и поводы для новых вопросов…

В тексте сохранена стилистика документа. Недостающие части слов и слова воспроизведены в квадратных скобках. Примечания составлены автором публикации.

Автобиография

Я родился в 1886 г. в деревне Коровино, Фрезенской вол., Богородского уезда; теперь Зуево-Ореховский у., Московской губ. Родился без отца. После смерти отца мать перешла жить к дедушке. В деревне жил лет до 11. На седьмом году меня дедушка отдал к дерев[енскому] дьячку-староверу учиться. Я целую зиму учил по-славянски азбуку, часовник[*]*, псалтырь. Всю ту же славянско-старообрядческую премудрость я прошел за одну зиму. Весною я уже читал в моленной*[**]* за богослужением и читал, по-видимому,*

[*] Часовник (Часослов) – сборник псалмов.

[**] Моленная – домашняя церковь.

[*] «Апостол» – богослужебная книга, включающая тексты из Нового Завета о деяниях св. Апостолов и апостольские послания.

[**] Моленная – домашняя церковь.

очень недурно, потому что получал очень часто похвалы не только от дедушки и матери, но и от других. На следующую зиму меня отдали в церковно-приходскую школу, кот[орая] находилась в другом селе на расстоянии 3 верст. В этой школе я проучился 3 зимы. Кончил к[а]к полагается. Грамотности эта школа не давала. 50 % всего занятия уходило на закон божий.

К 11 годам моей жизни крестьянские дела у моего дедушки здорово пошатнулись, и он не только меня отдал на фарфорово-фаянсовую фабрику в местечко Дулево, в 15-10 верстах от нашей деревни (фабрика быв[шая] М.С. Кузнецова, теперь имени газеты «Правда»), но и сам поступил к этому же фабриканту на службу на торфяное болото в качестве десятника. Меня же мальчиком определили в скульптурное отделение. Работал я в скульптурном отделении года 4 всего. 3 года мальчиком; последний год уже перешел на сдельную работу точильщиком, но вскоре я заболел и так к[а]к среди точильщиков свирепствовала чахотка, то дедушка выхлопотал мне другую работу на этой же фабрике – сортировщиком белого товара. В 1902 году, летом, меня и еще человек пять назначают на эту же работу, но переводят на другую фабрику, в гор. Ригу. Мне в то время страшно хотелось посмотреть города и вообще Россию. Я с большой охотой принял это предложение вопреки воле матери и дедушки и уехал в Ригу.

В 1903 году у меня умерла мать, немного ранее бабушка, дедушка женился, и к этому времени я от деревни и дому совершенно отделался. Жили в Риге в общей комнате в 5 ч[еловек]. Столовались группой человек 12-15 у одного служащего на этой же фабрике. Во время чая, обеда, вечер[него] чая и ужина происходили всякого рода общие разговоры. Я, несмотря на то, что был старообрядцем и читал «Апостолы» в моленной, все же был почему-то склонен к атеизму – мало верил в бога, еще меньше в попов, и очень часто в разговорах за едой позволял себе вольные мысли и пускался в спор, кроме этого я иногда задумывался и о жизни богатых. Среди нас был один очень развитой рабочий-живописец – Порфи[ри]й Петрович Конаков. В то время мы не знали о том, что он находится в организации. Он пропагандировал довольно умело; во всяких щекотливых спорах вел себя так, что он подсказывал аргументы, а я и еще один пользовались ими и спорили вовсю. Потом, летом 1903 года, тов. Конаков начал частенько звать меня гулять за город и вести беседы на политико-экономические темы, преимущественно о несправедливом устроении жизни на земле, где имеются богатые и бедные. Такие прогулки и беседы у нас продолжались до весны 1904 г., когда он впервые мне дал книжку Дикштейна «Кто чем живет». Мне она очень понравилась. После этой получил еще книжку, кажется, «Хитрая механика», а затем с большой предосторожностью он начал со мной читать «Искру». К[а]к потом оказалось, в первое время я не знал, что за газету он читал со*

* «Апостол» – богослужебная книга, включающая тексты из Нового Завета о деяниях св. Апостолов и апостольские послания.

мной. Помню только, что я шибко восторгался правильностью написанного и все допытывался, где такие хорошие и правильные пишут газеты.

За «Искрой» пошли прокламации. В первое время вся эта конспиративность, «правильная» и «хорошая» литература меня очень интриговали, и когда он мне под большущим секретом поведал, что их имеется много людей и что они устраивают тайно собрания и на этих собраниях рассказывают о жизни рабочих всех стран, о всех непорядках, штрафах, борются против городового и околодочного с приставом, читают хорошие книги и т.д., мне это все очень понравилось, и я стал просить, чтобы он меня свел на эти собрания. Он мне рассказал, что будет, если меня там поймают или я кому-нибудь о них сболтну. Одним словом, рассказал о всех карах правительства и конспирации, но меня конспирация страшно интриговала, а кар я не боялся. По природе своей [я] человек довольно неболтливый, а тут в особенности, и поэтому мне очень легко было соблюсти конспирацию. Трусливым я не был также, поэтому рассказы о карах полиции и правительства меня не пугали. Одним словом, летом 1904 г. я стал ходить на тайные собрания и кружки. И только в кружках я увидел, насколько я темный и забитый человек. Проходил я в кружках политэкономию. Осенью 1904 г. я уже стал активно участвовать в либерально-земской кампании. Правда, наша роль рабочих была большею частью в качестве статистов и демонстрантов. В политических разногласиях я тогда не разбирался. Все, кто шел против полиции, я был с ними. Царь еще в это время для меня был неприкосновенный. Потом наступило 9-е января в Питере и 13-е января у нас, в Риге.

Впервые колоссальная демонстрация и без разгона полицейскими произвела на меня колоссальное значение. Правда, нашу фабрику сняли силой, но я-то лично с большой радостью присоединился к общему шествию и впервые у железнодорожного моста столкнулся с солдатами, и в нас стреляли, и все демонстранты спасались кто к[а]к может. Нас разогнали, но дух наш революци[о]низировался очень сильно. Настроение было приподнятое. Даже наша фабрика, рабочие кот[орой] были очень сильно заражены религией и страшно отсталые, но и они к концу января раскачались, и в феврале мы объявили экономическую забастовку. В этой забастовке я принимал активное участие и выполнял технически-организационные функции: печатал и распространял листовки, имел связь с агитаторами. Забастовка закончилась частичной победой, но к[а]к только приступили к работе, меня и еще кучу передовиков уволили с фабрики. Я к этому времени был уже в качестве передовика на фабрике. Мой учитель Конаков и его группа человек 15 были еще осенью 1904 года уволены с фабрики по требованию полиции.

В марте я поехал в Москву и в Дулево. Ни в Москве, ни в Дулеве работы я не нашел. «Зайцем» поехал на Волховскую фабрику (тоже фарфоровая). Там также не нашел работы. Оттуда поехал таким же способом в Питер; на Волхове ко мне присоединился знакомый рабочий-живописец по Риге, с кот[орым] мы были вместе уволены, и мы уже вдвоем начали путешествовать. В Питере работы не нашли, пошли пешком в Ригу по ж[елезной] доро-

ге. Дошли до Гатчино, там нас по ж[елезной] д[ороге] не пустили солдаты и чуть было еще не арестовали, но мы все же прошли одну, кажется, станци[ю] и там сели «зайцем» в поезд. Доехали до Луги или еще какого-то небольшого городишка, сейчас точно не помню. Помню только, что в нем мы поступили к ремесленнику-еврею работать. Мой товарищ писать вывески, я растирать краску. Ему к[а]к спецу хозяин платил 90 к., мне 50. Работать заставлял от восхода до захода солнышка. Проработав с неделю, мы решили бороться против эксплуатации нас хозяином [и] объявили забастовку. Нас, рабочих, у него было человек 5-7. Все начали дружно забастовку, но хозяин был не дурак парень, увидев, что мы являемся зачинщиками, он повел такую тактику: сократив немного раб[очий] день, прибавил пятачок, а нас уволил, и мы опять пошли искать работы. Дошли до Пскова. Там работы не нашли; недели 2 прожили в монастыре в качестве чернорабочих. Кормили нас хорошо, да и работали там не так-то много. Но т[а]к к[а]к там кроме работы нужно было молиться богу, а к этому нас не тянуло, то мы вынуждены были скоро покинуть стены монастыря и пошли в Ригу. Пробирались где пешком, где «зайцем» на поезде. По пути были в Валках, в Вольмаре и, наконец, в июне добрались до Риги.

В Риге я связался с организацией. Мой товарищ, фамилия его была Стулов, пошел путешествовать дальше до Одессы; я же остался в Риге и вскоре мне предложили держать явочную квартиру и вести кое-какую техническо-организационную работу. С этого времени начинается моя профессиональная работа революционера. Дали мне кличку Антон, и я под этой кличкой и работал. В августе совершенно случайно попал под арест на улице. Бундовцы хоронили демонстративно погибшего товарища; полиция была вся на ногах, и в этот момент я случайно попадаю в этот переулок, где еврейское кладбище, в черной рубахе с красным поясом, в кармане брюк у меня был револьвер, меня задержали, обыскали и нашли револьвер, и присоединили к группе арестованных евреев, человек 25. Отправили всех нас в 4-й Московский участок. Впервые я получил штук 10 ударов казацкими нагайками. В участке нас рассортировали, и меня и двух евреев оставили сидеть в административном порядке за ношение оружия. Мне полицмейстер дал 2 недели, а двум бундовцам по 3 недели. В участке 2 недели прошли скоро. Я подчитал, отдохнул и вышел немножко больше закаленным и опять начал вести прежнюю работу.

До октября 1905 г. я был больше связан с меньшевистскими пропагандистами, с октября я связался исключительно с большевиками, г[лавным] о[бразом] с Марком, кот[орый] был ответств[енным] организатором в нашем районе. В октябрьской, ноябрьской и декабрьской забастовках я принимал большое участие. 27 декабря 1905 г., когда все уже кругом ликвидировалось, и в Прибалтийском крае свирепствовал знаменитый Орлов, я был арестован, при аресте сильно избит. Нас арестовали троих. Двое отделались административной высидкой, меня привлекли по 126 статье, за принадлежность к Р.С.Д.Р.П. В январе 1907 года я судился Петербургской па-

латой, осужден был на поселение. На суде защищал меня знаменитый Керенский. В июне 1907 г. меня отправили этапом в Сибирь. Сидел я до марта 1907 г. в Централке, с марта в губернской. В губернской нас заковали в кандалы, и я их носил вплоть до Енисейской тюрьмы. В дороге от Риги до Енисейска я за компанию раза три расковывался, но всегда еще в более тяжелые кандалы заковывали. В конце августа наша партия высадилась на берегу Енисея в дер. Селиванихе Туруханского края. Шел я в ссылку с группой латышей ссыльных, к[а]к, напр[имер], Ян Ретеюли, Мартын Иванович Зелтин и др. С осени 1907 г. до осени 1914 года я жил в Туруханской краю в деревнях: Осиновой, Монастырском, Селиванихе. При моем участии происходили знаменитые туруханские события, когда анархисты проектировали отделить Туруханский край от России, присоединив его к Америке.

В ссылке я занимался самой разнообразной работой. Административному взысканию подвергся один раз. Был посажен на месяц в каталажку приставом за способствование побегу одному администр[ативно-]ссыльному некоему С.Р. Чарторижскому. В 1914 г. получил разрешение на выезд из Турухании к[а]к крестьянин из ссыльных в города Сибири. Основался в Красноярске. В Красноярске в начале 1915 г. я, Бальбатов и др. организовали пораженческую группу и повели борьбу с оборонцами. Весною 1916 г. я и еще куча товарищей были арестованы. Осенью я, Бальбатов, Ярославский и Николаев (Ярославский был С[оциалист-]Р[еволюционер] интернационалист, а Николаев меньшевик-оборонец), но несмотря ни на что, мы четверо из большой группы были высланы административно в Туруханский край на 3 года, и я вторично, уже к[а]к административно-ссыльный, пошел в Туруханию.

Февральская революция меня застала в администр[ативной] ссылке. В первых числах июня 1917 г. на первом пароходе я вместе с другими товарищами выехал в Красноярск, а из Красноярска я выехал в Ленинград. В июле меня покойный Яков Свердлов срочно командировал в Сормово Нижегород[ской] губернии. С июля 1917 г. до декабря 1917 г. я работал в Сормове. Здесь нужно оговориться, что моя действительная фамилия Аксенов, Маркел Прокопьевич. До августа 1917 г. я был известен под фамилией Аксенов. В августе нас, поселенцев, начали брать в солдаты. Я решил не идти в солдаты, и с согласия районного комитета я переменил фамилию Аксенова на Михаила Сергеевича Сергушева. С этого времени я начал работать под теперешней фамилией. С декабря 1917 г. начал работать в Нижнем в качестве секретаря губкома.

В сентябре 1919 г. Центральный Комитет послал меня в Воронеж. В Воронеже я работал до лета 1920 г. В августе 1920 г. Ц.К. [я] был отправлен в Туркестан. В Туркестане я работал в качестве члена ЦК Коммунистической партии Туркестана до весны 1921 г. Весною 1921 г. меня направили в Ставрополь Кавказский. Осенью этого же года я был назначен ответств[енным] инструктором ЦК РКП(б) в Москву. До весны 1923 года я выполнял функции ответств[енного] инструктора. Весною 1923 года на XII

съезде партии, в момент доклада Троцкого, у меня пошла кровь. На XIII съезде я был избран членом ЦКК РКП (б). 2 ½ месяца работал заведующим оргинстром[*] ЦКК РКП (б) и Н[ародного] К[омиссариата] Р[абоче-]К[рестьянской] И[нспекции]. Отдел организовывался вновь, а работа была большая, и я через 2 ½ м[есяца] опять свалился и лечился 7 м[есяцев]. Сейчас опять приступил к работе. В общество[**] я имел давно желание записаться, но болезнь все мне мешала. Сейчас я еще также не совсем освободился от чахотки, но все же решил подать заявление на вступление в члены об[щест]ва.

Вот моя краткая автобиография и мое желание вступить в члены об[щест]ва.

Член ЦКК РКП (б) М. Сергушев,

быв[ший] ссыльно-поселенец М. Аксенов.

Адрес: [г. Москва,] ул. Грановского, 5 Дом Советов, кв. № 70.

Дом. Тел. № 3, 7в, 19.

Личный архив В.П. Сапона. Рукописный подлинник.

Источники и литература

1. Сапон В.П. Новый источник о деятельности Л.М. Кагановича в Нижнем Новгороде в годы Гражданской войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3(1). – С. 262–265.

2. Сапон В.П. Полный вариант воспоминаний П.А. Комарова как источник о деятельности левых партий в Сормове в годы Первой мировой войны // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XI Региональной научно-практической конференции (5 декабря 2013 г.). Вып. X / под общ. ред. В.И. Грубова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 126–133.

3. Сапон В.П. «…У меня к ЦК и его руководителям запало недоверие». Автобиография члена боевой группы Кулебакской организации партии социалистов-революционеров П.А. Соколова (1925 г.) // Отечественные архивы. – 2016. – № 4. – С. 84–100.

4. Сапон В.П. Воспоминания Александра Безыменского о солдатском восстании в Нижнем Новгороде в июле 1917 г. // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Н. Новгород, 2017. – С. 293–304.

5. Шляков К. Дорогой борьбы // Солдаты ленинской гвардии. Очерки об участниках революционного движения в Нижегородской губернии. Кн. 2. – Горький: ВВКИ, 1977. – С. 275–283.

6. Сапон В.П. Анархисты проектируют новую жизнь // ACTA ERUDITORUM. Научные доклады и сообщения. 2017. – СПб.: Изд-во РХГА, 2017. – Вып. 24. – С. 23–28.

[*] Организационно-инструкторским отделом.

[**] Вероятно, имеется в виду «Общество бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев» (1921–1935 гг.).

УДК 94(470)

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ 1917 г.: П.А. ДЕМИДОВ – ПЕРВЫЙ ГУБЕРНСКИЙ КОМИССАР ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

THE ROLE OF THE PERSONALITY IN REGIONAL HISTORY OF 1917: P.A. DEMIDOV – THE FIRST PROVINCIAL COMMISSIONER OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT IN NIZHNY NOVGOROD PROVINCE

А.С. Глазунов[1], И.А. Субботина[2]

A.S. Glazunov, I.A. Subbotina

[1] Арзамасский политехнический институт (филиал)
НГТУ им. Р.А. Алексеева, факультет машиностроения, приборостроения и информационных технологий, студент;

[2] Арзамасский политехнический институт (филиал)
НГТУ им. Р.А. Алексеева, кафедра «Экономика и управление в машиностроении», кандидат исторических наук, доцент

607227, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Калинина, д. 19
E-mail: subbotina.irina.alex@yandex.ru

Аннотация. В статье кратко освещается вопрос о роли личности в региональной истории Нижегородской губернии 1917 г. Авторы датируют осуществление П.А. Демидовым полномочий губернского комиссара Временного правительства, показывают его вклад в историю в этом качестве.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г.; Временное правительство; Губернский комиссар; личность; должность.

Summary. The article briefly addresses the issue of the role of personality in regional history of the Nizhny Novgorod province of 1917. The Authors date the implementation of P.A. Demidov authority Provincial Commissioner of the Provisional government, show his contribution to the story.

Key words: February revolution of 1917; The Provisional Government; The Provincial Commissioner; personality; the post.

Революционные события 1917 г. долгое время подвергались изучению лишь с одной стороны. Исследователей советского периода интересовали роль и значение большевистской партии и ее организаций. В то же время органы власти Временного правительства и их деятельность оставались в тени: *«Многие историки просто забывали о главном носителе местной власти того времени – комиссарах Временного правительства... Тенденция к замалчиванию института комиссаров просматривается и в сборниках документов, посвященных революции 1917 года»* [1, с. 7]. Современные же исследователи все чаще обращаются к изучению вопросов, связанных с организацией и работой законных органов власти (включая местный уровень), сформированных в результате Февральской революции [см., например: 2]. Предметом отдельных исследований становится роль конкретных личностей в региональной истории [3], что представляется актуальным и важным с точки зрения комплексного подхода в истории.

После образования центрального Временного правительства в столице 2 марта 1917 г. настал черед регионального уровня. Четвертого марта в Нижегородскую губернию было направлено постановление МВД с директивным указанием *«обязанности губернаторов временно возложить на председателей губернских земских управ, присвоив им наименование "губернские комиссары Временного правительства"»* [4, с. 277]. На этом основании первым губкомом Нижегородской губернии стал Павел Аркадьевич Демидов – председатель губернской земской управы, которого первоначально называли *«Управляющим Нижегородской губернией временно»* [5, д. 53, л. 5]. По мнению многих историков [см., например: 6, 7], должность губернского комиссара сохранила в себе многие черты губернаторов царской России. Причину этого видели в нежелании новой власти искать опору у рабочих и крестьян: *«Объективно способствуя дальнейшему развалу старого угнетательского аппарата, Временное правительство всячески стремилось хоть что-нибудь спасти из старой системы управления. Это особенно удалось ему в области сохранения старых кадров чиновничества…»* [6, с. 160]. С другой стороны, историк Е.П. Баранов высказал мысль о желании новой власти иметь сильный чиновничий аппарат, так как *«Временное правительство решило переложить права губернаторов на более проверенных, зарекомендовавших себя на службе еще в царское время, председателей губернских земских управ»* [8, с. 63].

Личность П.А. Демидова была уже знакома не только многим нижегородцам, но и столичной власти. До принятия на себя обязанностей губернского комиссара он один совмещал сразу две должности: председателя губернской земской управы и уполномоченного Министерства земледелия по закупке хлеба для армии. На обеих должностях Демидов проявил себя как хороший, надежный исполнитель. Ревизии по проверке качества работы уполномоченных по снабжению армии были частым явлением, но в бумагах, касающихся этой сферы деятельности Демидова, нет ни одного негативного отзыва со стороны проверяющих. Цифры активов и пассивов сверены с необычайной бухгалтерской точностью, счета верны. Источники не говорят о широкой партийной деятельности П.А. Демидова, но исследователи утверждают, что он являлся членом партии кадетов [9, с. 136]. Следовательно, личность Демидова представлялась центральной власти вполне надежным ее оплотом в губернии.

Получив новые обязанности, *«приняв на себя в настоящий момент временно местную власть»* [5, д. 16, л. 5]. П.А. Демидов сообщил об этом, прежде всего, губернскому правлению, ссылаясь на копии телеграммы с *«предложением Министерства внутренних дел и председателя Совета министров»* [10, д. 25, л. 3]. И только 8 марта, шесть дней спустя, приказом № 1 уже губернского комиссара Временного правительства было доведено до всеобщего сведения о вступлении председателя Губернской земской управы *«в обязанности губернского комиссара со всеми правами, которые возлагаются по закону на губернатора»* [10, д. 7, л. 1]. В документе имеется прямое указание на то, что исполняющий обязанности главы местной власти являлся

персоной, вполне доступной для всех частных лиц губернии, поскольку каждый день во время с 11 до 12 часов дня любой желающий мог получить прием у губкома. Как показывают документы, граждане часто пользовались этой возможностью и обращались к губернскому комиссару с самыми разными вопросами и проблемами, начиная от просьбы разъяснить происходящее и заканчивая прошениями о поиске пропавшего скота. Особое внимание П.А. Демидов считал необходимым уделять снабжению армии продовольствием в непростое военное время.

Начиная с середины июля 1917 г., подпись Демидова на бланках государственного образца встречается достаточно редко; чаще можно увидеть фамилию Г.Р. Килевейна – помощника губернского комиссара и регионального лидера партии кадетов [9, с. 136]. Отсюда логично было бы предположить, что действующий губком, П.А. Демидов, стал постепенно отходить от дел. Документы фонда губернского комиссара Временного правительства Нижегородской губернии причин этого не проясняют, очевидно только то, что с середины августа эти обязанности стал исполнять М.И. Сумгин. Документы Министерства внутренних дел содержат прошение П.А. Демидова об отставке, датированное 10 июля. Нижегородский губком обращался к главе МВД с просьбой освободить его *«от обязанностей Нижегородского губернского комиссара за невозможностью совместить их без ущерба для дела с должностью председателя Губернской земской управы»* [11, д. 116, л. 43]. В губернии это желание Демидова было озвучено 25 июля на заседании исполкома Временного правительства в Нижнем Новгороде. После обсуждения вопроса о деятельности носителей власти Временного правительства на местах неожиданно для присутствовавших прозвучали слова П.А. Демидова о снятии с себя полномочий главы региональной власти. К этому времени прошение об освобождении от обязанностей губернского комиссара уже было послано им в столицу *«вследствие циркуляра Временного правительства о недопустимости совместительства должностей председателя земской управы и комиссара в одном лице»* [5, д. 11, л. 59]. Таким образом, причина отставки губернского комиссара очевидна: Демидов предпочел нести меньшую ответственность, чем обязан был взять на себя комиссар, оставаясь на более привычном для него месте. Карьера П.А. Демидова как первого губкома на этом завершилась, но он продолжил свою деятельность в губернии в качестве председателя Нижегородской Окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, о чем было доложено его преемнику 21 августа [10, д. 10, л. 42]. После добровольной отставки П.А. Демидова на заседании Исполкома *«единственным кандидатом на пост губкома являлся М.И. Сумгин, которого собрание подавляющим большинством голосов и утвердило»*.

Официальной датой отстранения П.А. Демидова с поста губернского комиссара можно считать 6 августа, когда была получена телеграмма из МВД за подписью Щепкина, обращенная к его преемнику, гласящая: *«Демидов освобожден* [от] *обязанностей Нижегородского губкома, и временно исполнение обязанностей этой должности возложено на Вас»* [10, д. 73, л. 119].

Источники и литература

1. Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). – М.: Газ.-журн. об-ние «Воскресенье», 1995.

2. Субботина И.А. Губернский комиссар как высшее должностное лицо в управлении Нижегородской губернией периода Временного правительства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 5 (2).

3. Давыдова Е.А., Субботина И.А. Личность в революционных событиях 1917 года в Нижегородской губернии: М.И. Сумгин // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник статей участников XV Региональной науч.-практ. конференции (7 декабря 2017 г.). Выпуск XIV / отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018.

4. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий. (Период империализма) / под ред. И.А. Федосова. – М.: Высшая школа, 1977.

5. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1887. Оп. 1.

6. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980.

7. Герасименко Г.А. Политическая обстановка в России после победы Февральской буржуазно-демократической революции и деятельность различных политических сил в условиях двоевластия. Учебная лекция. – Мн: Б.и., 1990.

8. Баранов Е.П. Губернские комиссары Временного правительства // Вестник Московского университета. Сер. XII. Право. – 1974. – №5.

9. Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2001.

10. ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1.

11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1788. Оп. 2.

УДК 94(47) : 355.401(09)

100 ЛЕТ ГЛАВНОМУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

100 YEARS TO THE GENERAL INTELLIGENCE DEPARTMENT: A PORTRAIT AGAINST THE BACKGROUND OF THE ERA

Е.И. Подрепный[1], Е.П.Титков[2]

E.I. Podrepnyy, E.P. Titkov

[1] ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра истории и политики России, доктор исторических наук, доцент
603000, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
E-mail: podrepnyy@yandex.ru;

[2] Арзамасский филиал ННГУ, доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-методического центра по изучению дискуссионных вопросов отечественной истории
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: istcentr@mail.ru

Аннотация. Военной разведке России – Главному разведывательному управлению (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации исполнилось 100 лет. С военной разведкой нашего Отечества связано много славных страниц истории, по-

этому она привлекает повышенное внимание исследователей. За последнее десятилетие историография проблемы переживает настоящий бум. В настоящей статье сделана попытка краткого обзора отечественной историографии ГРУ на примере преимущественно научных и научно-популярных публикаций последнего десятилетия. Особое внимание авторы уделили биографиям «героев невидимого фронта» – разведчиков и руководителей ГРУ, имея в виду использование этого материала в курсе отечественной истории и специальных курсах для студентов-историков.

Ключевые слова: автор; агентура; историография; разведка.

Summary. Military intelligence of Russia – the Main intelligence Directorate (GRU) of the General staff of the Armed Forces of the Russian Federation is 100 years old. Many glorious pages of history are connected with the military intelligence of our Fatherland, so it attracts the attention of researchers. Over the past decade, the historiography of the problem has experienced a real boom. This article attempts a brief review of the national historiography of the GRU on the example of mainly scientific and popular publications of the last decade. The authors paid special attention to the biographies of the "heroes of the invisible front" – scouts and leaders of the GRU, referring to the use of this material in the course of national history and special courses for students-historians.

Key words: author; Agency; historiography; intelligence.

Исполнилось 100 лет Главному разведывательному управлению (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. Военная разведка сегодня занимает важное место в системе национальной безопасности России. Она является мощным и действенным инструментом защиты ее стратегических интересов, действуя как на территории своей страны, так и за ее пределами [1, с. 1].

О ГРУ и его сотрудниках периодически пишут в прессе, снимают «шпионские» сериалы и фильмы, а успехи спецназа этого ведомства иногда попадают на ленты информационных агентств. Не прошли мимо работы этого ведомства отечественные историки и публицисты. Так, к столетию ГРУ вышли специальные выпуски еженедельной газеты «Независимое военное обозрение» и журнала «Родина». Сенсационным можно назвать выход в свет воспоминаний Маршала Советского Союза Ф.И. Голикова, который возглавлял Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии в 1940–1941 гг. [2]. Несколько ранее были изданы записки генерала армии И.А. Серова – первого председателя КГБ СССР, возглавлявшего ГРУ в 1958–1963 гг. [3].

В настоящей статье сделана попытка кратко изложить основные итоги развития отечественной историографии военной разведки России, показать ее основные направления на сегодняшний день с точки зрения возможностей использования этих трудов в учебном процессе с будущими историками и студентами других направлений в курсе истории России. По мнению авторов, материалы истории военной разведки России дают богатые возможности для патриотического воспитания молодого поколения.

Точкой отсчета современной историографии ГРУ можно считать выход в свет труда А. Колпакиди и А. Севера «ГРУ. Уникальная энциклопедия» [4]. Работа снабжена научным аппаратом. Советский период в истории военной разведки авторы излагают, начиная со второй главы; ими рассматривается

процесс формирования военных разведывательных органов, как у красных, так и у их противников [4, с. 39–73]. Для настоящей статьи наибольший интерес представляют страницы о кадрах советской военной разведки, благо труд содержит богатый материал по данной проблеме [4, с. 73–102, 116–118, 121–124 и др.], военно-технической разведке [4, с. 168–171]. Материалы труда «ГРУ. Уникальная энциклопедия» могут быть с успехом использованы при подготовке общих и специальных учебных курсов по истории России и по проблемам международных отношений XX века.

Авторы работ по истории военной разведки уделили внимание различным аспектам ее истории, которые могут служить предметом специального изучения историографов ГРУ. Например, речь идет о взаимоотношениях высшего руководства СССР с разведывательными органами страны [5–7]. В рассматриваемый период вышел труд, посвященный деятельности военно-дипломатических служб СССР в период между Первой и Второй мировыми войнами, который дополняет исследуемую нами литературу [8].

Новым направлением стала разработка истории развития военно-технической разведки ГРУ, пионером которой выступил М.Е. Болтунов [9]. Ему же принадлежит уникальный труд по истории специальной радиосвязи ГРУ, в котором, как и в предыдущей работе, приведены имена разведчиков-радистов, фантастические коллизии стратегических операций, которые были бы невозможны без радиосвязи [10].

Самая малоизученная и особая разведка в империи ГРУ – стратегическая. Она выдвинута далеко впереди пограничных застав и ведется, как правило, на территории противника или его союзников. Работа М.Е. Болтунова [11], посвященная стратегической разведке ГРУ, написана в форме очерков об офицерах-фронтовиках, которые прошли Великую Отечественную войну на передовой. А после войны их, героев-орденоносцев, направили в академию, а потом вновь на фронт, теперь уже «холодной войны». Они были военными атташе, работали «под крышей» в Европе и на Востоке.

Вторая часть книги повествует о детях войны, о мальчишках, которые мечтали о фронте, но пока обучались в спецшколах, военных училищах, война закончилась. Послужив в войсках, лучшие из них оказались в стратегической разведке. В качестве примера можно назвать историка и публициста, академика РАЕН Л.И. Медведко, имя которого хорошо известно историкам-востоковедам [11, с. 202–219].

Хронологические рамки исследований различны. Например, труд В.И. Лота посвящен деятельности военной разведки России, начиная с 1918 г. В его основе лежат рассекреченные в 2006 г. документы военной разведки, сотрудники которой выполняли сложные задачи командования Красной Армии в условиях жесткого противоборства великих держав за господство в дальневосточном регионе [12].

М. Алексеев в своей монографии рассмотрел всю историю работы советской военной разведки в Китае с ее успехами и неудачами от конца Гражданской войны до начала 1930-х гг. [13]. В монографии раскрыта масса но-

вых, доселе неизвестных имен советских разведчиков и проанализированы результаты их работы.

В. Гаврилов пишет: *«В истории советской военной разведки период 20–30-х годов XX века имеет особое значение. В этот период происходило ее становление, которое характеризовалось непростыми взаимоотношениями с "соседями" – политической разведкой ИНО ОГПУ (Иностранный отдел Объединенного государственного политического управления), которая с начала 20-х годов пыталась подчинить себе военную разведку страны и объединить всю зарубежную агентуру под единым (разумеется, своим) руководством. Следует отметить, что деятельность разведывательной триады Советского Союза (включая разведку Коминтерна) находилась под пристальным вниманием и началом высшего партийного руководства и лично генерального секретаря Иосифа Сталина. Этим, очевидно, и объясняется то, что все попытки руководства ОГПУ–НКВД объединить обе разведслужбы заканчивались неудачей. Сталин хорошо понимал значение раздельной деятельности двух разведок страны»* [14, с. 4].

Автор отмечает: *«Большое значение для деятельности военной разведки в середине 30-х годов имела разработка положения о прохождении службы оперативными работниками разведки и документов, связанных с реорганизацией центрального аппарата управления после прихода туда в 1943 году начальника ИНО ОГПУ Артура Христиановича Артузова* [15] *со своей "командой"»* [14, с. 4]. В. Гаврилов делает вывод: *«Основными направлениями деятельности разведки в период 20–30-х годов прошлого века все же было западное, а после 1931 года – еще и дальневосточное»* [14, с. 5]. Работа будущего ГРУ по этим направлениям рассмотрена в статье Е. Горбунова [14, с. 6–7].

Деятельность разведывательных служб СССР, включая Разведывательное управление Красной Армии, накануне Великой Отечественной войны подробно рассматривается в документальных трудах А.Б. Мартиросяна [См.: 16; 17]. Ввиду большого объема эти работы нуждаются в отдельном историографическом рассмотрении.

Вполне естественно, что период Великой Отечественной войны занял видное место в историографии ГРУ. В качестве примера назовем мемуары В.А. Никольского, который служил в центральном аппарате Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии с 1938 по 1941 гг. Он выполнял задания на фронте в первые месяцы Великой Отечественной войны, создавал разведывательные группы в городах, которые могли быть захвачены противником, занимался агентурой в разведывательных отделах 10-й армии. Виталий Александрович в своих «записках» назвал имена и описал деятельность многих героев «невидимого фронта», большую часть которых знал лично [18].

Документы, рассекреченные в 2000–2008 гг., легли в основу монографии В.И. Лота о деятельности ГРУ в годы Великой Отечественной войны [19]. Имена героев книги – военных разведчиков – многие годы являлись во-

енным секретом России. Эту темы автор развивает и в другой книге, которая посвящена деятельности советской военной разведки в 1944–1945 гг. Например, в ней рассказывается, как офицеры ГРУ добыли секретные сведения, которые помогли раскрыть действительный план операции «Грей», разработанный германским военным командованием. Герои работы – сотрудники ГРУ Морис, Голос, Олег, Феникс, Бера и другие [20].

В октябре 1944 г. в обстановке строжайшей секретности в Москве начались переговоры о перемирии между хортистской Венгрией и странами антигитлеровской коалиции. От имени союзников вести переговоры было поручено начальнику Разведывательного управления Генштаба Красной Армии (второму заместителю начальника Генштаба) генерал-полковнику Ф.Ф. Кузнецову. Офицер связи с венгерской делегацией и переводчик Е.В. Попов, журналист-международник, на основе архивных документов подготовил труд по истории этих событий [21]. Е.В. Попов пишет: *«Работа с архивными документами убедительно показала, что долговременные стратегические цели бывших участников войны и сегодня реализуются применительно к изменившимся условиям – и на Балканах, и Среднем Востоке и в стремлении НАТО продвинуть границы своего влияния на восток»* [21, с. 6]. Работа написана доступным языком и снабжена справочным аппаратом, что делает ее полезной для преподавателей истории школ и вузов при изучении истории Второй мировой войны.

В «юбилейном» выпуске «Независимого военного обозрения» помещен очерк о военном разведчике И.П. Рыбаченкове, известном вербовкой военно-воздушного атташе Швеции в СССР полковника С. Веннерстрема, передававшего ГРУ важную информацию по США и НАТО в период холодной войны. В ней речь идет о работе советской военной миссии при Главном военном штабе Народно-освободительной армии Югославии в 1944 г., в частности, о работе И.П. Рыбаченкова с перебежчиками из так называемого «Туркестанского легиона» и его деятельности по линии ГРУ [22, с. 11].

В том же номере имеется большой материал В. Гаврилова «Рихард Зорге не требует ненужного возвеличивания» [23, с. 1, 14–15]. Автор пишет: *«Время от времени в СМИ проскакивает очередная попытка (причем малопрофессиональная) исследовать “тему Зорге”, причем сделать сенсацию на ровном месте путем эклектического смешения не самых достоверных сведений, почерпнутых из тенденциозных источников. Хуже всего то, что наблюдается стремление авторов таких сенсаций подтасовывать факты путем смешивания правдивой и ложной информации. Складывается впечатление, что они отлично отдают себе отчет в том, где правда, а где ложь, но смешивают их намеренно»* [23, с. 1]. Не пересказывая полностью статью, отметим, что личность Героя Советского Союза Р. Зорге по-прежнему волнует многих исследователей самых разных политических взглядов. Например, к теме неоднократно обращался известный историк разведки Н.М. Долгополов [24, с. 7–67; 25, с. 104–111].

Так, М. Алексеев предпринял попытку ликвидировать «белое пятно» в биографии героя – шанхайский период деятельности Р. Зорге [26]. Его научный труд представляет собой продолжение монографии «Советская военная разведка в Китае и хроника “китайской смуты” (1922–1929)», всесторонне отражая работу советской военной разведки в Китае в начале 1930-х гг.

Б.В. Соколов поставил своей задачей развенчать ряд мифов, связанных с Р. Зорге, доказывая несправедливость ряда критических замечаний в его адрес, показывая и непростую личную жизнь своего героя [27]. Автор сделал вывод, что *«Рихард Зорге оставался романтиком революции. И этот романтизм, смешанный с долей здорового авантюризма, и талантом аналитика, помогли ему достичь выдающихся успехов в качестве разведчика-резидента… Рихард, хотя и занимался сугубо тайной деятельностью, да и еще и работая на одну из тоталитарных диктатур, оставался внутренне очень свободным человеком и вел образ жизни, который для обычных советских разведчиков считался предосудительным. Но он-то был необычный. Можно сказать, что Зорге был самый несоветский из советских разведчиков»* [27, с. 254].

В.В. Кондрашов также ставил своей задачей развенчание различных мифов о Р. Зорге. Автор использовал ряд недавно открытых документов Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС России [28, с. 9]. Работа не имеет научного аппарата (как и труд Б.В. Соколова), что снижает ее познавательную и научную ценность.

Свою позицию по отношению к «теме Зорге» А.Е. Куланов подробно изложил в предисловии к своей научной работе, сделав краткий историографический обзор проблемы [29, с. 4–7]. Большой интерес представляет раздел монографии, показывающий послевоенную историю Героя Советского Союза [29, с. 599–612]. Материалы работы А.Е. Куланова можно смело рекомендовать для использования преподавателями в курсе истории России и Второй мировой войны.

Еще одним примером беззаветного служения Родине является биография начальника ГРУ Генерального штаба Вооруженных Сил СССР П.И. Ивашутина. Петр Иванович возглавлял военную разведку дольше всех других руководителей ГРУ – практически четверть века. После прихода П.И. Ивашутина в Управлении была проведена реорганизация центрального аппарата. В результате в составе ГРУ появился ряд подразделений, специализирующихся на решении разноплановых задач: ведение стратегической, агентурной, электронной и космической разведки, подготовка нелегалов для последующего внедрения за рубежом, перехват и дешифровка информации с гражданских и военных линий связи многих стран мира, руководство деятельностью военных атташатов при посольствах, анализ поступающей информации и др. [4, с. 560].

Наиболее полной на сегодняшний день биографией П.И. Ивашутина является работа полковника военной контрразведки А.С. Терещенко, рассчи-

танная на широкий круг читателей [30]. Показателем интереса к личности *«маршала военной разведки»* служит статья С. Экштута [31, с. 100–103].

Богатый материал для воспитательной работы с молодежью дают публикации об офицерах ГРУ Е.М. Иванове [32] и Л.А. Сергееве [33, с. 120–123].

Таким образом, современная историография Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил России дает широкие возможности для изучения военной истории Отечества.

Источники и литература

1. Дронина И., Иванов В. Главному разведуправлению – 100 лет! // Независимое военное обозрение. – 2018. – № 42 (1020). – 2–8 ноября.
2. Голиков Ф.И. Записки начальника Разведупра. Июль 1940 года – июнь 1941 года. – М., 2018.
3. Серов И.А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / под ред. и с коммент. и прим. Александра Хинштейна. – М., 2017.
4. Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. – М., 2009.
5. Горбунов Е.А. Сталин и ГРУ. – М., 2010.
6. Дамаскин И.А. Вожди и разведка. От Ленина до Путина. – М, 2010.
7. Дамаскин И.А. Сталин и разведка. – М., 2004.
8. Винокуров В.И. История военной дипломатии. Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами. Т.2. – М., 2010.
9. Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки. – М., 2011.
10. Болтунов М.Е. Тень резидента. Спецрадиосвязь ГРУ. – М., 2018.
11. Болтунов М.Е. Стратегическая разведка ГРУ. – М., 2014.
12. Лота В.И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918–1945 гг. – М., 2008.
13. Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). – М., 2010.
14. Гаврилов В. Спецслужба нового времени. Советская военная разведка на первом этапе своей истории // Независимое военное обозрение. – 2018. – № 42 (1020). – 2–8 ноября.
15. Гладков Т.К. Артур Артузов. – М., 2008.
16. Мартиросян А.Б. Сталин и разведка накануне войны. – М: Вече, 2014.
17. Мартиросян А.Б. Трагедия 22 июня. Итоги исторического расследования. – М.: Вече, 2016.
18. Никольский В. ГРУ в годы Великой Отечественной войны. – М., 2005.
19. Лота В.И. ГРУ. Испытание войной. Военная разведка России накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 2010.
20. Лота В.И. Информаторы Сталина. Неизвестные операции советской военной разведки. 1944-1945. – М., 2009.
21. Попов Е.В. «Венгерская рапсодия» ГРУ. – М., 2010.
22. Винокуров В., Рыбаченков В. Как рождался талант военного дипломата. Неизвестные страницы из жизни военно-воздушного атташе в Швеции полковника Ивана Рыбаченкова // Независимое военное обозрение. – 2018. – № 42 (1020). – 2–8 ноября.
23. Гаврилов В. Рихард Зорге не требует ненужного возвеличивания // Независимое военное обозрение. – 2018. – № 42 (1020). – 2–8 ноября.
24. Долгополов Н.М. Легендарные разведчики-2. – М., 2018.
25. Долгополов Н.М. Кто выдал Рамзая? Пять версий провала выдающегося советского разведчика Рихарда Зорге // Родина. – 2018. – № 10.

26. Алексеев М. «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930–1933 гг. – М., 2010.
27. Соколов Б.В. Рихард Зорге. Джеймс Бонд советской разведки. – М., 2015.
28. Кондрашов В.В. Рихард Зорге. – М., 2017.
29. Куланов А.Е. Зорге. Неудобный. – М., 2018.
30. Терещенко А.С. Маршал военной разведки. – М., 2012.
31. Экштут С. Империя Петра Великого. Штрихи к портрету легендарного начальника ГРУ Петра Ивашутина // Родина. – 2018. – № 10.
32. Соколов Г.И. Бомба для премьера. – М., 2007.
33. Кондрашов В.В. Опасный маршрут шофера Сергеева // Родина. –2018. – № 10.

УДК 908

МУРОМСКОЕ ВОССТАНИЕ В ИЮЛЕ 1918 г.: НИЖЕГОРОДСКИЕ СЮЖЕТЫ

MUROM UPRISING IN JULY 1918: NIZHNY NOVGOROD STORIES

А.А. Домахин
A.A. Domahin
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, магистрант
603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
E-mail: aleksandr.domaxin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена Муромскому восстанию июля 1918 г. Автор систематизирует данные по истории восстания в тесной взаимосвязи с историей Гражданской войны в Нижегородском крае. В статье приводятся версии, почему восстание было организованно именно в Муроме, а также раскрываются особенности его подготовки, проведения и итогов.

Ключевые слова: Муромское восстание; Гражданская война; Муром; Нижний Новгород; восстание.

Summary. The article is devoted to the Murom uprising of July 1918. The author systematizes data on the history of the uprising in close connection with the History of the civil war in the Nizhny Novgorod region. The article presents the version of why the uprising was organized in Murom, as well as the features of its preparation, conduct and outcome.

Key words: Murom uprising; civil war; Murom; Nizhny Novgorod; uprising.

«Демократическая контрреволюция» – термин, появившийся в начале 1920-х гг. и не утративший своей актуальности. По истории противостояния эсеров и меньшевиков большевистскому перевороту в отечественной историографии написан большой комплекс работ. Но, к сожалению, современная историческая наука располагает сравнительно небольшим количеством работ краеведческой тематики, направленных на изучение отдельных аспектов восстаний 1918 г. Так, до недавнего времени история Муромского восстания 1918 г. не рассматривалась вовсе. Лишь в начале нашего века вышло несколько работ историков А.Е. Кидярова [1, с. 27–30] и А.С. Кручинина [2, с. 283–286], посвященных общему ходу восстания, его тактике и стратегии.

Следует отметить, что организация Муромского мятежа 1918 г. тесно связана с Нижегородским краем в целом и с городом Нижним Новгородом в частности.

Расширяющееся антибольшевистское сопротивление вылилось в создание в марте 1918 г. «Союза Защиты Родины и Свободы», ячейки которого были образованы в Москве, Муроме, Ярославле, Рыбинске, Костроме, Калуге и городах Поволжья, в том числе, и в Нижнем Новгороде [3]. Подобное расположение организаций охватывало Москву полукольцом, чтобы в случае восстания подавить не только Совнарком в столице, но и Советы в ближайших к ней городах. Если исходить из военных соображений, то мятежи в Нижнем Новгороде и Муроме преследовали цель захвата стратегически важных мостов через Волгу и Оку, что имело задачами отсечь центральную Россию от хлебной Сибири и не допустить распространения большевистской власти на Урал и Сибирь.

Необходимо отметить, что организатор Муромского восстания подполковник Николай Павлович Сахаров 3–8 июля находился в Нижнем Новгороде, где и готовилось выступление белогвардейцев в Муроме. До отбытия в Нижний Новгород Сахаров несколько раз приезжал в Муром к своей семье, которая проживала на территории Спасского монастыря, но был вынужден покинуть город из-за распространившихся среди горожан слухов о его тесной связи с руководителями чехословацкого движения в Сибири, а также на Востоке [4, с. 315].

Слухи, ходившие по городу, переросли в обыск семьи Сахаровых местной Чрезвычайной комиссией в лице военного комиссара Лашкова. В ходе обыска 3 июля (по другой версии – 4 июля) 1918 г. в ларе под иконами у матери Николая Павловича Антонины Васильевны Сахаровой была обнаружена сумма около 130 тыс. рублей кредитками, якобы полученная по наследству. Еще часть денег, по показаниям матери, подполковник Сахаров забрал с собой в Нижний Новгород [5, с. 218]. Пребывая там, он должен был получить новости о начале левоэсеровского мятежа в Москве или Ярославле (6 июля 1918 г.).

Достоверно неизвестно, почему для восстания был выбран именно Муром, а не Ярославль, где уже состоялось выступление белогвардейцев, а также то, почему Сахаров не остался организовывать мятеж в Нижнем Новгороде. Ведь Муром занимал изолированное положение, так как восстания в близлежащих городах Владимире и Арзамасе не состоялись [6].

По одной из версий, лидеры «Союза Защиты Родины и Свободы» делали ставку на уничтожение члена Высшего Военного Совета Республики (ВВСР) М.Д. Бонч-Бруевича и руководства РККА в целом, которое переехало в Муром весной 1918 г. Но по прибытии подполковника Сахарова в Муром 8 июля около 10 часов вечера на пароходе из Нижнего Новгорода М.Д. Бонч-Бруевич покинул город, о чем не могло быть неизвестно [7, д. 74, л. 145–149].

По другой версии, выбор Мурома в качестве места восстания был обусловлен личным фактором Н.П. Сахарова, который смог убедить руководство Союза в успешности будущего выступления [8, с. 156]. Так, о недоброжела-

тельном отношении жителей города к большевистской власти можно заключить из слов Бонч-Бруевича: *«Муром враждебно относился к Советской власти, и этого в городе почти не скрывали... Город встретил нас с явной неприязнью, и это чувствовалось всюду: на квартирах, отведенных под постой, в очередях, на улице»* [9, с. 218].

Исходя из того, что Сахаров прибыл с добровольцами из нижегородской организации, можно сделать вывод о том, что на организацию мятежа непосредственно в самом Нижнем Новгороде у СЗРиС надежды не было. Именно в этом можно усмотреть тактическую ошибку, заключавшуюся в отсутствии попытки захвата Нижнего Новгорода – стратегического узла железнодорожных и водных магистралей.

Началось восстание около полуночи 8 июля, когда были атакованы казармы караульной роты Высшего Военного Совета. Благодаря захвату арсенала все добровольцы были вооружены винтовками. В военном комиссариате Мурома (ул. Ивановская) был образован штаб восстания, состоявший из подполковника Н.П. Сахарова, военного врача Н.С. Григорьева и местного купца А.Ф. Жадина, выступавшего в роли казначея восстания [10, с. 202].

К 11 часам утра 9 июля восставшие захватили город; все советские работники были посажены в тюрьму. По улицам были расклеены воззвания к рабочим, крестьянам и гражданам от имени руководителей восстания и «Союза». В одном из обращений говорилось: *«Граждане! Власть большевиков в Муроме свергнута. Те, кто несколько месяцев тому назад обманом захватили власть и затем путем неслыханных насилий и издевательства над здоровой волей народа держали ее в своих руках, те, кто привели народ к голоду и безработице, восстановили брата на брата, разделили по карманам народную казну – теперь сидят в тюрьме и ждут возмездия»*. Все листовки были напечатаны в Муроме в частной типографии Миловановой. Из них можно узнать о целях и задачах восстания. Несмотря на декларативный характер, листовки свидетельствуют об антибольшевистской направленности действий восставших, отбросивших свои политические разногласия и пристрастия перед лицом общего противника [11, с. 152–154]. На территориях, освобожденных от власти большевиков, провозглашались защита прав и жизни населения, восстановление законности, возобновление работы органов местного самоуправления, отмена ограничений при продаже и покупке хлеба, снятие при первой возможности военного положения, а также широкая амнистия всех, кто по недоразумению примкнул к большевикам.

Также в ходе агитации граждан 9 июля представителями штаба Восточного отряда сообщалось о захвате Нижнего Новгорода и Арзамаса [12]. Подобное сообщение можно расценивать как умышленное введение жителей в заблуждение, так как уехавший накануне Сахаров представлял сложившую обстановку в Нижнем. А вот Арзамас, напротив, вселял уверенность восставших, что выражается в «Приказе № 1», в котором командующий Восточным отрядом сообщал о введении военного положения в *«Муроме, Арзамасе и прочих пунктах, занятых в ночь с 8 на 9 сего июля нового стиля»*. В этот же

день епископом Митрофаном Муромским был совершен молебен об освобождении Мурома от большевиков.

Восставшие рассчитывали на поддержку противников Советской власти и той части населения, которая сначала с энтузиазмом восприняла приход новой власти, а затем разочаровалась в ней [13, с. 2].

Несмотря на успешное начало, Муромское восстание было обречено. Выражая молчаливую поддержку, жители города не оказали активной помощи восставшим так, как это было, например, в Ярославле. В ночь с 8 на 9 июля исполняющий обязанности председателя Муромского Совета Андрей Иванович Ерлыкин отправил во Владимир телеграмму с просьбой о помощи [14].

Параллельно с этим штаб восставших направил отряд на станцию Навашино (Нижегородская область, участок Казанской железной дороги) для боя с защитниками Советской власти, но этот отряд был разбит прибывшими туда рабочими судостроительной верфи Коломенских заводов [15, с. 232–248].

Говоря об Арзамасе как о преемнике Мурома, следует отметить, что там также имелась подпольная организация СЗРиС. В период Муромского восстания представителями этой организации на территории Арзамаса были разбросаны прокламации о свержении большевистской власти. Существование арзамасской организации подтверждают также и отчеты Нижегородской губернской ЧК, проводившей репрессии против ее членов в сентябре 1918 г. [16]. Так, «Еженедельник ВЧК» приводит сведения о расстреле чекистами в связи с Муромским восстанием двух арзамасских юношей, которые испортили телеграфные провода, чтобы нарушить связь Арзамаса с Нижним Новгородом. Однако, переворот в Арзамасе так и не был совершен, поскольку в город прибыл боевой отряд караульного батальона Нижегородского губвоенкомата *«для подавления ожидаемого белогвардейского восстания»* [17].

На подавление восстания в Муроме на следующий день были высланы отряды из Владимира, Коврова, Судогды, Гуся, Меленок, а также из Нижегородской губернии – Кулебак и Выксы. Отряды двигались с трех направлений, благодаря чему окружили Муром полукольцом. Бойцы из Москвы, Владимира и Гуся атаковали восставших со стороны Курловского, отряды из Судогды и Коврова – со стороны села Горбатки, кулебачане и выксунцы – с юга. Покидая город утром 10 июля, отряд Сахарова не смог уничтожить документацию штаба и разрушить связь [18, с. 133–134].

После разгрома мятежа восставшими было принято решение пробиваться на соединение с чехами. Вечером 10 июля отступавший отряд восставших был настигнут у станции Дворики, где частично рассеялся. Второе столкновение состоялось ночью 11 июля у Ново-Дмитриевского, где муромские восставшие были разбиты, но смогли с боем прорваться мимо Выксы к Ардатову, где окончательно рассеялись. Известно, что группа мятежников на пароходе отплыла к Нижнему Новгороду. В обоих столкновениях часть восставших попала в плен. Так, 12 восставших были расстреляны около Иверского женского монастыря в Выксе. Через две недели непосредственно в Му-

роме в подвале дома Каратыгина было расстреляно еще 12 человек, имевших отношение к восстанию [19, с. 3].

Часть восставших была замечена проезжавшими на лошадях мимо Ташинского завода (ныне г. Первомайск Нижегородской области) в направлении Лукоянова. На станции Лукоянов при попытке нападения на поезд они были арестованы и позднее расстреляны [20, с. 69]. Никого из руководителей Муромского восстания 1918 г. задержать не удалось. Н.П. Сахаров и Н.С. Григорьев добрались до чехословаков и Колчака. Позже, через три года, был арестован А.Ф. Жадин, которого расстреляли во Владимире [21].

Несмотря на то, что летом 1918 г. восстания удалось осуществить в Муроме, Рыбинске и Ярославле, информация в печатных средствах массовой коммуникации того времени о Муромском мятеже скудна. В центральных газетах «Известия» [22, с. 2] и «Правда» [23, с. 3], а также в нижегородской газете «Нижегородская коммуна» содержится лишь маленький репортаж военного комиссара Муромской линии Шухова, который сообщает о подавлении *«авантюры палачей»* и нахождении всех учреждений *«в руках борцов Советской власти»* [24, с. 2]. Между тем, те же издания сообщают о сохранявшемся порядке и расколе левых эсеров в Нижнем Новгороде, благодаря своевременно принятым мерам.

Подводя некий итог, можно говорить о том, что Муромское восстание в июле 1918 г. подготавливалось в Нижнем Новгороде и было тесно связано с организацией подобного мятежа в Арзамасе и самом Нижнем. Июльские события дали повод большевикам ликвидировать все политические партии, установив однопартийную систему.

Источники и литература

1. Кидяров А.Е. Муромское восстание 1918 г. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 4.

2. Кручинин А.С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Материалы 5-х Уваровских чтений, 14–16 мая 2002 г. – Муром, 2003.

3. Смирнов С. Муромское восстание [Электронный ресурс]. – URL: http://rysarhipelag.ucoz.ru/publ/stanislav_smirnov_muromskoe_vosstanie/28-1-0-4536

4. История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. – Муром, 2001.

5. Ерлыкин А. Белогвардейское выступление: Из воспоминаний // Из фондов Муромского историко-художественного музея (далее – МИХМ).

6. Письмо Л.А. Кондратюк // Муромский рабочий. – 1962. – 16 августа.

7. Российский государственный военный архив. Ф. 3. Оп. 1.

8. Ярославское восстание. 1918 / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Е.А. Ермолин, В.Н. Козляков. – М., 2007.

9. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам: Воспоминания / Литературная запись И. Кремлева. – М., 1957.

10. Арефин П. О партийной и Советской работе в Муроме и уезде (1917–1920) // Двадцать лет рабочей организации городов: Муром, Кулебаки, Выкса. – М.-Пг., 1923.

11. Самарова Ю.С. Муромский мятеж глазами М.Д. Бонч-Бруевича // Материалы XVIII Межрегиональной краеведческой конференции (19 апреля 2013 г.). – Владимир, 2014.

12. Астахов В.В. Мое воспоминание и участие в революционных событиях 1917–1921 гг. Автобиографии и воспоминания членов историко-революционной секции (при Муромском краеведческом музее) // Из фондов МИХМ.

13. Конец мятежа в Муроме // Красная газета. – 1918. – 13 июля.

14. Приказ Муромского уездного комиссариата по военным делам от 30 июня 1918 года № 98 // МИХМ. – № М-12351 1049.

15. Кручинин А.С. Стратегия и тактика Муромского восстания (1918) // Материалы 8-х Уваровских чтений. – Муром, 2013.

16. Веремеев Ю. Муромский мятеж 8-10 июля 1918 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://army.armor.kiev.ua/hist/murom-matez.php

17. Еженедельник ВЧК № 6. Москва, 1918 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://istmat.info/node/25313

18. Красная книга ВЧК. В 2-х тт. Т. 1. – 2-е изд. – М., 1989.

19. Муромские события // Рабочий край. – 1918. – 12 июля.

20. Савинков Б.В. Борьба с большевиками // Литература русского зарубежья. Т.1. Кн. 2. – М., 1990.

21. Запрос (копия) М.А. Казанковой в Центральный архив ФСБ РФ // Находится в личном фонде М.А. Казанковой.

22. Военное положение // Известия – 1918. – 11 июля.

23. Партийная работа // Правда. – 1918. – 11 июля.

24. Подавление контр.-революции в Муроме // Нижегородская коммуна. – 1918. – 11 июля.

УДК 908

ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ г. АРЗАМАСА «ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ» КАК ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ АРЗАМАССКОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

THE EXPOSITION AND EXHIBITION PROJECT OF ARZAMAS HISTORICAL AND ART MUSEUM “THEY WERE THE FIRST” AS THE SOURCE BASE FOR THE STUDY OF THE HISTORY OF ARZAMAS KOMSOMOL ORGANIZATION

А.Е. Щеглетова[1], О.Н. Коннова[2]

A.E. Shegletova, O.N. Konnova

[1] Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области, старший научный сотрудник

607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, пл. Соборная, д. 9

E-mail: schegletova.lina@yandex.ru

[2] Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области, научный сотрудник

Аннотация. Экспозиционно-выставочный проект «Они были первыми» представляет историю Арзамасской комсомольской организации на примере подлинных изобразительных, документальных и вещевых источников, отражает основные этапы ее развития в контексте событий всесоюзного масштаба.

Ключевые слова: экспозиционно-выставочный проект; ВЛКСМ; комсомольцы; источники; материал; посетители.

Summary. The exposition and exhibition project “They were the first” presents the history of the Arzamas Komsomol organization on the example of authentic visual, documentary and material sources, reflects the main stages of its development in the context of events of the all-Union scale.

Key words: exposition and exhibition project; Komsomol; members of Komsomol; source; material; visitor.

В октябре 2018 г. в музее начал работу экспозиционно-выставочный проект «Они были первыми», приуроченный к 100-летию образования ВЛКСМ и рассказывающий посетителям об истории Арзамасской комсомольской организации.

В начале работы над проектом его авторы предположили, что современная молодежь недостаточно знает о комсомоле, его историческом пути и значении для страны. И, действительно, из молодых посетителей нашей выставки лишь единицы смогли точно расшифровать аббревиатуру ВЛКСМ. Поэтому, мы определили, что цель проекта – передать историческую память старших поколений, выросших под знаком комсомола, современной молодежи, тем самым активизируя ее гражданско-социальную позицию. Проект является образовательным, доступен посетителям категории 0+.

Название выставочного проекта «Они были первыми» было выбрано не случайно. Оно как нельзя лучше отражает тот задор, энергию, высочайший дух патриотизма, с которым комсомольцы спешили на помощь своей Родине. Они всегда были впереди – будь то революция, Гражданская война, первые пятилетки, Великая Отечественная война или героические трудовые годы послевоенного восстановления, целина, всесоюзные стройки, научно-технический прогресс и освоение космоса.

Главной источниковой базой экспозиционно-выставочного проекта «Они были первыми» стали фонды историко-художественного музея г. Арзамаса. В данном проекте были использованы сразу восемь музейных коллекций: «Документы», «Фотографии», «Фалеристика», «Ткани», «Дерево», «Предметы печатной продукции», единично были представлены: «Металлы», «Предметы техники». Важным источником является также само здание музея. Закрепленные на его фасаде памятные доски свидетельствуют: «В этом здании в 1920–1922 гг. размещался первый Арзамасский Уком* РКСМ», «Здесь с 1919 по1921 гг. размещалась редакция газеты “Авангард” (орган Арзамасской уездной комсомольской организации)».

При разработке концепции проекта учитывались все вышеизложенные обстоятельства, поэтому основной идеей экспозиции стало отражение событий общероссийского масштаба через издания периодической печати города Арзамаса: сканированные копии газет «Авангард», «Ленинское знамя», «Арзамасская правда», первые полосы которых сопровождают каждый из хронологических разделов истории Арзамасской комсомольской организации.

* Уездный комитет.

Центром экспозиции, а также связующим звеном всех ее разделов стал интерьер редакции газеты «Авангард» ***(Приложение 6, фото 1)***, воссозданный из подлинных предметов той эпохи. Фотография членов редакции, в которой сотрудничали почти все первые комсомольцы Арзамаса, печатная машинка, мебель, настольные принадлежности, карта РСФСР 1922 г., подшивки газет – все это позволяет передать дух комсомольской юности и самоотверженности первых комсомольцев.

Дальнейшие разделы экспозиции отражают основные хронологические этапы развития комсомольской организации в городе в контексте общероссийских событий. Раздел «Становление арзамасского комсомола» представляет посетителям молодежные кружки и объединения, существовавшие в городе накануне появления комсомола. Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи, принявший решение об образовании Российского Коммунистического Союза молодежи (РКСМ), состоялся 30 октября 1918 г. Но арзамасская ячейка РКСМ была образована намного позже, 1 июня 1919 г. Важную роль в ее появлении сыграл член Нижегородского губкома Андрей Шохин [1, с. 90–91]. Данный раздел в целом представлен изобразительными источниками – фотографиями первых комсомольцев, первой уездной конференции Арзамасской РКСМ, членов бюро Арзамасского укома комсомола. Они передают посетителю сложный процесс создания арзамасской комсомолии 1919–1922 гг.

Раздел «Восстановление народного хозяйства после Гражданской войны. Первые пятилетки», в основном, представлен фотографическим материалом, характеризующим активную деятельность арзамасских комсомольцев в 20-е – 30-е гг. XX века: работу Арзамасского уездного комитета ЛКСМ; ликвидацию неграмотности и повышение культурного уровня на селе; молодежные субботники по разгрузке дров, уборке улиц, закладке сквера имени Ленина на площади Соборной; участие в коллективизации сельского хозяйства. Комсомольцы города и уезда строили Магнитку, Турксиб, Комсомольск-на-Амуре, участвовали в индустриализации родного города. В эти годы была модернизирована войлочная фабрика, расширился кожевенный завод, появился алебастровый завод в Новоселках [2, с. 308]. Молодые труженики войлочной фабрики имени С. Буденного одними из первых в городе присоединились к всесоюзному стахановскому движению. Этот исторический материал раскрыт в экспозиции личной коллекцией ударника войлочной фабрики Михаила Трофимовича Захарова.

Событиям Великой Отечественной войны и участию в них арзамасских комсомольцев посвящен следующий раздел выставочного проекта. Вспоминает секретарь райкома ВЛКСМ А. Муштакова: *«Первыми уходили на фронт комсомольцы, нередко всей комсомольской организацией: из 2 500 комсомольцев осталось 700, и трудились они за десятерых»* [2, с. 312]. Героический подвиг арзамасцев на фронте и в тылу был по достоинству оценен родиной – восемь из одиннадцати Героев Советского Союза были воспитанниками арзамасского комсомола. На выставке представлены фотографии участ-

ников войны. Среди них: комсомольцы-добровольцы, ушедшие на фронт в октябре 1941 г.; Герои Советского Союза В.А. Новиков и А.А. Куликов; участник героической обороны Москвы Н.М. Маслов, принятый в комсомол в тяжелые дни переломного 1943 г.; боец 29-го Отдельного батальона ВНОС В.С. Гришина, чьи воспоминания о работе Арзамасской комсомольской ячейки в годы войны хранятся в фондах музея и являются важнейшим подлинным свидетельством той эпохи. Дополняют изобразительные источники личные вещи фронтовика-комсомольца А.В. Хаустова: планшет и кобура.

Большие силы нужны были не только на фронте, но и в тылу. Комсомольцы Арзамасского железнодорожного узла одними из первых в военное время присоединилась к движению «двухсотников» – сделай норму на 200%: за себя и ушедшего на фронт товарища. Это представлено в экспозиции фотографиями участников движения А. и К. Федоровских, А. Белянушкина, впоследствии удостоенных за свои трудовые подвиги звания «Почетный железнодорожник».

Никогда еще столько забот сразу, в одно время, не сваливалось на плечи комсомольцев, работавших в тылу. Они обучались военному и сестринскому делу на курсах всеобуча, заботились о раненых в госпиталях и эвакопунктах, разгружали эшелоны, шили белье для армии, дежурили в бомбоубежищах. Возглавляла Арзамасский горком ВЛКСМ в 1944–1946 гг. М.А. Вершинина (Шершакова), чья личная коллекция (фотография, комсомольский билет и воспоминания) представлена в данном разделе.

Активному участию арзамасского комсомола в восстановлении разрушенного войной хозяйства посвящен следующий раздел выставочного проекта ***(Приложение 6, фото 2)***. В 1950-х гг. одной из главных задач для комсомольцев стало освоение целинных и залежных земель. Студенты учебных заведений Арзамаса собирали урожай зерновых и овощных культур в землях Казахстана и Южной Сибири. Об этом на выставке рассказывают фотографии, комсомольские путевки, подшивка заявлений (85 штук) с просьбой об отправке на целину, удостоверение к медали «За освоение целинных земель», чемодан целинника, книга Л.И. Брежнева «Целина». Особый интерес посетителей всех возрастов вызывает боевой листок № 2 отряда г. Арзамаса от 7 августа 1958 г., в котором отмечались успехи и критиковались недостатки в работе отряда на целине.

Важным событием 50-х гг. XX века стал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Почетное право участвовать в подготовке фестиваля и представлять там наш город получили лучшие юноши и девушки района. Среди них – З.Н. Цыбышева, ответственный работник Арзамасского обкома комсомола, командир первого комсомольско-молодежного отряда целинников. Ее значок «За активное участие в подготовке и проведении VI Всемирного фестиваля» и фотография с иностранными гостями рассказывают об указанном значимом событии.

В 1960-х гг. комсомольский задор поднимался с новой силой. Этому посвящен следующий раздел выставочного проекта. Проводились субботни-

ки, вечера отдыха, КВН. Молодые строители коммунизма вели активную работу в учебных заведениях, организациях и учреждениях города, сами повышали свой интеллектуальный и профессиональный уровень, проводя многочисленные выездные семинары на природе, где сочетали учебу с активно-спортивным отдыхом. В проекте это представлено фотографическим материалом, а также личными документами комсомольца (Устав ВЛКСМ, заявление вступающего в комсомол, комсомольский билет, Личный план члена ВЛКСМ, зачетная книжка, Дневник работы комсомольской группы и др.).

В эти годы зарождается движение поисковых отрядов: исследование архивов, поездки по городам-героям и местам боевой славы, поиск пропавших без вести солдат Великой Отечественной войны и их родственников, торжественное перезахоронение останков погибших. *«Результатом кропотливой работы "красных следопытов" Арзамаса стали 4 музея, 13 комнат и уголков славы, десятки летописей предприятий, колхозов, совхозов, многочисленные фотоматериалы»* [3, с. 4]. Живым свидетельством этой важной работы являются хранящиеся в фондах музея и представленные на выставке реликвии: обожженные кирпичи и священная земля, привезенные поисковым отрядом школы № 2 г. Арзамаса из поездки в Брестскую крепость, также размещенные в витрине фотографии с торжественной линейки арзамасцев в Бресте.

Представленные на выставке фотография заседания оперативно-комсомольского отряда им. Ф.Э. Дзержинского, который в разные годы возглавляли В. Костин, Н. Вдовин, Ю. Галкин и удостоверение члена отряда рассказывают посетителям о его деятельности: поддержание порядка в городе, проведение рейдов по общежитиям, патрулирование улиц.

Вторая половина 1960-х – 1970-е гг. – череда значимых событий для советских граждан, в том числе и жителей города: юбилеи Великой Октябрьской социалистической революции, ВЛКСМ, Арзамасской комсомольской организации, 400-летие Арзамаса. Эти даты направили энтузиазм арзамасских комсомольцев на достижение новых вершин в строительстве объектов социально-культурной сферы города: создание гайдаровского комплекса, Дворца пионеров, установка монумента «Комсомольская слава», открытие музея Арзамасского комсомола, создание Поста № 1. Все эти объекты были построены на средства и при участии арзамасских комсомольцев. Эта работа велась под руководством горкома ВЛКСМ, что отражено в выставке фотографиями и документами из личных коллекций: М. Балакина, А. Чичканова, Ю. Галкина.

Одним из самых колоритных экспонатов по праву является хранящийся в фондах музея макет монумента «Комсомольская слава» скульптора М.М. Лимонова. Не многие города России могут похвастаться памятником комсомольцам или комсомолу. А вот нашему городу повезло. В 1976 г. на центральной аллее Парка культуры и отдыха им. А.П. Гайдара был установлен монумент «Комсомольская слава», который является самым высоким памятником города.

С конца 1950-х гг. получила широкое распространение всесоюзная программа ЦК ВЛКСМ по созданию студенческих строительных отрядов, в

которой приняли участие миллионы студентов. Среди них были и арзамасцы. На выставке представлены уникальные фотографии из коллекции А.А. Колосова, в 1960-е годы – студента физмата, командира студенческого строительного отряда АГПИ им. А.П. Гайдара «Гайдаровец-68». В 1968 г. он в составе Горьковского областного студенческого строительного отряда «Нижегородец» был направлен на комсомольскую стройку в Нижнеудинский район Иркутской области. Воспоминания участников той поездки собраны в экспонируемой на выставке книге «Когда мы были молодыми», выпущенной издательством «Кварц» к 100-летию ВЛКСМ и переданной на постоянное хранение нашему музею. Нашим отрядом были построены пять жилых домов, которые положили начало новой улице. «Арзамасская» – именно такое название она получила благодаря бойцам ССО «Гайдаровец-68» и носит его по настоящее время [4, с. 3].

Изобразительные источники удачно дополняет подлинный вещевой материал: рубашка и куртка бойца ССО, предоставленные во временное пользование музеем АГПИ и экспонируемые на выставке. Знаки отличия и нашивки с названиями строек вызывают особый интерес у подрастающего поколения и вызывают ностальгию у посетителей среднего и старшего возраста.

Завершает выставку раздел «ВЛКСМ в годы перестройки». В 1990 г. состоялся XXI съезд ВЛКСМ, на котором в качестве представителя от Арзамаса и Арзамасского района присутствовала Светлана Баженова – десятиклассница, секретарь комсомольской организации Красносельской средней школы. Об этом свидетельствуют экспонаты: фотография делегатов съезда, брошюры «Документы, принятые на XXI съезде ВЛКСМ» и «Постановление съезда комсомольских организаций РСФСР “Об образовании ЛКСМ РСФСР”», газета «Арзамасская правда» № 42 от 14 марта 1990 г. Уже через год, 27–28 сентября 1991 г., состоялся XXII чрезвычайный съезд ВЛКСМ. На этом съезде не решались задачи, не строились планы на будущее. На повестке был один вопрос: «О судьбе ВЛКСМ». По окончании своей работы съезд объявил историческую роль этой организации исчерпанной и заявил о самороспуске [5].

В качестве нового подхода к экспозиционно-выставочной деятельности было решено создать интерактивные зоны. Окунуться в атмосферу комсомольской юности, энтузиазма и патриотизма помогает музыкальное сопровождение проекта – воспроизведенные на разных носителях (патефоне, проигрывателе, катушечном магнитофоне) комсомольские песни. Оставить в памяти посещение экспозиционно-выставочного проекта «Они были первыми» помогает селфи-зона, которая оформлена в виде своеобразного «красного уголка» ***(Приложение 6, фото 3)***. Настоящие раритеты – подлинное знамя Арзамасской городской комсомольской организации Горьковской области, знамя «Победителю в областном социалистическом соревновании», вымпелы возвращают нас в эпоху созидания, соревнования, рационализаторских предложений, передовиков и ударников производства. Проследить историю комсомола можно и по музейной коллекции «Нумизматики», представленной медалями, знаками и значками ВЛКСМ.

Представленные на выставке предметы (266), большая часть из которых – подлинные исторические источники, – это целая эпоха созидания и героизма арзамасских комсомольцев. Они внесли свой вклад в историю ВЛКСМ. Шесть орденов на знамени Союза молодежи – это и их заслуга перед Родиной. Память об этом всегда будет храниться в фондах нашего музея. Более 2.700 арзамасцев и гостей города разных возрастов посетили на сегодняшний день выставку «Они были первыми». Различные категории населения по-разному оценили этот проект и обращение музея к данной теме. Но равнодушным она не оставила никого.

Источники и литература

1. Нижегородская организация РКСМ (1918–1920 гг.). – Горький, 1958.

2. Балакин М.Ф., Балакина М.А. Арзамас в XX веке: монография. Кн. 1. – Нижегородское отделение Академии социальных и гуманитарных наук РФ, 2008.

3. Галкин Ю.Н. Городская комсомольская организация и развитие славных традиций старших поколений арзамасцев // Фонды историко-художественного музея г. Арзамаса.

4. Колосов А.А. Воспоминания о ССО «Гайдаровец-68» // Фонды историко-художественного музея г. Арзамаса.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Всесоюзный_ленинский_коммунистический_союз_молодёжи.

УДК 908

ПЕРВЫЕ КОМСОМОЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СЕЛАХ ВАРНАВИНСКОГО И ВЕТЛУЖСКОГО УЕЗДОВ

THE FIRST KOMSOMOL ORGANIZATIONS IN THE VILLAGES OF VARNAVINSKY AND VETLUZHSKY DISTRICTS

С.В. Завьялова[1], А.А. Завьялова[2], И.С. Русаков[3]

S.V. Zavyalova, A.A. Zavyalova, I.S. Rusakov

[1] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, кандидат исторических наук, преподаватель
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а
E-mail: zavyalova_sv@mail.ru

[2] МБОУ «Школа № 60» г. Нижнего Новгорода, учитель истории и обществознания высшей категории
603135, г. Нижний Новгород, проспект Ленина д. 55, к. 3

[3] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, студент
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а

Аннотация. В статье рассказывается об истории становления первых комсомольских организаций в Варнавинском и Ветлужском уездах Костромской губернии, об их деятельности и задачах.

Ключевые слова: комсомол; Костромская губерния; Варнавинский уезд; Ветлужский уезд.

Summary. The article describes the history of the formation of the first Komsomol organizations in the Varnavinsky and Vetluzhsky districts of Kostroma province, their activities and tasks.

Key words: Komsomol; Kostroma province; Varnavinsky district; Vetluzhsky district.

В 2018 г. Всесоюзному ленинскому коммунистическому союзу молодежи (ВЛКСМ) – политической молодежной организации в СССР – исполняется 100 лет со дня ее возникновения (29 октября 1918 г.).

Как создавались первые комсомольские организации в Варнавинском и Ветлужском уездах Костромской губернии? В чем были их сила и значение, преимущество перед другими общественными организациями? Для ответа на эти вопросы обратимся к воспоминаниям первых комсомольцев и газетным публикациям.

В начале 1920 г. в городе Ветлуге Ветлужского уезда Костромской губернии состоялся первый уездный съезд комсомола [1, с. 20]. В январе 1920 г. была создана ячейка РКСМ в деревне Макарово Хмелевицкой волости Ветлужского уезда [2]. Третьего марта 1920 г. в селе Хмелевицы одноименной волости Ветлужского уезда официально оформилась комсомольская ячейка [1, с. 20], созданная В.М. Рябининым и П. Дурневым. В число первых активистов ячейки входили А.Н. Малинин, И.И. Голубев из деревни Дыхалиха Хмелевицкой волости, Н.Т. Тютиков из Хмелевиц и И.И. Куликов из деревни Малая Музя Хмелевицкой волости. Позднее членами комсомольской ячейки стали Л. Вагина, В. Вагин, Е. Рябинина, М. Жидков, Я. Жидков, Завьяловы, Столяровы, Чупина и Дружинина [3, с. 17].

В феврале 1923 г. в Хмелевицах был создан волостной комитет РКСМ. Его первым секретарем стал Григорий Преображенский, к этому времени окончивший советскую партийную школу 1-й ступени. Благодаря его неутомимой энергии работа среди молодежи значительно оживилась [4, с. 13]. О нем писала в своих воспоминаниях в 1958 г. комсомолка с 1919 г., член Ветлужского уездного комитета (укома) РКСМ Ольга Федоровна Шафранова: *«…С марта 1923 г. секретарем Хмелевицкого волостного исполнительного комитета работал Гриша Преображенский. Губернский комитет комсомола, направив его на работу в волостной комитет, забыл включить в штат. В течение шести месяцев Гриша работал, не получая зарплаты. Голодал, обносился, но работу не оставил»* [5, с. 8].

Каковы были ценности, цели и задачи, формы работы первых сельских комсомольцев, чем они жили, какие мероприятия проводили?

При участии передовых членов кружка в селе Хмелевицы стала создаваться волостная библиотека. Ее разместили в здании волостного исполнительного комитета. Книги тогда издавались без переплета и при пользовании быстро приходили в негодность. Комсомольцами была организована переплетная мастерская [5, с. 6].

Комсомольцы организовывали субботники по заготовке дров для почты, больницы, привлекали для этого и беспартийную молодежь; оказывали помощь семьям погибших или находившихся на службе красноармейцев: ре-

монтировали избы, привозили топливо, убирали урожай. Одной из важных задач комсомольцев того времени было преодоление политической и общей неграмотности, в первую очередь, среди комсомольцев, так как к комсомольцам нередко обращались за разъяснением, справками и советами мужики с «почтенными бородами». Нередко комсомольцы зачитывали брошюры на политические темы, заучивали законы советской власти, касающиеся деревни и новой экономической политики (НЭПа). Выполнение ленинского призыва к молодежи «учиться, учиться и учиться!» стало первейшей задачей РКСМ. Комсомольцы учились сами и принимали активное участие в ликвидации неграмотности среди населения [5, с. 7].

Важнейшей формой деятельности комсомольской ячейки в то время была просветительская, культурно-массовая работа среди жителей. В селе Хмелевицы и в деревне Малая Музя были организованы на общественных началах избы-читальни. В них все стены от пола до потолка были заклеены различными агитационными материалами. Имелись уголки «Безбожник», «Сам себе агроном», «Ветеринарные знания», «Медицинское просвещение», «Мопра», «Раскрепощение женщины» и др. [5, с. 7].

В избе-читальне деревни Малая Музя посредине комнаты стоял длинный стол, покрытый красным материалом, а на столе – множество книг, газет, журналов, приобретенных на средства, заработанные комсомольцами во время субботника по заготовке дров. На стене, окруженная плакатами и лозунгами, висела хорошо оформленная стенная газета, где были помещены статьи, заметки на злободневные темы. Стенгазета писала о вреде религии, резко критиковала всевозможные пережитки капитализма и добрыми словами поощряла активистов [3, с. 17].

Каждый выходной день в избу-читальню приходил люди и старшего, и младшего поколения, чтобы почитать, узнать для себя что-то новое, интересное. Население особенно интересовалось положением на фронтах заканчивавшейся Гражданской войны. Приходили сюда хмелевицкие учителя; они читали лекции, проводили беседы. Ф.Д. Чиркин рассказывал, как устроена Вселенная, поведал и о том, что в Америке появились «железные кони» – тракторы. Мужики верили и не верили, удивлялись, разводили руками, ликовали и желали хоть бы одним глазком взглянуть на такого «коня». В то время трудно было поверить, что пройдет немного лет и на колхозных полях, заменив соху и лошадь, трудолюбиво заурчат мощные моторы наших советских машин [3, с. 17].

В избе-читальне проводила работу с женщинами учительница А.Д. Чиркина. Она вела беседы на морально-бытовые и семейные темы [3, с. 17].

В деревне Малая Музя комсомольцы организовали драматический кружок. Зимой для спектакля выбирали просторную избу, но мест для зрителей не хватало, поэтому они забирались на полати, на печку и оттуда с интересом наблюдали за самодеятельными артистами, а летом спектакли проходили в простых молотильных токах. На такие представления в деревню при-

ходили парни и девчата из близлежащих деревень, а после спектакля устраивались танцы [3, с. 17].

На молодежных гуляниях комсомольцы организовали массовые развлекательные игры и физкультурные состязания.

Комсомольская организация развивала в человеке качества лидера: ответственность, инициативность, самостоятельность. Впоследствии бывший комсомолец А.Н. Малинин стал врачом, И.И. Голубев – председателем Шахунской сельскохозяйственной коммуны, а И.И. Куликов работал заместителем начальника управления МВД по Горьковской области [3, с. 18].

Комсомольская ячейка в Шахунье Хмелевицкой волости Ветлужского уезда Костромской губернии была создана в 1919 г. Ее организаторами и создателями явились молодые рабочие-железнодорожники, приехавшие на строительство дороги Нижний Новгород – Котельнич. В шахунской комсомольской организации первоначально насчитывалось до 25 человек. Просуществовала она недолго и к концу года распалась: комсомольцы разъехались по разным местам, некоторые ушли на фронт, другие создавали комсомольские ячейки в деревнях Нижегородской губернии. Всего же за период до 1924 г. шахунская ячейка по разным причинам три раза распадалась. В январе 1920 г. для организации новой комсомольской ячейки по заданию Ветлужского укома РКСМ в Шахунью была направлена Л.Г. Соловьева, работник уездного комитета. На одном из собраний молодых рабочих и крестьян и была создана ячейка РКСМ. В нее входили братья Галкины, Дмитрий и Виктор Пономаревы, Александр Сысоев, Мария Карзанова и другие комсомольцы [2].

Комсомольская организация среди железнодорожников в Шахунье появилась в 1928 г. Она объединяла всех комсомольцев предприятий железнодорожного узла, а комитет находился при паровозном депо. Всего в составе организации находилось 30 человек. Среди молодежи проводилась большая воспитательная работа. По инициативе комсомольцев была организована «живая» газета – нечто вроде литературных монтажей. Тогда все положительные факты, а особенно недостатки в работе или поведении отдельных товарищей оформлялись в отдельный монтаж, и во время концертов в клубе и на предприятиях (а они были часто) комсомольцы выступали с ними. В период коллективизации с такой «газетой» очень часто выступали в колхозах. Клуб в то время помещался в старом бараке, но работа в нем проводилась живо и интересно. Кроме агитбригады, здесь были кружки художественной самодеятельности, проводились вечера молодежи на различные темы (вечера смеха, вопросов и ответов и др.) В работе художественной самодеятельности принимали участие все комсомольцы и молодежь. Силами комсомольцев и молодежи был приобретен духовой оркестр.

По инициативе комсомольцев было начато строительство клуба. Первые комсомольцы железнодорожного узла ремонтировали паровозы

вне рабочего времени, работали на воскресниках по ремонту пути, на строительстве клуба; каждый молодой рабочий отрабатывал по пять дней нерабочего времени по своей инициативе. Большую работу провели по строительству стадиона, на заработанные средства приобретали спортивный инвентарь. При всех этих трудностях физкультурный коллектив был большим, и физкультурники показывали свое мастерство, занимали первые места не только в районе, но и в области. Футбольная команда состояла исключительно из железнодорожников: Добролюбов Валентин Михайлович, Попов Сергей Александрович, Кислицын Николай Алексеевич и др.

Среди комсомольцев были и те, кто покрыл себя неувядаемой славой. К таким можно отнести Пасхина Николая Архиповича. Во время Великой Отечественной войны он был летчиком-истребителем. Подбитый фашистами самолет он направил на немецкую автоколонну и взорвал ее. Многие комсомольцы впоследствии достигли высокого профессионального уровня, работали на руководящей партийной и хозяйственной работе. Соколов Илья Васильевич – секретарем Кустанайского РК КПСС, Шестериков Дмитрий Иванович – секретарем РК в г. Кузнецке, Плаксин – помощником директора машиностроительного завода в Саратове. По инициативе комсомольцев в районе и на железнодорожном узле работала «легкая кавалерия», которая наблюдала за порядком на предприятиях и в быту [6, с. 11–12].

В 1920 г. возникла комсомольская ячейка в селе Черное Варнавинского уезда Костромской губернии. Ее организатором был Григорий Преображенский. В 1922 г. комсомольская ячейка, насчитывавшая 12 членов, появилась в селе Большое Широкое Варнавинского уезда. Ее возглавил Василий Русов из деревни Петрово [5, с. 8].

В конце 1922 г. возникла ячейка комсомола и в волостном центре Ветлужского уезда – Лужайках. В числе ее первых членов были Надя Соловьева, два ее брата и сестры Соболевы Паня и Мария. Комсомольцы в Лужайках собирались каждую неделю. Перед открытием собрания пели революционные песни, читали вслух газеты и журналы, обсуждали злободневные вопросы жизни ячейки, международного и внутреннего положения страны. С особым волнением обсуждали вопросы дальнейшей судьбы Родины. Единодушно одобряли курс партии на индустриализацию страны, позднее – на коллективизацию сельского хозяйства, выступали инициаторами создания колхозов. Многие комсомольцы ушли на стройки первой пятилетки: на Горьковский автозавод, в поселки Вахтан и Сяву. С открытием движения по железной дороге стала расти Шахунья, где комсомольская организация превратилась в большую силу [4, с. 13–14].

По воспоминаниям А. Соболева: *«Мы строго осуждали своих членов за рукопожатия, серьги, кольца, за “прилизанные” прически, вообще за “мещанские вкусы”, к которым относили даже пользование одеколоном. Мучительным являлся вопрос о галстуках – вроде бы и он не нужен комсомольцам, и в то же время Ленин носил галстук. Танцы по нашему твердому*

убеждению являлись выражением "мещанства". Помню такой случай. Мне дали "нагрузку" – разучить на гармошке "Барыню" и "Подгорную". Кроме обязательного задания, я подобрал что-то похожее на танец «Во саду ли, в огороде». Товарищи со всей серьезностью укоряли меня в "отступничестве" от боевых позиций комсомола, в потере классового чутья, в измене идеям мировой пролетарской революции. Я тогда дал зарок не разучивать танцы. У нас был лозунг: "Даешь новый быт!" А какой он, новый быт? Мы и сами не представляли, а потому более воинственно бросали вызов всему старому: традициям, обычаям и нравам. Мы искали новые формы и не сразу находили, потому-то пытались вложить в старые формы свое содержание: "комсомольские гуляния" и т.д. А старый быт на каждом шагу давал о себе знать, засасывал недостаточно закаленных ребят, разъедал наши ряды.

Особенно женитьба для комсомольцев являлась трудноразрешимым конфликтом со стариной. Разрешая его, ребята Широковской ячейки запретили своим членам вступать в брак без уплаты специального взноса. Ветлужское управление комсомола 1 февраля 1923 г. по этому запрету сказало свое слово: "Постановление общего собрания о взимании платы за разрешение жениться отменить". У нас было немало "перегибов". Но мы искренне верили, что "на обломках вдрызг разбитого старого быта" очень быстро создадим какой-то величественный, светлый коммунистический быт. Каждая ячейка имела "Юношеский клуб". В Лужайках он находился в бывшем церковном доме. В первое время этот клуб был полностью на наших плечах. Мы его убирали, отапливали и ремонтировали. Клуб был открыт почти ежедневно, но в четверг (базарный день в Лужайках), в субботу и в воскресенье обязательно. Мужиков и ребят, особенно в зимнее время, в клубе было полно. Иной раз они заходили просто погреться, укрыться от мороза и пронизывающего ветра и засиживались. Мы им читали газеты и брошюры, проводили беседы у плакатов о травосеянии, о пчеловодстве, о сибирской язве, о тифе, а нередко и о происхождении Земли и жизни на Земле.

Не было границ тому, что интересовало и волновало крестьян, тянувшихся к знаниям. Мы проводили спектакли, концерты, беспощадно бичуя пьяниц, хулиганов, самогонщиков, разоблачали "толстопузых" нэпманов, кулаков, белогвардейцев. Плата за вход в зрительный зал взималась зерном – тонкий стакан ржи или два стакана овса – в фонд помощи голодающим Поволжья» [4, с. 15].

В марте 1924 г. комсомолец Хмелевицкой ячейки Павел Игнатьевич Дурнев взял на себя инициативу организации ячейки в селе Извал Хмелевицкой волости. Поговорил с ребятами, и вскоре в комсомол вступили Василий Дружинин, Иван Гусев, Михаил Смирнов. Можно было уже организовать ячейку. Первым секретарем стал Павел Дурнев, но потом он передал все дела Василию Дружинину. Несколько позже в комсомол вступил Анатолий Чиркин. Чем занимались первые комсомольцы Извала? Много внимания уделяли они борьбе за новый быт. Стремились обыкновенные деревенские посиделки превратить в вечера отдыха: ставили спектакли, проводили читку газет. Вме-

сте с учителями и учащимися школы организовывали антирелигиозные встречи. На этих встречах с докладами выступал заведующий начальной школой Николай Филиппович Кисин. Как правило, такие вечера устраивались перед христианскими праздниками: Пасхой, Рождеством. Затем наладился выпуск стенгазеты «Искра».

С открытием в Извале избы-читальни (в октябре 1925 г.) работа комсомольской ячейки значительно оживилась. Серафима Ивановна Сеготская и Кисины привлекали комсомольцев к участию в спектаклях. Стенгазета стала выходить более регулярно, а антирелигиозная работа приобретала известную остроту. Устраивались даже диспуты на эту тему, так как в спектаклях, в постановках стали принимать участие Н.Я. Залётина (бывшая учительница), Островские (дети священника), выступавшие в защиту религии; с ними и вступали в споры по вопросам религии Николай Филиппович и Анна Прокопьевна Кисины, а также комсомольцы [7, с. 10].

Деятельность первых комсомольских организаций была многоплановой: от содействия утверждению Советской власти и реализации ее решений до воспитания и просвещения местного населения, проведения субботников, организации спортивной и агитационно-художественной деятельности. Комсомол воспитывал патриотизм, коллективизм, качества, которые были востребованы временем, жизнью; при этом воспитательное воздействие шло не от взрослых, а от ровесников, готовых к активной деятельности и изменению жизни. Комсомол выдвигал в управленческие структуры людей достойных, лидеров авторитетных, показывал людям ориентиры в жизни, добивался замечательных успехов в своей работе.

Источники и литература

1. Некаев П. К 70-летию ВЛКСМ. Из истории комсомола района // К 90-летию ВЛКСМ. Из истории комсомола Шахунского района / Шахунский народный фольклорно-этнографический музей. – Шахунья, 2008. – С. 20–21.

2. Вехи истории // Знамя труда. – 1967. – 28 октября.

3. Сенатов И. Они были первыми. Из истории комсомольской организации района // К 90-летию ВЛКСМ. Из истории комсомола Шахунского района / Шахунский народный фольклорно-этнографический музей. – Шахунья, 2008. – С. 17–18.

4. Соболев А. Первые шаги. Из истории Шахунской комсомольской организации // Там же. – С. 13–16.

5. Некаев П. Первая комсомольская ячейка села Хмелевицы // Там же. – С. 6–9.

6. Богуславский А.Е. О появлении комсомольской организации на Шахунском железнодорожном узле и в районе 1928–1940 гг. // Там же. – С. 11–12.

7. Куимова А. Они были первыми (Посвящается памяти моего учителя В.Ф. Дружинина) // Знамя труда. – 1974. – № 25.

УДК 908

ЮРЬЕВСКИЙ КОЛХОЗ: ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ (1930-е – 2017 гг.)

YURIEVSKY COLLECTIVE FARM: HISTORY OF EDUCATION AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT (1930s – 2017)

И.В. Морозова

I.V. Morozova

МБОУ «Юрьевская средняя школа», учитель

607858, Нижегородская обл., Гагинский район, с. Юрьево, ул. Центральная, д. 102

E-mail: ira.morozova67@yandex.ru

Аннотация. В статье дана характеристика социально-экономического развития колхоза села Юрьево Гагинского района Нижегородской области в период с 1930-х гг. до настоящего времени. Рассмотрены основные тенденции функционирования региональной сельскохозяйственной отрасли. Показана значимость СПК имени Карла Маркса села Юрьево для развития экономики всей области.

Ключевые слова: Юрьево; колхоз; СПК (сельскохозяйственный производственный кооператив); труженик.

Summary. The article describes the socio-economic development of the collective farm of Yurievo village in Gaginsky district of Nizhny Novgorod region in the period from the 1930s to the present time. The main trends in the functioning of the regional agricultural sector are considered. The importance of the Karl Marx APC of Yurievo village for the development of the economy of the whole region is shown.

Key words: Yurievo; collective farm; APS (agricultural production cooperative); worker.

С каждым годом отдаляется от ныне живущих история коллективизации сельского хозяйства в СССР, все меньше остается свидетелей и участников образования первых колхозов.

Цель данной статьи – рассмотреть историю образования и динамику развития колхоза (СПК) им. К. Маркса села Юрьево Гагинского района Нижегородской области.

Согласно решениям XVIII съезда ВКП (б) о начале коллективизации сельского хозяйства и о переходе в земледелии к крупному социалистическому производству, в 1928 г. в селе Юрьево был организован ТОЗ (товарищество по совместной обработке земли) во главе с Яковом Петровичем Андриановым. В состав ТОЗа входило 18 крестьянских хозяйств, в т.ч. зажиточных. Так, семьи Назаровых и Малышевых имели мельницы и маслены. Были в ТОЗе и семьи бедняков: Елькины, Боженкины, Мулюкины и др. Доходы и урожай в ТОЗе делились пропорционально вложенным средствам, а точнее, пропорционально вложенным орудиям труда и тягловой силе. Естественно, что при таком распределении зажиточный крестьянин оставался за-

житочным, а бедный – бедным. Поэтому и просуществовал ТОЗ в Юрьеве всего два года.

Осенью 1930 г. была создана комиссия по ликвидации ТОЗа: Александр Алексеевич Бурлаков (председатель), Иван Степанович Толмачев, Павел Григорьевич Мулюкин. ТОЗ был распущен, а принадлежавшие ему орудия труда и средства производства конфискованы и в дальнейшем переданы в колхоз.

Тогда же была создана инициативная группа по организации колхоза в Юрьеве. Ее возглавил уполномоченный Гагинского райкома ВКП (б) и исполкома райсовета Александр Сергеевич Мухин. В состав группы также вошли коммунисты Григорий Федорович Горбунов, Александр Алексеевич Бурлаков и Иван Григорьевич Мулюкин. Они проделали огромную разъяснительную и организаторскую работу по вовлечению середняков и бедняков в создаваемый колхоз.

Крестьяне поначалу неохотно шли в колхоз, памятуя о ситуации с ТОЗом. Тем не менее, глубокой осенью 1930 г. 15 единоличников написали заявления о принятии их в коллективное хозяйство. В земельном отделе райисполкома Гагинского района был зарегистрирован Устав новообразовавшегося колхоза «Ударник». Его первым председателем стал П.Г. Мулюкин. Однако, он пробыл на этом посту всего несколько месяцев, видимо, по причине его достаточно лояльного отношения к кулакам.

Весной 1931 г. П.Г. Мулюкина сменил Василий Иванович Бурлаков – человек смелый и решительный, обладавший большими организаторскими способностями. Под его руководством колхозники провели свой первый весенний сев [1, с. 3].

Большую роль в подготовке и проведении коллективизации в селах Юрьевского сельсовета оказали учителя местной школы Николай Николаевич Лебедев, Алексей Матвеевич Соловьев, Николай Андреевич Сычев. Это они своим словом доходили до сознания крестьян, разъясняя политику партии и государства о колхозном строительстве на селе.

Н.Н. Лебедев помог колхозу «Ударник» и экономически. Он установил связь со знаменитым ученым-селекционером И.В. Мичуриным, сам ездил в город Козлов, откуда привез для хозяйства высокоурожайные семена зерновых и бахчевых культур, черенки плодово-ягодных культур [2].

По словам старожилов сел Юрьево и Калинино, в довоенный период труд колхозников оплачивался довольно высоко. В 1932 г., например, колхознику выдавали 5–6 кг зерновых натуроплатой. Колхозники получали на заработанный трудодень не только зерно, но и фрукты, овощи и даже арбузы [3].

Заметно улучшалось и жилье колхозника, в быт стали проникать зеркала, патефоны, часы, городская одежда и обувь.

В 1930-е гг. на территории современного хозяйства образовалось несколько коллективных хозяйств:

- колхоз «Ударник» (село Юрьево);
- колхоз «Новый путь» (село Калинино);

- колхоз им. Карла Маркса (село Паново-Леонтьево);
- колхоз «Активист» (село Курбатово);
- колхоз «Доброволец» (село Усово);
- колхоз «Комсомолец» (поселок Троицкий);
- колхоз «Красный Буденовец» (поселок Алексеевский);
- колхоз «Большевик» (село Мишуково).

Весной 1931 г. колхоз «Ударник» приступил к первому весеннему севу. В коллективное хозяйство были переданы хорошие высокоурожайные поля, лошади, инвентарь, зерно для сева после ликвидации ТОЗа. Дополнительно колхоз получил лошадей и зерно после раскулачивания двух братьев Горбуновых, выселенных за пределы Горьковской области.

Трудностей в те годы было много: сев, кошение, обмолот хлебов проводили вручную. Молотьба заканчивалась иногда в октябре, когда уже ударяли морозы.

Первый выращенный колхозниками в 1931 г. урожай был неплохим. Колхозники по натуроплате получили достаточное количество продукции, заложили семена и часть зерна продали государству, выполнив план.

Люди потянулись в колхоз. Заявления стали подавать не только бедняки, но и середняки. Вступая в колхоз, крестьяне преодолевали частнособственническую психологию, убеждались в преимуществах коллективного труда. И если осенью 1931 г. в колхозе насчитывалось 40% единоличных хозяйств, то к весне 1932 г. их количество удвоилось [12, с. 3].

Экономика хозяйства постепенно крепла. Колхоз «Ударник» в 1933–1934 гг. был уже передовым в своем районе. В 1934 г. очень хорошим был урожай зерновых. Но особенно богатым выдался урожай технической культуры – конопли, за что бригадир полеводческой бригады Егор Алексеевич Шестопалов был удостоен чести быть делегатом на II Всесоюзный съезд колхозников-ударников в Москве. А в 1936 г. председатель «Ударника» В.И. Бурлаков стал первым в Гагинском районе кавалером ордена Ленина. В 1938 г. он уехал в Москву учиться в Тимирязевской сельхозакадемии. На его место был назначен Михаил Семенович Горбунов.

В предвоенные годы в колхозе «Ударник» имелись уже трактора, комбайны, появились автомашины, готовились свои кадры специалистов. Первым трактористом стал Александр Гаврилович Князев, а первым шофером на «полуторке» – Яков Григорьевич Котомкин [4].

Колхоз креп и развивался. Но в 1941 г. грянула война, ставшая суровым испытанием для сельского хозяйства. Большинство мужчин – наиболее трудоспособных и квалифицированных работников – ушло на фронт. Вся тяжесть сельскохозяйственных работ легла на плечи женщин, стариков, подростков. Более того, война резко ослабила техническую базу колхоза, т.к. значительная часть тракторного и автомобильного парка была взята для нужд

обороны. Сильно сократилась тягловая сила – лошадей тоже отправляли в армию. Колхозники пахали землю на себе, впрягшись в плуг или соху по несколько человек [5].

В самом начале войны стали создаваться женские тракторные бригады. Большой славой пользовалась комсомольско-молодежная тракторная женская бригада, которой руководила Прасковья Григорьевна Мухина.

Колхоз ежегодно выполнял государственные планы по снабжению страны зерном, мясом, молоком. В Фонд обороны было внесено много личных сбережений. Большая работа проводилась по сбору теплых вещей для партизан и красноармейцев. Только в 1943 г. тружениками Гагинского района было собрано 183 полушубка, 2.482 пары варежек, 2.117 пар шерстяных носков, 664 пары валенок, 657 пар меховых рукавиц и др. [6].

В первые послевоенные годы происходило восстановление сельскохозяйственного производства. Уже за период 1946-1950 гг. оно достигло предвоенного уровня. Но затем внимание к сельскому хозяйству ослабло, вложения материальных средств в него стали сокращаться, что привело к уменьшению объемов продукции.

В середине 1950-х гг. произошло объединение колхозов, образованных в 1930-е гг. на территории нашего хозяйства, в один крупный колхоз им. Карла Маркса. Последним (уже в 1977 г.) к нему присоединился колхоз «Большевик», образованный в селе Мишуково.

К концу 1960-х гг. положение улучшилось. Колхоз стал постепенно превращаться в крупное механизированное и электрифицированное хозяйство с качественно новой ступенью механической вооруженности труда и в полеводстве, и в животноводстве. Повысилась культура земледелия. Рос общеобразовательный уровень сельского населения. Среди колхозной молодежи стало много механизаторов, работников механических мастерских, электриков, квалифицированных животноводов. В колхозе перешли к ежемесячной денежной оплате труда при наличии гарантированного ее минимума [7].

Юрьевская земля рождала своих передовиков и героев труда. Так, в 1966 г. за выдающиеся успехи в производстве и заготовке зерновых и кормовых культур бригадиру полеводческой бригады Марии Григорьевне Горбуновой было присвоено звание Героя Социалистического Труда [8, с. 32]. В том же году орденами Ленина были награждены агроном Алексей Степанович Нефедов и тракторист Николай Иванович Малышев, в 1973 г. – председатель колхоза им. Карла Маркса Павел Иванович Абустин. Позднее орденов Ленина были удостоены бригадир Паново-Леонтьевской бригады Евгений Иванович Дегтев и тракторист Юрьевской бригады Владимир Александрович Горбунов, механизатор села Курбатова Алексей Григорьевич Артюхин [9].

В 1980-е гг. колхоз им. Карла Маркса являлся крупным современным хозяйством. Он имел молочно-мясное производственное направление, занимался переработкой и реализацией сельхозпродукции, осуществлял жилищное строительство [10].

В 1984 г. председателем колхоза стал Николай Александрович Савкин. Под его руководством коллектив сельхозпредприятия добился значительных производственных успехов. В тяжелые 1990-е гг., когда многие колхозы разваливались, не могли выжить в условиях перехода к рыночной экономике, наше хозяйство не только преодолело все трудности, но и достигло высоких результатов [11].

В июле 1999 г. колхоз им. Карла Маркса был переименован в сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК) им. Карла Маркса. В результате реорганизации разделения хозяйства не произошло, вся техника и земля перешли вновь созданному предприятию.

В 2002 г. в хозяйстве имелось уже около 8 тыс. га сельхозугодий, из них 5,7 тыс. га пашни. В пяти селах хозяйства (Юрьеве, Калинине, Паново-Леонтьеве, Курбатове, Мишукове) проживало 1.320 человек, 280 из них трудоспособных. Поля хозяйства простирались на 16 км по р. Пьяне [12].

В 2004 г. Н.А. Савкин стал победителем конкурса «Менеджер-2004» по Нижегородской области, а затем лауреатом одноименного Всероссийского конкурса, был избран председателем Гагинской районной организации Аграрной партии России, являлся членом Зернового союза России, заместителем председателя Союза животноводов Нижегородской области. СПК по итогам 2004 г. вошло в число 100 наиболее крупных и эффективных сельхозпредприятий России по производству говядины (67-е место).

В октябре 2005 г. Николай Александрович был избран главой местного самоуправления Гагинского района, а председателем СПК стал бывший агроном хозяйства Павел Иванович Кондаков, продолжавший традиции своего предшественника почти одиннадцать лет. СПК им. Карла Маркса оставалось крупнейшим хозяйством Гагинского района. На высоте оставался его авторитет и в Нижегородской области [13, с. 3].

Основными видами деятельности СПК являлось разведение крупного рогатого скота, производство молока и мяса, выращивание зерновых и кормовых культур, переработка и реализация сельхозпродукции. Предприятие располагало достаточно крепкой материально-технической базой, необходимой для ведения сельскохозяйственной деятельности [14, с. 3].

В 2016 г. произошла очередная ротация управленческих кадров: П.И. Кондаков занял пост главы районной администрации, а Савкин возвратился в родной колхоз председателем.

СПК продолжил наращивать производство и увеличивать объем производимой продукции. Был взят курс на укрупнение, запланировано увеличе-

ние поголовья скота и посевных площадей, а в перспективе – введение переработки зерна, молока, мяса. 2016–017 хозяйственный год СПК им. Карла Маркса закончило с прибылью в размере более 500 тыс. руб. Общая выручка составила почти 174 млн руб. (+26% к уровню 2015 г.). Хозяйство выполняет все свои финансовые обязательства, значительно снижены долги перед банками за кредиты прошлых лет [10, с. 26].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что сельское хозяйство – это не только отрасль экономики, но и люди, работающие и проживающие на селе. Здесь формируются нравственные основы народа, его национальная психология, историческая память. В сфере сельского хозяйства занята большая часть населения, и для них она является образом жизни.

На примере развития СПК им. Карла Маркса села Юрьево Гагинского района Нижегородской области прослеживается эффективность аграрной сферы и производства продовольствия, ее экономический рост, повышение не только жизненного уровня сельского населения, но и вообще улучшение качества жизни людей, занятых в сельском хозяйстве и проживающих в сельской местности.

Источники и литература

1. Гусев А. Шаги становления // Гагинские вести. – 2010. – 27 ноября.

2. Из воспоминаний жителя села Юрьева, бывшего председателя Совета ветеранов колхоза им. Карла Маркса А.А. Бурлакова // Хранятся в архиве школьного краеведческого музея.

3. Из воспоминаний жителей села Юрьево Л.М. Горбуновой, Н.А. Красиковой, Н.А. Рубцовой, М.А. Ларионовой // Там же.

4. Запись беседы с учителем истории и обществознания Юрьевской СШ А.К. Гусевым // Там же.

5. Из беседы И.В. Морозовой с жителем села Юрьева Н.А. Мухиным, историком-краеведом, внештатным корреспондентом районной газеты «Гагинские вести» // Там же.

6. Из воспоминаний жительницы села Юрьево, главы сельской администрации К.Н. Сорокиной // Там же.

7. Из воспоминаний жителя села Калинино, председателя СПК им. Карла Маркса Н.А. Савкина // Там же.

8. Антонова Г.М. Герои Социалистического Труда – горьковчане. – Горький, 1986.

9. Из воспоминаний жителя села Мишуково, механизатора СПК им. Карла Маркса А.И. Горохова // Хранятся в архиве школьного краеведческого музея.

10. Веденеева О. Энциклопедия сельского хозяйства Нижегородской области. – Н. Новгород, 2017.

11. Из воспоминаний жителя села Паново-Леонтьево И.А. Тиунова // Хранятся в архиве школьного краеведческого музея.

12. Из воспоминаний жителя села Курбатова Н.А. Морозова // Там же.

13. Шанина Н. Оценку ставит конечный результат // Голос колхозника. – 1983. – 10 февраля.

14. Полевой В. Контроль и учет по Ленину в СПК имени Карла Маркса не мешает хозяйству в Гагинском районе быть первым // Нижегородские новости. – 2003. – 20 февраля.

УДК 908

СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ РАЙОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ПОСЕЛКЕ ПРИ СТАНЦИИ ШАХУНЬЯ В 1930-е ГГ.

THE SPECIFICITY OF FORMATION OF THE DISTRICT HEALTH CARE IN THE RAILWAY VILLAGE AT THE STATION OF SHAKHUNYA IN THE 1930-s

А.Е. Смирницкий[1], А.Ю. Смирнов[2]

A.E. Smirnitsky, A.Yu. Smirnov

[1] НГПУ имени Козьмы Минина, кафедра истории России и вспомогательных исторических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент

603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1

E-mail: ya.alex-smir1974@yandex.ru;

[2] НГПУ имени Козьмы Минина, факультет гуманитарных наук, студент

E-mail: smiric11@yandex.ru

Аннотация. В статье описывается история становления здравоохранения в железнодорожном поселке при станции Шахунья, сравниваются железнодорожная и районные больницы, выявляется специфика и раскрываются проблемы взаимоотношений шахунского поселкового совета с железнодорожными властями и с организациями соседних поселений по вопросам охраны здоровья.

Ключевые слова: Шахунья; Шахунский район; здравоохранение; железнодорожная больница; районная больница.

Summary. The article describes the history of the development of health care in the railway village at the station of Shakhunya. Also the article compares railway and district hospitals, reveals the specifics and the problems of the relationship of the Shakhunya village council with the railway authorities and with organizations of neighboring settlements on health issues.

Key words: Shakhunya; Shakhunya district; health care; railway hospital; district hospital.

Возникновение и развитие Шахуньи связано со строительством железнодорожной магистрали Нижний Новгород – Котельнич, возводившейся в 1913–1927 гг. Согласно проекту, железнодорожная магистраль на одном из ее участков проходила рядом с деревней Шахуньей, в 3 км от которой должна была быть станция [1, д. 6, л. 1]. Станция, заложенная в 1914–1918 гг., послужила началом истории железнодорожного поселка, который довольно быстро стал районным центром.

Пятого октября 1921 г. постановлением СТО был утвержден разработанный Госпланом РСФСР новый проект районирования. В результате этой реформы в 1925 г. из двух волостей Ветлужского уезда (Хмелевицкой, Больше-Широковской) и Черновской волости Варнавинского уезда Нижегородской губернии образовался Шахунский район [2, с. 1].

В то время в поселке при станции Шахунья было крайне недостаточно как жилой площади, так и административных помещений, поэтому центром

Шахунского района временно определялось село Хмелевицы. Спустя восемь лет центр района был переведен из Хмелевиц в Шахунью.

Газета «Горьковская коммуна» за декабрь 1933 г. объясняет перевод следующим: *«Шахунский район один из тех в Горьковском крае, который наиболее связан с железной дорогой, на территории его находятся три железнодорожных станции. В самой Шахунье сосредоточен ряд важнейших железнодорожных предприятий и учреждений, 16-ая дистанция пути, 10-ый участок тяги (депо), 8-ая дистанция связи и т.д.»* [3].

Значительное расширение производственной площадки на станции привлекало в железнодорожный поселок все больше и больше людей. В Шахунью перебирались рабочие из близ расположенных деревень, бывших волостных центров и даже из соседних районов. С 1928 г. отмечается бурный рост индивидуального жилищного строительства. Территорию, на которой оно осуществлялось, называли «рабочим поселком», а ту, где по большей части располагались административные здания – «советским поселком». Разграничительной чертой между ними выступала железнодорожная линия, предоставлявшая много жизненных неудобств шахунцам по причине долгого отсутствия железнодорожного моста.

Рост населения требовал от райцентра и должной заботы о нем, в том числе и в одной из главных сфер жизни общества – здравоохранении.

До 1932 г. в Шахунье имелась только небольшая железнодорожная амбулатория с двумя врачами и непостоянный фельдшерский пункт в Советском поселке [4, с. 8]. И обслуживали данные медучреждения, главным образом, железнодорожников. А служащие и рабочие районных предприятий вынуждены были обращаться за бесплатной медицинской помощью в больницы Хмелевиц, Сявы или Вахтана, существовавшие с дореволюционных времен в новообразованном районе.

Из протоколов заседаний Шахунского райисполкома за 1931–1934 гг. видно, что местные власти пытались решить проблему обслуживания застрахованных служащих районных учреждений Шахуньи железнодорожной амбулаторией путем перечисления Дорздраву страховых взносов этих людей. Однако, Дорздрав не пошел навстречу райисполкому.

Второй попыткой решения проблемы была задача убедить руководство железной дороги в срочной необходимости расширять сферу медицинских услуг в Шахунье и предложить проект совместного строительства больницы. Десятого августа 1931 г. с М.К.Ж.Д. был заключен соответствующий договор, но 9 марта 1932 г. он был расторгнут из-за невыполнения взятых НКПС на себя обязательств [4, с. 7].

В сложившейся ситуации райисполком не заморозил стройку, а стал искать дополнительные источники финансирования и поставил задачу достроить больницу самостоятельно. На помощь пришли опытные соседи: строительство было сдано Уренской кооперативной артели «Промстрой» с окончанием строительства к 1 мая 1933 г. [4, с. 8].

Вместе с тем, понимая крайнюю неотложность предоставления медпомощи растущему населению, райисполком дополнительно отпустил 5.600 рублей на быструю постройку Шахунским ЛПХ здания барачного типа 120 кв. метров для временного размещения в нем амбулатории с двумя врачами и больницы на 12 человек [5].

Из соседнего Тонкинского района для участия в организации больницы в Шахунье был приглашен врач Н.М. Дьячков. Сначала райисполком рассчитывал на этого специалиста только на время его очередного отпуска с 1 апреля по 1 июля 1932 г. с сохранением зарплаты в Тонкинской больнице. А затем Дьячков окончательно согласился остаться в Шахунье на должности заведующего Шахунской райбольницей с совмещением должности санврача. Райисполком предоставил ему квартиру с коммунальными услугами, после чего Дьячков стал добиваться предоставления жилья другим медработникам районной больницы. Так главный врач привлек многих молодых специалистов в поселок.

В 1933–1934 гг. всеми правдами и неправдами райисполкому удалось отвоевать еще два небольших домика у ЛПХ: один – для амбулатории, другой – для заразного барака [6]. Ветеран здравоохранения Антонина Алексеевна Смирнова хорошо помнит эти здания, хотя и начала работать несколько позднее: *«В двухэтажной деревянной постройке, давшей начало современному больничному городку, на первом этаже размещались хирургическое отделение и роддом, на втором – детское, терапевтическое и туберкулезное. Правда, такое подразделение было весьма условным. Для туберкулезников предназначались две палаты: на два и четыре места, размещались они в общем коридоре и от терапии не отгораживались даже перегородкой. А медсестры каждой смены ухаживали и за теми, и за другими больными. Для лечения “внутренних болезней” отвели пять небольших палат, где впритык помещалось по пять коек».*

Продолжение строительства больницы Уренской артелью неимоверно затягивалось. В 1937 г. положение нисколько не изменилось.

Тем временем к 1 июля 1935 г. на станции Шахунья построилась и уже открылась железнодорожная больница [7, д. 7, л. 9–10].

В 1934 г. начальником строившейся железнодорожной больницы направили в Шахунью К.С. Братухина. Врачом-гинекологом была его жена Зинаида Андреевна, хирургом – Николай Григорьевич Кручетин. Прием вели в основном фельдшеры и акушерки. Нуждающихся в стационарном лечении больных отправляли в Горький или Котельнич.

Вскоре больницу расширили до 115 коек. Был открыт солярий для отдыха больных. Все оборудование для больницы поступало из Москвы. Возглавил ее Сергей Георгиевич Соколов – терапевт и хирург. В больнице были хирургическое, терапевтическое, родильное и костно-туберкулезное отделения [8].

Деятели райисполкома были поражены высоким уровнем организации и неимоверной скоростью стройки железнодорожной больницы. Давая оцен-

ку деятельности поселкового совета, в 1935 г. товарищ К.С. Швецов резюмирует: *«По работе поселкового совета можно говорить очень много. Например, остановлюсь на здравоохранении. Как строится у нас больница, каковая строится с 1932 года и до сих пор не может достроиться. Как видно, железнодорожная больница позже стала строиться, и уже функционирует!»* [7, д. 7, л. 13–14].

В начале 1937 г. Шахунский райздрав решился на отважный шаг – войти в недостроенное здание, тем самым способствуя скорейшему завершению его строительства. И надо признать, у них получилось! Главный врач Н.М. Дьячков в докладе «Работа районной больницы в 1937 году и планы на будущее» сообщал: *«Из-за того, что переехали в недостроенное здание, никем до сих пор еще не принятое, мы испытываем массу неудобств. Вследствие преступно небрежного отношения строителей, больница, проработав до осени, встала в тупик: или капитально ремонтироваться, или перестать существовать… При внимательном отношении РИКа нам удалось выцарапать 30 000 руб. и пустить на ремонт… Сейчас подвели устойчивый сплошной фундамент под наружные стены, сменили и добавили новые внутренние столбы, провели временную наружную канализацию, заново побелили и выкрасили в светлые тона род. отделение, заканчиваем терапевтическое, заново проложили основную магистраль внутренней канализации. Заново переоборудуем все санитарные узлы… с 30-го начинает работать полностью родильное отделение. С 01.01. – терапевтическое. В январе приступаем к ремонту всего верха, конечно, постепенно…»* [4, с. 9].

С переездом в новое здание в больнице развернулась хирургическая работа, производившаяся до этого в самых незначительных размерах. *«До этого мы были в полной зависимости от железнодорожной больницы и всегда с трудом добивались госпитализации наших экстренных хирургических больных. Теперь сами освоили экстренную хирургию»,* – отмечал Н.М. Дьячков [5].

Железнодорожная больница была лучше районной и по многим другим показателям. Например, в 30–40-е гг. для оказания медпомощи больным на дому врачи и фельдшеры амбулатории районной больницы ходили пешком или ездили на лошади. Возница Петр Гребнев и жил при больнице. Автомобиль для обслуживания больных на дому работники районной больницы получили только в 1959 г. [9].

Железнодорожная же больница обладала транспортом, да только использовала его часто не по назначению, о чем свидетельствует фельетонная заметка председателя рабочкома больницы Б. Каткова под названием «Находчивость прокурора» в местной газете «За коммунизм» октября 1946 г. [10].

Также большим недостатком в работе районной больницы являлось отсутствие инфекционного отделения, что затрудняло своевременную изоляцию больных и прекращение инфекционного начала. Больных приходилось

отправлять в Хмелевицкую больницу. Здание районной амбулатории было ветхим и холодным, были отдалены от больницы и аптеки [11, 12].

Кстати, первый наказ поселковому совету построить аптеку поступил от шахунцев в октябре 1935 г. и практически сразу же был реализован [7, д. 7, л. 19]. В Шахунской аптеке принимали лекарственное сырье, производили и продавали самый разнообразный ассортимент медикаментов: валерианы капли, нашатырный спирт, йодовую настойку, различные порошки и мази [13, 14].

Однако, несмотря на все сложности, с переходом в новое здание районная больница стала развиваться по мере своих сил и возможностей.

Шестнадцатого марта 1940 г. медработники Шахунской районной больницы провели первую научно-производственную конференцию. На ней были заслушаны доклады о новых методах лечения отморожений (Е.В. Голубева), гнойных ран (Белянцева), воспаления легких у детей (В.Д. Чачина), а также рекомендации о ведении нормальных родов (Н.И. Соколова) [15].

Пятнадцатого января 1940 г. в районной больнице была проведена первая техническая лекция для среднего медперсонала на тему «Лучший уход за больными». После лекции была устроена политинформация [16].

В мае 1940 г. при Шахунской детской консультации открывается школа матерей, в которой медицинские работники учили правилам ухода за детьми [17].

Коллектив Шахунской районной больницы строил свою работу согласно положению о врачебном участке. Начиная с 1939 г., работники больницы давали работникам медпунктов плановые задания, помогали им в работе путем выездов и проведения санитарно-профилактических мероприятий на местах. Особо отмечается врач Федосимова, которая за текущий 1939 г. уже несколько раз побывала на Красно-Фадькинском медпункте и в роддоме [18].

Заведующий Черновской амбулаторией тов. Столбецкий отмечал хорошую помощь со стороны районной больницы и в частности тов. Дьячкова. По его словам, медсестры из районной больницы часто выезжали на места и делали подворный обход [12].

Вот как отчитывались шахунские медработники на первом областном съезде медицинских работников Горьковской области в 1939 г.: *«Мы перевыполнили план койкодней за 1939 год на 107 процентов. Наш коллектив произвел 306 хирургических операций, обезболил 40 родов. Среди населения проведено 3741 предохранительных прививок: из них против скарлатины – 777, дифтерии – 249, брюшного тифа – 407, дизентерии – 2348, не считая прививок против оспы, кори и других. Немалая работа была проделана и в области политико-воспитательной. Среди населения проведено 384 беседы, подготовлено 215 значкистов ГТО первой ступени»* [11].

За первые семь лет своего трудного и весьма шаткого существования Шахунская районная больница смогла достичь значительных высот и заслуженно в 1939 г. постановлением облисплкома была отнесена к числу лучших

больниц Горьковской области. А врач-депутат районного совета больницы Р.М. Аркадьева была занесена на областную Доску Почета.

Таким образом, специфика становления районного здравоохранения в железнодорожном поселке при станции Шахунья, в первую очередь, заключается в антагонизме между железнодорожными организациями и поселковым советом. Причем антагонизм этот встречался не только в вопросе здравоохранения. О проблеме в 1937 г. писал специальный корреспондент газеты «Гудок» В. Иванов: *«Антагонизм между поселковым советом и железнодорожными организациями сказался особенно остро 23 февраля и 8 марта… начальник шахунского политотдела отделения Мареев и председатель линкома союза Сидоркович встретили председателя поселкового совета с никчемной напыщенностью: ...Дадите деньги – устроим совместное торжество в железнодорожном клубе. Не дадите – проводите "ваше" собрание, но не в "нашем" клубе. Клуб наш, школа наша. Докладчики у нас тоже свои. Мы не намерены считаться с поселковым советом... И пошло: наше-ваше, мои-твои. Разве можно создать хороший железнодорожный поселок при таких взаимоотношениях? Где у коммунистов Шахуньи чувство партийной ответственности?»* [19].

Во-вторых, поселок Шахунья не имел достаточных административных ресурсов для роли районного центра. Можно сказать, что этот статус он получил «авансом» и исключительно благодаря железной дороге. В поселок стягивались рабочие разных специальностей из соседних населенных пунктов, постепенно укрупняя его. Исходя из такого положения дел, социальная инфраструктура строилась форсированными темпами.

Также следует отметить, что соседние районы снабжали Шахунью кадрами и оказывали всяческую посильную помощь. Большинство младшего медперсонала районной больницы окончило Ветлужское медучилище [20, д. 3, л. 10]. Заведующий райбольницей Н.М. Дьячков приехал из Тонкино. Его деятельность высоко ценилась шахунцами [21]. Уренская артель «Промстрой» занималась строительством больницы. Хмелевицы принимали из Шахуньи больных инфекционными заболеваниями.

К 1940-м гг. население Шахуньи составляло свыше 17 тыс. человек [7, д. 14, л. 13]. С функцией охраны его здоровья существовавшие к тому времени сети железнодорожной и районной больниц справлялись успешно.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1716. Оп. 701 а.

2. Смирнов В.В. Шахунья – город первых пятилеток (к 40-летию со дня присвоения Шахунье статуса города). – Шахунья, 1983.

3. О Шахунском районе // Горьковская коммуна. – 1933. – 25 декабря.

4. Золотов С.Н., Баранцева О.В. Нам 85 лет. – Н. Новгород, 2017.

5. Дьячков. Охрана здоровья трудящихся // За коммунизм. – 1946. – 7 ноября.

6. Модина Г. Врачеватели «внутренних болезней» // Знамя Труда. – 2012. – 13 марта.

7. Сектор по делам архивов администрации г.о.г. Шахунья. Ф. Р-10. Оп. 1.

8. Курдина В. Узловой больнице – 60 лет // Знамя Труда. – 1995. – 1 июля.

9. Модина Г. Скорые на помощь // Там же. – 2012. – 10 октября.
10. Катков Б. «Находчивость» прокурора // За коммунизм. – 1946. – 14 октября.
11. Улыбина, Голубева. Соревнование медицинских работников // Там же. – 1940. – 17 января.
12. С I районного совещания медицинских работников // Там же. – 1940. – 11 февраля.
13. Отдел объявлений // Там же. – 1945. – 18 января.
14. Возобновлена торговля медикаментами // Там же. – 1946. – 8 марта.
15. Конференция медработников районной больницы // Там же. – 1940. – 21 марта.
16. Лекция по техучебе // Там же. – 1940. – 18 января.
17. Школа матерей // Там же. – 1940. – 18 мая.
18. Дьячков Н.М. Против вредной традиции // Там же. – 1940. – 4 мая.
19. Иванов В.В железнодорожном поселке // Гудок (Орган НКПС СССР). – 1937. – 5 апреля.
20. Сектор по делам архивов администрации г.о.г. Шахунья. Ф. Р-200.32. Оп. 2.
21. Модина Г. Все пути вели к победе // Знамя Труда. – 2012. – 12 мая.

УДК 908

ВРЕДИТЕЛЬСТВО ИЛИ «ВРЕДИТЕЛЬСТВО»: ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

SABOTAGE OR “WRECKING”:
THE EXPERIENCE OF SOURCE ANALYSIS

Д.А. Ляпин
D.A. Lyapin
МБОУ «Лицей № 15 им. академика Ю.Б. Харитона» (г. Саров), учитель
607186, Нижегородская область, г. Саров, ул. Куйбышева, д. 25
E-mail: dmitrij.liapin@yandex.ru

Аннотация. В статье сделана попытка анализа исторических источников по одной из дискуссионных проблем отечественной истории – «вредительстве» в советской промышленности в 1937 г. На основе документов нижегородских архивов рассматривается ситуация в судостроительно-судоремонтном комплексе Горьковской области. Материалы партийных бюро и комитетов, партийных собраний трудовых коллективов, хозяйственных активов дают обширный материал для изучения этой проблемы.

Ключевые слова: вредительство; завод; коллектив; партийная организация.

Summary. The article aims to analyze historical sources for one of the debatable problems of Russian history – “sabotage” in the Soviet industry in 1937. On the basis of documents of archives of Nizhny Novgorod examines the situation in the shipbuilding and ship-repairing complex of Gorky region. Materials of party bureaus and committees, party meetings of labor collectives, economic assets provide extensive material for the study of this problem.

Key words: sabotage; plant; collective; party organization.

1937 г. вошел в историю как год трагических событий в нашем Отечестве. В ходе массовых политических репрессий многих обвиняли во вредительстве, нанесении ущерба советскому государству и экономике. Данная проблема в советской историографии или затрагивалась поверхностно, или

не рассматривалась вообще. Примером может служить труд по истории Навашинского судостроительного завода «Ока» «Корабелы былинного края» [1, с. 86–88].

В настоящей статье сделана попытка анализа документов 1937 г. Мордовщиковского судомостового завода (впоследствии – завод № 342 Наркомата судостроительной промышленности СССР) и Шиморского судоремонтного завода имени X годовщины Октября Горьковской области, хранящихся в нижегородских архивах. Речь идет о протоколах хозяйственного актива Мордовщиковского судомостового завода «О решениях февральского пленума ЦК ВКП (б) и задачах коллектива завода» (май 1937 г.) и протоколах партийной организации судоремонтного завода имени X годовщины Октября за 1937 г. Это будет способствовать лучшему пониманию того, что происходило в нашей стране в эту трагическую эпоху.

На хозяйственном активе присутствовало 220 человек, было заслушано выступление директора Лепешкина о решениях февральского пленума (1937 г.) ЦК ВКП (б) по докладу И.В. Сталина. Протокол хозактива представляет собой брошюру форматом А4 и объемом 35 листов машинописного текста. Текст выступления Лепешкина в протоколе отсутствует, но имеется стенограмма прений, приведены заключительное слово директора и решения актива.

Наибольший интерес представляют прения, поскольку в ходе них высказались руководители цехов и отделов, рабочие и инженерно-технические работники предприятия. Мастер механического цеха Васильев первым назвал случаи вредительства на предприятии – *«троцкист Сотников вел подрывную работу на заводе. Имеем случаи порчи станков, установлением конкретных виновников-вредителей на заводе не занимались»* [2, д. 4, л. 9].

Начальник мостосварочного цеха Бильдин высказал мнение, что генеральный план реконструкции завода *«вредительский»* [2, д. 4, л. 11]. Инженер Ашин, начальник отдела капитального строительства (ОКС) уточнил, что как такового генерального плана реконструкции завода нет, Главк не знал перспектив развития предприятия, а *«это граничит с вредительством»*.

Инженер Минаев заявил, что вредительство в силовой станции – это *«тонко продуманная система работы Захарова»* [2, д. 4, л. 14]. Ашин присоединился к его мнению: на примере постройки подстанции можно проследить вредительство Пятакова. Вредители хитрые, умелые и хорошо подготовленные технически (Гродский с места: *«т. Сталин дал не такую характеристику вредителям»*) [2, д. 4, л. 20]. Секретарь парткома Ивлев возразил: *«Инженер тов. Ашин неудачно определил вредителей, как людей, овладевших техникой»* и привел сталинскую характеристику вредителей [2, д. 4, л. 23].

В заключительном слове директора завода вредительству был отведен последний абзац: *«Нужно также вскрыть факты вредительства в части специальных болтов, срубки заклепок подводных частей, нужно вскрыть виновных и привлечь их к суровой ответственности. Начальники цехов, ма-*

стера, рабочие не должны замалчивать факты, граничащие с вредительством, критика и самокритика поможет сделать это.

Пора покончить с политической близорукостью, каждый случай поломки, порчи нужно тщательно разбирать, нужно установить, не орудует ли враг. Но, вместе с тем, нужно поощрять технический риск, могущие быть неудачи нельзя рассматривать вредительством, без технического риска нет прогресса, но надо к этому чутко присматриваться» [2, д. 4, л. 34].

О чем еще говорилось на активе? Во-первых, речь шла о кадрах предприятия. Сварщик судокорпусного цеха Медведев заявил, что кадры на заводе используются плохо. Например, клепальщики задействованы на подсобных работах, сварщики расставлены на рабочих местах без учета квалификации [2, д. 4, л. 8].

Старший мастер механического цеха Ватлаев отметил, что в цеху работает только один инженер и два техника, а остальные – практики [2, д. 4, л. 9].

Начальник отдела кадров Лыков заявил: *«Хвосты, которые провозят с собой директора, тормозят работу и нарушают принципы подбора кадров. Молодые специалисты не держатся на заводе, так как начальники цехов ими не дорожат, условий для работы не создают. Например, инженера Богданова враждебно встретили в судокорпусном цехе. Культурно-бытовые условия плохи – это тоже одна из причин отсева специалистов»* [2, д. 4, л. 12]. Мастер деревообделочного цеха Гусев присоединился к этому мнению, добавив факты обсчета рабочих [2, д. 4, л. 13].

Техник Захаров привел пример, когда разработку технологического процесса электросварных барж поручили неспециалисту, присланному из Главка. Он сказал также: *«Меня лично не используют, как молодого специалиста, на той работе, на какой я могу принести пользу заводу… Культурно-бытовые условия плохи: нельзя даже выписать центральную газету, провести радио»* [2, д. 4, л. 14]. Начальник механического цеха Ивентьев признал: *«Забота о живых людях на заводе плоха»* [2, д. 4, л. 17].

В выступлениях начальников цехов Куринина и Камнева был дан анализ причин плохой работы завода: плохая организация производства на заводе и в цехах; невысокая трудовая дисциплина; отсутствие учета инструмента, что приводит к его расхищению; плохое планирование, скверная работа планово-производственного отдела и диспетчерской службы; отсутствие разработанного технологического процесса, а *«часть мастеров не передает своих знаний рабочим»* [2, д. 4, л. 21–22]. Об этом говорили секретарь парткома Ивлев и председатель завкома профсоюза Макурин [2, д. 4, л. 22–23].

Инструктор школы фабрично-заводского обучения (ФЗУ) Шерихов призвал изжить семейственность, улучшить культурно-массовую работу, а в плане борьбы с вредительством – *«выявить, кто монтировал, вернее, руководил монтажом парового отопления школу ФЗУ и привлечь к ответственности за безобразную работу»* [2, д. 4, л. 13].

Выступавшие говорили о вышестоящих инстанциях, в частности, о главке, начальник которого *«не знает перспектив развития завода. Это граничит с вредительством»* [2, д. 4, л. 20].

Беспорядки в оплате труда, обсчет рабочих и мастеров предприятия, названные в заключительном слове директора завода, не получили на форуме политической оценки. Даже в 1940 г. в партийных документах завода № 342 отмечались факты обсчета персонала [3, д. 4, л. 74].

Необходимо отметить, что поводы для разговоров о вредительстве имелись. Девятого января 1937 г. партком Шиморского судоремонтного завода имени X годовщины Октября слушал информацию об аварии молота в кузнечном цеху. В прениях говорилось, что эта авария *«граничит с явным преступлением»*. Директор завода Мольков отметил, что факты такого рода в условиях предприятия имели место и раньше. Директор говорил о халатности, допущенной при ремонте [4, д. 11, л. 2]. Партком, отметив, что в цилиндре молота было найдено более 1,5 м стального троса и крючки, расценил это как *«сознательный саботаж стахановского движения со стороны начальника цеха Калинцева и мастера Макарова, граничащий с преступлением»*. Партийный комитет в постановлении счел необходимым снять руководителей кузнечного цеха (*«как ставших на путь прямого саботажа стахановского движения»*) и потребовал *«срочно передать дело об аварии молота в НКВД»*. Было решено 10–11 января провести собрания рабочих, на которых *«обсудить данное решение, раскрывая свои собственные недостатки», «мобилизуя весь коллектив завода на перевыполнение плана судоремонта, пополнение рядов стахановцев»* [4, д. 11, л. 2].

Пятого августа 1937 г. на заседании парткома Шиморского судоремонтного завода был заслушан доклад директора Молькова о ликвидации последствий вредительства. В прениях доклад был назван не мобилизующим и не политичным. Отметив на заводе плохую организацию дела с инструментальным хозяйством и организацией рабочего места, Фролов заявил, что *«т. Мольков совершенно умолчал вредительство Серова»*. И далее: *«Враги народа сделали ставку внутри страны сделать недовольство рабочих в Советской власти. Эти враги оказались у нас на заводе (Серов)»*.

О том же говорил и Княгинин. Добавив, что директор *«о людях и кадрах в докладе ничего не сказал»*, он предложил снять доклад и перенести на вторичное обсуждение.

Вообще, шиморские судоремонтники проявили большую политическую бдительность, чем судостроители из Мордовщиков. Так, Баранов сказал, что *«на станции горячей промывки очень много переделок, и неизвестно, было вредительство или просто упущение»*. Он же нашел вредительство Серова *«в вопросе технических норм»* [4, д. 11, л. 69].

Никулин назвал подозрительным не только вывод из строя молота Калинцевым, но и высказался о подозрительности его самого [4, д. 11, л. 69].

Филаков говорил о вредительской постройке парохода «Опыт» сыном Серова, который также является подозрительной личностью. К тому же в ра-

боте Серова-младшего *«было много брака»*. О браке в работе Серова-младшего говорил товарищ Тюрихов, попутно назвав очень подозрительной личностью мастера механического цеха Кибенко.

Тов. Давыдов обвинил директора в том, что тот *«не разоблачил вредительские действия Серова»*, и обвинил этого «врага народа» (Серова) в том, что он *«заставлял рабочих искать материал и таскать тяжелые вещи. Цеха не загружены,* – продолжал Давыдов, – *рабочие из завода уходят»*. Выступавший далее Денисов заявил: *«Кадры у нас далеко не проверены»* [4, д. 11, л. 70.]

Было решено обсудить доклад директора завода на общем партийном собрании, созвав его 10 сентября. На нем в прениях по докладу тон задал Никулин: *«У нас на заводе сидел враг народа Серов и, думаю, он не один»* [4, д. 12, л. 63].

Выступление тов. Княгинина было более масштабным: *«Вредительством в Московско-Окском пароходстве были охвачены все отрасли хозяйства. Оно шло к срыву подготовки к судоремонту и самого судоремонта»*; *«только арест Серова разбудил партком от спячки»* [4, д. 12, л. 63].

Тов. Морохин обвинил «врага народа» Серова в многочисленных переделках на пароходе «Гороховец» и других видах вредительства, а тов. Тюрихов высказал мнение, что Серов делал ставку на вывод из строя котла отопительной системы, который, по его словам, не очищался два года и был наполовину забит грязью. Далее Тюрихов отметил, что начальник цеха Кудряшов не работает и не руководит цехом, однако продолжает оставаться на руководстве. Секретарь парткома Родионов перечислил «подозрительных людей» завода, назвав четыре фамилии [4, д. 12, л. 64].

В постановлении перечислялись, кроме фактов *«вредительства врага народа Серова»*, плохая подготовка к зимнему судоремонту и отсутствие контроля за качеством ремонтируемого оборудования. Все эти факты были признаны, с одной стороны, результатом *«действий еще скрытых врагов»*, *«с другой, главным образом, наличие благодушия и политической беспечности в деле подготовки завода к судоремонту, и в 1-ю очередь со стороны т. Молькова»*.

Собрание предложило директору план практических мероприятий по ликвидации последствий вредительства дополнить анализом методов вредительства на заводе, конкретных мероприятий их ликвидации. *«Главным вопросом этих мероприятий должны быть меры, обеспечивающие подготовку цехов к зимнему судоремонту к 1 октября»*. Было решено созвать партийно-хозяйственный актив завода, на котором обсудить мероприятия по ликвидации последствий вредительства.

Четвертым пунктом постановления значился созыв общезаводского рабочего собрания с обсуждением вопроса о вредительстве на заводе и ликвидации его последствий. Директору завода и партийной части заводского комитета профсоюза было предложено немедленно обеспечить развертывание

технической учебы с рабочими завода, а также учебной группой мастеров социалистического труда.

Парткому предложили улучшить качество агитационной работы на заводе, причем *«особенно широко проработать материалы о шпионско-диверсионной деятельности врагов народа японо-германских шпионов троцкистов-бухаринцев»*.

Пункт 10 гласил: *«Партсобрание обязывает каждого коммуниста внимательно реагировать на каждые сигналы беспартийных рабочих, не проходя мимо сигналов, прямо или косвенно сигнализирующих на производственные неполадки. Рассматривая поданные сигналы с точки зрения людей, скрываемых за этими неполадками»* [4, д. 12, л. 65].

Названные выше вопросы рассматривались и на примерах отдельных цехов предприятия. Так, партком Шиморского судоремонтного завода 19 августа 1937 г. заслушал доклад парторга механического цеха Тюрихова о выполнении решений февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП (б). Повергнув работу парторганизации критике за недостаточно высокую политическую бдительность, партком потребовал от коммунистов вести учет настроений рабочих [4, д. 12, л. 65].

Эта тенденция просматривалась и в дальнейшем. Так, на общем партийном собрании завода имени Ульянова 21 ноября 1939 г. рассматривался вопрос о решении бюро Горьковского обкома ВКП (б) о работе промышленности Дзержинского района г. Горького и о том, как парторганизации включились в борьбу по ликвидации последствий вредительства [4, д. 12, л. 21]. И здесь назывались недостаток инструмента, проблемы с тарифной сеткой, в результате чего настроение у рабочих нездоровое (в т.ч. и у членов партии), есть желающие уйти с завода [5, д. 24 а, л. 22]. В числе *«последствий вредительства»* было названо *«планирование Главком программы на 1939 год»* [5, д. 24 а, л. 23].

Можно сделать некоторые выводы. К началу 1937 г. на исследуемых предприятиях возникли производственные трудности, обусловленные внутренними противоречиями. Выросшие производственные задания, новые виды выпускаемой продукции, в т.ч. оборонной, требовали более высокой культуры производства, освоения новых технологий, высокой квалификации руководителей. На это накладывались проблемы со снабжением материалами, сырьем, постоянно менявшиеся показатели производственной программы. Попытки решить проблемы методами штурмовщины в форме «стахановских» декад и месячников результатов не приносили. Поиски «вредителей» в этих условиях были удобны для руководства, поскольку доступно объясняли многие причины неполадок. С другой стороны, обсуждение недостатков на партийных форумах и рабочих собраниях помогало вскрывать и решать многие проблемы, поскольку игнорировать решения партийных инстанций администрация предприятий не могла. Однако отрицать возможность умышленной порчи оборудования или дезорганизации производства нельзя. Недовольных существующей властью в стране хватало, в т.ч. и в Горьковской об-

ласти. Об этом свидетельствуют документы. Так, летом 1937 г. были осуждены за антисоветскую пропаганду рабочие Шиморского судоремонтного завода братья Родионовы [4, д. 11, л. 34–35]. Вообще отличить вредительство от преступной халатности весьма трудно.

Обстановка в партии, которая сложилась после февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП (б), способствовала росту напряженности в партийных рядах и трудовых коллективах. Так, 25 сентября 1937 г. партбюро Шиморского судоремонтного завода рассмотрело заявление преподавателя школу ФЗУ Смаги и письмо исполняющего обязанности начальника политотдела Царева. В них указывалось на оскорбительные высказывания в адрес Смаги (обвинение его в троцкизме) со стороны парторга ФЗУ Филакова. В итоге последнему было указано, что *«у него никакого основания не было в том, что т. Смага был исключен из рядов ВКП (б) за троцкизм, и своим высказыванием даже в виде предположения т. Филаков совершил политическую ошибку»* [4, д. 11, л. 74].

В фундаментальной «Истории отечественного судостроения» дается оценка ситуации в отрасли в целом: *«Волна репрессий, особенно усилившаяся после 1934 г. и достигшая своего пика в 1937 г., отрицательно сказалась и на развитии производственных мощностей судостроения. Возможные и даже неизбежные при таких масштабных строительствах недоработки и ошибки "автоматически" превращались в этих условиях в "происки врагов" советской власти. В отчетах о выполнении планов развития мощностей все чаще стали звучать обвинительные ноты. Отмечалось, что начатая еще в 1927-1929 гг. реконструкция завов "Красное Сормово", "Красный металлист", "Ленинская кузница" к 1937 г. еще не окончена. На Мордовщиковском судомостостроительном, Хабаровском судомеханическом, Рыбинском катерном заводах, Пермской, Сретенской и Ярославской верфях начатые стройки "законсервированы", "цехов нет", "все гниет", "нужны новые проекты", и все это объясняли происками "диверсантов". Отсюда неизбежно следовали и оргвыводы: в системе Главречпрома в 1937 г. были сняты со своих должностей директора девяти судостроительных предприятий, многие главные инженеры и другие специалисты»* [6, с. 263–264].

Так, в октябре 1937 г. был *«изъят органами НКВД»* директор судоремонтного завода в Шиморском Мольков, член партии с 1920 г. [4, д. 11, л. 90].

Состоявшееся 7–10 мая 1937 г. собрание актива Главречпрома *«единогласно одобрило»* решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) об исключении из партии Бухарина и Рыкова и осудило «врагов» в своих рядах. Интересно отметить, что на *«ликвидацию последствий вредительства»* Главречпрому на 1937 г. было дополнительно выделено 4.220 тыс. руб. капиталовложений, а на 1938 г. – 10.620 тыс. руб. (существовало, оказывается, и такое обоснование необходимости увеличения государственных капиталовложений) [6, с. 264].

Таким образом, тема «вредительства» в отечественной промышленности периода 1930-х гг. является одной из дискуссионных проблем советского периода истории России и нуждается в дальнейшей документальной проработке.

Источники и литература

1. Ильин В.А., Корчин В.Г., Корчин Г.Д. Корабелы былинного края. Очерки о Навашинском судостроительном заводе «Ока». – Л., 1982.

2. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 5881. Оп. 3.

3. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 722. Оп. 3.

4. ГОПАНО. Ф. 627. Оп. 2.

5. ГОПАНО. Ф. 143. Оп. 1.

6. История отечественного судостроения. В 5 т. Т. 4: Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925–1945 гг. – СПб, 1996.

УДК 94(47).084.8

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

И.А. Калмыков[1], Е.И. Подрепный[2]

[1] Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, кафедра истории и иностранных языков, старший преподаватель
603107, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 97
E-mail: i-kalmykov@ya.ru;

[2] ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра истории и политики России, доктор исторических наук, доцент
603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
E-mail: podrepnyy@yandex.ru

Аннотация. В статье сделана попытка анализа основных направлений исследований современных отечественных авторов по проблемам социальной истории отечественной промышленности периода предвоенных пятилеток и Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено социокультурному развитию трудовых коллективов, особенно молодежи, промышленных предприятий в 1941–1945 гг. Авторы попытались показать основные достижения современной отечественной историографии по изучению социокультурных проблем советской экономики 1930-х – первой половины 1940-х гг. с точки зрения использования материалов этих публикаций в курсе истории России и различных специальных курсов для студентов высших учебных заведений для патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: автор; историография; коллектив; литература; социализация.

Summary. The article attempts to analyze the main directions of research of modern domestic authors on the social history of domestic industry during the pre-war five-year plans and the Great Patriotic war. The authors paid special attention to the socio-cultural development of labor collectives, especially youth, industrial enterprises in 1941-1945. The authors tried to show the main achievements of modern Russian historiography in the study of socio-cultural problems

of the Soviet economy of the 1930s – the first half of the 1940s in terms of using the materials of these publications in the course of the history of Russia and various special courses for students of higher educational institutions for patriotic education of youth.
Key words: author; historiography; collective; literature; socialization.

Важной характеристикой развития общества являются материальные условия жизни людей, в т.ч. условия труда, в частности, условия труда на производстве [1, с. 31]. Изучение количественных и качественных изменений в структуре промышленных кадров, образа жизни рабочих и инженеров, их общественно-политической активности является необходимым условием для создания объективной картины истории советского общества.

Пересмотр официальной истории советского рабочего класса в 1990-е гг. привел к тому, что разработки в этой истории превратились из престижных в крайне непопулярные и гонимые. В результате произошло резкое сокращение количества работ по истории рабочего класса СССР. Вместе с тем, «архивная революция» 1990-х гг. позволила в новом свете увидеть картину советской действительности. Многие темы и проблемы, до того пребывавшие в забвении, обрели научную жизнь. Начался процесс возрождения интереса к рабочей истории [2, с. 3]. В настоящей статье сделана попытка анализа достижений и проблем современной отечественной историографии трудовых коллективов советских промышленных предприятий в период 1930-х – первой половины 1940-х гг., увидевших свет в 2000-е гг. Это обусловлено повышенным интересом в российском обществе к проблемам предвоенной и военной (1941–1945 гг.) истории Отечества [3, с. 4–6]. Результатом этих исследований стало появление ряда трудов по истории различных отраслей советской промышленности [4–6], а также вопросов управления ею [7]. Отметим, что в этих работах давался историографический обзор некоторых проблем социальной истории [7, с. 7–39]. Например, С.П. Постников и М.А. Фельдман сделали попытку не только кратко изложить историографию социокультурного облика промышленных рабочих России в 1900–1941 гг., но и дать ее постсоветскую периодизацию [1, с. 3–30].

Выходили научные работы по истории отдельных предприятий России. Это видно и на примере Нижегородской области [8–10]. Авторы опирались на достижения своих предшественников 1990-х гг. [11–13].

Какие проблемы социальной истории Отечества периода 1930-х – 1940-х гг. больше всего привлекают внимание современных авторов?

Прежде всего, отметим интерес к повседневной истории трудовых коллективов и различных социальных групп. Примерами могут служить как статьи, так и более крупные исследования. Так, статья М.О. Горячкиной [14] посвящена повседневной жизни рабочих города Иркутска в 30–40-е гг. XX века. Автор отмечает, что период индустриализации в СССР повлиял на жизнь советских людей как на общеполитическом, так и на бытовом уровне. Повседневная жизнь рабочих иркутского авиационного завода 30–40-х гг. XX века раскрывается в следующей последовательности: трудовые будни рабочих, их питание, жилищные условия, криминогенная обстановка в регионе прожива-

ния рабочих, организация досуга и их культурно-образовательные потребности. Библиография статья включает 28 названий [14, с. 313]. Автор статьи сделала вывод о том, что к 30–40-м гг. в Советском Союзе *«сложилась особая форма повседневной действительности – советская будничная жизнь. Характеризовалась эта жизнь чередой событий, связанных с самоотверженным трудом граждан, беспрекословным следованием идеалам и заданиям правящей коммунистической партии, невзыскательным требованиям большинства населения страны к жилищно-бытовым условиям и слабой материальной заинтересованностью в преобразовании сложившейся системы»* [14, с. 317–318].

Важное место в трудах российских исследователей заняла тема социального положения различных групп населения страны в 1930-е – первой половине 1940-х гг. Выделим в этой связи работы В.Н. Парамонова. В первой из статей автор уделил внимание социальному положению инженеров в императорской России и СССР, а также эволюции политики партийного и государственного руководства страны к ним [15, с. 275–276].

Автор затронул важные аспекты этой политики: противоречия между потребностью в квалифицированных кадрах кадров и реальной их подготовкой, репрессии в среде хозяйственных руководителей, как следствие их недостаточной компетенции, изменение взаимоотношений между инженерами и рабочими в конце 1930-х гг. [15, с. 276–277]. В.Н. Парамонов особо показал проблему информационного обеспечения инженеров предприятий, НИИ, обмена опытом в военный период [15, с. 277–278]. Выводы автора статьи могут быть использованы при подготовке лекционного курса истории Отечества, а также различных спецкурсов [15, с. 280].

В другой статье В.Н. Парамонов остановился на социальном положении рабочей молодежи на предприятиях РСФСР в 1941–1945 гг. [16]. В статье автор подробно остановился на многочисленных проблемах молодых рабочих, особенно подростков, которые можно считать типичными для всех предприятий СССР военного времени, в т.ч. зарплата, охрана труда, общежития и т.п. [16, с. 154–156]. Подводя итог, В.Н. Парамонов пишет: *«В рассматриваемый период происходила ускоренная социализация юношей и девушек. В условиях дефицита рабочей силы молодежь стала одним из основных источников пополнения рабочей силы промышленных предприятий. Социальное положение рабочей молодежи в годы Великой Отечественной войны отразило в своем содержании негативное воздействие экстремальных условий военного времени: ослабление семейных связей и преемственности поколений, ограниченные возможности получения общего образования, вынужденные миграции, принудительный характер труда, прогрессирующий рост цен, падение жизненного уровня, снижение степени социальной защиты. Значительную долю молодых работников составляли те, у кого не хватало денег, чтобы “выкупить” выдаваемое по карточкам. Характерной являлась ограниченность возможностей, а зачастую их отсутствие для удо-*

влетворения самых насущных потребностей материально-бытового характера» [16, с. 157].

Выводы В.Н. Парамонова совпадают с материалами публикации А.В. Захарченко, посвященной социально-бытовому аспекту жизни рабочих авиационных заводов Поволжья в годы Великой Отечественной войны [17]. Они подтверждаются и другими материалами. Статья С.С. Букина и Р.Е. Романова, написанная на материалах Сибири, посвящена рабочим общежитиям военной поры, где сформировалась специфическая среда повседневной жизни, содержавшая элементы коллективного быта [18, с. 57], а в статье Р.Е. Романова рассматривается питание рабочей молодежи Сибири в 1941–1945 гг.

Р.Е. Романов ставил перед собой задачу выявления изменений в нормах и качестве питания, а также оценку эффективности продовольственного обеспечения молодежи [19, с. 100]. По его мнению, одной из наиболее острых бытовых проблем рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири являлись низкие нормы и качество питания. Во втором полугодии 1941–1942 гг. из-за ухудшения общей продовольственной ситуации юные труженики военных заводов потребляли небольшое количество пищи, калорийность которой не соответствовала огромной физической нагрузке на производстве. В 1943 – первом полугодии 1945 г. в связи с некоторым улучшением продовольственного обеспечения произошло повышение норм питания молодых рабочих. Вместе с тем, к концу войны его качество из-за преобладания в рационе юношей и девушек низкокалорийной растительной пищи существенно не изменилось. Следовательно, делает вывод автор, нормированное продовольственное снабжение было малоэффективным с точки зрения поддержания высокой трудовой активности рабочей молодежи. Оно лишь позволяло юным труженикам тыла балансировать на грани выживания, испытывая при этом постоянный голод [19, с. 103].

Ряд публикаций посвящены проблемам развития социальной сферы в условиях военного времени. Это, например, кандидатская диссертация Е.А. Масуфрановой [20], в которой рассматриваются аспекты развития социальной сферы железнодорожного транспорта в послевоенные годы, и статья В.А. Перцева о восстановлении социальной сферы города Воронежа в 1943–1945 гг. [21]. Оба автора обращают внимание на большой ущерб, который понесла социальная сфера России от военных действий и оккупантов в годы войны [21, с. 152]. Так, город Воронеж даже к началу 1950-х гг. еще не мог полностью избавиться от многочисленных восстановительных проблем [21, с. 153]. В.А. Перцев подчеркивает, что если создать необходимые жилищные условия оказалось реальным на протяжении достаточно короткого времени, то на преодоление катастрофических последствий в других сферах социального сектора потребовались еще многие и многие годы [21, с. 154].

Упомянем о работах Е.Ф. Кринко, И.Г. Таджиновой и Т.П. Хлыниной, посвященных повседневному миру советского человека в 1920–1940-х гг. [22] и частной жизни советского человека в условиях военного времени

(1941–1945 гг.) [23], вышедших в Ростове-на-Дону, соответственно, в 2011 и 2013 гг. Значительный их объем (более 360 страниц каждая), а также значительность проблем, освещаемых в трудах, требуют отдельного рецензирования работ ростовских авторов. Здесь отметим использование авторами таких источников, как дневники А.З. Дьякова и В.А. Лапшина (жившего на поселке Горьковского автозавода им. В.М. Молотова). Представляет значительный интерес их анализ отношения участников событий к вопросам внешней политики СССР, советской художественной литературе и другим духовным и политическим вопросам [23, с. 313–316]. Возможность их использования в спецкурсах по отечественной истории не подлежит сомнению.

Ряд аспектов этих социокультурных проблем освещались в кандидатской диссертации В.С. Плохотникова [24]. Обратим внимание на один из выводов автора: *«Важной стороной производственной повседневности было участие рабочих в политической жизни на предприятиях, том числе в деятельности первичных партийных и комсомольских организаций, являвшихся организаторами политической учебы, а также политических кампаний. Рабочие Тюмени в разных формах принимали в них участие, поддерживая внутреннюю и внешнюю политику СССР. Высокий мобилизационный эффект данных кампаний отчасти объясняется отсутствием у людей альтернативных государственных источников информации. Участие части рабочих в полит[ических]кампаниях могло отчасти обуславливаться опасением быть зачисленным во "враги народа" и носило не столько добровольный, сколько принудительный характер. Вместе с тем, основные рабочие массы испытывали доверие к своей власти, разделяли ценности существовавшей политической системы, поддерживали политику партии, были готовы к лишениям, преодолению трудностей, ударному труду, выражали готовность, в случае необходимости, встать на защиту Родины»* [24, с. 24]. Материалы диссертации В.С. Плохотникова дополняет статья В.П. Южакова, написанная на материалах предприятий Тюменской области [25].

Пионерской является статья Д.А. Ляпина, посвященная проведению кампаний по подписке на государственные займы СССР накануне Великой Отечественной войны в трудовых коллективах, автор которой использовал документы партийных организаций завода «Красное Сормово» и других судостроительных предприятий Горьковской области [26].

Отметим интерес исследователей к источникам и методам исследования развития социальной сферы советской промышленности в годы первых пятилеток, о чем свидетельствует кандидатская диссертация Л.А. Фадеева [27].

Анализируя источники, автор приходит к выводам о том, что наибольшие успехи в годы предвоенных пятилеток были достигнуты в сфере образования рабочих промышленных предприятий, где на фоне ликвидации безграмотности был значительно поднят уровень профессионально-технических знаний трудящихся [27, с. 28].

Проблемам подготовки кадров исследователями по-прежнему уделяется должное внимание. Об этом свидетельствует кандидатская диссертация М.М. Волобуевой по проблемам подготовки инженерно-технических кадров на территории Верхнего Поволжья (1928–1940 гг.), защищенная в 2016 г. [28]. Автор считает, что рабочие факультеты и ВТУЗы сыграли «исключительно положительную роль» в подготовке молодых кадров в стране в целом и в Верхнем Поволжье, в частности. Благодаря системе распределения молодых специалистов на производство предприятия всей страны могли справиться с кадровым голодом и получить подготовленных инженеров [28, с. 21–22].

Е.П. Бересневой рассматриваются проблемы развития профессионально-технического образования в Марийской АССР в 1940–1960-е гг. [29].

И.А. Калмыковым предпринята попытка историографического анализа подготовки новых рабочих на авиационных заводах СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [30]. Ему же принадлежат работы по созданию социального «портрета» выдающихся руководителей авиапрома СССР 1930–1940-х гг. [31–32].

Наконец, среди других исследований выделятся статья А.И. Полякова, в которой на основе партийных документов, хранящихся в Общественно-политическом архиве Нижегородской области (ГОПАНО) показана работа партийных органов Горьковской области с управленческими кадрами в годы Великой Отечественной войны [33]. Автор использовал опыт, накопленный исследователями истории Горьковской области, а также опубликованные и неопубликованные документы ГОПАНО, определив основные направления, достижения и проблемы кадрового обеспечения промышленности в военные годы. В частности, автор отмечает как важное направление кадровой политики партийных органов всех уровней работу с молодежью и поддержку деятельности комсомольских организаций, а также систематическую работу по повышению идейно-политического уровня и деловой квалификации работников аппарата обкома партии [33, с. 204].

Анализ историографии проблемы показывает, с одной стороны, большие возможности использования имеющихся публикаций в курсе истории Отечества, а, с другой стороны, – имеющиеся лакуны в разработке этих вопросов, о чем наглядно свидетельствует статья А.И. Полякова, которая является пока единственной работой по проблемам партийного руководства кадровой политикой в условиях однопартийной системы в СССР (на материалах Волго-Вятского региона). Это показывают и работы В.А. Сомова, который в настоящее время является единственным исследователем внеэкономических факторов мотивации трудового поведения рабочих и колхозников Волго-Вятского региона РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [34].

Источники и литература

1. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. – М., 2009.

2. Гордин А.А. Формирование и развитие промышленных кадров на советском предприятии. 1929 – середина 1960-х гг.: социокультурный аспект (на материалах Горьковского автозавода): автореф. дис. … докт. ист. наук. – Н. Новгород, 2012.

3. Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность 1917 – июнь 1941 гг. – М., 2012.

4. Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. – М., 2006.

5. Век авиастроения России. 2-е изд., доп. – М.: ОАО «Авиапром», 2012.

6. Крылья Великой Победы. Подвиг авиастроителей СССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 2015.

7. Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. – СПб., 2013.

8. Гордин А.А. Горьковский автомобильный завод. История и современность. 1932–2012. – Н. Новгород, 2012.

9. Боевые крылья Нижнего Новгорода. Горьковский авиационный завод № 21 (1932–1945 гг.) Исследования. Воспоминания. Документы / авт.-сост.: Е.И. Подрепный, Е.П. Титков, И.А. Калмыков. – Н. Новгород, 2017.

10. Гордин А.А., Дорожнова И.А., Сухонина Ю.В. Завод «Красный якорь». 120 лет истории. – Н. Новгород, 2018.

11. Социальные проблемы новых рабочих в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие. – Н. Новгород, 1997.

12. Серебрянская Г.В. Промышленность Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х – первой половине 40-х годов: автореф. дис. … докт. ист. наук. – Н. Новгород , 1998.

13. Колчанова Ю.С. Жизненные миры советских инженеров в 1930-е гг. (по материалам оборонных заводов Западного Урала): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2018.

14. Горячкина М.О. Об особенностях повседневной жизни иркутских рабочих в 30–40-е гг. XX века (на примере Иркутского авиазавода) // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – № 4 (63). – С. 313–318.

15. Парамонов В.Н. Инженерный прорыв в советской промышленности в 1941–1945 гг. // Проблемы изучения военной истории: сборник статей III Всероссийской научной конференции с международным участием. – Самара, 2015. – С. 275–281.

16. Парамонов В.Н. Социальное положение рабочей молодежи на предприятиях РСФСР в 1941–1945 годах // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 4. – История. – 2015. – № 4 (34). – С. 150–158.

17. Захарченко А.В. Социально-бытовой аспект жизни рабочих авиационных заводов Поволжья годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 81–86.

18. Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочие общежития военной поры (1941–1945 гг.) // Опыт решения жилищных проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск, 2016. – С. 57–80.

19. Романов Р.Е. Питание рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в условиях военного лихолетья (1941-1945) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Том 11. Выпуск 8. История. 2012. – С. 100–103.

20. Масуфранова Е.А. Развитие социальной сферы отечественного железнодорожного транспорта в 1945–1965 гг. (по материалам Курской области): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Тамбов, 2017.

21. Перцев В.А. Восстановление социальной сферы города Воронежа в 1943–1945 годах // Вестник Воронежского университета. Серия: История, Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 151–155.

22. Кринко Е.Ф., Таждинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов-на-Дону, 2011.

23. Кринко Е.Ф., Таждинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). – Ростов-на-Дону, 2013.

24. Плохотников В.С. Производственная повседневность рабочих г. Тюмени в годы первых советских пятилеток (октябрь 1928 – июнь 1941 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Тюмень, 2018.

25. Южаков В.П. Мобилизационные процессы в промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны (на примере предприятий Тюменской области) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2016. – № 1. – С. 147–155.

26. Ляпин Д. А. «Добровольно-принудительно». Проведение кампаний подписки на государственные займы СССР накануне Великой Отечественной войны (по партийным документам судостроительных заводов города Горького) // Клио. – 2017. – № 11 (131). – С. 38–41.

27. Фадеев Л.А. Развитие социальной сферы машиностроительных предприятий в годы первых пятилеток (источники и методы исследования): автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2013.

28. Волобуева М.М. Подготовка инженерно-технических кадров на территории Верхнего Поволжья (1928-1940 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Иваново, 2016.

29. Береснева Е.П. Исторические и социальные предпосылки становления и развития профессионально-технического образования в Марийской АССР в 1940–1960-е годы // Вестник Марийского государственного университета. – 2018 – Т. 13. – № 1. – С. 25–34.

30. Калмыков И.А. Подготовка новых рабочих на авиационных заводах СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: опыт историографии // Клио. – 2015. – № 2 (98). – С. 79–81.

31. Калмыков И.А. «Грозные годы»: директорский корпус самолетостроительных заводов СССР на рубеже 1930–1940-х гг. в исследованиях и воспоминаниях // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. / НГТУ им. Р.Е. Алексеева. – Н. Новгород, 2016. – С. 8–14.

32. Калмыков И.А. Сталинский авиапром: «портрет» руководителя на материалах Горьковской области // Псковский исторический вестник. Выпуск 3. – С. 165–170.

33. Поляков А.И. Работа партийных органов Горьковской области с управленческими кадрами в годы Великой Отечественной войны // Власть. – 2016. – № 12. – С. 200–205.

34. Сомов В.А. Внеэкономические факторы мотивации трудового поведения рабочих и колхозников Волго-Вятского региона Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. … докт. ист. наук. – Н. Новгород, 2009.

УДК 947.085

ПРОИЗВОДСТВО ТАНКОВ Т-34 НА ЗАВОДАХ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

PRODUCTION OF T-34 TANKS AT THE FACTORIES OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: EXPERIENCE OF MODERN HISTORIOGRAPHY

П.В. Пустырев

P.V. Pustyrev

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра истории и политики России, соискатель ученой степени кандидата исторических наук

603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

E-mail: pavel_73_73@mail.ru

Аннотация. В статье сделана попытка анализа направлений современной отечественной историографии танка Т-34 – главного танка Великой Отечественной войны на заводах СССР. Основное внимание уделено проблеме организации производства, особенно в первом периоде Великой Отечественной войны, развития технологии и модернизации машины, в первую очередь, на заводе № 112 «Красное Сормово».

В работе рассмотрены труды ведущих российских авторов, занимающихся историей танкостроения.

Ключевые слова: историография; организация; проблемы; производство; танки.

Summary. The article contains an attempt of the analyses of the tendencies of contemporary Russian historiography of T-34 tank – the main tank of the Great Patriotic War of the USSR plants. The main attention is given to the problem of its production organization, especially in the first period of the Great patriotic War, as well as to the technology and modernization of the machine primarily at the plant 112 “Krasnoye Sormovo”.

The article considers the works of head Russian authors who study the history of the tanks building.

Key words: historiography; organization; problems; production; tanks.

Тема массового производства танков Т-34 на предприятиях Советского Союза в годы Великой Отечественной не является новой для отечественной историографии. Из достижений советского периода можно назвать публикацию воспоминаний военного инженера А.А. Ветрова, назначенного 24 июля 1941 г. уполномоченным Государственного Комитета Обороны по Сталинградскому тракторному заводу наркомата среднего машиностроения по производству Т-34 [1, с. 44–58]. Применительно к производству Т-34 в Горьковской области можно назвать воспоминания бывшего директора завода «Красное Сормово» Е.Э. Рубинчика [2] и его главного металлурга Н.Н. Смелякова [3].

Необходимо особо выделить работу В.А. Чалмаева о жизни и деятельности выдающегося государственного деятеля Вячеслава Александровича Малышева, в годы войны возглавившего Наркомат танковой промышленности СССР [4]. На сегодняшний день это единственная документальная био-

графия В.А. Малышева. Автор уделил большое внимание организации производства Т-34 – массового танка Красной Армии [4, с. 148–152, 191–193].

Отметим ограниченность публикаций советского периода, вызванных идеологическими причинами. Так, в справочнике «Горьковчане в Великой Отечественной войне» [5, с. 176–177] информация о танковом производстве сводится к перечню достижений сормовичей в этой области, развитию соцсоревнования и стахановского движения, движению фронтовых бригад.

«Архивная революция» и последующее развитие отечественной историографии расширило ареал поиска исследователей истории военного производства. Так, в сборнике «Забвению не подлежит» появились подробности о выпуске «тридцатьчетверок» на Сормовском заводе, кооперации в их производстве [6, с. 262, 289, 294, 296, 297, 300, 303, 307].

Интерес к теме танкового производства в военное время не ослабевает и в начале XXI века [См., например: 7; 8]. Отметим, что из биографий организаторов танкового производства в 2000-е гг. появилась только одна – жизнеописание Героя Социалистического Труда Бориса Глебовича Музрукова [См.: 9, с. 98–121]. В работе Н.Н. Богуненко приводятся подробности освоения технологии штамповки башен Т-34 на заводе «Уралмаш». Уместно отметить, что немецкие танкостроители освоили в конце войны литье башен, но не их штамповку [9, с. 107].

Ряд неизвестных подробностей производства танков Т-34 приводят авторы биографии Николая Алексеевича Кучеренко, одного из создателей прославленной машины, его дочь Л.Н. Васильева и И.Г. Желтов, известный историк бронетанковой техники [10, с. 65–85].

Можно подвести некоторые итоги изучения истории производства танков Т-34 в 1941–1945 гг. в отечественной историографии.

Во-первых, появилась литература, непосредственно посвященная танку Т-34 [См.: 11–16]. Наиболее крупной работой стала книга М.В. Коломийца, в которой автор рассмотрел особенности производства танковТ-34 на различных заводах СССР. Например, в отдельной главе раскрыта организация выпуска Т-34 на Сталинградском тракторном заводе в 1940–1942 гг. [13, с. 160–201]. Автор остановился и на проблемах организации производства танков на заводе «Красное Сормово», используя документы и фотоматериалы Центрального архива Нижегородской области [13, с. 202–209]. М.В. Коломиец весьма подробно освещает технические детали танкового производства на изучаемых заводах, эти материалы богато иллюстрированы схемами, чертежами и фотографиями. Применительно к выпуску Т-34 на заводе № 112 необходимо отметить, что автор остановился и на проблемах кооперации Сормовского завода с другими предприятиями Горьковской области и страны. Например, он одним из первых сообщил о производстве литых башен на Кулебакском металлургическом заводе [13, с. 209]. Без цитируемого труда М.В. Коломийца невозможно объективное освещение проблем, связанных с историей танка Т-34.

Работы М.Н. Свирина рассматривают историю танка Т-34 на фоне истории советского танкостроения в целом [14; 15]. М.В. Свирин неоднократно цитирует документы (в отрывках или целиком) 1940-х гг., касающиеся производства танков, в том числе Т-34 в СССР [См., например: 14, с. 246–249]. В его трудах раскрывается формирование системы выпуска танков в структуре вновь организованного Наркомата танковой промышленности [14, с. 276–278]. Что касается Т-34 образца 1941 г., то в главе 5.6 М.Н. Свирин ставит вопрос: *«Т-34 – средний или средненький?»* [14, с. 296-306]. В этой же главе раскрываются проблемы организации и налаживания технологии производства танка Т-34 на заводах Наркомата танковой промышленности (НКТП) № 183 и на Сталинградском тракторном заводе (СТЗ) [14, с. 296–298]. Эти материалы, а также материалы М.В. Коломийца, позволяют проводить сравнительный анализ типичных проблем этих танкостроительных заводов с заводом «Красное Сормово», тем более, что броневое производство для Т-34 на СТЗ было ориентировано на мощности завода № 264 (Сталинградская судоверфь в Сарепте). Здесь, в Сталинграде, также имелись большие трудности с литейными цехами, которые на обоих заводах были оборудованы малыми ковшами, не позволявшими отливать башню Т-34 за раз и недостаточно развитый формовочный участок (при полном отсутствии качественных песков) [14, с. 302–303].

Из работы М.В. Свирина видно, что двигатели М-17Т до весны 1942 г. устанавливались на танки Т-34 производства СТЗ; кроме того, из книги «Броневой щит Сталина» следует, что проблема кооперации была типичной для всех танковых заводов СССР первого периода Великой Отечественной войны. Примером служит производство танковых башен [14, с. 379–382].

Повествуя о производстве танков на заводе «Красное Сормово», автор выделяет тот факт, что здесь было выпущено наибольшее количество Т-34 с двигателем М-17: в 1941 г. – 151 машин и в 1942-м – еще 541 танк [14, с. 383]. Во-вторых, именно сормовские танки, по распоряжению наркома В.А. Малышева, стали получать дополнительное бронирование лба и бортов корпуса листами брони высокой твердости толщиной 15–20 мм. М.В. Свирин отмечает также, что весной 1942 г. *«вдруг обнаружилось, что вообще Т-34, выпускаемые разными заводами, весьма слабо сопрягаются друг с другом по оборудованию. Не раз случалось так, что в ходе ремонта технике, поврежденной в боях под Москвой, не удавалось устанавливать башню Т-34 выпуска одного завода на корпус другого. Это известие вызвало гнев И. Сталина, который приказал "разобраться немедленно"»* [14, с. 385]. Автор также перечисляет изменения конструкции танка Т-34 выпуска завода № 112 в январе-августе 1942 г. [14, с. 387–388].

Примерно те же факты перечисляет М.Б. Барятинский в своей работе «Т-34 в бою», уделяя большое внимание критике советской историографии по вопросу о танковом производстве в СССР в 1941–1942 гг. [11, с. 221–229]. Автор делает вывод, что *«по бездарности применения 1942 год можно считать для Т-34 наиболее трудным. Непростым он выдался и с точки зрения*

качества боевых машин. Пожалуй, никогда до и никогда после рейтинг "тридцатьчетверки" не опускался так низко. Качество изготовления танков было настолько плохим, что стало серьезно сказываться на боеспособности танков и танковых частей. Именно в 1942 году в основном отмечались многочисленные отказы танкистов идти в бой на Т-34. Экипажи портили исправные танки как могли. Впрочем, и без того порядка 50% парка "тридцатьчетверок" постоянно нуждались в ремонте, причем отнюдь не по причине боевых повреждений!» [11, с. 258].

В другой работе М.Б. Барятинский рассматривает вопросы совершенствования танка Т-34 в разные периоды войны. Он отмечает, что технология, разработанная заводом № 112, использовалась на СТЗ и на заводе № 264 при изготовлении упрощенной башни и бронекорпуса [12, с. 27]. В работе также рассматривается процесс преодоления «кризиса надежности» 1942 года на заводах НКТП СССР [12, с. 35–38].

Вторым направлением современной историографии проблемы стало исследование работы танковой промышленности СССР военного периода в целом и управления ее, в частности. Единственной монографией на сегодня является труд А.Ю. Ермолова [16]. Он развивает направление, начатое М.С. Симоновым [17] и И.В. Быстровой [18]. Обширный материал монографии А.Ю. Ермолова заслуживает отдельного ее рассмотрения.

Третьим направлением можно считать изучение отдельных аспектов проблемы. Это можно показать на примере двух таблиц, опубликованных в 2000-е гг. В труде «"Красное Сормово": Завод и люди» [19, с. 249] приводятся данные о производстве Т-34 на заводе в 1941–1945 гг. (без указания источников).

Таблица 1

Количество выпущенных машин Т-34 на заводе «Красное Сормово»*

1941 г.	**1942 г.**	**1943 г**	**1944 г.**	**1945г.**	**Кап. ремонт**	**Восстановительный ремонт**	**Всего**
173	2.584	2.962	3.169	2.700	965	832 / 42	12.038 / 1.839

* «Красное Сормово»: Завод и люди. – Н. Новгород, 2006. – С. 249.

В то же время последний советский премьер-министр Н.И. Рыжков [20] приводит несколько отличные сведения, обратив внимание на то, что завод «Красное Сормово» занял второе место в стране по выпуску прославленной «тридцатьчетверки» (также без ссылок на источники).

Это наглядно показывает еще одну особенность большинства современных публикаций по проблеме: ведущие авторы – историки танкостроения – не особенно утруждают себя оформлением научного аппарата. Исключением является монография А.Ю. Ермолова.

Таблица 2

Производство танков Т-34 в годы войны (количество единиц)*

Заводы	**1941 г.**	**1942 г.**	**1943 г.**	**1944 г.**	**1945 г.**	**Всего**
183 (Харьков)	1.560					**1560**
183 (Нижний Тагил)	25	5.684	7.466	8.421	3.255	**26.952**
112 (Горький**)**	161	2.718	2.851	3.619	1.940	**12.604**
174 (Омск)	-	417	1.347	2163	1940	**5867**
СТЗ (Сталинград)	1.250	2.520	-	-	-	**3.770**
ЧКЗ (Челябинск)	-	1.055	3.594	445	-	**5.867**
Уралмаш (Свердловск)	-	267	452	-	-	**719**
Всего	**2.996**	**12.661**	**15.710**	**14.648**	**12.551**	**58.681**

***** Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. – М., 2011. – С. 360.

Важность этого направления можно проиллюстрировать также на примере самой крупной модернизации танка Т-34 – создании машины Т-34-85. М.В. Свирин, характеризуя развитие отечественного танкостроения в период осени-зимы 1943–1944 гг., ставит вопрос так: *«качество или количество»* [15, с. 141–155]. Историк отмечает, что к началу 1944 г. завод уже не считался худшим по качеству выпускаемых Т-34. «Пальма первенства» в этом весьма сомнительном достижении отныне перешла к заводу № 174 в г. Омск [15, с. 145]. Поскольку модернизация танка была довольно широко известна с советских времен, отметим специальную работу И. Мощанского, посвященную первым танкам этой модели [21]. Автор подробно разбирает процесс подготовки к запуску в серию новой боевой машины. В частности, для организации серийного производства танка Т-34-85 и премирования наиболее отличившихся рабочих и ИТР в проекте постановления предусматривалось до 1 января 1944 г. выделить из резервного фонда Совнаркома СССР в распоряжение НКТП 3 млн рублей. Для исследователя также интерес представляет материал о вооружении танка пушкой Д-5Т калибра 85 мм. Автор пишет, что пушка Д-5Т изначально проектировалась для установки в тяжелый танк и поэтому не в полной мере отвечала массогабаритным требованиям, предъявляемым к пушкам для средних танков [21, с. 15–18].

И. Мощанский подробно излагает проблемы с новой пушкой, которые в итоге вынудили начать разработку нового орудия для «тридцатьчетверки» – 85-мм пушки ЗиС-С-53 [21, с. 17–20].

Из работ М.В. Свирина и М.Б. Барятинского видно, почему изготовление новой машины было поручено именно заводу «Красное Сормово». М.В. Свирин обращает внимание на проблемы со станочным парком на заводе № 183 – крупнейшем производителе Т-34 в стране. К 1944 г. на нем не имелось карусельного станка, который мог бы обрабатывать зубчатый венец новой башни. Из предприятий НКТП такие станки имелись лишь на Уральском заводе тяжелого машиностроения (УЗТМ) и заводе № 112. Но поскольку «Уралмашзавод» был загружен программой выпуска танка ИС, надеяться на него в плане выпуска Т-34 не приходилось. Новые карусельные станки

были заказаны в Великобритании (фирма «Лоудон») и США («Лодж»), но их прибытие ожидалось только в январе-феврале 1944 г. Таким образом, первым предприятием, которое должно было осваивать Т-34-85, стал горьковский завод № 112 [15, с. 144].

М.Б. Барятинский рассматривает проблему на фоне изучения поставок бронетанковой техники в СССР по ленд-лизу. Автор подробно изложил ситуацию со станочным парком на заводах Советского Союза, в том числе танковых, пришел к выводу, что *«не получи завод № 183 импортные карусельные станки, не вышли бы из его ворот новые танки. Вот и получается, что по совести говоря, нужно 10 253 танка Т-34-85, выпущенных нижнетагильской "вагонкой" до конца войны, приплюсовать к ленд-лизовским поставкам бронетехники»* [22, с. 274–275].

Наконец, еще одним перспективным направлением является региональное: изучение пролизводстваТ-34 в Горьковской области. К настоящему времени эта проблема рассматривалась в работе «"Красное Сормово": завод и люди», подготовленной коллективом ветеранов и журналистов предприятия на основе материалов Музея истории и трудовой славы завода [19]. В то же время, отметим, что большая часть этих материалов [19, с. 244–249] дублирует текст книги «История «Красного Сормова», выпущенной в 1969 г. [23, с. 402–418].

Значительно более информативной является глава в труде нижегородских историков М.Н. Вдовина и А.М. Горевой [24, с. 21–39]. Подчеркнем, что труд основан на документах ЦАНО, снабжен научным аппаратом, и к настоящему времени является наиболее полной работой, освещающей проблему на региональном уровне.

В сборник, подготовленный Е.И. Подрепным и Е.П. Титковым, вошел ряд материалов из фондов Музея истории и трудовой славы завода «Красное Сормово», в частности, Г.П. Хрящева и В.В. Московкина [25, с. 377–520]. Необходимо иметь в виду, что эти воспоминания написаны в 1970-е – 1980-е гг. и несут отпечаток той эпохи, славной и трудной.

Попыткой комплексного использования государственных и партийных документов является статья Е.И. Подрепного о начале выпуска танков Т-34 на заводе № 112 в 1941 г. [8].

Крупной лакуной в изучении танкового производства в Горьковской области является кооперация предприятий региона при производстве танков. В литературе по истории предприятий она отражена слабо. Примером могут служить очерки истории завода «Двигатель революции». Авторы истории предприятия ограничились кратким сообщением: *«По решению Горьковского обкома партии завод был определен в качестве одного из смежников сормовичей по выпуску деталей и узлов для танков Т-34. Во 2-м механическом цехе был создан участок по производству коробок скоростей для сормовских танков Т-34»* [26, с. 84]. Далее авторы пишут, что в связи с частичным разрушением 2-го цеха (во время налета авиации противника – ***П.П.***)

изготовление деталей и узлов к сормовским танкам было передано станкозаводу [26, с. 90].

Несколько более подробно изложен в работах историков Нижегородской области вклад в создание Т-34 машиностроителей города Выксы [27, 28].

Таким образом, проблема истории отечественного танкостроения в 1941–1945 гг. требует привлечения новых рассекреченных источников, в том числе, на региональных уровнях. Это в полной мере относится и к производству танков Т-34 в Горьковской области.

Источники и литература

1. Ветров А.А. Так и было. – М., 1982.
2. Рубинчик Е.Э. Бастион рабочей славы // Во имя победы. – Горький, 1976. – С. 98–113.
3. Смеляков Н.Н. Сормовская «тридцатьчетверка» // Во имя победы. – Горький, 1976. – С. 138–152.
4. Чалмаев В.А. Малышев. – М., 1981.
5. Горьковчане в Великой Отечественной войне. Словарь-справочник / сост. В.П. Киселев, Л.Г. Чандырина. – Горький, 1990.
6. Забвению не подлежит: Страницы нижегородской истории (1941–1945 годы). Кн. 3 / сост. Л.П. Гордеева, В.А. Казаков, В.П. Киселев, В.В. Смирнов. – Н. Новгород, 1995.
7. Рябов Я. Из истории бронетанковой промышленности // Защита и безопасность. – 2014. – № 3. – С. 35–37.
8. Подрепный Е.И. Выполняя решение Государственного Комитета Обороны // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 5. – С. 56–58.
9. Богуненко Н.Н. Музруков. – М., 2005.
10. Васильева Л.Н., Желтов И.Г. Николай Кучеренко. Пятьдесят лет в битве за танки СССР. – М., 2009.
11. Барятинский М.Б. Т-34 в бою. – М., 2008.
12. Барятинский М.Б. Т-34. Лучший танк Второй мировой. – М., 2007.
13. Коломиец М.В. Т-34. Первая полная энциклопедия. – М., 2009.
14. Свирин М.Н. Броневой щит Сталина. История советского танка. 1937–1943. – М., 2006.
15. Свирин М.Н. Стальной кулак Сталина. История советского танка. 1943–1955.– М., 2006.
16. Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: Танковая промышленность. – СПб., 2013.
17. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление – М., 1996.
18. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). – М., 2006.
19. «Красное Сормово»: Завод и люди. – Нижний Новгород, 2006.
20. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. – М., 2011.
21. Мощанский И. Т-35-85. Советский средний танк. Ранние версии завода № 112. Военная летопись. Серия «Бронетанковый музей» Выпуск 10. – М., 2006.
22. Барятинский М.Б. Танки ленд-лиз в бою. – М., 2009.
23. История Красного Сормова. – М., 1969.

24. Вдовин М.Н., Горева А.М. Все для Победы! (Очерки истории оборонной промышленности Горьковской области. 1930–1945 гг.). – Н. Новгород, 2010.

25. Подрепный Е.И. Сормовский завод – мастерская и арсенал России (1849–1945 гг.). Исследования. Воспоминания. Документы / авт.-сост. Е.И. Подрепный. Е.П. Титков. – Н. Новгород, 2016.

26. Горьковский дизельный: Очерки истории завода «Двигатель революции». – М., 1985.

27. Быкова Н.В., Крикунов А.В., Солнышкин И.А. Выксунский завод дробильно-размольного оборудования в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Нижегород. гос. тех. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2016. – С. 40–42.

28 Горынцев А.П. Выксунские машиностроители – фронту // Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет: материалы научно-практической конференции (18–19 апреля). Часть II. – Н. Новгород, 1995. – С. 103–110.

УДК 930.2

РАЗВИТИЕ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ АВИАЦИОННЫХ ЗАВОДОВ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

DEVELOPMENT OF THE LABOR TEAMS OF THE AVIATION FACTORIES OF THE GORKY REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: EXPERIENCE OF MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

А.Д. Гребенникова

A.D. Grebennikova

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, студентка

603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

E-mail: ann_grebennikova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется состояние современной историографии трудовых коллективов авиационных заводов Горьковской области в период Великой Отечественной войны. Сделана попытка сравнительного анализа регионального и общероссийского аспекта проблемы.

Ключевые слова: авиационная промышленность; историография; кадры; проблема.

Summary. The article analyzes the state of the modern historiography of labor collectives of aircraft factories in the Gorky region during the Great Patriotic War. An attempt has been made to make a comparative analysis of the regional and all-Russian aspects of the problem.

Key words: aviation industry; historiography; personnel; problem.

За последние 10–15 лет в отечественной историографии советской авиационной промышленности периода Великой Отечественной войны произошли крупные изменения. Во-первых, тенденция публикации региональ-

ных сборников, посвященных истории военно-промышленного комплекса СССР и его областей в 1941–1945 гг. [1; 2], а также отдельных оборонных предприятий [3].

Например, в сборнике, подготовленном самарскими исследователями в 2005 г., как продолжение аналогичных публикаций 1966, 1995 и 2000-х гг., трудовым коллективам авиационных заводов Куйбышевской области отведено видное место. Документы № 7 и № 20 посвящены развитию транспортной инфраструктуры, соединяющей город с рабочим поселком заводов НКАП [1, с. 20, 34], документ № 8 – строительству жилья для работников эвакуированных заводов [1, с. 21]. Документ № 52 представляет выдержку из протокола совместного рассмотрения ВЦСПС и НКАП СССР итогов Всесоюзного соцсоревнования работников авиапрома за октябрь 1942 г. [1, с. 69], а № 66 – аналогичный документ за ноябрь 1943 г. [1, с. 82–83]. Отметим, что в сборнике по истории Горьковского авиазавода № 21 им. С. Орджоникидзе [3] аналогичные документы за период Великой Отечественной войны отсутствуют.

Сборник документов по истории научно-исследовательских организаций СССР, подготовленный также в Самаре, впервые открывает для исследователей многие документы, отражающие процесс их эвакуации на Урал, в Сибирь, Поволжье и Среднюю Азию в 1941–1942 гг.

История вклада НИИ, прежде всего, отраслевых, в укрепление и развитие военно-экономического потенциала Советского Союза в 1941–1945 гг. к настоящему времени освещена еще недостаточно полно. И даже «архивная революция» 1990-х гг. ненамного улучшила ситуацию [2, с. 5]. Большой интерес представляет документ, регламентировавший порядок вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества от 27 июня 1941 г. и приказ № 1072сс наркома авиационной промышленности СССР А.И. Шахурина об эвакуации имущества и оборудования подведомственных организаций [2, с. 30–32]. Отметим, что в труде М.Ю. Мухина, посвященном истории советского авиапрома в годы Великой Отечественной войны, в разделе «Эвакуация. Чудо экспромтом» эти документы не упоминаются [4, с. 62–98].

К 70-летию Великой Победы ОАО «Авиапром» выпустило уникальное издание, в подготовке которого приняли участие коллективы ведущих научных и производственных предприятий и организаций авиационной промышленности России, Узбекистана и Украины, отраслевые вузы, писатели-историки отечественного авиастроения [5]. Среди них – нижегородские предприятия ОАО «Нижегородский авиастроительный завод «Сокол» [5, с. 206–211], ОАО «Гидроагрегат» [5, с. 345–348], ОАО «Гидромаш» [5, с. 355–363], ОАО «Производственно-конструкторское объединение «Теплообменник» [5, с. 417–422].

Эти материалы, как правило, представляют собой краткое изложение ранее публиковавшихся трудов по истории их трудовых коллективов. Примером может служить раздел по истории Нижегородского авиационного завода № 119 (ныне ОАО «Гидромаш»), заимствованный из монографии «От

кареты до ракеты» [6, с. 111–140]. В результате исследователи *впервые* получили в свое распоряжение труд, в котором объединены материалы по истории предприятий отечественного авиапрома времен Великой Отечественной войны.

Как на этом фоне выглядят работы нижегородских исследователей?

Крупнейшей публикацией по проблеме стал сборник «Боевые крылья Нижнего Новгорода» [3], который является логическим продолжением работы Е.И. Подрепного и Е.П. Титкова «Нижегородский арсенал Великой Победы», где имеется раздел, посвященный авиазаводу им. С. Орджоникидзе [7, с. 407–583]. Сборник включает: краткий очерк истории завода № 21 (1932–1945 гг.); некоторые статистические данные за тот же период; воспоминания работников авиапрома; государственные и партийные документы, отражающие различные стороны деятельности трудового коллектива в 1932–1945 гг.; статьи из газеты «Ворошиловец».

Наиболее полно в сборнике представлены документы и материалы, относящиеся к первому периоду Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 гг.). Следует выделить стенограммы партийно-хозяйственных активов, начиная с 1941 г., материалы проверки деятельности предприятия вышестоящими государственными органами в начале 1942 г., а также протоколы заседаний партийного комитета завода. Большинство из них вводится в научный оборот впервые. Они позволяют объективно оценить различные факторы, которые влияли на развитие производственно-технической базы предприятия и его трудового коллектива. Весьма полезными представляются и статьи многотиражной газеты завода, в которых отражены вопросы подготовки кадров, бытовые и социальные проблемы заводчан. В то же время, отметим неравномерность освещения ряда вопросов в проблемно-хронологическом плане. Целесообразна подготовка следующего издания данного труда с включением в него документов по истории коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и ее завершающего периода, особенно документов Государственного общественно-политического архива Нижегородской области, рассекреченных в 2017 г.

В статьях, опубликованных в 2000-е гг., отражены различные аспекты жизни трудовых коллективов авиационных заводов Горьковской области. Их условно можно разделить на работы общего плана, статьи, посвященные определенному периоду развития предприятия [например: 8–9], производственным вопросам [10–12], а также историографические публикации [13–14].

Среди «производственных» публикаций необходимо выделить работы, посвященные вопросам качества выпускаемой продукции, поскольку именно эти проблемы в годы войны были наиболее трудными для отечественного авиапрома [15–16].

Нижегородскими историками уже несколько десятилетий разрабатывается тема кадровых проблемы отечественной промышленности [см., например: 17–19]. Историография данной проблемы также пополнилась [20–22].

Можно выделить и новые направления этой тематики. Во-первых, это разработка темы руководящих кадров советского авиапрома [23]. При этом необходимо выделить статьи И.А. Калмыкова, посвященные историографии проблемы [24], а также написанные на основе впервые введенных в научный оборот документов [25]. Кроме того, нижегородскими авторами начали разрабатываться новые направления работы с кадрами в годы войны, например, проблема организации всевобуча авиационных кадров [26].

В то же время ряд направлений истории трудовых коллективов нуждаются в дальнейшей разработке. Сюда можно отнести организацию обучения молодых рабочих, проблему производственной и трудовой дисциплины, а также ряд других. Таким образом, данное направление историографии попрежнему сохраняет свою актуальность.

Источники и литература:

1. Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов. – Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский дом печати», 2005. – 303 с.

2. Вклад в Победу научно-исследовательских организаций СССР 1941–1945 гг.: сб. документов: в 3 т. Т. 1: Эвакуация 1941–1942 / сост. Л.Ю. Покровская, В.Н. Парамонов, О.Н. Солдатова (отв. сост.), М.К. Сурнина. – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2016. – 688 с.

3. Боевые крылья Нижнего Новгорода. Горьковский авиационный завод № 21 (1932–1945 гг.). Исследования. Воспоминания. Документы / авт.-сост. Е.И. Подрепный, Е.П. Титков, И.А. Калмыков. – Н. Новгород: ННГУ, 2017. – 578 с.

4. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. – М.: Вече, 2011. – 352 с.

5. Крылья Великой Победы. Подвиг авиастроителей СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: ОАО «Авиапром», 2015. – 544 с.

6. Карпенко В.Ф., Козлова Л.Е., Нелидов Г.Л., Харламов В.А.От кареты до ракеты: Очерки истории Нижегородского открытого акционерного общества «Гидромаш» (1805-2005) / под ред. В.И. Лузянина. – Н. Новгород, 2005. – 288 с.

7. Подрепный Е.И., Титков Е.П. Нижегородский арсенал Великой Победы. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2013. – 587 с.

8. Подрепный Е.И. Павловский завод воздушных винтов № 467: период становления // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XI Региональной научно-практической конференции (24 декабря 2013 г.) Выпуск X / под общ. ред. В.И. Грубова – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 153–159.

9. Подрепный Е.И., Рябинина С.И. Завод «Теплообменник»: первый год на нижегородской земле // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник документов XIII Региональной научно-практической конференции (3 декабря 2015 г.). Выпуск XII /под общ. ред. В.И. Грубова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – С. 110–118.

10. Краснов А.А. Выпуск народнохозяйственной продукции на заводах авиационной промышленности СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Рождественский сборник. Выпуск XXI / под общ. ред. директора Ковровского историко-мемориального музея Моняковой О.А.; сост. Зудина И.Н, Монякова О.А. – Ковров – Шуя: ПолиЦентр, 2016. – С. 176–181.

11. Подрепный Е.И. Внедрение поточно-конвейерного метода производства на авиационных заводах СССР в период Великой Отечественной войны // Сборник материа-

лов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященный 70-годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне (Омск, 2015) / отв. ред. М.Н. Шевченко. – Омск: Изд-во ОмГМУ, 2015. – С. 68–75.

12. Подрепный Е.И. Топливные проблемы предприятий авиационной промышленности и пути их решения в 1941–1945 гг. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XII Региональной научно-практической конференции (4 декабря 2014 г.). Выпуск XI / под общ. ред. В.И. Грубова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2015. – С. 160–166.

13. Краснов А.А. Движение рационализаторов и изобретателей на авиационных заводах СССР в период Великой Отечественной войны: опыт историографии // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2015. – С. 223–228.

14. Подрепный Е.И. Внедрение поточного метода производства на авиационных заводах как один из факторов экономической победы СССР в Великой Отечественной войне: Опыт историографии // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2015. – С. 316–319.

15. Подрепный Е.И. Проблема качества в работе авиационных заводов СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам архивов Нижегородской области // Великая Отечественная. К 70-летию народной Победы: материалы международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных в архивах. Проблемы изучения и публикации». Москва, 15 апреля 2015 г. – М., 2015. – С. 655–667.

16. Подрепный Е.И. Проблема качества в работе советской авиапромышленности в 1941–1942 гг. (на материалах Горьковской области) // Рождественский сборник. Выпуск XXI / под общ. ред. директора Ковровского историко-мемориального музея Моняковой О.А.; сост. Зудина И.Н, Монякова О.А. – Ковров – Шуя: ПолиЦентр, 2016. – С. 12–18.

17. Социальные проблемы новых рабочих в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие / сост. В.И. Белоус, Л.Е. Таланова. – Н. Новгород: ННГУ, 1997. – 28 с.

18. Серебрянская Г.В. Промышленность Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х – первой половине 40-х годов: автореф. дис. … доктора ист. наук. – Н. Новгород, 1998. – 50 с.

19. Горева А.М. Вклад инженерно-технической интеллигенции Горьковской области в победу над фашистской Германией: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Н. Новгород, 1998. – 21 с.

20. Краснов А.А. Кадровые и социальные проблемы авиационных заводов Горьковской области в конце Великой Отечественной войны // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. – Н. Новгород, 2016. – С. 50–55.

21. Краснов А.А. Молодые кадры советского авиапрома накануне и после Великой Победы (1944–1946 гг.) (по материалам архивов Нижегородской области) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник статей участников XIV Региональной научно-практической конференции (1 декабря 2016 г.). Выпуск XIII / отв. ред. В.И. Грубов, науч. ред. А.Р. Панов. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – С. 161–166.

22. Подрепный Е.И. Кадровые проблемы новых заводов авиационной промышленности СССР накануне и в первый период Великой Отечественной войны (на материалах

Горьковской области) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 1. Актуальные проблемы отечественной истории историографии. – С. 117–123.

23. Подрепный Е.И. Сурен Иванович Агаджанов – директор авиационного завода № 21 // Книга памяти. Т. 19: Дополнительные списки по районам г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области. – Н. Новгород, 2017. – С. 103–108.

24. Калмыков И.А. «Грозные годы»: директорский корпус самолетостроительных заводов СССР на рубеже 1930–1940-х гг. в исследованиях и воспоминаниях // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. – Н. Новгород, 2016. – С. 8–14.

25. Калмыков И.А. «Или я, или он»: опыт разрешения трудовых конфликтов на советских оборонных предприятиях в условиях военного времени (по документам Павловского завода № 467) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник статей участников XIV Региональной научно-практической конференции (1 декабря 2016 г.). Выпуск XIII / отв. ред. В.И. Грубов, науч. ред. А.Р. Панов. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – С. 156–160.

26. Калмыков И.А., Подрепный Е.И. Всеобуч на авиастроительных заводах СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Горьковской области) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – Вольск, 2016. – № 10. – С. 66–72.

УДК 93/94

СОЮЗНЫЕ ПОСТАВКИ В СССР БРОНЕТАНКОВОЙ ТЕХНИКИ В 1941–1945 гг.: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ALLIED SUPPLIES TO THE SOVIET UNION OF ARMORED VEHICLES IN 1941-1945: EXPERIENCE OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Д.С. Бажанова

D.S. Bazhanova

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, студентка

603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

E-mail: dashkabazhanova@mail.ru

Аннотация. В статье сделана попытка краткого анализа основных источников и публикаций отечественной историографии, посвященных союзным поставкам в СССР бронетанковой техники в 1941–1945 гг. Предпринята попытка классификации главных публикаций научного и научно-популярного характера. Основное внимание автор уделила первому, наиболее трудному периоду истории Великой Отечественной войны, когда поставки танков из Великобритании, а затем из США сыграли свою роль в срыве планов гитлеровского командования по разгрому Советского Союза в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: бронетанковая техника; историография; ленд-лиз; поставки; союзники.

Summary. The article attempts to analyze briefly the main sources and publications of Russian historiography devoted to the allied supplies of armored vehicles to the USSR in 1941-1945. An attempt was made to classify the main scientific and popular science publications. The author focused on the first, most difficult period in the history of the Great Patriotic War, when supplies of tanks from Great Britain and then from the United States played a role in disrupting Hitler's plans to defeat the Soviet Union in 1941-1942.

Key words: armored vehicles; historiography; lend-lease; supplies; allies.

О роли ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны до сих пор существуют различные, зачастую противоречивые мнения. В прошедшие после окончания войны десятилетия, особенно в годы холодной войны, советские историки, да и некоторые руководители страны принижали значение ленд-лиза. На волне же нынешней всемерной критики всего советского подчас, наоборот, допускается явное преувеличение – вплоть до выдвижения тезиса о решающей роли союзнических поставок в нашей победе [1, с. 272].

Официальная точка зрения на проблемы ленд-лиза выражена в 12-томной «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»: *«Материальная помощь СССР по ленд-лизу и солидарность международной общественности укрепляли у советских людей веру в справедливость войны, которую они вели, убеждали, что их жертвы и испытания высоко ценятся союзниками, утверждали гордость за вклад страны в общие усилия Антигитлеровской коалиции и свою личную сопричастность к великой борьбе. Позитивное содержание в этих настроениях формировалось медленно и противоречиво: под влиянием жесткого противостояния предвоенных лет с одной стороны, и стремления к взаимопониманию, рожденному совместной борьбой против общего врага, с другой.*

Основная часть вооружения и техники, необходимой для ведения борьбы с противником, производились на советских заводах и фабриках, но существенным вкладом в военно-экономические усилия СССР явилась и материальная помощь западных союзников» [2, с. 727].

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть современную отечественную историографию на примере поставок союзниками бронетанковой техники в СССР в течение 1941–1945 гг.

Прежде всего, отметим, что в советской литературе по поводу импортных танков преобладало негативное мнение. Примером могут служить воспоминания генерал-лейтенанта инженера А.А. Ветрова. Приведем отрывок из этих мемуаров (речь идет о сентябре 1942 г. – ***Д.Б.***): *«Проезжая по взрытому воронками пшеничному полю вблизи Кумово, я обратил внимание на несколько подбитых незнакомых мне танков. Подъехал к ближайшему из них, около которого копошились ремонтники.*

На мой вопрос, что это за машины, уж очень у них необычная конфигурация, воентехник 2 ранга Я.Д. Горненко доложил:

– А это полученные из США по ленд-лизу 14-тонные танки М3Л. Броня – тьфу, ее легко любой снаряд пробьет. Двигатель тоже неважнецкий, бензиновый. Чуть что, вспыхивает.

– Да уж, с такой "пламенной" танковой поддержкой союзников фашистов трудно одолеть, – заметил ехавший со мной капитан Николай Павлов. То ли дело наши тридцатьчетверки…

И действительно, поставляемые нам по ленд-лизу английские и американские танки были далеко не совершенны, громоздки, уязвимы от артогня противника, опасны в пожарном отношении.

– Это не танки, а настоящие братские могилы, – горько сетовали на "иностранцев" наши танкисты» [3, с. 89–90].

Схожие тезисы повторяются и в современной историографии. Так, в 12-томном труде «Великая Отечественная война» отмечается, что *«танки часто доставлялись не полностью укомплектованными: без прицелов, без монтажно-ремонтного инструмента; ощущалась острая нехватка запасных частей. Советским представителям приходилось обращаться за помощью к американскому командованию. В своем послании Сталин сообщал Рузвельту в 1942 г.: "Считаю долгом предупредить, что, как утверждают наши специалисты на фронте, американские танки очень легко горят от патронов противотанковых ружей, попадающих сзади или сбоку. Происходит это от того, что высокосортный бензин, употребляемый американскими танками, образует в танке большой слой бензиновых паров, создающих условия для загорания. Немецкие танки работают на бензине, но бензин у них низкосортный, не дающий большого количества паров, ввиду чего они гораздо меньше подвержены загоранию. Наиболее подходящим мотором для танков наши специалисты считают дизель". Недостатки имели и боеприпасы, поставляемые с танками. В феврале 1943 г. в результате претензий советской стороны поставка большинства танков из США и Великобритании была прекращена. СССР согласился получать из США средние танки М4А2 ("Шерман"). Они были намного лучше: лобовая броня увеличена до 76 мм, бронеплиты сваривались, а не клепались, в башне установлена 75-мм пушка (позднее 76-мм). Танк имел два пулемета калибра 7,62 мм и зенитный пулемет калибра 12,7 мм. Американцы отказались от высокооктанового топлива и перешли на дизельные двигатели»* [2, с. 732].

Заметим, что эти недостатки американских танков признавали сами союзники. Так, в широко известных мемуарах генерала Омара Брэдли можно прочесть: *«Проверяя соответствие техники требованиям боя, я выяснил, что наши танки "Шерман" с бензиновым двигателем уже приобрели дурную славу среди американских войск на фронте. При попадании в двигатель высокооктановый бензин легко загорался. Экипажи просили поставить дизельные моторы, чтобы предохранить танки от загорания»* [4, с. 60].

В то же время отметим достижения современной историографии проблемы. Во-первых, отметим публикацию мемуаров, связанных с проблемами ленд-лиза. Это уникальные по своему содержанию воспоминания Маршала Советского Союза, Филиппа Ивановича Голикова [5], который возглавлял первую советскую военную миссию в Великобритании и США в 1941 г.

Автор вспоминает, что И.В. Сталин, инструктируя военную делегацию через две недели после нападения Германии на Советский Союз, исходя из первоочередных потребностей фронта, на первое место поставил вопрос о приобретении зенитных и противотанковых орудий, крупнокалиберных пулеметах, винтовках, самолетах, танковой броне (перечислено в порядке упоминания автором) [5, с. 89–90]. Проблемы закупки бронетанковой техники на страницах мемуаров занимают весьма скромное место [5, с. 203, 218, 390–391].

Редкими по характеру информации являются также воспоминания Героя Советского Союза Д.Ф. Лозы, который два года провоевал на импортных танках – английских «Матильдах» и американских М4А2 «Шерман» [6]. В мемуарах содержится объективная оценка этих боевых машин, их сильных и слабых сторон, особенностей их эксплуатации на советско-германском фронте [6, с. 11, 21, 23, 24–25, 40]. Эти оценки во многом совпадают с мнением генерала О. Брэдли о достоинствах и недостатках танка «Шерман» [4, с. 61].

Из публикации источников по проблемам ленд-лиза выделим также двухтомник «Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны» [7, 8]. Это издание, по мнению авторов, должно восполнить лакуны предыдущих публикаций документов за счет «исторического фона» и научного комментария [7, с. 4]. Первое упоминание о поставках танков из Великобритании в СССР в первом томе сборника датировано 6 октября 1941 г. [7, с. 79].

Новым явлением в историографии проблемы можно считать книгу М.Ю. Павлова, посвященную жизни и деятельности одной из знаковых фигур советской истории – Анастаса Ивановича Микояна, который во время Великой Отечественной войны курировал вопросы ленд-лиза и взаимоотношений с союзниками по Антигитлеровской коалиции [9, с. 163–181]. Автор цитирует А. Гарримана, который имел дело с А.И. Микояном по вопросам ленд-лиза: *«Он был, возможно, самым близким к Сталину советником по внешней торговле. Ленд-лиз оказался под его надзором. Он был теплым человеком по натуре, но в деловых переговорах не было никого жестче его»* [9, с. 166].

Можно сделать вывод, что в современных отечественных работах по истории ленд-лиза сочетаются элементы как советской, так и постсоветской отечественной историографии.

Среди направлений историографии «бронетанкового ленд-лиза» можно выделить следующие:

* во-первых, «техническое», то есть публикации преимущественного технического характера, с чего, собственно говоря, и начались эти публикации. В качестве примера назовем работу М. Дамчука в журнале для любителей стендового моделизма [10]. Аналогичная работа В. Таланова является кратким справочникам по всем образцам бронетанковой техники, которая поставлялась союзниками в СССР в течение 1941–1945 гг. [11]. Справочник

В. Таланова полезен всем, кто интересуется данной проблемой. Вышеназванные работы хорошо иллюстрированы и могут вызвать интерес у молодежи.

* Во-вторых, работы общего плана, в которых содержатся материалы о поставках в Советский Союз бронетанковой техники. Например, Н.И. Рыжков сообщает, что до конца 1941 г. наша страна получила из США и Великобритании 510 танков [1, с. 275]. И.В. Быстрова констатирует, что *«в области бронетанковой техники наибольший вес имели поставки специальной и вспомогательной техники (БТР, вездеходы, САУ и др.)»* [12, с. 222].

В труде В.Н. и И.В. Красновых вопросы поставок танков по ленд-лизу выделены в отдельную главу [13, с. 99–107]. Авторы рассматривают проблему на фоне катастрофических потерь Красной Армии в танках летом-осенью 1941 г. и эвакуации советской танковой промышленности на восток [13, с. 99]. Отметим, что, по словам самих авторов, они ссылаются на советские данные периода «холодной войны» [13, с. 100]. Во вторую половину 1942 г. союзные танки составили уже только шестую часть общего числа танков Красной Армии [13, с. 101]. Труд снабжен научным аппаратом и выполнен на высоком научно-методическом уровне.

* В-третьих, материал по ленд-лизовским танкам имеется в специализированных работах известных историков танкостроения. Так, М.Н. Свирин отмечет, что для осуществления закупок в Великобританию еще в июле (до введения в действие ленд-лиза) отбыла специальная комиссия. Задачей комиссии был отбор образцов боевой техники, пригодной для эксплуатации в СССР. После долгого анализа имеющейся материальной части выбор был сделан в пользу танков Mk II «Матильда» и Mk III «Валентайн». Эти танки лучше всего, по мнению членов комиссии, подходили условиям эксплуатации в советских бронетанковых войсках.

В частности, тактико-технические данные «Матильды» сравнивались с танком КВ (т.к. имели бортовое бронирование толщиной до 78 мм), а «Валентайн» по размерам, уровню защищенности и вооружению лучше всего походил на Т-50. Выбор указанных танков был продиктован еще одним обстоятельством. Эти типы танков англичане могли поставлять немедленно и, к тому же, комплектовать их дизельным двигателем, что не создавало проблем с их снабжением в танковых частях Красной Армии.

Первые 20 танков Mk II «Матильда» и Mk III «Валентайн» прибыли в Архангельск 11 октября 1941 г. с караваном PQ-1. Первым подразделением, получившим 1 декабря 1941 г. английские танки на Можайском направлении, был 136-й отдельный танковый батальон (отб.). Батальон имел в своем составе десять танков Т-34, десять Т-60, девять «Валентайнов» и три «Матильды», полученные в Горьком 10 ноября 1941 г. Все экипажи, получившие иностранную технику, были неопытными, и потому к 10 декабря было поломано две «Матильды», пять «Валентайнов», один Т-34 и четыре Т-60. Лишь с 15 декабря 1941 г. 136-й отб. совместно с 20-й танковой бригадой смог принять участие в контрнаступлении под Москвой. Всего до конца 1941 г. в СССР

прибыло 187 «Матильд» и 259 «Валентайнов», однако до 30% из них были потеряны по техническим причинам.

Такое положение было сочтено неприемлемым. Поэтому уже в 1941 г. в Горьком и Казани были открыты центры по освоению английских машин в течение 15-дневного срока, а к марту 1942 г. подготовкой экипажей иностранных танков занимались уже 23 из 38 учебных танковых полков. Положение стало выправляться.

Именно кампания 1942 г. была проведена под знаком ленд-лизовской техники. Это немудрено, ведь наши танковые заводы еще работали со сбоями, английские же машины формировались поблизости от театра военных действий и потому шли большей частью на юго-западное направление, пожиравшее танки, как хорошая паровозная топка уголь [14, с. 329–330].

М.Н. Свирин приводит в своей работе ряд документов в выдержках или целиком, которые касаются английских танков. Речь идет о тех же «Матильдах» и «Валентайнах». В случае с «Матильдой» речь, в первую очередь, идет о достоинствах машины, а в качестве недостатка названа *«слабость его орудия при ведении огня по живой силе и огневым точкам. Бронепробиваемость орудия удовлетворительна и несколько превышает таковую у отечественной 45-мм противотанковой пушки обр. 1938 г.*

Вывод: Практику очернения танков союзников и распространения обидных кличек "каракатица", "шарманка" прекратить; заказ танков Mk II "Матильда" продолжать…» [14, с. 332–333].

Что же касается танка «Валентайн», то в документе от 15 января 1942 г. перечислено довольно много его достоинств и сделан вывод: *«В целом, Mk III – хорошая боевая машина с мощным вооружением, хорошей проходимостью способная действовать против живой силы, укреплений и танков противника»*, а недостатки в основном касались его ходовой части [14, с. 333–334].

Последним направлением можно считать работы, посвященные непосредственно танкам ленд-лиза. Наиболее полной работой является книга М.Б. Барятинского «Танки ленд-лиза в бою» [15]. Автор не ограничивается анализом только самих импортных машин, а пытается показать значение союзных поставок как на уровне экономическом [15, с. 264–284], технологическом, так и ментальном [15, с. 11–13].

На наш взгляд, эта литература нуждается в отдельном анализе ввиду ее многочисленности; здесь же можно ограничиться упоминанием двух работ об одном и том же танке – лучшем танке западных союзников: среднем танке М-4 «Генерал Шерман». Работы, написанные отечественным специалистом [16] и западным автором [17], дают возможность объективного анализа западной техники и ее применения в условиях Восточного фронта Второй мировой войны.

Отметим отсутствие в вышеперечисленных трудах научного аппарата, что снижает их научную ценность.

В заключение назовем работу профессора Роберта Джонса, который посвятил свою работу поставкам по ленд-лизу в Советский Союз во время

Второй мировой войны [18]. Ее материалы помогают исследователю лучше понять условия осуществления союзных поставок, мотивацию руководителей союзных стран в данном вопросе. Работа снабжена обширным приложением, которое может быть с успехом использовано при изучении истории Второй мировой войны.

Труд Е.Д. Кочнева может быть полезен для исследования проблемы союзных поставок, поскольку посвящен схожей проблеме – автомобилям Красной Армии, в том числе поставленным по ленд-лизу [19]. Автор обращает внимание на противоречия в статистике союзных поставок и делает ряд замечаний, которые позволяют сделать вывод, что тема поставок союзниками бронетанковой техники в СССР изучена в настоящее время недостаточно [19, с. 503–504], и работа в этом направлении является перспективной в научном плане и актуальной в плане воспитания молодого поколения.

Источники и литература

1. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. – М., 2011.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. – М., 2011.

3. Ветров А.А. Так и было. – М., 1982.

4. Брэдли О. История солдата. – М., 2002.

5. Голиков Ф.И. Записки начальника Разведупра. Июль 1940 года – июнь 1941 года. – М., 2018.

6. Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». – М., 2007.

7. Печатнов В.О. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. В 2 т. Т. 1. – М., 2017.

8. Печатнов В.О. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. В 2 т. Т. 2. – М., 2017.

9. Павлов М.Ю. Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. – М., 2010.

10. Дамчук М.Танки «MADE IN …» // Танкомастер. – 1998. – № 1. – С. 39–44.

11. Таланов В. Бронетехника ленд-лиза // Бронеколлекция. – 2009. – № 3 (84).

12. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы) /Рос. Акад. наук., Ин-т рос. истории. – М., 2006.

13. Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР, 1941-1945 / Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. – М., 2008.

14. Свирин М.Н. Броневой щит Сталина. История советского танка. 1937–1943. – М., 2006.

15. Барятинский М.В. Танки ленд-лиза в бою. – М., 2009.

16. Барятинский М.В. Средний танк «Шерман» Вместе и против Т-34. – М., 2006.

17. Форд Р. Танк «Шерман» / пер. с англ. М. Витебского. – М., 2007.

18. Джонс Р.Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне. 1941–1945 / пер. с англ. А.Л. Андреева. – М., 2015.

19. Кочнев Е.Д. Автомобили Красной армии 1918–1945 гг. – М., 2009.

УДК 93/94

СОВЕТСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE SOVIET SECRET SERVICES AT THE INITIAL STAGE OF THE COLD WAR: EXPIRIENCE OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Д.П. Железнов

D.P. Zheleznov

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, студент

603950, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

E-mail: soldat.28@mail.ru

Аннотация. В статье кратко анализируются некоторые основные источники и публикации отечественной историографии, посвященные деятельности специальных служб СССР во второй половине 1940-х гг. На примере мемуарных источников рассматривается ухудшение отношений между бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции и деятельность советских спецслужб в этих условиях. Затрагиваются вопросы борьбы с антисоветским подпольем в стране после окончания Великой Отечественной войны. Рассмотрены примеры активизации агентурной разведки, а также использования ее технических средств. Анализируются ответные меры советской стороны против разведслужб Англии и США.

Ключевые слова: агентура; историография; контрразведка; разведка.

Summary. The article briefly analyzes some of the main sources and publications of the national historiography devoted to the activities of the special services of the USSR in the second half of the 1940s. The deterioration of relations between the former allies of the anti-Hitler coalition and the activities of the Soviet special services in these conditions are considered on the example of memoirs. The issues of struggle against the anti-Soviet underground in the country after the end of the Great Patriotic war are touched upon. The examples of activation of intelligence, as well as the use of its technical means are considered. The response of the Soviet side against the intelligence services of England and the USA is analyzed.

Key words: agents; historiography; counterintelligence; intelligence.

Разгром нацистской Германии и милитаристской Японии не привел к улучшению международной обстановки. Правящие круги стран – бывших союзниц СССР не хотели мириться с произошедшими глобальными переменами. Пытаясь не допустить дальнейшего ослабления своих позиций, они встали на путь ядерного шантажа, холодной войны, сколачивания агрессивных военных блоков и раскручивания гонки вооружений. Об этом убедительно писали отечественный историк А.И. Уткин [1, с. 48–112] и ветеран холодной войны генерал-лейтенант КГБ Н.С. Леонов [2, с. 6–7]. Для противоборства с бывшим союзником были активно задействованы гитлеровские специалисты разведки, на что обращал внимание известный немецкий публицист Ю. Мадер еще в 1980-е гг. [3, с. 13–34].

Спецслужбы СССР после окончания Великой Отечественной войны еще продолжали решать задачи, порожденные войной. В органах военной

контрразведки были созданы специальные подразделения по розыску «государственных преступников времен Великой Отечественной войны». В октябре 1946 г. сотрудники такого подразделения Управление контрразведки МГБ Прибалтийского военного округа арестовали агента абверкоманды-204 Браунса. Он сообщил, что немецкая разведка оставила на территории Латвии значительное количество тайных складов с оружием и боеприпасами: только в указанных им местах были обнаружены четыре миномета, три упакованных ящика со стрелковым оружием, 40 винтовок и автоматов, 368 мин и гранат, свыше 150 толовых шашек [4, с. 329–330].

Таким образом, спецслужбам СССР пришлось вести борьбу на нескольких направлениях, внутри и вне Советского государства.

В настоящей статье автор ставил перед собой скромную задачу: обозначить основные направления современной историографии противоборства западных и отечественных спецслужб в начальный период холодной войны (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.).

В распоряжении исследователей в настоящее время имеется ряд мемуарных источников по данному периоду.

Во-первых, это воспоминания генерала Абвера Р. Гелена, руководителя созданной США секретной службы, преобразованной затем в Федеральную разведывательную службу ФРГ. Для нас представляют интерес страницы, посвященные созданию именно этой структуры [5, с. 123–146]. О деятельности «организации Гелена» рассказал в своих мемуарах бывший высокопоставленный сотрудник внешнеполитической разведки Третьего рейха и экс-служащий британской разведки (МИ-6) Хайнц Фельфе. Он, по указанию Москвы, поступил на службу в организацию Гелена, которая большинство разведывательных операций против СССР проводила совместно с ЦРУ [6, с. 149–182].

Третьим важным источником служат воспоминания бывшего председателя КГБ, генерала армии Ивана Александровича Серова, найденные через 25 лет после его смерти. И.А. Серов приводит один из первых эпизодов, связанных с арестами советских офицеров бывшими союзниками по обвинению в шпионаже на территории Германии, и ответных мер со стороны советских оккупационных властей [7, с. 324–327].

Важным источником служат воспоминания Александра Семеновича Феклисова, который был командирован в качестве оперативного работника нью-йоркской резидентуры внешней разведки в январе 1941 г. [8]. А.С. Феклисов находился в США с 1941-го по 1946 г. В 1943–1946 гг. у него на связи находилось семь агентов-источников важных секретных материалов.

Особенно ценная агентура работала по электронике; она передала советской стороне более 20 тыс. страниц секретной документальной информации, в т.ч. по новейшим в то время различным видам радаров сонаров, прицельным системам, зенитному радиовзрывателю, компьютерам и еще по многим другим устройствам. Были получены секретные материалы о техно-

логии производства, образцы клистронов, магнетронов и других электровакуумных приборов.

В эти же годы источники передали советской разведке боле 10 тыс. страниц важной информации по военной авиации и ракетной технике. Мы получили в частности, наставления по эксплуатации первого американского реактивного истребителя «Падающая звезда» (П-80).Они содержали подробное описание конструкции, чертежи и фото этого самолета. Получили также секретную информацию об американских бомбардировщиках [8, с. 180].

С сентября 1947-го по апрель 1950 г. Феклисов находился в Англии. Он сумел получить секретные документы относительно создания атомного оружия, а также сведения о работе по созданию водородной бомбы [9, с. 505].

Наконец, в воспоминаниях заместителя начальника внешней разведки генерал-лейтенанта В.А. Кирпиченко содержатся сведения о подготовке будущих разведчиков в специальной разведшколе № 101 в период с 1952-го по 1953 г. [10, с. 4–11].

Рассмотрим наиболее крупные труды по истории отечественных служб, в которых отражен начальный период холодной войны.

Обширный материал содержится в «Очерках истории российской внешней разведки» [9]. Так, 6 ноября 1945 г. Сталину был доложен меморандум «Безопасность Британской империи», подготовленный Объединенным комитетом начальников штабов Генерального штаба Великобритании в июне того же года, т.е. еще до Потсдамской конференции, когда СССР и Англия находились в союзнических отношениях. Меморандум определял СССР как главного противника Великобритании и рекомендовал правительству ряд мер по нейтрализации «советской угрозы». Среди них – установление «особых отношений с США», подключение их к обороне Западной Европы, создание военно-политических блоков и военных баз в Европе и других регионах мира [9, с. 22].

Утверждения об угрозе «экспансии с Востока» были для Запада ширмой, за которой разворачивались военные приготовления. В апреле 1946 г. разведка направила советскому руководству сообщение об усиленном распространении в европейских государствах утверждений о предстоящей войне Англии и США против СССР. В большинстве случаев речь шла о том, что война начнется уже в 1946 г. [9, с. 23].

В информации разведки подчеркивалось также, что на политической арене освобожденных Красной Армией государств стали возникать силы, проявляющие заинтересованность в военном столкновении между западными державами и Советским Союзом. Так, в Польше в антиправительственном подполье активно велась пропаганда о необходимости подготовки к войне. Утверждалось, что США и Англия нападут на СССР, используя, в частности, армию Андерса. В свою очередь, лондонское правительство связывало свои планы на будущее, прежде всего, с вероятным конфликтом между западными союзниками и СССР. В Венгрии представители партии мелких землевла-

дельцев открыто заявляли, что война вспыхнет в 1946 г. и англосаксы выйдут из нее победителями, т.к. будут использовать атомное оружие.

Вывод разведки о переходе США и их союзников к политике «с позиции силы» в отношении СССР был правильным [9, с. 23–24].

Нашей разведке было поручено противодействовать конкретным акциям недавних союзников СССР по антигитлеровской коалиции, стремившихся создать в Восточной Европе и на Балканах выгодную для себя ситуацию, не отвечающую государственным интересам Советского Союза [9, с. 44].

Принципиально новым направлением работы советских разведчиков стало оказание помощи нарождающимся органам государственной безопасности стран народной демократии. В частности, им передавались важные в политическом отношениях материалы, подготовленные на основе служебной документации Главного управления имперской безопасности Германии. Речь шла, прежде всего, о деятельности немецких спецслужб и их агентуры на территории восточноевропейских стран. Советские разведчики делились также информацией о работе американской, английской и французской разведок. Эти контакты помогали друзьям налаживать эффективную работу по проблемам, затрагивающим их интересы [9, с. 45].

Многие положения труда, подготовленного под редакцией Е.М. Примакова, развиты в работе К. Дегтярева и А. Колпакиди «Внешняя разведка СССР» [11]. В частности, речь идет о добытых внешней разведкой СССР планах атомной войны против Советского Союза [11, с. 137–140]. Авторы раскрывают и действительные планы И.В. Сталина в области внешней политики после окончания войны в Европе [11, с. 141–148].

Раскрывается процесс реформирования внешней разведки в новых условиях 1946–1953 гг. [11, с. 149–154], излагаются неизвестные подробности операций нелегальной разведки в 1946–1950-х гг. [11, с. 154–156], например, деятельность Вильяма Фишера (он же полковник Абель) [См.: 12].

Отметим, что за последние годы достигнуты значительные успехи в области биографий выдающихся разведчиков-нелегалов времен холодной войны. Назовем двух из них: Иосиф Григулевич, «работавший» послом Коста-Рики в Ватикане [13] и Героя России Владимира Борисовича Барковского, получившего важную информацию о создании атомного оружия в Великобритании [14].

Лидерами в работе над биографиями разведчиков к настоящему времени являются В.С. Антонов, историограф внешней разведки РФ [См., например: 15–18] и Н.М. Долгополов [См., например: 19–22].

Аналогичную ситуацию можно видеть и на примере истории Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба. Так, в труде А. Колпакиди и А. Севера «ГРУ. Уникальная энциклопедия» [23] материал по холодной войне излагается, начиная с первой послевоенной реорганизации военной разведки в июне 1945 г. [23, с. 523–536]. Авторы показали противоречивость этих реформ, а также борьбу за контроль над военной развед-

кой между военными политическими руководителями СССР того периода [23, с. 538].

Авторами наглядно показан вред, который нанес государственной безопасности СССР перебежчик, шифровальщик легальной резидентуры ГРУ в Оттаве И. Гузенко [23, с. 537–539] (подробнее об этом см.: 24, с. 29–72; 25, с. 213–222).

В деятельности советских спецслужб видное место продолжала занимать борьба с антисоветским подпольем. М.Ю. Крысин и М.Ю. Литвинов рассказывают в своей монографии о сотрудничестве латышских националистов со спецслужбами Германии и антисоветском сопротивлении в Латвии в послевоенные годы [26, с. 287–349].

К лету 1944 г. немецкими спецслужбами на территории Латвии было создано большое количество складов с вооружением, обмундированием, боеприпасами, а большое количество националистов было направлено на обучение разведывательно-диверсионные школы.

Поэтому к моменту освобождения Прибалтики советскими войсками осенью 1944 г. на ее территории была подготовлена и хорошо экипирована тщательно законспирированная разведывательно-диверсионная сеть, состоящая из прибалтийских националистов. Поддержка и дополнительная заброска немецкими спецслужбами разведчиков-парашютистов продолжалась до начала 1945 г. [26, с. 352].

Националистические бандформирования были хорошо организованы, экипированы, имели четкую, как правило, военную структуру. Серьезную опасность представляло сотрудничество националистов с западными спецслужбами [26, с. 352].

Историк спецслужб А.С. Терещенко пишет: *«В 1949 г. президент США Г. Трумэн обратился с дружеским посланием к борцам за "самостийную Украину", в котором пожелал им доброго здоровья и больших успехов в делах борьбы с советской властью. Эти слова сказал вчерашний союзник.*

Вместе с этим посланием Государственный департамент США начал выдавать на "нужды" украинских националистов денежные субсидии. Финансирование подрывной деятельности украинских "борцов за независимость Украины" взяли на себя США, став, таким образом, их новыми, после гитлеровских спецслужб и вермахта хозяевами» [27, с. 168].

В 1950-е гг. на территорию СССР, в т.ч. и на Украину, стали массово забрасывать агентов-парашютистов. Особенно в том усердствовали спецслужбы США и Англии. Ставка делалась на активизацию националистических элементов, которые должны были создать или подпитать «пятую послевоенную колонну в условия холодной войны». Цель – оторвать республики от России и взорвать государство. На Украине тайно действовала «Организация украинских националистов» (ОУН), в Литве орудовали банды «Армии освобождения Литвы» (АОЛ), и «Союза литовских партизан» (СЛП), в Латвии – «Латышское национальное партизанское объединение» (ЛОС), в Эстонии – «Эстонский национальный комитет» (ЭНК) и «Союз вооруженной

борьбы» (СВБ). Главари этих националистических организаций вели кровавую битву за свое утверждение и выживание. Их отряды были хорошо вооружены «подарками с неба», все это посылали их радетели из разведок, упомянутых стран [27, с. 168–169].

Борьбу против националистических формирований вела контрразведка Министерства государственной безопасности (МГБ). В 2-м Главном управлении МГБ было создано управление 2-Н по борьбе с националистами (аналогичные управления появились в составе МГБ Украинской и Литовской СССР, в МГБ Белорусской, Латвийской и Эстонской ССР – отделы 2-Н).

В апреле 1947 г. был издан приказ МГБ СССР «Об усилении борьбы с националистическим подпольем и его вооруженными бандами в Украинской ССР» [28, с. 169].

К концу 1953 г. организованные вылазки бандитов были подавлены, руководители «повстанцев» – одни арестованы, другие бежали на Запад, третьи бесславно погибли в ходе чекистско-войсковых зачисток и истребительных операций [27, с. 169].

Второго февраля 1947 г. был издан приказ МГБ СССР «Об усилении контрразведывательной борьбы по борьбе с агентурой американской и английской разведок». 2-е Главное управление МГБ СССР и МГБ Латвии вели оперативную игру «Дуэль» против американской, английской и шведской разведок. В. Абрамов отмечает: были скомпрометированы и отозваны из СССР военный атташе США Р. Гроу (с помощью МГБ ГДР), помощник военно-морского атташе этой же страны Р. Дреер.

На повышение результативности такого рода работы был направлен изданный в мае 1949 г. приказ «О порядке передвижения по территории Советского Союза дипломатических и консульских представителей иностранных государств и миссий в СССР» [28, с. 169–179].

В работе спецслужб СССР имелись не только успехи. В ходе операции под кодовым названием «Венона», начавшейся в 1943 г. и продолжавшейся почти 40 лет, американские спецслужбы сумели прочитать в общей сложности более трех тысяч шифрованных сообщений, которыми в 1940-е гг. Москва обменивалась с советскими дипломатическими представительствами за рубежом. Лев Лайнер, автор работы об этой операции, пишет: *«Американцы сумели воспользоваться грубейшей ошибкой, которую совершили советские шифровальщики. Благодаря ей к 1946 году значительную часть перехваченных шифровок удалось прочесть». «Первой прочитанной шифровкой стало сообщение офицеров советской разведки, работавших под дипломатическим прикрытием в Нью-Йорке, о том, что они сумели получить доступ к информации об одном из самых секретных американских проектов того времени программе создания атомной бомбы»* [29, с. 7].

В монографии Н.Н. Платошкина, посвященной послевоенному развитию Германии, на основании документов дана трактовка событиям лета 1953 г. как панорама противоборства дипломатических и разведывательных служб СССР, США, Франции и Англии на немецкой земле [30].

Сравнительно новым направлением историографии отечественных спецслужб является изучение проблем истории криптографии и радиоэлектронной борьбы. Так, в работе В.В. Гребенникова перечисляются достижения советской разведки в этой области. В 1945 г. был арестован ответственный сотрудник Главного Управления имперской безопасности Германии Гельмут фон Паннвиц, который передал советской контрразведке раскрытый немцами код, использовавшийся в переписке между премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом.

В начале 1945 г. был завербован 23-летний шифровальщик МИД Франции (псевдоним «Жур»), в результате чего советское руководство получало важную информацию о позиции западных стран на переговорах перед первой встречей между советским, американским, британским и французским министрами иностранных дел в 1949 г., берлинской конференции в начале 1954 г., женевской встречей на высшем уровне четырех государств в июле 1955 г., первой встречей глав правительств со времен встречи «Большой тройки» в Потсдаме, состоявшейся за десять лет до этого. Благодаря полученным дипломатическим шифрам СССР также имел доступ к огромному количеству материалов радио- и радиотехнической разведки Франции. В 1957 г. «Жур» был награжден орденом Красной Звезды.

В 1946 г. был завербован американский эксперт по шифровальной части при Агентстве армейской безопасности и переводчик ЦРУ Уильям Вольф Вейсбанд. Именно он сообщил, что талантливый сотрудник его службы Мередит Гарднер, работая по проекту «Венона», пытается дешифровать телеграммы, посланные в Москву во время Второй мировой войны различными советскими агентами, рассеянными по всему миру.

В 1952 г. был завербован шифровальщик британского военно-морского атташе в Варшаве Гарри Фредерик Хоутон, позже переведенный на военно-морскую базу в Портленде в Управление подводных вооружений. Вместе со своей любовницей Этель Джи они предоставили советской разведке большое количество совершенно секретных документов. В январе 1961 г. Хоутона «сдал» сбежавший на Запад подполковник польской разведки Михаил Голеневский [31, с. 263–264].

В.В. Гребенников уточняет, что перебежчик И.С. Гузенко рассказал канадским властям о советском шпионаже так много, что канадское правительство учредило специальную Королевскую комиссию по вопросам шпионажа. Комиссия обнаружила имена 14 человек, входящих в агентурную сеть советской разведки.

Очень чувствительный удар, по его мнению, советская шифровальная служба получила в октябре 1948 г. Американские криптоаналитики под руководством Мередита Гарднера смогли прочитать радиограммы НКГБ, которые были перехвачены американской контрразведкой в течение 1944–1945 гг. и хранились в сверхсекретном досье «Венона».

В этом досье было «содрано» свыше двух тысяч документов советского посольства и резидентур советской разведки в США. В течение 1948 г. Гард-

неру удалось разгадать некоторые фрагменты шифровок НКГБ в Центр и из Центра, переданных в последний год войны. В последующие годы было полностью или частично дешифровано несколько тысяч шифровок НКГБ.

Частично эту проблему решил советский разведчик Гарольд Андриан Рассел (Ким Филби), который с 1940 г. служил в британской разведке SIS, в 1944 г. стал заместителем начальника ее контрразведки, а с 1949-го по 1951 г. возглавлял миссию связи SIS в Вашингтоне. Вплоть до своего отъезда в июне 1951 г. Ким Филби, благодаря своему доступу к материалам «Веноны», всегда успевал предупредить Центр о том, вокруг кого из агентов сжимается «петля» [31, с. 276–277].

М.Е. Болтунову принадлежит первенство в публикациях по вопросам истории радиоэлектронной борьбы, в т.ч. по истории специальной радиосвязи Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба вооруженных Сил. В его последней работе имеется информация о деятельности спецсвязи военной разведки в Кабуле в июне 1945 г., работе в Африке, Японии, во время войны в Корее [32, с. 262–269].

Подводя некоторые итоги, можно полностью согласиться с мнением А.И. Пожарова: история отечественных органов госбезопасности послевоенного периода претерпевает новое осмысление в современных условиях. Более тщательное изучение архивных материалов дает основание менять устоявшиеся представления о завершающем этапе правление И.В. Сталина, ломать сложившиеся стереотипы о взаимоотношениях власти и спецслужб, о роли МГБ в механизме Советского государства периода высшего подъема культа личности [33, с. 94]. Он подводит некоторые итоги деятельности спецслужб к началу 1950-х гг. Советская контрразведка имела на связи ценных агентов в посольствах капиталистических стран в Москве, пресекала деятельность шпионов, заброшенных в СССР, имела высокие результаты в оперативно-технической деятельности и в основном обеспечивала безопасность функционирования Советского государства. Борьба с националистами на Украине и в Прибалтике шла к завершению. Крупных провалов МГБ СССР на тот период не знало. Внутриполитическая ситуация была стабильной и находилась под контролем спецслужб государства [33, с. 102].

Добавим, что историография деятельности отечественных спецслужб начального периода холодной войны поможет в решении этих задач. Показателем актуальности изучения историографии служит непрекращающийся поток публикаций. Назовем две лишь из них: специальный выпуск журнала «Родина», посвященный 100-летию Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил РФ (2018, № 10) и статью Наталии Феклисовой об отце – Александре Семеновиче Феклисове [34, с. 10–11].

Источники и литература

1. Уткин А.И. СССР в осаде. – М., 2010.
2. Леонов Н.С. Холодная война против России. – М. 2010.
3. Мадер Ю. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. – М., 1985.
4. Бондаренко А.Ю. Военная контрразведка. 1918–2010. – М., 2011.

5. Гелен Р. Служба / пер с нем. В. Чернявского, Ю. Чупрова. – М., 1997.
6. Фельфе Х. На службе у Москвы. Как я переиграл ЦРУ: пер. с нем. – М., 2017.
7. Серов И.А. Записки из чемодана Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / под ред. с коммент. и прим. А. Хинштейна. – М., 2017.
8. Феклисов А.С. Признание разведчика. – М., 1999.
9. Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. – Т. 5. 1945–1965 годы. – М., 2003.
10. Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. – М., 1998.
11. Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. – М., 2009.
12. Долгополов Н.М. Абель-Фишер. – М., 2010.
13. Никандров Н. Иосиф Григулевич. Разведчик, «которому везло». – М., 2005.
14. Максимов А.Б. Разведчик атомного века. – М., 2015.
15. Антонов В.С. В окопах «холодной войны». – М., 2010.
16. Антонов В.С. Начальники советской внешней разведки. – М., 2015.
17. Антонов В.С. Конон Молодый. – М., 2018.
18. Антонов В.С. Эйтингон. – М., 2017.
19. Долгополов Н.М. Вартанян. – 2-е изд. – М., 2014.
20. Долгополов Н.М. Ким Филби. – М., 2011.
21. Долгополов Н.М. Легендарные разведчики. На передовой вдали от линии фронта. Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны. – М., 2015.
22. Долгополов Н.М. Легендарные разведчики-2. – М., 2018.
23. Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. – М., 2009.
24. Брук-Шеферд Г. Перебежчики из разведки. Изменившие ход холодной войны. – М., 2018.
25. Даллин Д. Советский шпионаж в Европе и США. 1920–1950 годы: пер. с англ. – М., 2017.
26. Крысин М.Ю., Литвинов М.Ю. Латышские «лесные братья» и немецкие спецслужбы. 1941–1956. – М., 2016.
27. Терещенко А.С. Маршал военной разведки. – М., 2012.
28. Абрамов В. Абакумов – начальник СМЕРШа. Взлет и гибель любимца Сталина. – М., 2005.
29. Лайнер Л. «Венона». Самая секретная операция американских спецслужб. – М., 2003.
30. Платошкин Н.Н. Жаркое лето 1953 года в Германии. – М., 2004.
31. Гребенников В.В. Криптология и секретная связь. Сделано в СССР. – М., 2017.
32. Болтунов М.Е. Тень резидента. Спецрадиосвязь ГРУ. – М., 2018.
33. Пожаров А.И. Некоторые аспекты развития отечественных спецслужб в начале 1950-х гг. // Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники: сборник научных статей. – М., 2012.
34. Феклисова Н. Звездный час разведчика Александра Феклисова // Независимое военное обозрение. – 2018. – № 41 (1019). – 26 октября – 1 ноября.

УДК 908

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.)

PERSONNEL POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE SPHERE OF SCHOOL EDUCATION (the second half of the 1940-s – early 1950-s.)

А.Е. Смирницкий

A.E. Smirnitsky

НГПУ имени Козьмы Минина, кафедра истории России и вспомогательных исторических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент

603600, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1

E-mail: ya.alex-smir1974@yandex.ru

Аннотация. В данной статье исследуются основные направления кадровой политики Советского государства в сфере народного образования в первые послевоенные годы. Автор выявил основные факторы, влиявшие на направленность кадровой политики. Особое внимание автор уделил противоречиям, возникавшим в ходе ее реализации.

Ключевые слова: кадровая политика; Советское государство; общеобразовательная школа; учительство; семилетний всеобуч.

Summary. This article examines the main directions of personnel policy of the Soviet state in the sphere of public education in the first postwar years. The author identified the main factors that influenced the direction of personnel policy. Particular attention is paid to the contradictions that arose during its implementation.

Key word: personnel policy; Soviet state; secondary school; teaching; seven-year General education.

Важнейшим направлением деятельности Советского государства в области народного образования было обеспечение общеобразовательных школ квалифицированными учительскими кадрами. Особенно актуальна эта проблема была в первое послевоенное десятилетие, что было обусловлено важностью задач, стоящих перед Советским государством и обществом в тот период времени.

Во второй половине 1940-х гг. школа столкнулась с острой нехваткой кадров, которые были вызваны следующими причинами:

1. Последствия Великой Отечественной войны, которые привели к гибели части учителей, призванных в ряды действующей армии. Часть демобилизованных по различным причинам не вернулась к прежней профессии.

2. Расширение сети школ (в связи с созданием школ рабочей и сельской молодежи) наряду с переходом к всеобщему обязательному семилетнему обучению с 1949 г. потребовало дополнительных учительских кадров. Для ускоренной подготовки учителей власти использовали экстенсивные методы, создавая шестимесячные краткосрочные курсы при областных отделах народного образования, которые лишь отчасти способствовали повышению квалификации учителей.

В условиях нехватки учительских кадров, особенно для 5–7 классов, государство разрешало преподавать в них учителям начальных классов при условии, что те заочно закончат учительские институты.

3. Низкий уровень престижности учительской профессии среди молодежи и материальные трудности учителей первых послевоенных лет. Немало молодых учительниц стремилось покинуть школы, вступив в брак с военнослужащими. В Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) в фонде Горьковского областного отдела народного образования (ОблОНО) есть справки, выданные молодым учительницам, только что закончившим педучилища и работавшим в школах области об увольнении их «в связи с отбытием к месту службы мужа».

Обычным явлением в школах первых послевоенных лет была систематическая задержка зарплат, отсутствие полноценного снабжения промтоварами и товарами первой необходимости, особенно в сельской местности. Работавшая в Спасской средней школе с 1944 г. учителем начальных классов Маргарита Федоровна Ситникова в разговоре с нами вспоминала, что за период с 1944-го по 1948 г. она получила по ордеру женские туфли, причем обе на левую ногу. Острым был и квартирный вопрос: в первое послевоенное десятилетие государство не могло обеспечить учителей, приезжавших по распределению, квартирами. Заменой служили так называемые квартирные деньги в размере 30–50 руб. в месяц, которые выплачивались нерегулярно и не покрывали учительских расходов по квартирной плате. Так, в 1952 г. комиссия Министерства просвещения РСФСР, обследовавшая быт учителей, отмечала, что большинство учителей Балахнинского района доплачивают за квартиру 25 руб. сверх договорной цены 50 руб. [1, д. 8987, л. 19]. Материалы жилищных обследований учителей, проводимых работниками партийных и профсоюзных органов, свидетельствовали о тяжелых материальных условиях советского учительства. В городах многие учителя селились в подвалах, школьных классах, на кухнях коммунальных квартир, в хозяйственных пристройках и т.п. В деревнях снимали угол в избах, иногда проживали вместе с домашним скотом. Если в январе-феврале 1946 г. по Свердловскому району г. Горького учителям выдали 35 больничных листов, то в январе-марте – 112. Диагнозы: грипп, истощение организма, острое малокровие, случаи гипертонии и дистрофии [12, д. 3583, л. 24–25.]

4. Отдельные учебные предметы не пользовались популярностью у учителей, которые не хотели или не могли их преподавать. К числу таких предметов относилась Конституция СССР. Учитель, рискуя впасть в политическую ошибку с последующими оргвыводами и «проработкой», должен был объяснять ученикам причины расхождения между текстом Конституции и реальной действительностью. Кроме того, до начала 1950-х гг. не было школьного учебника по Конституции СССР.

5. Систематический произвол и администрирование со стороны районного руководства, в том числе и РОНО. Как в предвоенный, так и в послевоенный периоды в условиях кадрового голода имели место систематические

переброски учителей из одной школы в другую, которые использовались и в качестве репрессивных мер к неугодным учителям. Кроме того, работники школ регулярно использовались на безвозмездных работах, не имевших отношение к их профессиональной деятельности (подготовка к избирательным кампаниям, подворный учет учащихся, выступления с лекциями и сообщениями и т.д.).

Несмотря на трудности, связанные с комплектованием учительских кадров, Советское государство предъявляло весьма жесткие требования к учителю. Прежде всего, он должен быть политически благонадежен. Отделы школ областных комитетов ВКП (б) скрупулезно фиксировали малейшие признаки неблагонадежности у отдельного советского учителя. На заметку брались все учителя, кто по той или иной причине «не внушал политического доверия». В их числе были выходцы из привилегированных до революции 1917 г. семей; лица, состоявшие во враждебных ВКП (б) политических партиях; исповедовавшие религиозный культ; допускавшие антисоветские высказывания и разговоры. В послевоенное время к этим категориям подозрительных прибавились лица, находившиеся в годы Великой Отечественной войны на оккупированной фашистами территории. Работавшие в школе учителя, которые принадлежали к означенным категориям, подвергались систематическим проверкам и проработкам со стороны государственных и общественных организаций или увольнялись. Гонения на таких учителей активизировались в связи с проведением в СССР очередных политических кампаний. Так, начиная с 1937 г. группа учительниц Уренской средней школы время от времени обвинялась в том, что в период Уренского восстания они были сестрами милосердия у мятежников. За учительниц неоднократно заступались различные государственные и общественные учреждения (газета «Горьковская коммуна», Горьковский ОблОНО, министр просвещения РСФСР), они были награждены орденами и медалями СССР, однако все это не помогало, и учительницы время от времени подвергались тем же обвинениям.

В системе народного образования существовал и неформальный отбор учителей по их профессиональным качествам. Существование такого отбора признавали и сами руководители народного образования, разумеется, осуждая его. Худшие учителя направлялись в школы рабочей и сельской молодежи или в качестве инспекторов районных отделов народного образования (РОНО). Нагрузка там была выше, а зарплата меньше. Парадоксально, что инспектора РОНО, набранные из худших учителей, должны были «оказывать методическую помощь» учителям, работавшим в школе.

В условиях нехватки учителей Советское государство форсировало их подготовку. В результате к началу 1950-х гг. в СССР появился феномен «учительской безработицы». Снижение рождаемости в послевоенный период и усиленная подготовка учителей начальных классов привели к их избытку. Устроиться учителем начальных классов в 1950-е гг. стало нереальным для многих выпускников педучилищ.

Используя сочетание моральных и материальных факторов, Советское государство в преддверие перехода к всеобщему обязательному семилетнему образованию стремилось укрепить социальный статус учителя. Очерки о лучших учителях регулярно помещались в региональной и центральной прессе. Учителя избирались депутатами Советов различных уровней. С 1948 г. был принят закон о награждении учителей орденами и медалями СССР за выслугу лет; 25-летний непрерывный учительский стаж давал право на выход на пенсию; дети учителей освобождались от платы за обучение в старших классах. Учителя, работавшие в сельской местности, обеспечивались земельными участками в размере не более 0,25 га [2, д. 45, л. 23 об.]. Развернулось строительство жилья для учителей. В Горьковской области было построено или приспособлено к жилью более 1.050 домов на 1.550 квартир и бесплатно передано учителям [1, д. 7744, л. 105]. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 г. зарплата учителей повышалась на 15% [2, д. 45, л. 20–21].

В целом, в трудных условиях послевоенного периода Советское государство сумело сохранить учительские кадры, наладить систему их подготовки и переподготовки. В то же время, многие издержки кадровой политики тех лет негативно влияли на развитие советского учительства.

Источники и литература

1. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 3. Оп. 1.

2. Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. 6715. Оп. 3.

УДК 908

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИЕЙ В 1946–1960 гг. (на примере Горьковской области)

FEATURES OF PARTY-STATE LEADERSHIP OF FISHERY CO-OPERATION IN 1946-1960 (on the example of Gorky region)

И.Н. Балахонова

I.N. Balakhonova

МБОУ «Средняя школа № 7 им. А.П. Гайдара»,
кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Нижегородская, д. 3 а
E-mail: ibalahonova@mail.ru

Аннотация. После окончания Великой Отечественной войны, когда страна восстанавливала разрушенное хозяйство, перед артелями промысловой кооперации была поставлена задача производства товаров широкого потребления. Для улучшения оператив-

ного руководства артелями произошли некоторые изменения в структуре управления промысловой кооперацией, в частности, Горьковской области. С этого времени начался последний этап реорганизации промысловой кооперации, закончившийся ликвидацией всей ее системы.

Ключевые слова: Управление промысловой кооперацией; Центральный промысловый совет; Совет промысловой кооперации РСФСР; Областной промысловый совет.

Summary. After the Great Patriotic war, when the country restore the destroyed economy, the task of production of consumer goods was set to artels of producer's co-operation. In the structure of management the producer's co-operation in Gorky region there have been some changes to improve the operational management of artels. Since that time, the last stage of the reorganization of producer's co-operation began, which ended with the elimination of its entire system.

Key words: Management of producer's co-operation; the Central Board of producer's co-operation; the Board of producer's co-operation of Russian Federation; the Regional Council of producer's co-operation.

По окончании Великой Отечественной войны кооперативная система оказалась чрезвычайно ослабленной, истощенной. Это выражалось в уровне материально-технической базы артелей, в материально-бытовом положении работников кооперации. Внеэкономические стимулы к труду, действовавшие в годы войны, перестали работать в мирной жизни, а свобода экономического маневра была ограничена вследствие определяющей роли административно-командных методов. Плановая социалистическая экономика категорически отвергала принципы рыночной экономики, которая не согласовывалась с партийной идеологией, направленной на дискредитацию роли частника в экономическом процессе.

С окончанием войны артели промкооперации были освобождены от выполнения военных заказов, и теперь в их задачу входило производство товаров широкого потребления на основе местного сырья.

Для улучшения оперативного руководства артелями по увеличению выпуска товаров ширпотреба и улучшению их качества в октябре 1945 г. произошли некоторые изменения в структуре управления промысловой кооперацией Горьковской области, начало которым было положено еще в довоенный период.

Десятого октября 1945 г. Управление уполномоченного промысловой кооперацией при СНК РСФСР по Горьковской области было «приближено к местным нуждам» и преобразовано в Управление промысловой кооперацией (УПК) при Горьковском облисполкоме [1, д. 586, л. 139]. С этого времени начинается послевоенный этап реорганизации промкооперации, закончившийся, в конечном итоге, ликвидацией всей ее системы.

В марте 1950 г. А.И. Микоян в одном из своих выступлений повторил появившуюся еще в 1920-е гг. формулировку: *«Неверно думать, будто с развитием крупной индустрии кооперативная промышленность теряет свою роль, наоборот, развитие крупной промышленности предполагает увеличение роли промкооперации, которая является постоянным и долговре-*

менным помощником госпромышленности в производстве товаров народного потребления» [2, с. 2].

Именно в это время А.И. Микоян разработал план возрождения выборных органов промкооперации, получивший в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 14 июля 1950 г. официальное название «Организационной перестройки и укрепления кооперативных основ». Согласно этому постановлению, был создан Центральный совет промысловой кооперации (Центропромсовет), руководивший системой промкооперации всего Советского Союза. А 22 июля 1950 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР «Об образовании Советов промысловой кооперации в краях, областях и городах республиканского подчинения». В соответствии с этим документом Управление промысловой кооперации было реорганизовано в Горьковский областной совет промкооперации (Облпромсовет). Вскоре он был передан в ведение образованного 22 сентября 1950 г. Совета промкооперации РСФСР (Роспромсовета) [1, д. 808, л. 79].

Роспромсовет имел планово-директивные функции, в то время как Центропромсовет, не имея в своем подчинении ни одного артельного предприятия, должен был всего лишь помогать республиканским артельным центрам связываться друг с другом, следить за соблюдением устава, защищать интересы промкооперации в правительстве, руководить учебными заведениями и издательской деятельностью отрасли. В своей повседневной деятельности Центропромсовет должен был руководствоваться распоряжениями Госплана и Совета Министров РСФСР, где были образованы Отдел и Группа промкооперации, а не СМ СССР, в котором отдел промкооперации отсутствовал. Поэтому правительство РСФСР рассматривало Центропромсовет как дополнительный придаток к Роспромсовету [3, с. 51].

В отличие от ликвидированного в 1941 г. Всекопромсовета, вновь созданные в 1950 г. Центропромсовет и Роспромсовет гораздо больше внимания должны были уделять контролю за соблюдением кооперативного устава. А.И. Микоян, по словам председателя Оргбюро Центропромсовета А.Е. Петрушева, по этому поводу заявлял членам Правления Центропромсовета: *«Если вы поставили задачу повторить Всекопромсовет, то это было бы сугубо неправильно. Потому и был он ликвидирован, что зацентрализовался и занялся снабжением. Нужно раскрепощать местную инициативу, а снабжением будут заниматься министерства»* [4, д. 65, л. 69].

Анализ архивных документов показывает, что примерно четвертая часть постановлений Роспромсовета была посвящена не производственным, а уставным вопросам. Начальник Главного управления по делам промысловой и потребительской кооперации при СМ СССР А. Чуянов при помощи старших инспекторов своего ведомства провел проверку соблюдения кооперативной демократии. Проверка должна была выявить состояние учета членов артелей, наличие устава, членских кооперативных книжек, правильность взимания вступительных взносов, соблюдение кооперативной демократии и требований устава (в отношении систематического проведения общих собра-

ний и заседаний правления артели), наличие у УПК плана проведения отчетных и отчетно-выборных собраний по отдельным союзам [5, д. 3, л. 6].

В ходе проверки были выявлены наиболее характерные факты нарушений устава. Например, в 1951 г. были аннулированы итоги выборов в артели «Красный Кожевник» (г. Горький) – там бюллетеней в урне для голосования оказалось больше, чем числилось в этот день на работе людей по табельному учету [4, д. 1652, л. 224]. А в Шахунской артели по пошиву одежды «1 Мая» в 1950–1951 гг. отчетные и отчетно-выборные собрания проводились нерегулярно и в количественном составе менее трети членов артели [6, д. 8, л. 10].

Необходимость соблюдения кооперативного устава часто порождала серьезные противоречия между вышестоящими кооперативными органами и низовыми структурами. Например, когда промсовет решал освободить того или иного председателя артели от занимаемой должности, то кооператоры тайным голосованием избирали его вновь. В этих случаях промсовет проводил «разъяснительную» работу и добивался повторных выборов. Так или иначе, неугодному для промсовета председателю приходилось уходить из артели. Например, председатель городецкой артели «Красный Кожевник» Лапшов, несмотря на халатное управление делами артели и обсчет рабочих (за что Облпромсовет при поддержке Городецкого горкома партии не раз пытался освободить его от занимаемой должности), при поддержке правления и заведующих мастерскими смог удержаться на своем месте и был снят с занимаемой должности только с третьего раза [7, д. 5619, л. 3].

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что реорганизация 1950 г. привела к частичному восстановлению кооперативных основ и демократических выборных начал в артельной промышленности.

Что же стала представлять собой структура управления промысловой кооперацией с 1950 г.?

Организация управления кооперативной промышленностью основывалась на принципе демократического централизма и сочетании планового государственного руководства с развитием промысловой кооперации как части социалистического производства, с широким демократизмом в управлении кооперативными предприятиями. Проявлением последнего в управлении кооперативной промышленностью было то, что руководители кооперативных предприятий не назначались органами государственного управления промышленностью, а избирались собранием членов кооперативных объединений и управляли кооперативными предприятиями в соответствии с их уставом и общегосударственными задачами [8, д. 172, л. 3–15].

Кооперативная промышленность СССР включала в себя три системы производственных кооперативных организаций: промысловую кооперацию, лесопромысловую кооперацию и кооперацию инвалидов. В каждой из этих систем основным производственным звеном являлась кооперативная артель. Артели объединялись в районные, межрайонные, городские и областные промысловые специализированные и многопромысловые союзы, на основе членства. Эти союзы учреждались по определенному уставу группой про-

мысловых артелей однородной производственной отрасли – специализированного промыслового союза, или разнородных отраслей, расположенных на территории одной административной единицы (района, города, области) – многопромыслового союза.

Специализированные и многопромысловые союзы осуществляли оперативное руководство производственно-хозяйственной деятельностью промысловых артелей, а также представительство кооперативных артелей перед государственными организациями [8, д. 172, л. 2].

Высшим руководящим органом промыслового союза было собрание уполномоченных артелей, входящих в данный союз, избирающее для руководства текущей хозяйственной деятельностью правление союза (исполнительный орган) и ревизионную комиссию (орган контроля). Промысловые союзы были объединены в областной промысловый совет на основе членства [8, д. 172, л. 7].

Областной промысловый совет осуществлял руководство деятельностью промкооперации области. Высшим руководящим его органом являлось собрание уполномоченных промысловой кооперации области, которое избирало совет, правление, председателя правления и ревизионную комиссию Облпромсовета. Правление Облпромсовета являлось исполнительным органом и руководило планированием и организационной работой промысловых союзов, распределением и подготовкой кадров, культурно-просветительской работой и учетом в промысловой кооперации области. Оно избиралось на два года в составе 5–7 человек [8, д. 172, л. 12].

Совет Облпромсовета избирался на два года в составе не более 50 членов Совета и 15 кандидатов в члены Совета. Члены правления и члены ревизионной комиссии промсовета входили одновременно в Совет Облпромсовета. В обязанности Совета входило рассмотрение и утверждение отчетов правления промсовета, установление числа членов правления, избрание открытым голосованием председателя и членов правления, разрешение вопросов деятельности промсовета, выносимых на рассмотрение правлением и ревизионной комиссией. В период между собраниями уполномоченных Совету присваивались функции и права собрания уполномоченных [8, д. 172, л. 11].

Ревизионная комиссия промсовета избиралась на два года в составе 3–5 человек для проверки производственно-хозяйственной деятельности артелей, входивших в данный Облпромсовет [8, д. 172, л. 14].

Областные промысловые советы были объединены в республиканский совет промысловой кооперации – Промсовет, действовавший на тех же принципах, что и нижестоящие звенья. Руководство деятельностью промысловой кооперации республики осуществлял республиканский промысловый совет. Его высшим руководящим органом было собрание уполномоченных. Оно избирало тайным голосованием Совет, правление и его председателя, а также ревизионную комиссию и ее председателя. Органы республиканских промсоветов действовали на тех же принципах, что и органы областных промсоветов.

Республиканские кооперативные организации были объединены в союзную кооперативную организацию – Центральный совет промысловой кооперации (Центропромсовет), осуществлявшую контроль за выполнением кооперативными организациями законов и постановлений правительства по вопросам кооперативной промышленности, соблюдением ими уставов, качеством продукции, выпускавшейся предприятиями промысловой кооперации, разработкой и осуществлением мероприятий по снижению себестоимости продукции.

В обязанности Центропромсовета входила также организация сбыта готовой продукции и снабжение кооперативных предприятий сырьем, топливом, оборудованием, составление годовых и перспективных планов финансово-хозяйственной деятельности, организация подготовки кадров для системы кооперативной промышленности. Высшим руководящим органом Центропромсовета являлось собрание уполномоченных промысловой, лесопромысловой кооперации и кооперации инвалидов союзных республик.

Таким образом, можно убедиться в том, что система управления кооперативной промышленностью была построена на широкой демократической основе, т.е. на основе выборности всех органов управления снизу доверху и самого широкого участия масс в управлении производством. Высшим руководящим органом каждой кооперативной организации было общее собрание: общее собрание членов артели для первичной организации, и собрание уполномоченных для вышестоящих организаций. Оно избирало тайным голосованием правление или Совет и правление, которые являлись исполнительными органами кооперативных организаций и руководили всей текущей работой [8, д. 172, л. 3].

Для выполнения постановления СНК СССР «Об увеличении производства товаров широкого потребления артелями промысловой кооперации» облпромсоветы должны были усилить контроль и обеспечить необходимую поддержку промысловым союзам, находившимся в их в подчинении [9, с. 232–239].

С 1943-го по 1953 г. в условиях выделения городской части промысловой кооперации в самостоятельные образования в составе Облпромсовета Горьковской области действовали: Облшвейремсоюз, Облтекстильпромсоюз, Облстромстройсоюз, Облкожремобувьсоюз, Облпищепромсоюз, Облтрансстеклосоюз, Облмногопромсоюз, Облкожмехвалсоюз, Облмебельпромсоюз, Облтекстильстрочсоюз. При этом в составе Облпромсовета были еще и районные отделения союзов: Павловский Метартельсоюз, Вачский Метпромсоюз, Муромский, Арзамасский и Городецкий древмебельсоюзы, Лысковский леспромсоюз, Семёновский ложкосоюз, Ковернинский культдревсоюз, Залесный ложкосоюз, Варнавинский, Ветлужский, Заветлужский и Уренский леспромсоюзы [1, д. 626, л. 1].

В 1951 г. начался новый этап реорганизации системы промысловой кооперации.

Исполком Облсовета 5 января 1951 г., рассмотрев предложения райгорисполкомов и Комиссии Облисполкома об укрупнении и реорганизации предприятий местной и кооперативной промышленности в целях увеличения выпуска промышленной продукции, ликвидации маломощных и нерентабельных артелей и комбинатов, дальнейшей специализации предприятий, а также усиления механизации производственных процессов и более эффективного использования техники, постановил эти предложения воплотить в жизнь.

Контроль за исполнением этого постановления был возложен на Облпромсовет в лице его председателя Логунова, на Обллесхимдревпромсоюз (председатель Чернов), Облкоопинсоюз (председатель Бойко), Облметкоопинсоюз (председатель Улахов) [1, д. 838, л. 13]. В ходе этой реорганизации, например, производство войлока было передано из артели «Утильзаготовитель» (г. Арзамас) в артель «Войлок-стелька» (г. Арзамас) системы Облпромсовета, в артели «Красный заготовитель» (г. Богородск) был организован цех по выработке гончарных изделий за счет переданного ей промфонда бывшей артели «Гончар» (г. Богородск) системы Облпромсовета [1, д. 838, л. 14].

Были ликвидированы Кулебакская артель «Строитель», Красно-Баковская ремонтно-обувная артель «Заря» (ее производство передавалось артели «Труженик» системы Облпромсовета), Ветлужский райпромкомбинат Облместпрома (его производство по ремонту и пошиву одежды было передано в артель «Пчела» Ветлужского района системы Облпромсовета) [1, д. 838, л. 16, 19].

Произошло объединение артелей: ремонтно-обувной артели им. Калинина Чкаловского района с артелью «1 Мая» Чкаловского района системы Облпромсовета; артели «Кооператор» Больше-Мурашкинского района, занимавшейся ремонтом и пошивом одежды, с аналогичной артелью им. К. Цеткин того же района системы Облпромсовета; металлообрабатывающую артель «Охрана» (г. Балахна) объединили с артелью им. Кирова (г. Балахна) системы Облкоопинсоюза и т.д. [1, д. 838, л. 14, 17].

В результате ликвидации маломощных и нерентабельных артелей промысловая кооперация области смогла перевыполнить производственный план: уже в первые четыре месяца 1951 г. производственная программа была выполнена на 107,3% [10, с. 18].

К концу V пятилетки (1951–1955 гг.) произошло организационное изменение структуры промкооперации, связанное с сокращением штата административно-управленческого аппарата в системе промысловой кооперации РСФСР. Двадцатого октября 1954 г. СМ СССР предписал Центропромсовету представить в правительство предложения *«о сокращении административно-управленческого аппарата в связи с тем, что в системе промысловой кооперации имеются еще параллельно действующие мелкие и однородные промысловые союзы и артели, излишества в структуре аппарата как Центропромсовета, так и республиканских и областных промсоветов»* [11, д. 276, л. 237]. Центропромсовет это предписание не выполнил, ввиду чего 28 июня

1955 г. СМ СССР издал новое постановление Центропромсовету на основе проведенной проверки.

Результатом кампании по укрупнению артелей стала фактически полная ликвидация в СССР мелкой промышленности. Если в 1950 г. в артелях с численностью работников до 25 чел. трудилось 20% всех промысловиков, то в 1954 г. – 8,8%, а в 1960 г. – 1,5%. Количество таких артелей уменьшилось, соответственно, сначала с 2.000 до 1.200, а затем до 50 [12, д. 68, л. 112].

Кроме того, оказалось, что *«в системе промысловой кооперации РСФСР много мелких, однородных и параллельно действующих областных, городских и районных промсоюзов, часть которых целесообразно объединить, а некоторые упразднить, передав их артели в непосредственное подчинение облпромсоветам»* [11, д. 276, л. 239]. Поэтому Центропромсовет ликвидировал *«промежуточные звенья управленческого аппарата между артелями и промсоветами и объединил мелкие, однородные и параллельно действовавшие промысловые союзы»* [11, д. 276, л. 241]. Сеть промартелей была реформирована: мелкие, хозяйственно неустойчивые и однородные по характеру производства артели были объединены, а численность административно-управленческого персонала организаций промысловой кооперации сокращена [11, д. 276, л. 241].

В итоге в системе промкооперации Горьковской области были ликвидированы: Вачский Метпромсоюз, Облхудпромсоюз и Семёновский ложкосоюз. Остальные промысловые союзы (Облпромтехснаб, Павловский Метартельсоюз, Облметпромсоюз, Облшвейремсоюз, Облкожремобувьсоюз, Облтекстильпромсоюз, Облстромпромсоюз, Ковернинский худпромсоюз, Семёновский межрайпромсоюз, Облмехвалпромсоюз, Обллеспромсоюз, Облмебельпромсоюз) системы Облпромсовета просуществовали до 1960 г., до самой ликвидации промысловой кооперации [1, д. 1987, л. 1].

Завершая разговор о партийно-государственном руководстве промысловой кооперацией, необходимо отметить, что многочисленные реорганизации и «перебрасывание» управления промкооперацией из рук в руки не только не смогли укрепить ее позиции в экономике страны, а наоборот, привели к упразднению промысловой кооперации как таковой.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2497. Оп. 1.

2. Выступление А.И. Микояна перед ереванскими избирателями // Правда. – 1950. – 11 марта.

3. Назаров П.Г. История российской промысловой кооперации (1932-1952 гг.). – Челябинск, 1994.

4. Российский государственный архив экономики. Ф. 8101. Оп. 1.

5. ЦАНО. Ф. 3295. Оп. 1.

6. ЦАНО. Ф. 3295. Оп. 2.

7. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 3. Оп. 1.

8. ЦАНО. Ф. 5832. Оп. 1.

9. Постановление СНК СССР «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов» от 22 августа 1945 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет: в 5 т. Т. 3. 1941–1952 годы / сост.: К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. – М., 1968. – С. 232-239.

10. Пушков Н. Больше товаров широкого потребления! // Блокнот агитатора. – 1951. – № 18. – С. 18.

11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-8300. Оп. 23.

ГАРФ. Ф. 296 а. Оп. 1.

УДК 9.908

АРХИВ РФЯЦ-ВНИИЭФ (к 65-летию создания)

ARCHIVE OF THE RUSSIAN FEDERAL NUCLEAR CENTER – ALL-RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE OF EXPERIMENTAL PHYSICS (to the 65th anniversary of creation)

А.М. Федченко

A.M. Fedchenko

Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики,
Отдел фондов научно-технической и управленческой документации,
архивист II категории
607188, Нижегородская область, г. Саров, пр. Мира, д. 37
E-mail: alex101287@mail.ru

Аннотация. В статье говорится об истории становления и развития архива (отдела фондов) РФЯЦ-ВНИИЭФ – градообразующего предприятия г. Сарова, о составе и содержании хранящихся в нем документов, их использовании в различных целях. Отмечаются достижения архива.

Ключевые слова: архив; отдел фондов; архивный фонд; фонд РФЯЦ-ВНИИЭФ; использование документов.

Summary. The article deals with the history of the formation and development of the archive (Department of funds) of the Russian Federal nuclear center-all-Russian research Institute of experimental physics – city-forming enterprise of Sarov, the composition and content of the documents stored in it, their use for various purposes. Archive achievements are noted.

Key words: archive; Department of funds; archive fund; fund of the Russian Federal nuclear center-all-Russian research Institute of experimental physics; use of documents.

В 2018 г. архив РФЯЦ-ВНИИЭФ (официальное его название в настоящее время – отдел фондов научно-технической и управленческой документации (ОФНТиУД)) отмечает 65-летие со дня своего образования. За эти годы был пройден сложный путь развития архивного дела в Ядерном центре. Предлагаем ознакомиться с основными событиями и действующими лицами в жизни архива.

В процессе создания и становления атомной отрасли возникало большое количество документов. Разнообразие и сложность решаемых задач, привлечение значительного числа людей к их решению способствовали появлению организационной, научно-технической и по личному составу документации, имеющей научную и культурную ценность. Чтобы сохранить эти уникальные источники информации, необходимо было создавать архивы. Данный вопрос нашел понимание у руководителей государства и отрасли. И уже *«в 1949 г. были предприняты первые шаги по организации архивного дела в отрасли. Начальник ПГУ* (Первого главного управления – ***А.Ф.***) *при Совете Министров СССР распорядился: "В целях обеспечения сохранности документальных материалов, законченных делопроизводством и подлежащих хранению, при проектировании строительства специальных объектов предусматривать постройку архивохранилищ, вполне соответствующих архивному хранению технической и другой документации"»*. Естественно, что в первые годы существования архивов наблюдались серьезные недостатки в организации хранения и учета документов, в частности, *«все документы вне зависимости от вида, значимости и сроков хранения принимались в архивы по одной описи в соответствии с так называемой валовой системой учета»*. Но *«благодаря самоотверженности сотрудников, в массе не имевших специального образования и опыта архивной работы, многие документы удалось сохранить»* [1, с. 37]. Постепенно с развитием архивного дела многие отрицательные моменты в обеспечении сохранности документов изживались.

В 1949 г. приказ ПГУ об организации секретных архивов поступил и в Саров. Однако резолюция начальника первого отдела С.В. Борискина о преждевременности создания архива в КБ-11 (первоначальное название РФЯЦ-ВНИИЭФ – ***А.Ф.***) отодвинула процесс его организации на более поздний срок [2, д. 135, л. 145]. Архив предприятия был образован в 1953 г. в составе первого отдела Управления [2, д. 312, л. 105–106]. А в 1959 г. в соответствии с приказами по Министерству среднего машиностроения (МСМ) архив получил статус самостоятельного структурного подразделения, оставшись в системе режимно-секретной службы [2, д. 682, л. 269–270]. В дальнейшем несколько раз менялось его название: с 1970 г. – отдел фондов научно-технической документации, с 1972 г. – отдел фондов научно-технической и общей документации, с 1993 г. – отдел фондов научно-технической и управленческой документации, с 2010 г. – отдел архивной документации, а с 2017 г. – снова отдел фондов научно-технической и управленческой документации [2, д. 2012, л. 117; 3, д. 212, л. 39а, д. 753, л. 55].

Неизменными оставались функции архива, главная из которых – обеспечение сохранности документов. Кроме того, необходимо было комплектовать архив секретными и несекретными документами структурных подразделений предприятия и закрепленных организаций, вести учет поступавшей на хранение документации, использовать ее в научно-производственных, исторических и социально-правовых целях.

С 1987 г. отдел фондов выполнял задачи, функции и обладал правами государственного архива СССР, что позволяло хранить документы на постоянной основе [1, с. 39]. С 1995 г. отдел фондов осуществляет депозитарное (временное) хранение документов Архивного фонда РФ.

Первое поступление документов в архив произошло в 1953 г. На хранение были переданы дела первого отдела Управления за 1948–1951 гг.

С 1970-х гг. архив хранил документы городских организаций согласно приказу Министерства [2, д. 2392, л. 1–4]. В 1980 г. в связи с созданием городского архива из отдела фондов были переданы документы исполкома горсовета, ГорОНО, комбината бытового обслуживания (КБО), Горкомхоза, Горлесхоза, отдела культуры. В соответствии с приказом Министерства 1982 г. архиву предписывалось хранить документы совхозов, принадлежащих ВНИИЭФ [2, д. 3937, л. 2, 3]. В 1994 г. произошла передача документов отдела рабочего снабжения (ОРС) и отдела детских дошкольных учреждений (ОДДУ) в городской архив. В 1997 г. на основании указания директора Ядерного центра в городской узел связи были переданы документы этого учреждения. В 2000 г. руководством РФЯЦ-ВНИИЭФ и городской администрацией был решен вопрос о передаче в городской архив несекретной документации горкома профсоюза, горсовета оборонной спортивно-технической организации, Саровского политехникума, ССПАО (бывшее Управление строительства (УС-909)), профсоюза УС-909, военно-строительной части при УС-909, ОАО МСУ-101 «Промэлектромонтаж», ЗАО «Саровгидромонтаж».

В настоящее время на хранении в архиве Ядерного центра находится архивный фонд РФЯЦ-ВНИИЭФ, а также фонды Профсоюза ВНИИЭФ, агрофирмы «Вперед», ЦМСЧ-50, военно-строительных частей, Кирово-Чепецкого химкомбината (последние три фонда состоят из секретных документов) и фонд, состоящий из копий рассекреченных документов Архива Президента РФ. Основным является фонд градообразующего предприятия.

Начальной хронологической границей фонда РФЯЦ-ВНИИЭФ является 09 апреля 1946 г., когда было создано КБ-11. Между тем, на хранении имеется документация более раннего периода: документы по личному составу завода № 550 (КБ-11 стало его правопреемником – ***А.Ф.***) за 1937–1948 гг., копии конструкторских документов за 1939–1945 гг., проектные документы за 1939, 1941 гг., фотодокументы за 1939 и последующие годы.

Специфический характер деятельности (КБ-11) ВНИИЭФ – разработка и создание атомного оружия в условиях всеобъемлющего режима секретности – отразился на составе и содержании документального и архивного фондов предприятия. Большую часть архивного фонда составляет секретная научно-техническая документация. Имеются уникальные и особо ценные научно-технические документы за 1948–1980 гг., прошедшие микрофильмирование. На хранении находятся постановления и распоряжения Совета Министров СССР, подписанные И.В. Сталиным (заверенные копии), В.М. Молотовым, Л.П. Берией. Имеются рукописи и документы с подписями руководителей отрасли: Б.Л. Ванникова, А.П. Завенягина, В.А. Малышева,

Е.П. Славского, министра обороны СССР в 1976–1984 гг. Д.Ф. Устинова, ученых: А.П. Александрова, Е.И. Забабахина, Я.Б. Зельдовича, М.В. Келдыша, И.В. Курчатова, А.Д. Сахарова, Н.Н. Семёнова, Г.Н. Флёрова, Ю.Б. Харитона, К.И. Щёлкина, конструкторов: Н.Л. Духова, С.П. Королёва, С.Г. Кочарянца, Е.А. Негина и др. [4, д. 118; 7, д. 87]. В архиве хранятся личные дела руководителей Ядерного центра (А.С. Александрова, Б.Г. Музрукова, Л.Д. Рябова), ученых (Я.Б. Зельдовича, С.Б. Кормера, А.Д. Сахарова, И.Е. Тамма, Г.Н. Флёрова, Д.А. Фишмана, В.А. Цукермана) [6, д. 164, 14614, 9072, 3697, 19747, 9340, 10340, 11082, 26862, 26887].

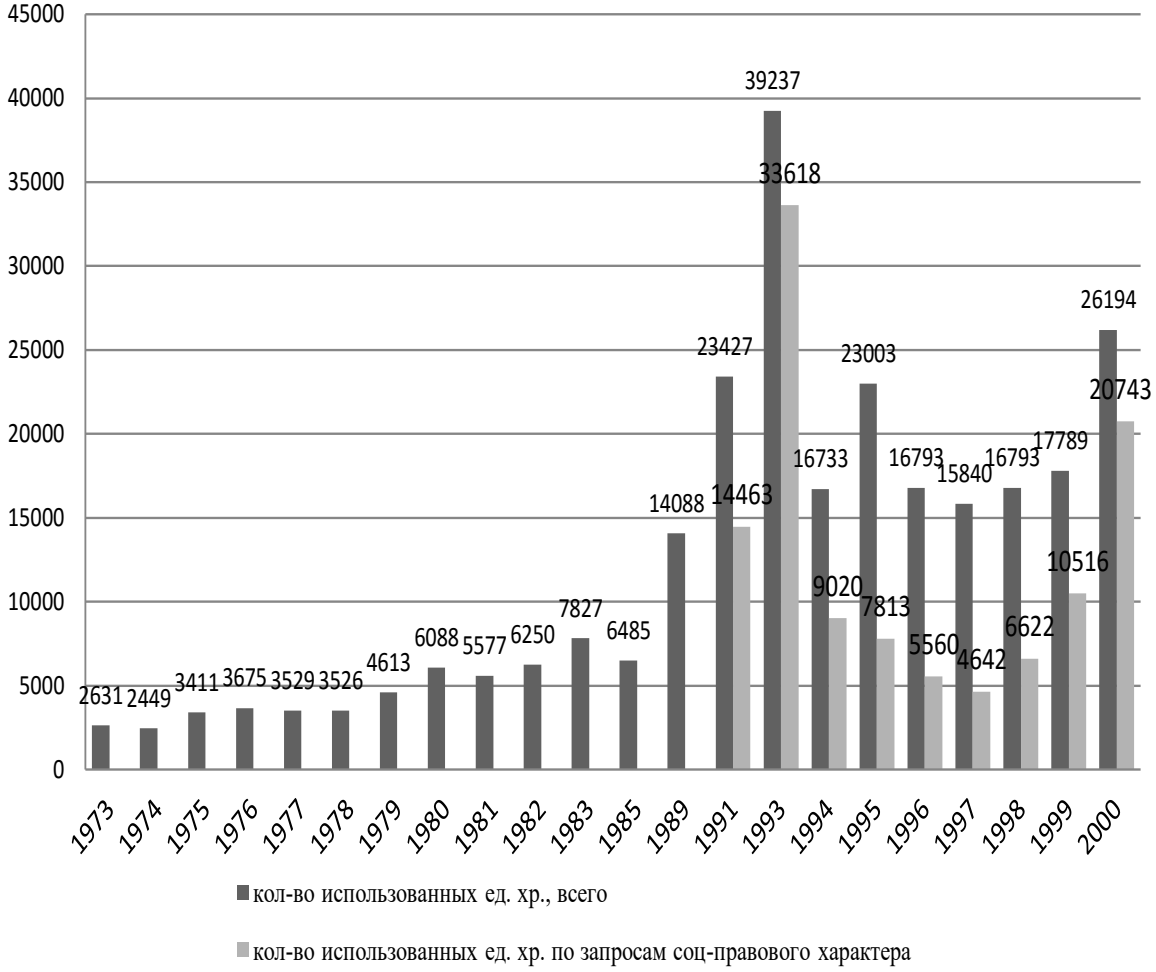
На хранении по фонду РФЯЦ-ВНИИЭФ числятся приказы по личному составу ОРСа, ГорОНО, отдела культуры, КБО, Горлесхоза, Арзамасского вечернего политехникума, МИФИ № 4, городского узла связи за 1946-1955 гг. По результатам испытаний разработанных в КБ-11 изделий на полигонах Министерства обороны имеются отчеты воинских частей, научно-исследовательских институтов и Минздрава СССР. Также хранятся копии конструкторских документов различных научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро и документы проектных организаций.

Использование документов началось сразу после образования архива в 1953 г [4, д. 3, л. 1, 2]. В первые десятилетия существования отдела (до 1990-х гг.) документы использовались преимущественно в научно-производственных целях. В 1990-е гг. возросло количество использований в исторических и социально-правовых целях [3, д. 474, 526, 595, 626; 5, д. 47, л. 2, 3].

Первое широкое использование документов в исторических целях произошло в 1971 г., когда готовились исторические очерки о деятельности подразделений предприятия в честь 25-летия ВНИИЭФ. В 1995–1997 гг. работники отдела фондов совместно со специалистами подразделений Ядерного центра принимали участие в отборе, рассекречивании и ксерокопировании секретных архивных документов, связанных с историей создания отечественного ядерного оружия за период до 1954 г. В 1999 г. производилась съемка рассекреченных документов за 1949 г. для видеофильма о 50-летии испытания первой атомной бомбы.

Документы фонда РФЯЦ-ВНИИЭФ использовались при подготовке изданий, посвященных истории отрасли, предприятия и биографиям ученых, конструкторов, организаторов производства.

Архив РФЯЦ-ВНИИЭФ отмечен на ниве новаторских решений. В 1980-е гг. было разработано современное архивное оборудование – металлические стеллажи и полки, в результате чего был усовершенствован процесс эвакуации документов при чрезвычайных ситуациях, а на тех же площадях увеличен в 1,5 раза объем хранящейся документации. Кроме того, отдел фондов являлся примером для подражания. Сотрудникам архива в те же годы был повышен должностной уровень, что в дальнейшем получило распространение на других предприятиях отрасли.



Недавно, в 2014 г., отдел фондов переехал в реконструированное и приспособленное под архив здание. В отделе имеются персональные компьютеры, принтеры, сканеры и другая техника, необходимая для решения задач, поставленных перед архивом на современном этапе развития общества.

Источники и литература

1. Цветков Б.М. Основные этапы организации архивного хранения документов в атомной отрасли (1945-2010 гг.) // Отечественные архивы. – 2011. – № 3. – С. 37–41.
2. Архив РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров. Ф. 1. Оп. 1с.
3. Архив РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров. Ф. 1. Оп. 1.
4. Архив РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров. Ф. 1. Оп. 1с(доп).
5. Архив РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров. Ф. 1. Оп. 1(доп).
6. Архив РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров. Ф. 1. Оп. 1лд.
7. Архив РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров. Ф. 1. Оп. 20с.

УДК 908(470+571)

АРЗАМАССКИЙ ХЛЕБОКОМБИНАТ В СТРУКТУРЕ АРЗАМАССКОГО ТРЕСТА «РОСГЛАВХЛЕБ»

ARZAMAS BAKERY IN THE STRUCTURE OF ARZAMAS TRUST “ROSGLAVCHLEB”

А.А. Исаков[1], Л.В. Исакова[2]

A.A. Isakov, L.V. Isakova

[1] Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, кафедра истории и обществознания, доцент
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: Blauer-Reiter@yandex.ru;

[2] Нижегородский экономико-технологический колледж, преподаватель правовых дисциплин
607220, Нижегородская область, г. Арзамас, пр. Ленина, д. 200
E-mail: gorkova.l.v@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена недолгой истории взаимоотношений Арзамасского хлебобулочного комбината и Арзамасского областного треста «Росглавхлеб» в период существования Арзамасской области. Авторы делают вывод о том, что, несмотря на возникавшие конфликты, Арзамасский хлебокомбинат был в это время ведущим предприятием отрасли в областном масштабе.

Ключевые слова: хлебопекарная промышленность; Арзамасский хлебокомбинат; трест «Росглавхлеб»; Арзамасская область.

Summary. The article is devoted to a short history of the relationship of Arzamas bakery and Arzamas regional trust “Rosglavchleb” during the existence of the Arzamas region. The authors concludes that despite the conflicts that arose, Arzamas bakery was at that time the leading enterprise in the industry on a regional scale.

Key words: baking industry; Arzamas bakery; trust “Rosglavchleb”; Arzamas region.

1954–1957 гг. в истории комбината не стали временем революционных перемен. Однако в одном отношении они все-таки были уникальными. Дело в том, что все это время Арзамасский хлебобулочный комбинат являлся головным предприятием Арзамасского областного треста «Росглавхлеб». Сама Арзамасская область была образована указом Президиума Верховного Совета СССР 17 января 1954 г. Однако областной трест «Росглавхлеб» начал функционировать лишь с 1 июня. Возглавил его С.Д. Герасименко. В подчинение треста были переданы хлебокомбинаты в Арзамасе, Кулебаках, Выксе и Первомайске. Арзамасский комбинат поделился с трестом кадрами – планово-экономический отдел возглавила Н.В. Широкова, в структуру треста перешла З.А. Гусакова. При тресте была организована лаборатория (заведующая – В.В. Богатырева), имелся целый штат ИТР (инженер-строитель Г.И. Вознесенский, инженер-технолог Г.А. Алексеева, инженер по труду Н.А. Степаненкова, начальник снабжения Д.Г. Плужников). Так сложилось, что первой стройкой треста стал щитовой домик типа КЩ-350, в котором зимой 1954 г. получили комнаты его руководящие работники. Директору и зав.

лабораторией досталось по целой комнате, а инженерам пришлось делить третью комнату на двоих [1, д. 1, л. 1, 84–85].

Осенью 1954 г. трест провел тщательную и жесткую документальную ревизию подчиненных комбинатов. Первым на очереди оказался Кулебакский хлебокомбинат. Итоги его проверки были подведены приказом от 28 сентября. И хотя нарушений на комбинате было выявлено немало, объем потерь по ним был в пределах разумного – ситуацию еще можно было исправить за оставшиеся три месяца. Поэтому директор И.Г. Крюков и старший бухгалтер А.С. Орлов получили не выговор, а перечень мер, которые они должны были принять для устранения нарушений (в общей сложности – 15 пунктов) [1, д. 1, л. 44–45].

Итоги проверок Выксунского и Арзамасского комбинатов были подведены приказами от 12 октября. Пункты 16–18 приказа по итогам проверки Арзамасского хлебокомбината достаточно красноречивы, чтобы проиллюстрировать ими весь шестистраничный документ:

«*16. Принять к сведению, что ответственный за обревизуемый период ст. бухгалтер т. Волков с Хлебокомбината уволен с июля 1954 года.*

17. Принять к сведению объяснения директора Хлебокомбината т. Линник С.П., что часть недостатков, указанных в акте ревизии … исправлена, план производства за 9 месяцев, план снижения себестоимости и план накоплений выполнен, производительность труда в 3 квартале перевыполнена, план выпуска в ассортименте в 3 квартале выполнен.

18. За отсутствие должного контроля за производственно-хозяйственной деятельностью, допущенную оплату нарядов по завышенным расценкам, самоавансирование … тов. Линник С.П. ПОСТАВИТЬ НА ВИД и предупредить, что невыполнение указанных в приказе предложений в срок повлечет за собой самые строгие меры наказания» [1, д. 1, л. 59].

В процессе ревизии было выявлено немало нарушений. Первое – выдача руководством комбината самому себе авансов в счет зарплаты, причем еще до погашения предыдущего аванса. Второй – оплата работы строителей по завышенным расценкам. Наконец, большие упущения выявились в расходовании топлива (расход угля фактически не велся) и сырья (в сыром подвале пришло в негодность шесть с лишним тонн соли, восемь тонн сахара на складе оказались мокрыми), причем их одних было достаточно, чтобы комбинат работал в убыток. К этому следует добавить незаконные доплату ряду лиц, отсутствие табельного учета и многие другие серьезные упущения. Ради справедливости скажем, что в число нарушений попали выплаты руководителями хорового и драматического кружков, компенсация стоимости огорода, занятого пристроем к зданию завода, и тому подобные некриминальные сами по себе вещи. Однако Семен Павлович в этой ситуации не растерялся, а постарался исправить положение дел. Если верить приказу – это вышло в высшей степени удачно, и поэтому отрицательных последствий для комбината ревизия не имела.

Выксунский комбинат проверяли уже вместе с прокуратурой. Его директор Ф.Н. Ладенков ввел в систему лишение рабочих очередного отпуска, выходных дней, назначение их на сверхурочные работы сверх установленных КЗОТ норм, удлинение испытательного срока при приеме на работу с шести законных дней до целого месяца. Пока эти нарушения доверили исправлять самому Ладенкову [1, д. 1, л. 60–61].

Еще через две недели, 26 октября 1954 г. трест подвел итоги работы своих предприятий за девять месяцев. В аутсайдерах неожиданно оказались более крупные Арзамасский и Выксунский комбинаты. План они выполнили чуть больше, чем на 95%, и имели превышение нормативной численности коллективов на 7–9 человек. В отличие от Первомайского и Кулебакского комбинатов, они совершенно не выпекали так называемых улучшенных сортов хлеба (бородинский, минский, рижский, московский) и тянули с установкой необходимых для этого паровых котлов [1, д. 1, л. 70–71].

В январе 1955 г. трест проверил годовые отчеты всех трех комбинатов и провел проверку Первомайского. Хотя финансовые показатели первомайских хлебопеков были очень неплохими (план по накоплениям перевыполнили на 147%), выявились существенные проблемы с качеством продукции и использованием производственных мощностей. Отвечать за это заставили главного инженера И.В. Коротеева. В тресте он вспылил, заявив, что ему некогда заниматься обучением рабочих и соцсоревнованием. В ответ его обвинили в хищении дров и уволили с комбината [1, д. 2, л. 8–9]. Однако директора комбината Королева это не коснулось, а деятельность предприятия за 1954 г. в целом была признана хорошей [1, д. 2, л. 10–12]. Отчет Кулебакского завода потянул на оценку «удовлетворительно», здесь лучше использовались производственные мощности, но менее успешной была финансовая деятельность. Тяжелее пришлось хлебопекам из Выксы. Н.Ф. Ладенков уволился по собственному желанию, на его место был назначен С.Д. Силеев [1, д. 2, л. 13–19 об.].

Больше всех досталось, как и в прошлый раз, головному предприятию. Как отмечает приказ треста, за последние три месяца 1954 г. на заводе сменилось три старших бухгалтера. Последний из них, Миронов, смог выполнить годовой отчет, но его финансовая часть (в том числе, перевыполнение плана по накоплениям на 143%) показалась бухгалтерии треста неправдоподобной. В итоге производственная деятельность получила оценку «удовлетворительно», а финансовая – «неудовлетворительно». Линнику и Миронову было предписано лично сверить все счета предприятия и предоставить в трест отчет, соответствующий действительности [1, д. 2, л. 24]. Впрочем, была от треста и польза. В мае 1955 г. главного инженера Арзамасского хлебокомбината Евдокию Иосифовну Кудрявцеву командировали в Москву на годичные (!) курсы повышения квалификации технологов-практиков хлебопекарных предприятий. В ее должность вступила Л.И. Бородавкина, бывшая к тому моменту уже зав. лабораторией [1, д. 2, л. 74]. И еще одна любопытная

черта – в отсутствие С.Д. Герасименко обязанности управляющего трестом исполнял С.П. Линник.

Новый 1956 г. трест начал с увеличения норм выработки и снижения сдельных расценок для подведомственных комбинатов. Это подстегнуло текучку кадров, которая на трех из четырех предприятий составила около 40 человек в год, что при численности работающих около 160 человек было тревожным показателем.

При анализе отчетной документации за 1955 г. снова досталось Выксунскому хлебокомбинату, который едва выполнил план в объемных показателях, но не смог этого сделать в ассортименте. Возникли у выксунцев и проблемы с качеством: балльность продукции упала ниже 95, из торговой сети было возвращено ¾ тонны хлеба. Трест пока ограничился тем, что порекомендовал С.Д. Силееву изменить свой стиль работы [1, д. 3, л. 35–38]. Однако уже 31 мая он получил выговор, а 1 августа был снят с должности [1, д. 3, л. 101]. Выксунский хлебокомбинат продолжало лихорадить. В непростой ситуации находился и Кулебакский комбинат. Здесь отмечалась высокая текучка, многочисленные нарушения трудовой дисциплины [1, д. 3, л. 39–41].

Лучше других снова «отстрелялся» Первомайский хлебокомбинат. Он снова показал существенное перевыполнение плана по накоплениям (124%). Замечания касались в основном ассортимента и внешнего вида продукции. В итоге первомайские хлебопеки вновь получили оценку «хорошо» [1, д. 3, л. 42–44]. Однако в мае на Первомайский комбинат прибыла комиссия для проверки работы лаборатории, заведующая лабораторией Е.В. Шестикова ожидаемо получила выговор за отказ участвовать в процессе приема-передачи смен [1, д. 3, л. 57–59].

И вновь тяжелее всего было головному предприятию. Уже 16 февраля Арзамасский хлебокомбинат получил приказ, требовавший закончить техническое перевооружение: «*В результате проведенной реконструкции Арзамасского хлебозавода мощность последнего увеличилась на 15 тонн в сутки, ряд ручных процессов механизирован. Однако благодаря большим недоделкам при пуске в работу нового мукопросеивательного и тестомесильного отделений возникает много трудностей для производственных рабочих при эксплуатации оборудования и техническая мощность предприятия не осваивается*». Ответственность за это была возложена на главного инженера Л.И. Бородавкину и главного механика П.А. Пучкова, даже получившего строгий выговор [1, д. 3, л. 16–19].

Отчет за 1955 г. был составлен четвертым (с момента ухода Волкова) бухгалтером В.А. Подтягиным, однако прошлогодняя формулировка приказа не поменялась: снова «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» [1, д. 3, л. 45–48]. Но и это было еще не все. В мае трест проверил работу комбината за четыре месяца 1956 г. и разразился грозным приказом за номером 46. Бухгалтеры треста почти сразу заметили ошибки в балансе. Выяснилось, что только при учете мешкотары заместитель главного бухгалтера О.Н. Трубкина допустила ошибок на 28 тыс. руб. Оказалось, что четырехмесячный план по

накоплениям выполнен комбинатом менее чем на 60%, имеется перерасход практически по всем статьям. В этой связи было решено провести на комбинате глубокую документальную ревизию всей финансовой и хозяйственной деятельности (в состав комиссии вошли представители треста и Первомайского комбината). С.П. Линник получил выговор, В.А. Подставнягин – строгий выговор, О.Н. Трубкина была уволена из бухгалтерии с правом подыскания другой работы на комбинате (и встала к печи садчиком) [1, д. 3, л. 66–68]. По итогам этой проверки сократили должность начальника планово-экономического отдела треста Н.В. Широковой, так как управляющий трестом считал, что она покрывает бывших коллег по Арзамасскому хлебокомбинату [1, д. 3, л. 70].

Сложно сказать, как встретили ответственные работники комбината указ об упразднении Арзамасской области 23 апреля 1957 г., но все вышеописанное позволяет думать, что, скорее всего, – с облегчением.

Завершить рассказ об этом периоде истории предприятия нам бы хотелось описанием работы Областной дегустационной комиссии при Арзамасском областном управлении промпродтоваров, первое заседание которой состоялось 26 марта 1957 г. Возглавлял ее главный инженер управления промпродтоваров В.А. Федоров, членами были специалисты в области хлебопечения и торговли, а также представитель Горсовета. Непосредственно дегустацию проводили заведующие магазинами Костина, Шумилина и Белюкова, заведующая производством ресторана Арзамасского торга Юматова и управляющий конторой Главбакалеи Евдокимов. Арзамасский комбинат был представлен директором, главным инженером (им снова стала вернувшаяся с курсов Е.И. Кудрявцева), а также целым рядом работников, среди которых были лаборанты, мастера и бракеры. Выксунский комбинат представляли заведующая лабораторией А.Н. Ганьшина и мастер В.Я. Даняев, Кулебакский – заведующая лабораторией В.В. Малухина, Первомайский – заведующая лабораторией Жаркова и мастер Рахнин. Арзамасцы имели то преимущество, что привезли на дегустацию хлеб, выпеченный в этот же день, тогда как представители остальных хлебозаводов привезли продукцию, выпеченную с 23 по 25 марта.

Арзамасский хлебокомбинат представил 27 видов продукции, из которых только сайки первого сорта были оценены на «удовлетворительно», а любительские батоны мастера В.Б. Николаева на «отлично». За остальными изделиями (представленными мастерами Болотниковой, Горожанцевой, Хритининой, Мироновой, В.Б. и П.И. Николаевыми) были замечены небольшие недостатки, позволившие оценить их на «хорошо». Выксунский хлебокомбинат представил всего шесть видов продукции (мастеров Якобсона и Даняева), среди которых сайка первого сорта также не удалась, а остальные заслужили оценку «хорошо». Кулебакские пекари привезли семь видов изделий (мастеров Клюшиной и Хлебниковой), все они были оценены на «хорошо». Из шести изделий Первомайского комбината (мастера Мартышин, Бочин и Рахнин)

оценку «удовлетворительно» получили два (красносельский хлеб и булочная мелочь).

В итоге было сделано следующее заключение:

«*1. Продукцию Арзамасского, Выксунского, Кулебакского хлебокомбинатов … признать хорошего качества, за исключением сайки первого сорта, которая имеет заминающийся мякиш.*

2. Продукцию Первомайского хлебокомбината признать удовлетворительного качества. Отметить имеющие место на Первомайском хлебокомбинате следующие недостатки: продукция на вкус кисловата, с заминающимся мякишем. Внешнее оформление хлебобулочных изделий небрежное» [2, д. 31].

Так за месяц до упразднения Арзамасской области Арзамасский хлебобулочный комбинат подтвердил статус головного предприятия отрасли в областном масштабе.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р-1974. Оп. 1.

2. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-1043. Оп. 2.

УДК 908

ФОТОДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КРЕМЁНКОВСКОЙ НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ. Н.В. АРТЁМОВ

THE PHOTOGRAPHS ON THE HISTORY KREMYONKOVSKAYA INCOMPLETE HIGH SCHOOL. N.V. ARTYOMOV

А.Е. Клюшина

A.E. Klyuschina

Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики, архивист

607188, Нижегородская обл., г. Саров, пр. Мира, д. 37

E-mail: aleksa.clyuschina2010@yandex.ru

Аннотация. Фотографии являются ценными источниками информации при изучении истории, но наиболее информативными они становятся лишь при условии их описания. В процессе подготовки фотоальбома Кремёнковской неполной средней школы за 1950–1954 гг. к передаче на государственное хранение нами был собран материал о краеведе Николае Васильевиче Артёмове.

Ключевые слова: фотодокументы; личный архив; сельская школа.

Summary. Photos are valuable sources of information in the study of history, but they become the most informative only if they are described. In the process of preparing the album Kremyonkovskaya incomplete secondary school in 1950-1954 to the transfer to state custody, we collected material about the ethnographer N.V. Artyomov.

Key words: photo documents; personal archive; rural school.

С 2017 г. автором этих строк ведется работа по описанию фотоальбома Кремёнковской неполной средней школы за 1950–1954 гг. из личного архива местного краеведа Н.В. Артёмова. Альбом для изучения нам передал один из членов исторического объединения «Саровская пустынь» А.М. Подурец.

Для включения данного источника в фонд Кремёнковской семилетней школы Дивеевского районного архива [1] требуется описание данного источника. В процессе работы наибольшее количество информации на сегодняшний момент получено по Н.В. Артёмову – учителю истории Кременковской НСШ ***(Приложение 7, фото 3)*** в описываемый период.

Николай Васильевич Артёмов родился 10 апреля 1919 г. в селе Кремёнки ныне Дивеевского района Нижегородской области. Образование получил в Арзамасском педагогическом техникуме, а в 1939 г. был призван в армию. В августе 1941 г. Артёмов ***(Приложение 7, фото 1)*** был тяжело ранен и вернулся домой инвалидом 1-й группы (у него была ампутирована рука). В 1954 г. Николай Васильевич закончил Арзамасский государственный учительский институт ***(Приложение 7, фото 2)***. До окончательного ухода на пенсию в 1977 г. Николай Васильевич работал в сельских школах Дивеевского и Ардатовского районов ***(Приложение 7, фото 4-5)***. В 1979 г. Н.В. Артёмов переехал жить к дочери в Саров, где и скончался в 1995 г. (Биографические сведения получены от дочери Н.В. Артёмова Н.Н. Глуховой, живущей в Сарове).

В течение всей своей жизни Н.В. Артёмов занимался историей родного края. После смерти Николая Васильевича родственники передали его архив историческому объединению «Саровская пустынь» ***(Приложение 7, фото 6)***. Содержание этого архива позволяет восстановить круг интересов краеведа, его достижения, взгляды и особенности работы, которые, по-видимому, были характерны для многих краеведов 1950–1970-х гг. О родном крае Н.В. Артёмова как истинного краеведа интересовало всё: география, археология, история древняя и новейшая, топонимика, народное образование, здравоохранение и многое другое.

Основная часть архива Н.В. Артёмова относится к изучению им территории бывшего Ардатовского уезда и Арзамаса. Архив можно подразделить на три части: бумаги (черновики, письма, отдельные выписки и конспекты книг и источников и т.п.), карты и картотеку.

Большую историческую ценность представляют собой собранные Артёмовым межевые карты. Их 163 шт., и все они (за единичными исключениями) относятся к дачам бывшего Ардатовского уезда. Наиболее старые карты относятся ко времени Генерального межевания, т.е. к 1780–1790-м гг. (любопытно, что, судя по сохранившимся на некоторых из них пометкам, картами XVIII века пользовались еще при планировке колхозных полей). Наиболее поздние карты, датируемые периодом 1920–1930-х гг., освещают сначала организацию хуторов, потом – колхозов. Бóльшая часть карт относится к XIX веку. Каким образом и когда они попали к краеведу неизвестно, понятно лишь, что благодаря Артёмову карты эти для нас сохранились. Можно с уве-

ренностью сказать, что данный картографический фонд станет ценным источником для местных исследователей. Среди людей, которые были землевладельцами Ардатовского уезда и чьи имена есть на картах, – князья Шаховские, Блудовы, Кугушевы и Звенигородские, Николай Александрович Мотовилов (человек, близкий Серафиму Саровскому), Чаадаевы.

Папки с рукописями составляют 115 ед. хр. в рукописном фонде объединения. Несколько папок содержат обширную переписку с краеведами и историками, как любителями, так и профессионалами. Пожалуй, это наиболее интересная для стороннего читателя часть бумаг. Среди основных адресатов Артёмова П.В. Зимин из Пензы, П.М. Травин из Краснослободска, А.А.Золотарев из Мурома (бывший директор Муромского музея), И.П. Ениватов из села Стандрово в Мордовии, Г.П. Вохромов из Арзамаса и др. Что интересно, многие краеведы тогда не просто обменивались информацией – дружили, ездили друг к другу в гости, были в курсе семейных и житейских проблем друг друга. Об этом говорит и интенсивность переписки, жаль только, что сохранилась она не полностью.

Не стеснялся Николай Васильевич обращаться с запросами и в различные организации – государственные архивы, административные органы. Есть в одном из дел, например, письмо от Николая Федоровича Мокшина, ныне профессора, одного из ведущих специалистов по истории и этнографии мордвы. Тогда же, в 1961 г., он – молодой аспирант – весьма подробно ответил на письмо, направленное в Мордовский университет от членов школьного кружка «Юные краеведы» деревни Кавлей, которым руководил Артёмов. Вопросы касались мордовской ономастики [2, д. 75, л. 35–44].

Документы архива дают представление о методологии работы краеведов, об условиях, в которых они вели свои исследования. Условия для работы были гораздо сложнее сегодняшних. Например, достав на время у кого-то необходимую для топонимических изысканий книгу «Горьковская область. Административно-территориальное деление», краеведы переписывали ее от руки полностью. Так же вручную составлялись географические карты, ведь пользоваться в серьезной работе общедоступными картами 1960-1970-х гг. выпуска было бессмысленно. Отсутствие у сельских и районных краеведов доступа к закрытой информации компенсировалось фанатичной преданностью делу.

Много писал он в ученических тетрадках, использовал для заметок и листки перекидных календарей. Этих календарных листков в его архиве – сотни, а скорее, тысячи. В конце концов, такое постоянное взаимодействие с календарями сыграло свою роль: целое дело в архиве посвящено составленным Артёмовым различным календарям. Календари были на отдельные годы XVIII–XIX вв., на будущее; с особенной тщательностью составлены были календари на годы жизни А.С. Пушкина [2, д. 31]. Безусловно, краеведение – разновидность чудачества, но без таких чудаков пострадала бы наука.

Большие трудности испытывали краеведы и с публикацией результатов своих исследований. Надо с сожалением отметить, что подавляющая часть

рукописей Артёмова, многие из которых были уже им оформлены как готовые к публикации, так и не увидели свет. Вот характерный отрывок из письма, полученного Артёмовым из редакции горьковской газеты «Ленинская смена» в 1951 г.:

«*Здравствуйте, тов. Артемов!*

Ваша статья о работе руководимого Вами краеведческого кружка, безусловно, представляет интерес для читателей. Думаю, что она будет напечатана в газете. Кое-что придется подсократить – в особенности описание разных исторических событий.

За лето, очевидно, кружок соберет новые экспонаты для школьного музея, ребята побывают в походах по району. Пишите, что будет интересного. Да и не только об этом надо информировать редакцию. Вы тесно связаны с комсомольской организацией, со всей молодежью. Комсомольская работа, труд и досуг молодых хлеборобов, – разве это не может быть темой для статьи?

С приветом!

Зав. отд. пропаганды и агитации Трунов» [2, д. 104, л. 70].

Или еще одно письмо оттуда же, от 15 февраля 1952 г.:

«Здравствуйте, тов. Артемов!

Прошу извинить за то, что задержался с ответом.

Относительно статьи не могу Вам сказать, что-либо определенное. Мне кажется, что она не представляет интереса: глубокая старина, не связанная с современностью… Во всяком случае, пока я подержу ее у себя, быть может, поближе к 400-летию Арзамаса удастся напечатать. (400-летие Арзамаса отмечалось в 1978 г., т.е. через 26 лет после этого письма; видимо, существовала точка зрения, что «днем рождения» Арзамаса следует считать 1552 г. – год третьего похода Ивана Грозного на Казань – ***А.К.***) <…>

Кроме этого, мне хотелось бы попросить вот о чем. У нас плохо освещается самостоятельная теоретическая учеба комсомольского актива и молодой интеллигенции. Быть может, в ваших краях есть хорошее? Расскажите, пожалуйста. А, возможно, следует покритиковать за это райком комсомола? И такая корреспонденция будет ценна для газеты.

С тов. приветом

Зав. отд. пропаганды и агитации Трунов» [2, д. 104, л. 76].

Выручали круглые даты. Н.В. Артёмову удалось опубликовать газетные статьи и даже их циклы в 1967 г. к 50-летию Октябрьской революции, в 1970 г. – к 300-летию восстания С. Разина, в 1978 г. – к 400-летию Арзамаса. И, конечно, больше интереса к краеведческой тематике проявляли не областные, а районные газеты, с некоторыми из которых у Артемова установились хорошие отношения. Особенно много его материалов опубликовал дивеевский «Ударник», где работал такой же краевед-энтузиаст Василий Иванович Карпушов.

Нельзя утверждать, что труды Н.В. Артёмова были совсем не признаны. Именно ему как известному знатоку местной старины было доверено

написание самого раннего хронологического раздела в «Очерках истории Арзамаса» [3]. В 1973 г. Артёмову даже предлагали стать директором Арзамасского госархива, но он отказался, предпочтя учительствовать в сельской школе [2, д. 105, л. 93]. Однако при изучении материалов архива складывается впечатление, что объем проведенной исследовательской работы, о котором можно догадываться по сохранившимся документам, значительно превышает объем опубликованного. И действительно, нельзя же было надеяться в то время на публикацию районной газетой изысканий по помещичьему землевладению XVI–XIX вв.

И еще на одно обстоятельство обращает внимание архив Николая Васильевича. Несколько раз журналисты из областных СМИ, прослышав о знающем сельском краеведе, приезжали к нему, получали интересовавшие их сведения, а потом публиковали под собственными именами, иногда даже не упомянув имени своего информатора [2, д. 41, л. 108–111]. Наверное, в этом одна из главных причин, почему Николай Васильевич в конце своего жизненного пути замкнулся, отгородился от журналистов и коллег-краеведов, оставшись один на один с накопленными за долгие годы работы сведениями и документами.

Но, как говорится, рукописи не горят. И сейчас личный фонд Артёмова активно используется в работе саровскими исследователями, а статья о Николае Васильевиче включена в книгу о знаменитых людях Ардатовского края [4, с. 13].

10 апреля 2019 г. исполнится 110 лет со дня рождения Н.В. Артёмова. История, которую он преподавал, будучи сельским учителем***)***, стала любимым предметом для сотен ребят, которые давно уже выросли, но сохранили зажженную Николаем Васильевичем искру интереса к родному краю. Часть своего энтузиазма и знаний Николай Васильевич передал возникшему в конце 1980-х гг. историческому объединению «Саровская пустынь», за что члены объединения благодарны ему до сих пор [5, с. 23].

В заключение необходимо отметить, что фотоальбом представляет собой уникальный и ценнейший архивный документ, авторство которого принадлежать директору Кремёнковской НСШ в 1950-х гг. Турутину, т.к. за время изучения документа он не был обнаружен ни на одной из фотографий.

Источники и литература

1. Отдел по делам архивов Дивеевского района. Ф. 33 – Кременковская семилетняя школа.

2. Рукописный фонд объединения «Саровская пустынь». Фонд Н.В. Артёмова.

3. Очерки истории Арзамаса / под ред. В.П. Голованова. – Горький, 1981.

4. Знаменитые люди Ардатовского края XVI–XXI веков. – Ардатов-Арзамас, 2002.

5. Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Выпуск IV. – Шуя, 2004.

УДК 93/94

ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА СОВЕТСКИХ И КИТАЙСКИХ ВРАЧЕЙ В 1950-е гг. (на примере командировки профессора Горьковского мединститута В.Г. Вогралика в Пекин)*

THE FEATURES OF COOPERATION BETWEEN THE SOVIET AND CHINESE PHYSICIANS IN THE 1950s (on the example of trip of Gorky medical Institute' Professor V.G. Vogralik to Beijing)

О.С. Нагорных

O.S. Nagornykh

Приволжский исследовательский медицинский университет, кафедра социально-гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент

603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, д. 10/1

E-mail: aldan12@yandex.ru

Аннотация. Советско-китайское сотрудничество в сфере медицины в указанный период предполагало взаимный обмен достижениями. Командировки, организованные Министерством здравоохранения СССР в 1950-е гг. в КНР, сыграли ключевую роль в установления связей и, одновременно с этим, стали важным элементом научного сотрудничества. Поездка 1954–1956 гг. стала самой длительной из всех поездок врачей в Китай в рассматриваемый период. Многие советские врачи внесли свой вклад в развитие китайской медицины и складывания системы здравоохранения.

Ключевые слова: исторический источник; научная командировка; советско-китайское сотрудничество; история науки; архив.

Summary. At that time Soviet-Chinese medical cooperation was considered to be an achievement interchange. The business trips, organized by the USSR Ministry of Health in the 1950s in the PRC, played a key role in establishing connections and at the same time became an important element of scientific cooperation. The trip 1954-1956 became the longest of all trips of doctors to China in the period under review. Many Soviet physicians have contributed to the development of Chinese medicine and the folding of the health care system.

Key words: historical source; scientific trip; Soviet-Chinese cooperation; history of science; archive.

История взаимоотношений СССР и КНР в 1950-х гг. не ограничивается исключительно плоскостью межгосударственных политических контактов, экономических связей и регулирования приграничных территорий. Огромную роль в складывании системы отношений этих стран играют научные, технические, гуманитарные связи. Развитие двусторонних связей России и Китая, обусловленных, в первую очередь, общей границей, в течение длительного времени дополнялись новыми формами сотрудничества. В поле общих интересов вошли также культура, образование, медицина. Проблема советско-китайского взаимодействия в области медицины и здравоохранения

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, в рамках проекта «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества» (№ 18-78-10018).*

редко затрагивается в отечественной и зарубежной историографии. Во многом, материал для исследования может быть представлен центральными и региональными архивами.

Целью статьи является рассмотрение результата взаимодействия советских и китайских врачей в период пика сотрудничества двух государств на примере одной из командировок советских специалистов, организованных Министерством здравоохранения СССР.

Актуальность темы определяется как собственно научными, так и общественно-политическими факторами возрастающей интенсивности взаимоотношений между Россией и Китайской народной республикой в настоящее время, активизацией диалога стран в различных областях.

В 1950-е гг. СССР активизировал развитие научных связей, акцентируя внимание на международных контактах с различными государствами. Второго марта 1956 г. Президиум Академии наук издал Постановление «О мерах по упорядочению международных научных связей Академии наук СССР и улучшению использования научных командировок». В первом пункте отмечалось: *«Считать одной из основных задач, стоящих перед учреждениями и научными сотрудниками Академии наук, тщательное изучение положительного опыта зарубежных научных учреждений и отдельных ученых в различных областях науки»* [1, д. 22, л. 7]. Подобное постановление стало закономерным следствием начавшейся «оттепели» в общественно-политической жизни страны. Причем в нем отмечалась необходимость изучения передового опыта зарубежных стран, а не только внедрения новых советских технологий, как это было часто в отношении социалистических государств, включая КНР.

Такая форма, как командировки, безусловно, является важнейшей частью научного сотрудничества, позволяющей комплексно и совместными усилиями подойти к решению многих проблем, в частности, в сфере медицины, создать единое международное дискуссионное поле по различным научным направлениям, реализовать практическое сотрудничество, взаимообмен клиническим опытом, усовершенствовать системы высшего медицинского образования. Командировки научных сотрудников различных направлений становятся объектом научного интереса у историков [2].

В течение 1950-х гг. подобных командировок было несколько. В КНР направлялись различные технические специалисты, консультанты-врачи. В рамках двусторонних договоренностей о научно-техническом сотрудничестве между странами советские специалисты различных областей регулярно находились в Китае для осуществления работ по строительству медицинских городков, организации работы больниц, регулирования мероприятий, направленных на борьбу с инфекционными заболеваниями и эпидемиями, изучения санитарного движения. Поэтому командировки практикующих врачей в КНР были не единственными. Хотя именно этот тип командировок и наиболее интересен исследователю, поскольку он демонстрирует особенности взаимоотношений врачей двух стран.

Сосредоточим наше внимание на одной из таких командировок, непосредственно связанных с историей г. Горького и Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова.

В центре внимания автора находится командировка 1954–1956 гг. Она, по своей сути, стала самой первой и масштабной поездкой советских врачей в КНР. Также указанная командировка отличалась особой продолжительностью в отличие от остальных, длительность которых могла достигать всего нескольких месяцев.

Группа советских врачей была направлена в терапевтическое отделение Пекинской правительственной больницы КНР. Основной их задачей была диспансеризация высшего командного и партийного состава; во вторую очередь необходимо было сформировать структуру и основы системы высшего медицинского образования по советскому образцу. Руководителем группы врачей был назначен доктор медицинских наук, профессор Горьковского мединститута им. С.М. Кирова Вадим Габриэлевич Вогралик, ставший в будущем одним из основоположников советской школы иглорефлексотерапии. Советские медики (в частности, В.Г. Вогралик) знакомили пекинских врачей с основными вопросами организации терапевтической службы в СССР. Согласно отчету о двухлетней работе того же профессора В.Г. Вогралика в этом отделении [3, д. 936, л. 67–81], врачи проводили консультации, осуществляли систематическое ведение научных конференций, на которых излагали передовой опыт советской медицины, проводили клинические разборы больных. Для подобных командировок даже в дружественные страны в условиях «холодной войны» необходимы были только компетентные, проверенные и политически надежные специалисты. В.Г. Вогралик представлялся именно таким специалистом. В подобных ситуациях Минздрав СССР предварительно отправлял соответствующий запрос с места работы на получение характеристики на потенциального кандидата. При получении соответствующей положительной характеристики давалось разрешение на выезд за рубеж.

Регулирование командировок, организация и отчетность могут быть исследованы на основе документов фонда Управления внешних сношений Министерства здравоохранения СССР, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации [4].

После двухлетнего пребывания в Китае В.Г. Вогралик написал не только научные труды, непосредственно касающиеся рационального применения иглотерапии в различных клинических случаях, но и произведения художественного содержания. Например, книга «Слово о китайской медицине» [5] стала обобщением опыта и впечатлений, полученных во время поездки. Автор проанализировал исторический и теоретический аспект китайской медицины, систематизировал методы диагностики, способы и средства лечения. Книга отличается литературным стилем изложения, насыщена иллюстрациями, таблицами топографии точек для иглоукалывания и прижигания. Собственно, и в данной книге, помимо официальных отчетов, В.Г. Вогралик отмечает значительные результаты деятельности СССР в Китае в сфере меди-

цины: *«В старом Китае была очень слабая организация здравоохранения, почти не было никакой профилактической работы. Так, в 1947 году в стране имелось только 65 760 больничных коек… 7 специализированных диспансерных учреждений. И все это на 600 миллионов человек! К концу 1957 года в стране стало уже 5 014 больниц и санаториев на 363 тысячи коек….»* [5, с. 52–53]. Также интересные характеристики Китая и китайской медицины Вогралик дал в другой своей книге «Два года в Китае» [6].

В.Г. Вогралик в своих интервью, беседах и выступлениях неоднократно отмечал значимость этой поездки для своей будущей деятельности: *«…Это было золотое время нашей дружбы…. Вот тогда-то с группой советских ученых, врачей, меня, в то время молодого профессора, и послали в Китай. Мы помогали китайским товарищам в организации здравоохранения, читали лекции, просто лечили. Там, в Китае, я познакомился с восточной медициной, и это знакомство определило всю мою дальнейшую творческую жизнь. Я "заболел" иглоукалыванием, перенимал опыт китайских врачевателей»* [6, с. 5]. Вклад советских врачей и особенно профессора В.Г. Вогралика высоко оценили их китайские коллеги. Это нашло отражение в последующей обширной переписке между представителями Терапевтического отделения Пекинской Правительственной больницы КНР, отдельными врачами и представителями Минздрава КНР с Горьковским медицинским институтом, которая хранится в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО).

Имеет смысл сделать акцент на некоторых из них. Например, показателен отчет о работе профессора В.Г. Вогралика в терапевтическом отделении Пекинской Правительственной больницы КНР. В отчете сделан анализ двухлетнего пребывания врача в Китае и результаты двухлетней совместной работы: отмечен высокий уровень методологии и методики работ, улучшение режима работы в отделении, повышение теоретической подготовки и деловой квалификации врачей, ведение научно-исследовательской работы, подготовка 34 докладов, клинические разборы больных. Отчет завершается словами благодарности заведующего терапевтическим отделением профессора У. Дье: *«Профессор Вогралик обладает богатым знанием, высокой политической подготовкой, духом интернационализма и неисчерпаемой энергией помочь другим. За прошедшее время он беспрестанно, искренне воспитывает нас, направляет нас на путь истинный. Благодаря всему этому работа в нашем отделении шагнула вперед. Сотрудники нашего отделения повысили свой уровень в разных отношениях. Поэтому мы бесконечно благодарны ему, мы гарантируем, что мы будем идти по указанному пути вперед»* [3, д. 936, л. 81]. Также от имени Министерства здравоохранения КНР Ли Дэ Циань 21 июля 1956 г. направил благодарность за большой вклад в дело здравоохранения КНР: *«Вы своей передовой медицинской теории и богатым клиническим опытом в области терапии оказали Пекинской больнице большую помощь в улучшении работы больницы и лечебной работы, также помогли подготовить преподавателей и провести учебную реформу в высших меди-*

цинских заведениях Китая, что способствует развитию дела народного здравоохранения» [3, д. 936, л. 83].

По возвращении необходимо было подать в Министерство здравоохранения СССР и по месту работы содержательные отчеты. При воссоздании полной картины работы врачей в Пекине в течение двух лет важными источниками стали стенограммы заседаний Ученого Совета ГМИ от 21 сентября 1956 г. и 16 ноября 1956 г. В.Г. Вограликом были сделаны два доклада: «О работе в командировке в Китайскую народную республику» [3, д. 152, л. 67–93] и «О китайской народной медицине» [3, д. 152, л. 192–210]. В Центральном архиве Нижегородской области хранится также отчет заведующего терапевтическим отделением Пекинской Правительственной больницы КНР У. Дье о работе профессора В.Г. Вогралика под заглавием «О большой помощи, оказанной нам уважаемым и дорогим профессором В.Г. Вограликом в течение двух лет совместной работы» [3, д. 241].

В первом докладе, посвященном особенностям работы в командировке, В.Г. Вогралик отмечает потребность КНР в высоких медицинских технологиях, квалифицированных врачах, системе организации основ национального здравоохранения. При этом профессор в обоих отчетах упоминает важность изучения самими китайцами народной медицины: *«Изучение материалов китайской народной медицины убеждает, что она действительно представляет собой богатое наследие многовековой культуры великой нации. Это богатейший родник медицинских знаний, однако родник, требующий научно-поставленной углубленной и систематической разработки»* [3, д. 152, л. 205 об.]. В отчете пекинской больницы присутствует схожая мысль: *«Профессор Вогралик придает важное значение научно-исследовательской работе, в особенности он придает значение научному изучению китайской народной медицины»* [3, д. 241, л. 7].

Врачи Пекинской больницы высоко оценили опыт и знания советских специалистов. Впоследствии на протяжении 1950–1960-х гг., несмотря на политические разногласия между странами, в ГМИ продолжали поступать благодарности от китайских коллег профессору В.Г. Вогралику за его качественную деятельность в Пекине.

Новый тип здравоохранения КНР формировался с учетом достижений национальной медицины, в сочетании их с советскими принципами медицинской помощи. Реорганизация коснулась многих сфер: клинической практики, медицины как науки, академического процесса, профессионального сотрудничества Академий медицинских наук СССР и КНР. Китай очень быстро перенимал новые формы клинической практики и организации работы. Уже к 1960 г. институты и лечебные учреждения в Пекине, Шанхае, Ханчжоу и других городах стремительно развивались. В 1957 г. Академия медицинских наук КНР была организована как центр научной работы под общим руководством Министерства здравоохранения. На нее были возложены функции организатора научных работ по медицине в масштабах всей страны. Во главе стоял Административный совет, в задачи которого входило *«настойчивое*

выполнение постановлений и указаний Минздрава КНР, всесторонне проводить в жизнь генеральную линию коммунистической партии Китая в социалистическом строительстве…» [4, д. 675, л. 20]. Борьба за гигиену и санитарию, ликвидация опасных эпидемических заболеваний стали основными векторами дальнейшего развития здравоохранения по социалистическому образцу. Одной из центральных установок Минздрава КНР стал лозунг: *«Наука – на службу политике, производству и больным»* [4, д. 675, л. 21]. Это стало главным результатом вклада советской медицины в организацию системы здравоохранения КНР.

Источники и литература

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35.

2. Гришина Н.В. «…Возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. // Вестник ТГУ. Серия «История». – 2018. – № 51. – С. 28–37.

3. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2533. Оп. 3.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8009. Оп. 34.

5. Вогралик В.Г. Слово о китайской медицине. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1959.

6. Вогралик В.Г. Два года в Китае. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1959.

Раздел III
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 81 373.21(4/9)

TERRA INCOGNITA АРДАТОВСКОГО КРАЯ

TERRA INCOGNITA OF ARDATOVSKY REGION

А.В. Малышев
A.V. Malychev
Независимый исследователь
E-mail: ma2502@mail.ru

Аннотация. Название и древняя история рабочего поселка Мухтолово Ардатовского района Нижегородской области являются загадкой. По обрывочным данным и рассказам старожилов в статье сделана попытка обрисовать контуры этой истории и объяснить значение топонима.

Ключевые слова: Нижегородская область; Ардатовский район; рабочий поселок Мухтолово; топонимика; краеведение.

Summary. The name and ancient history of village Mukhtolovo in Ardatov district, Nizhny Novgorod region, is a complete mystery. Based on the snippets of information and old residents‘ stories this article is the attempt to outline the real history and explain the meaning of the toponym.

Key words: Nizhny Novgorod region; Ardatovsky district; village Mukhtolovo; toponymics; regional ethnography.

Среди селений Ардатовского района больше всего загадок связано с рабочим поселком Мухтолово. Удивительное название, не имеющее аналогов на просторах Русской равнины, неустановленная дата образования, расположение возле не менее загадочных озер, которые все называют Мухтоловскими озерами, – эти и другие тайны, связанные с поселком Мухтолово, не перестают волновать исследователей и краеведов. При этом топонимы ардатовской земли имеют самое разное происхождение. Есть среди них названия, имеющие тюркские корни, есть берущие начало из угро-финских языков и есть происходящие из славянских. Но лингвистические корни топонима «Мухтолово» ищут во всех этих языковых семьях.

Для коренного мухтоловца название его родного поселка привычно. Однако для людей, впервые услышавших «Мухтолово», название вызывает и удивление, и недоумение, и интерес: почему поселок назван так? Очевидно, что этот топоним не имеет к русскому языку никакого отношения, за исключением топоформанта *-ово*, но русскоязычным жителям поселка непонятное название проще всего истолковывать, подбирая звучащие похоже русские слова, и подгонять смысл названия под смысл этих слов. Так родилась русская этимология топонима Мухтолово. Педагог местной школы Е.А. Шалаева предположила в свое время, что название «Мухтолово» состоит из двух слов:

«муха» и «толово», считая, что сильно заболоченная местность привлекала в летнее время огромное количество различных насекомых: комаров, мошек, мух. Существовала, мол, своеобразная летняя толкучка мух, некий мушиный слет, то есть «толово». Поэтому и говорили люди: *«Здесь мух толово»* [1, с. 4].

Надо сказать, что это свойственно простонародному языку. Человек не может мириться с бессмысленностью названия своего дома, поэтому и толкует его по наиболее простому методу. Но если изучить историю местности, где расположено Мухтолово, то этому древнему названию найдется более приемлемое и достойное объяснение.

Названия географическим объектам дают люди, живущие рядом с ними. Дают на своем языке, и, как правило, эти названия заключают в себе или какие-то свойства данной местности, какие-то особенности расположения, или имя основателя, если речь идет о поселении.

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что до прихода славян здесь была безжизненная лесная глушь. История местности, в которой расположено Мухтолово, началась задолго до прихода сюда русских земледельцев. Мы начнем наше исследование с тех времен, когда междуречье Тёши и Серёжи (то есть земля, где стоит Мухтолово), впервые угодило на страницы русских летописей. Это случилось в самом начале XIII века, когда здесь развернулась война между коренными жителями этих мест – мордовскими эрзянскими племенами во главе с инязором (эрзянский титул) Пургасом и вторгшимися сюда русскими князьями.

«Того же месяца (января) 14 день (1229 г.) Великий Князь Гюрги и Ярослав и Констянтиновичи, Василько и Всеволод, идоша на Мордву, и Муромский Князь Гюрги Давидович, вшед в землю Мордовскую, Пургасову волость пожегша, жита потравиша, и скот избиша, полон послаша назад, а Мордва вбегоша в лесы своя в тверди; а кто не вбегл, тех избиша наехавше Гюргеви Молодии в 24 день Генваря. То видавшее Молоди Ярославли и Василькови и Всеволодожи, утаившееся назаутрие ехаша в лес глубок; а Мордва давшее им путь, а сами лесом обидоша их около и избиша, а иных изымаша, бежаша в тверди: тех тамо избиша, и Князем нашим не быть кого воевати» [2, с. 312].

В лесах между Тёшей и Окой развернулись настоящие боевые действия – местные эрзянские роды ни за что не хотели уступать свою землю. Из приведенного выше летописного рассказа видно, что они не только не поддались напору русских князей, но и сумели заманить часть русичей в засаду. Мало того, Пургас сам вскоре перешел в атаку и даже осадил Нижний Новгород: *«Мордва с князем их Пургасом пришед к Новограду Нижнему с многим войском, и стала приступать; Нижегородцы же вышед из града напали на них ночью, и многих побили, а они зажгли монастырь Святые Богородицы, ушли прочь; Петрушев же сын с Половцы перенял их на пути, всех побил, а Пургас князь едва с малыми людьми ушел за речку Чар»* [3, с. 452–453].

Побежденный Пургас уходил *«за речку Чар»* – современную Чару, т.е. события происходили недалеко от сегодняшних Мухтоловских озер, и кто знает, может быть, одна из мордовских твердей (крепостей) находилась на

месте сегодняшнего Мухтолова. В старину человек очень внимательно выбирал место для жительства и предпочитал селиться на уже обжитых, «утоптанных» местах, или рядом с ними. Вполне возможно, что пришедшие в эти края переселенцы избрали своим местом жительства бывшую мордовскую крепость-твердь.

Исходя из того, что коренным населением региона была мордва-эрзя, можно было поискать соответствия названия Мухтолово в их языке, тем более, что многие окрестные названия берут свое происхождение прямо оттуда (Ирзяк, Тангей, Дималей, Пумра, Камолда и др.). Но древняя эрзянская фонетика не знала звука *х*, и такого топонима эрзяне не могли создать. Существует, правда, эрзянское слово «мукшт» – «потеря», но пытаться подгонять под него смысл названия – получится такая же сомнительная конструкция, как и скопище мух – «мух толово».

Без сомнения, в основе топонима лежит корень *мухтол,* но что это такое, остается загадкой. Краевед В.И. Шилин, ссылаясь на местные предания, писал, что Мухтолово получило свое название по имени небольшой лесной речки Мухта, на берегах которой и располагалось. Речка пересохла, и про нее забыли, но почти до середины XIX века село называлось Мухталово [1, с. 6]. Таким образом, в основе названия лежит гидроним, вот только создан этот гидроним не финно-уграми, а тюрками. Дело вот в чем.

В 1237 г. борьбу русских князей и мордвы прервало нашествие степняков, разгромивших и Русь, и мордву, и включивших территории юга будущей Нижегородской области в состав своей империи – Золотой Орды. В принадлежности этих территорий Орде был уверен один из самых крупных специалистов, изучавших русское средневековье – В.Л. Егоров. В своей «Географии Золотой Орды» он указывал, что *«северные земли* (Золотой Орды – ***А.М.***) *включали южную часть современной Нижегородской области»*. По его мнению, и междуречье Оки, Суры и Волги входило в зону влияния Орды. *«Мордовское население*, – полагал ученый, – *на протяжении всей истории Золотой Орды находилось под полным политическим влиянием и контролем ордынцев. Мордовские феодалы постоянно выступали в союзе с кочевниками, принимая участие в крупных военных акциях против Руси»* [4, с. 43–44].

Золотая Орда административно была разделена на несколько крупных улусов. На мордовских землях ордынскими правителями был создан огромный улус Мухши, названный так, как сами кочевники называли мордву (мокша, мукша, мухша). И возможно, местная речушка Мухта представляла собой границу золотоордынских владений. По мнению пензенского историка Г. Белорыбкина, значительная часть нынешней Нижегородской области, начиная от линии Навашино – Кулебаки – Арзамас, входила в улус Мохши [5, с. 314]. Можно допустить, что речка Мухта получила свое название по сформулированному известным топонимистом В. Никоновым принципу относительного негативизма как северная граница улуса Мухши [6, с. 41–43].

С тюрками можно связать другую версию возникновения названия поселка. Дело в том, что степные князьки селились среди подвластных народов,

основывая на их землях свои феодальные княжества. О княжестве с центром в селении Саканы известно из трудов П. Черменского. Он указывал, что *«в 1362 г. прибыл в страну мордвы-эрзи на р. Пьяна князь Сегиз-Бек, построивший на этой реке крепость (“обрывая рвом ту седее”). Какой-то татарский князь утвердился на р. Теша, построив крепость Саканы. На р. Сатис… в городе Сараклыч сел князь Бейхан»* [7, с. 7].

Для нас сообщение Черменского интересно фактом упоминания крепости Саканы на берегу Тёши. А.А. Гераклитов не сомневался, что Саканы – это село Саконы, расположенное на высоком левом берегу Тёши, в устье речки Саконки [8, с. 3]. Разумеется, татары, обосновавшиеся у самых границ мощного Нижегородского княжества, нуждались в охране своих границ и в базе, откуда могли бы совершать вылазки и осуществлять разведку. Такой базой и сделался стан, основанный к северу от Сакан, в лесу, между двух речек, получивших тюркские названия – Мухта (дальняя, отдельная) и Нукус (наименование степного рода). Эти названия имеют соответствия как в тюркских языках, так и в ономастике тюрок. «Мухта» по-турецки означает «дальний, отдельный». Мухтар, Мухтадир («выделяемый, уважаемый») – тюркское имя. Известно, что тюркским *Мухты* назывался горный отрог в Зауралье, на древней родине тюрок.

Лесное становище на Мухте получило тюркское название Мухталы – «дальний, отдельный поселок», где *-лы (-ле, -ли)* – известный тюркский топоформант, обозначающий селение и сравнимый по распространенности с русским *-ово (-ево)*.

Еще любопытнее история с топонимом Нукус (Нукса). Бытует местная легенда про строптивого барина, который на узком мосту через речку понукал плеткой встречных крестьян, приговаривая «нук-с, нук-с», из-за чего, дескать, и назвали речку. Но это опять «народная» этимология. Между тем, известно, что один из могучих чагатайских родов имел название Нукус, а столица Каракалпакии и теперь носит название Нукус – так именовал себя народ, основавший узбекское государство [9, с. 300]. Вполне может статься, что река Нукус стала границей расселения чагадайского рода Нукус, за что и получила название, созданное все по тому же принципу относительного негативизма.

Возникает вопрос – почему степняки выбрали именно эту местность, облюбовав ее для заселения? Кроме того, что здесь когда-то, возможно, была мордовская крепость, надо знать, что Золотая Орда была могущественнейшим государством средневековья, огромной империей, занимавшей большую часть Восточной Европы. Воедино империю связывала огромная сеть караванных путей, пересекавших ее вдоль и поперек. Ордынские правители поощряли торговлю и прокладку новых путей, и можно быть уверенным, что именно при их владычестве возник удобный перевоз через Оку в районе Перемиловских гор (недалеко от Павлова), напрямую связавший Суздальское Ополье и пригороды Нижнего Новгорода с региональными столицами Золотой Орды – городами Сарыклыч (Саров) и Наручадь. И эта прямая дорога

пролегала как раз через места, где расположены теперь Сосновское, Мухтолово, Саконы и Ардатов. Степняки основали в Саканах-Саконах таможню, а Мухталы, очевидно, был пограничным постом на границе Орды и Нижегородского княжества. Впоследствии, когда Мухталы вошел в зону влияния русской государственности, к нему был добавлен русский топоформант *-ово*.

Это тюркские версии возникновения названия, имеющие лишь косвенное подтверждение в виде представленных выше выводов. Тем не менее, они позволяют возводить дату возникновения поселка к XIII–XIV вв.

Еще одна версия – мордовская, а лучше сказать, мокшанская (т.к. язык мокшан очень близок к тюркским языкам и имел в древности звук *х*). Она может быть связана с постордынским историческим этапом развития междуречья Тёши и Серёжи, а именно – с приходом сюда нижегородских, а за ними московских князей. Этот этап начался в XIV веке и ознаменовался продвижением славянской земледельческой колонизации в густые леса бассейна Серёжи и Тёши. Известно, что для охраны своих рубежей русские властители строили засеки с крепостями-острогами, и многие татарские и мордовские князья и мурзы охотно служили русским государям, возглавляя гарнизоны этих острогов. Возможно, название поселка произошло от имени мелкого военачальника мордвина-мокшанина Мухтолы. Эта история связана со строительством самых первых засек. В середине XIV века великий князь Константин, при котором Нижний Новгород достиг наивысшего могущества, вышел к рекам Серёжа и Кутра, и здесь была построена первая засека.

«В это время суздальский великий князь Константин Васильевич перенес свою столицу в Нижний Новгород и оттеснил Мордву от берегов Оки, Волги и Кудьмы в Терюшевские леса и далее, а на опустелые их селища поселил русских людей. Привлекаемые льготами, которые предоставлял переселенцам Константин Васильевич, русские люди стекались на берега Оки, Волги и Кудьмы и селились, где кто хотел, на местах разоренных мордовских селений» [10, с. 418].

Для защиты земледельцев от грабительских набегов по правому берегу Серёжи была построена первая засека. И. Кирьянов писал: *«Население южной части современного Сосновского района и поныне показывает древнюю военную дорогу…, шедшую вдоль правого берега реки Серёжи и называемую Грошак или “Грошатка”. О Грошатке до сих пор существуют легенды среди местного населения, которые подтверждают, что это была военная дорога»* [11, с. 16].

Соответственно, если существовала военная дорога, существовало и какое-то заграждение, препятствовавшее проходу вражеской конницы. И действительно, в письме Н.В. Гусевой от 8.01.1988 г. И.А. Кирьянов утверждает, что нашлись документальные доказательства существования такого заграждения: *«9 декабря 1720 года был отдан приказ о посылке геодезистов в губернии для составления ландкарт (географических карт). В нашу губернию были направлены геодезисты Степан Орликов и Иван Шехонский. Они составили карты Нижегородского края. Особого внимания по нашему во-*

просу заслуживает карта Арзамасского уезда. На ней показана в междуречье Пьяны и Серёжи зигзагообразная линия с надписью "Вал земляной". Тут и шла граница от Пьяны к Серёже. На той же карте в междуречье Тёши и Серёжи показана обширная, особо обведенная территория. На ней есть подпись: "Дворцовой волости Арзамасского уезда заповедный мачтовый сосновый годный лес". Название "заповедный" явно отражает былую принадлежность этого леса к государственной границе страны вдоль Серёжи, где делались "засеки". Вдоль этой границы и шел Грошак или Грошатка – древняя военная дорога со следами дубовых гатей через болота» [цит. по: 12]. Итак, первая линия обороны была сооружена в XIV веке, шла вдоль Серёжи, и остатки ее, в виде земляного вала, обозначены на картах XVIII века.

Русские владения продолжали расширяться. К середине XV века граница вышла к Тёше, и здесь стала строиться новая заградительная линия от нападения степняков. В том, что засечная черта проходила по правому берегу Тёши, сомнений нет. Когда границы русских земель вышли в дремучие дебри Засерёжья, возникла необходимость сооружения такой черты, тем более, что территории левобережья Тёши использовались казанцами как плацдарм для набегов на Муром и Нижний Новгород. Упоминаниями об атаках Мурома казанцами наполнены русские летописи. Так, в 1468 г. князь Данила Холмский разбил отряд казанцев близ Мурома. В 1520 г. казанские отряды разорили муромские предместья [13, с. 114]. Зимой 1537 г. *«безвестно… из леса…»* на Муром напал Сафа-Гирей. Он *«распусти облаву свою. А сам стоял в селе Глядячем за две версты от города, и пошел прочь… повоевав и полону поимав бесчисленно»* [цит. по: 13, с. 117]. В 1539 г. *«воевали казанцы грады и пусты створили… Муром»* [цит. по: 13, с. 120]. В 1541 г. казанцы опять приходили к Мурому. Из этих сообщений видно, что казанцы нападали на Муром из левобережья Тёши. Следовательно, до второй половины XVI века оттуда в любой момент можно было ждать нападения, и необходимость засечной черты по правому берегу Тёши очевидна.

В упомянутом выше письме Кирьянова говорится об обведенной обширной территории в междуречье Тёши и Серёжи, названной *«…заповедный мачтовый сосновый годный лес»*. Этот лес, примыкавший к Тёшинской засеке, строжайше запрещено было рубить и вообще как-то разрабатывать – поэтому он и назывался «заповедным».

То, что засека существовала в междуречье Тёши и Серёжи, подтверждает и местная микротопонимика. Тепловский краевед М.Е. Фадеев указывает на такое урочище в пяти километрах севернее села Теплова. Старожилам Гремячева и Сакон известен такой топоним на «той стороне Тёши» (на правом берегу). Микротопоним «Засека» известен жителям Мухтолова старшего поколения. По словам мухтоловского краеведа С. Аксенова, все старожилы поселка, в частности, и его дед, часто упоминали засеку; место, где она находилась, знали раньше все жители поселка.

Обнаруженные на окраине Мухтолова протяженные валы, явно не природного происхождения, наводят на мысль, что это и была древняя Тёшин-

ская засека, в которой находились «ворота», по примеру других ворот, существовавших в засеках. Можно допустить, что острог в засечной черте, на месте Мухтолова возник уже в XV веке, при постройке вдоль правого берега Тёши защитных сооружений. Один из старожилов вспомнил, что во времена его молодости кто-то упоминал о «Мухтоловских воротах». Здесь, на древней дороге из Орды к перевозу через Оку и стоял острог, охранявший проход в засечной черте, под руководством мурзы Мухтолы.

Существование такого имени у мордвы подтверждается записью в Писцовой книге Кадомского уезда, как раз населенного мордвой-мокшей [14, с. 166]. Но какие данные могут свидетельствовать о существовании этого острога и гарнизона в нем, состоявшего из «инородцев» (мордвы, татар и др.)? Начнем с того, что после победоносного похода Ивана Грозного в 1552 г. и включения Казанского царства в состав Российского государства, Окско-Сурский регион еще долго оставался неспокойным краем. Центральная власть была здесь еще очень слаба и держалась во многом на договорных отношениях между московским правительством и местными феодалами. Эти феодалы восставали при первой же попытке ущемить их права. Одним из таких восстаний стали события, известные в истории России как «Черемисские войны». Вооруженные выступления марийцев, чувашей мордвы и татар против политики царских властей начались сразу после присоединения края и продолжались практически до конца XVI столетия.

По территории Мухтоловского края прокатилась третья черемисская война. Она началась в 1581 г. и была вызвана экономическими причинами – русские власти резко повысили размер ясака. Местное население, помнившее обещание Ивана Грозного *«ясак имати, аки прежние цари имали»* и недовольное повышением сбора, открыло военные действия.

В Нижегородской Дозорной книге 1588 г. среди описываемых селений встречается много пустошей, а в селах и деревнях – много пустых дворов. Причиной этого и стала третья черемисская война. Документы хорошо отражают последствия этого трагического события. Восставшими было уничтожено много селений. Именно после черемисской войны и возникла необходимость производства дозора и составления Дозорной книги 1588 г., т.к. война сильно сократила местное население.

Но по данным книги мы можем проследить не только нанесенный бунтом ущерб, но и продвижение восставших по территории современного Сосновского района. Характерно, что отряды повстанцев двигались с юга, из-за Серёжи. Первым селением, подвергшимся нападению, было Лесуново, на месте которого по данным книги мы находим *«Пустошь Лесунова, что была деревня на реке на Сереже, а в ней 4 места дворов, пашни перелогом и лесом ростет…»* [15]. Т.е., бунтовщики двигались от берегов Тёши по старинной ордынской сакме на север – к Павлову острогу. Сосновское тоже пострадало от восставших, о чем в книге сказано: *«Да в пусте в селе в Сосновском 14 мест, дворы пожгла черемиса…»* [цит. по: 12]. Повстанцы, дойдя до Сосновского, разделились на две части, разоряя деревни и опустошая окрестности,

дошли до Павлова острога, который штурмовать не рискнули, зато, переправившись через Оку, уничтожили Тумботино и ближайшие к нему деревни.

Огонь третьей черемисской войны, как видим, вышел из мухтоловских и ардатовских краев, а маршрут движения восставших говорит нам, что база восстания находилась в районе Тёши. Некоторые косвенные данные позволяют предположить, что этой базой и было Мухтолово. Дело в том, что хорошо известен состав восставших «черемисов» – это были «служилые» (находившиеся на царской службе) татары, марийцы, чуваши и мордва. Вооруженные отряды «черемисов» несли гарнизонную службу в острогах и на засеках, охраняя границы России. В Мухтолове как раз и мог находиться острог, сторожив проход (ворота) на торговой дороге. По древнему названию тюркского сторожевого поста, или по имени начальника гарнизона – мордовского мурзы Мухтолы (Мухтолки) и получили свое название этот острог и эти ворота: Мухтолкин острог, Мухтолкины ворота.

Исследователю И. Рубцову посчастливилось держать в руках не дошедшее до нас «Житие Алены Арзамасской», написанное отшельником Макарьевского Желтоводского монастыря монахом Тиходарием. В этом документе, рассказывавшем о событиях крестьянской войны под руководством Степана Разина, сказано: *«…так восстали скитожители островоозерного братства Нафанаиле, что соорудили себе крепость на острове Черного озера. Место сие было болотное топкое и безлюдное. Преподобный Нафанаиле на половине пути от Мурома к Арзамасу за Мухтолкиным острогом засечной черты и вызрел для братии потаенное местожитие. И когда люди Долгорукого проложили к пустынножителям путь, то вся челядь и братия мечем и смолой встретили губителя истинной веры. Уничтожив их жилища, царский мучитель подвергал адовым мукам оставшихся в живых…»* [цит. по: 16].

Что это? О чем? Чтобы все «нити связались», надо рассказывать по порядку. Итак «восстание», «засечная черта» и «Мухтолкин острог».

Наличие засеки нами оправдано, память о ней сохранилась в местной микротопонимике, а валы, обнаруженные местными краеведами, позволяют надеяться, что вскоре это будет доказано. Кроме того, известный нижегородский исследователь Н.Ф. Филатов, подробно изучивший в архивах историю Арзамасского края, также неоднократно писал о местных засеках. *«В связи с тем, что Арзамасский край в первой половине XVI столетия выполнял функцию порубежья Русского государства на юго-восточных его границах, здесь был и засечный голова (дозорщик), в функции которого входило возведение, регулярное поновление и охрана засечной Арзамасской черты, тянувшейся по берегам Тёши и по раменьям дремучих здесь боров… Для проезда же посольских и торговых миссий в засеках оставлялись проезды, которые защищали рубленные острожки с заставами…»* [17, с. 19]. *«В 1623 году засечный арзамасский голова Семен Усов сообщал в Москву на имя царя Михаила Романова, что “в 132-м году сентября в 21 день … велено мне, холопу твоему, в Орземасе у воеводы у Данилы Замыцкого да у Григорья Бахтеева взять по-*

сошных людей… и теми посошными людьми велено мне, холопу твоему, у реки Теши по берегам, по обе стороны в гору, по две сажени лес сечь и прочистить велено вскоре од зимнего пути”» [17, с. 20]. Спустя всего два месяца засечный голова уже извещал Москву о выполненной работе, что *«у Теши реки лесу по берегам по обе стороны отсек по две сажени от берегов от Саконского городища, рекою Тешею сорок верст»* [17, с. 20].

Это значит, еще в первой четверти XVII века, в районе современных Сакон велись работы по обустройству оборонительных линий. Воевода прочистил подходы к засеке, тянувшиеся по правобережью Тёши, на запад и на восток от Сакон по сорок верст. Значит, засека от Сакон шла почти до современных Кулебак. И велись эти работы не зря. Еще и в 1635 г. по древней «Царской Сакме» (Арзамас-Муром) вглубь России пытались пройти крымцы. Боярская Дума направила в Арзамас дворян *«розных засек досматривать и делать им же»* и утвердила в Арзамасе особого засечного воеводу Ивана Лобанова-Ростовского *«для приходу Крымских людей»*. В дворцовой Разрядной книге осталась приписка, что после отражения набега он строил новые засеки [17, с. 20].

Только спустя четверть века надобность в засеках в крае отпала, их перестали восстанавливать и подновлять. Но еще и в 1659 г. Арзамасских засек дозорщик Алексей Окораков писал царю Алексею Михайловичу, что *«велено ему Арзамасскую и Мокателемскую засеку дозирать и худые засечные дела делать дымовними людьми и мордовскими бортники…»*. Но люди перестали бояться набегов, и он жаловался царю, что *«в Арзамасском уезде Арзамасских засек мордва и бортники учинились сильны, и за тем де засечному делу учинилось молчание»* [17, с. 21]. Надобность в засеках отпала, *«без должного надзора и ремонтов заповедные леса постепенно хозяйственно осваивались окрестным крестьянством и в конечном итоге исчезли с лица земли в ходе массового сведения лесов на кострищах будных местных майданов (центров поташного производства)»* [17, с. 21].

Из сказанного выше очевидно, что существование засек в левобережье Тёши было стратегически оправданно еще и в первой половине XVII века, но и проходы в этих засеках необходимы. Всем известно о существование Шатковских и Собакинских ворот по побережью Тёши, а вот Мухтолкины (Мухтоловы) ворота незаслуженно забыты. Дорога из Темникова в Нижний Новгород существовала издавна, мухтоловские жители регулярно подновляли ее, вырубая молодняк и настилая гати. Но раз была засека, пересекавшая дорогу, значит, в засеке были и ворота. И Мухтолкин острог, как ворота на большой дороге из Павлова в Темников, представляется более чем вероятным. Мухтола или Мухтолка – так звали командира гарнизона крепости, состоявшей из служилой мордвы, черемисов и татар. И если у эрзян не было такого имени, то у мокшан оно существовало и означало «славный, знаменитый».

В процитированном выше отрывке из «Жития Алены Арзамасской» говорится о событиях XVII века – церковном расколе и последовавшем за ним восстании под руководством Степана Разина. Именно с расколом и можно связать возникновение монастыря на острове Большого Озера, близ Мухто-

лова, и объяснить отсутствие фиксации существования этого монастыря в анналах Нижегородской епархии, в многотомной «Истории Русской Православной церкви» и в архивах Московской Патриархии.

Дело в том, что местность, в которой расположено Мухтолово, поросшая непроходимыми лесами, наполненная лихими людьми, в XVII веке считалась в центральной России глухоманью вроде Сибири. И это не преувеличение – в XVII веке сюда ссылали бунтовщиков и уходили в поисках воли беглые холопы и крестьяне. Сюда же уходили от притеснений официальной церкви раскольники – миряне и монахи. После церковной реформы, с началом гонений, эти леса стали удобным прибежищем для огромной массы старообрядцев, заселивших многие деревни региона.

Вероятно, какая-то группа монахов, несогласная с церковными реформами, ушла в глубину Тёшинских лесов, чтобы на недоступном острове основать вдали от мира обитель, где они могли бы хранить «древлее благочестие». Разумеется, такую обитель церковные архивы в Нижнем Новгороде и Арзамасе не фиксировали, и не случайно потом монахов преследовал верный царский воевода – князь Долгорукий, названный в «Житии…» *«губителем истинной веры»* (так старообрядцы называли сторонников официальной церкви), который подавлял в этих краях восстание разинцев и который казнил ту самую Алену Арзамасскую.

Чтобы понять, о чем тут идет речь, необходимо углубиться в историю России XVII века. Начнем с того, что раскол, разделивший тогдашнее русское общество на две части – сторонников реформы («никониан») и ее противников («раскольников») – приверженцев старых, запрещенных Никоном обрядов, затронул не только мирян, но и саму Православную церковь; все помнят героическую борьбу отца Аввакума и оборону Соловецкого монастыря – оплота старообрядцев.

Очевидно, что история с гибелью старообрядческого монастыря на острове Большого Озера – это один из эпизодов борьбы с «раскольниками». Ведь много их участвовало в бунте Степана Разина именно по идейным соображениям, считая свою борьбу борьбой за истинную веру. Не случайно история с гибелью монастыря упомянута в «Житии Алены Арзамасской». Уроженка Выездной слободы под Арзамасом «старица» Алена – одна из главных руководителей Разинского движения – предводительствовала восстанием на территории Арзамасского и Темниковского уездов. В прошлом она была монахиней одного из арзамасских монастырей (отсюда и прозвище «старицы»), и возможно, ее участие в восстании как раз и обусловлено несогласием с церковной реформой, и у нее была какая-то связь с насельниками Большеозерской обители. Наверняка, в ее «Житии…» об этом сказано более подробно, но, к сожалению, оно утрачено.

Если исходить из вышесказанного, то монастырь на озерном острове, *«за Мухтолкиным острогом»*, мог возникнуть в начале раскола, в 50-х гг. XVII века, и просуществовал до начала 1660-х гг., до времени борьбы Долгорукого с разинцами.

Местные легенды, записанные писателем Ю. Бугровым, рассказывают, что обнаружили монастырь местные жители, когда прочищали дорогу на Нижний, шедшую по левую сторону от Большого озера [1, с. 47–49]. Они услышали колокольный звон, пошли на него и увидели на берегу озера пашню и скотные дворы, а на острове – храм и кельи монахов. Настоятелями монастыря были Изосим и Савватий, казначеем – инок Виталий, его помощником Филат. Легенда легендой, но и М. Пестов, описывая в 1860-х гг. Ардатовский уезд, говорит, что *«…в прежнее время в уезде существовало три обители (монастыри): Шерстинская, на правой стороне р. Теши, близ села Шерстина,* ***Виталова*** (выделено нами – ***А.М.***) *на острове большого острова, под селом Мухтоловым и Велетьминская – на левой стороне р. Велетьмы, близ Велетьминского завода»* [18, с. 122].

После учиненного Долгоруким погрома монастырь, вероятно, был населен уже монахами, согласными с церковными преобразованиями, и стал служить оплотом христианизации края. Прекратила же свое существование обитель сразу после 1764 г., после того, как Екатерина II отобрала у монастырей землю вместе с крестьянами, и у монахов не стало средств к существованию. Тогда в России из 954 православных монастырей финансирование получили только 200, остальные вынуждены были закрыться. Эта участь постигла и Виталову обитель, хотя, возможно, причиной закрытия стало нападение разбойников, упомянутое в приведенной ниже легенде.

Аналогия названия монастыря на острове – Виталова обитель и имени упомянутого в легенде казначея Виталия говорит о том, что еще в XIX веке местные жители помнили о монастыре на острове. Дополнительным подтверждением существования обители может служить сообщение ардатовского краеведа А. Базаева. Он указывал, что в 1970-х гг. школьники нашли остатки фундамента монастыря [19, с. 3–8]. В местном музее есть фотографии этих находок.

Кроме этого, в клировой ведомости села Мухтолова написано, что первую церковь в 1767 г. жители перевезли с острова как остатки упраздненной Арзамасской Великоозерской пустыни, а мухтоловский краевед В. Шилин владел даже «Летописью Большеозерского монастыря», которая до революции хранилась в этой перевезенной церкви, а потом у псаломщика А.Ф. Утина. К сожалению, теперь эту рукопись также можно считать утраченной.

Мухтоловские легенды о монастыре неразрывно переплетены с местными легендами о разбойниках, обитавших в окрестных лесах в те далекие времена. Многие микротопонимы связывают с разбойниками. Самое дальнее от Мухтолова небольшое озерцо называют *Конным* озером, т.к. рядом с ним разбойники, якобы, прятали коней. Урочище *Лазборть* (или *Лазбор*) связывают с именем разбойничьего атамана Лазаря, который, кстати, согласно легенде, и разграбил однажды монастырь на острове. Шайка Лазаря обитала на ручье *Дималей* (мордовское языческое имя *Дёма* и формант *-лей* – ручей, овраг) и решила ограбить монахов. Разбойники напали, убили настоятелей

Савватия и Изосима, а казначей Виталий с Филатом скрылись и утопили в озере монастырскую казну. Разбойники их настигли и, не найдя денег, с досады убили. Монастырь закрылся, а места гибели монахов до сих пор называются *Филатиха* и *Виталиха* [1, с. 48].

Название озера *Чарское* и речки *Чары* легенды связывают уже с обитателями монастыря. Дескать, один монах утопил в нем церковную чашу (чару) [1, с. 48]. Это снова «народная» этимология, на самом деле в основу названия положен мордовский глагол *чарамс* – вертеть, и связано оно с одной особенностью этого озера. С периодичностью раз в пять-шесть лет, зимой вся вода из озера уходит в подземную воронку, чтобы весной вновь вернуться в акваторию озера. По озеру названа и впадающая в него речка Чара. Карстовая природа местных почв, известная своими неожиданными и частыми провалами, также стала предметом преданий. Согласно одной из легенд, давным-давно некий Оська провалился в одно мгновение вместе со своим домом под землю, и люди от страха перенесли свои жилища к западу, а место гибели Оськи прозвали Оськиной Кучурой [1, с. 48]. Скорее всего, в названии заключено видоизмененное финно-угорское *«коська кучур»*, что означает «сухая ложбина», и осталось оно также от коренных жителей.

С началом XVIII века начинается письменная история села Мухтолово. По сообщению А. Гераклитова, в 1721 г. в Мухтолове *«считалось 130 бортников и 10 новокрещенов…».* Уже существующее селение в 1721 г. названо деревней Мухтоловкой [9, с. 118]. Если названо деревней – значит, церкви еще не было.

По принятой в российской историографии традиции датой основания селения считают дату его первого упоминания в летописях. В случае со Средним Поволжьем, вошедшим в состав России только в XVI веке, многие селения, в древности которых не сомневается ни один историк, считаются основанными не раньше 1552 г. По этой же традиции 1721 г. можно считать датой основания Мухтолова. Но сами жители поселка оспаривают эту дату. Упоминание в 1721 г. деревни Мухтоловки, как уже существовавшей, дает им на это право. В 1960 г. учитель истории Мухтоловской средней школы Е. Шалаева опрашивала старожилов поселка, которые утверждали, что селу 300 лет. Эта цифра, дескать, передавалась от поколения к поколению [1, с. 4] Таким образом, получилась дата 1660 г.

Возможно, старожилы, бережно относившиеся к истории своих селений и родов, и правы, и они приводили дату прихода в Мухтолкин острог на жительство земледельцев и бортников после того, как отпала надобность в военном применении крепости. Впрочем, это лишь догадки, а уже упомянутый выше краевед В. Шилин, ссылаясь на принадлежавшую ему монастырскую летопись, утверждал, что в 1702 г. двенадцать ардатовских семей за непослушание властям были высланы из Ардатова на поселение в лес, в день праздника св. Георгия Победоносца. Им отвели место на небольшой поляне по берегу лесной речки Мухты. Очевидно, эти двенадцать семей поселились

одним «гнездом», образовав микрорайон, до сих пор носящий народное название *«Ардатовская улица»*.

Еще один микрорайон носит народное название *«Красная слобода»,* которое само по себе может многое рассказать о древней истории поселка. Дело в том, что слободами (слободками) называли те микрорайоны селений, жители которых были свободны от уплаты податей; такие микротопонимы есть и во многих других селах региона. В них могли жить и новокрещены, которых правительство после принятия крещения на некоторое время освобождало от налогов, а могли и другие категории населения. Приставка «красный, красная» означала в XVI–XVII вв. принадлежность земли или селения лично государю и подчинение непосредственно Дворцовому Приказу. В данном случае, «Красная слобода» может означать место поселения крепостных стражников или даже место самого острога – «ворот» на торговой дороге.

По сведениям Шилина, почерпнутым из утраченной «Летописи Большеозерской пустыни», в 1850-х гг. потомки ардатовских переселенцев разобрали и перенесли в Мухтолово островную церковь, ставшую бесхозной после закрытия монастыря [1, с. 5–7]. После постройки храма, освященного в 1858 г., деревня стала селом. В книге «Ардатовский край: прошлое и настоящее» говорится, что *«в то время в селе отмечена церковь во имя святых Изосима и Савватия Соловецких Чудотворцев»* [20, с. 345–346].

В начале XIX века дорога через Мухтолово потеряла свое значение; в документах того времени отмечено, что через Мухтолово прокладывали зимний санный путь в уездный город Горбатов [21, с. 38].

Село, оставшееся в стороне от больших торговых трактов, постепенно хирело. Только после постройки железной дороги оно обрело новую жизнь, став со временем одним из промышленных рабочих поселков области и даже центром Мухтоловского района, упраздненного в 1957 г.

Подводя итог всему вышесказанному, следует сказать, что название Мухтолово, очевидно, имеет тюркское или тюркско-мордовское происхождение, а началом истории поселка следует считать период с XIV по XVI век. Разумеется, эти выводы не окончательны и могут быть скорректированы при получении дополнительных данных (например, результатов археологических исследований и этнографических экспедиций).

Источники и литература

1. Бугров Ю.А. Мухтолово: от А до Я. – Курск, 2002.

2. Лаврентьевская летопись. Т. 1. – Л., 1926.

3. Татищев В.Н. История Российская. Кн. третья. – М., 1774.

4. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.

5. Белорыбкин Г.Н. Улус Мохши // Ислам в центрально-европейской части России. Энциклопедический словарь. – М., 2009.

6. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М., 2011.

7. Черменский П.Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археологический ежегодник за 1963 г. – М., 1964.

8. Гераклитов А.А. Кирдановская мордва // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области. Т. 2. – Саратов, 1927.

9. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М., 1966.

10. Мельников-Печерский П.И. Очерки Мордвы // Полное собрание сочинений. Т. 7. – СПб., 1909.

11. Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. – Горький, 1961.

12. Сосновская земля в 16 веке // Сосновский вестник: интернет-версия общественно-политической газеты Сосновского района. – 2013. – 4 сентября [Электронный ресурс]. – URL: http://vestnik-nn>news/6/sosnovskaya_zemlya_v_16_veke/ (дата обращения: 3.10.2018)

13. Каргалов В.В. На степной границе. – М., 1974.

14. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. – Казань, 2013.

15. Нижегородские документы XVI века. Часть 1. Нижегородская дозорная книга 1588 г. дворцовым селам и деревням // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1580-1600/Anpilogov_nizn_novg/text1.phtml (дата обращения: 3.10.2018).

16. Рубцов И. Мухтоловский узел. По родным местам [Машинописный текст]. – С. 6 // Хранится в личном архиве С.Н. Ениватова, внука основателя Мухтоловского краеведческого музея Г.С. Ерина.

17. Филатов Н.Ф. Арзамасский край в XVII веке. – Арзамас, 2000.

18. Пестов М.П. Описание Ардатовского уезда // Нижегородский сборник. Т. 2. – Н. Новгород, 1869.

19. Базаев А.В. О топонимике и христианизации Ардатовского края // Исторический вестник (газета объединения историков Ардатовского района). – 2000. – № 13.

20. Ардатовский край: прошлое и настоящее. – Н. Новгород, 2000.

21. Военно-статистическое обозрение Российской губернии. Т. 4. Ч. 1. – СПб., 1852.

УДК 930.85

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МАТИЛЬДЫ КШЕСИНСКОЙ В ИСТОЧНИКАХ И ЛИТЕРАТУРЕ

LIFE AND WORK OF MATHILDE KSCHESSINSKA IN THE SOURCES AND LITERATURE

В.В. Михеева[1], Н.В. Хорева[2]

V.V. Mikheeva, N.V. Khoreva

[1] Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, магистрант

E-mail: valerya.mikheeva@yandex.ru;

[2] Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, доцент

607227, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

E-mail: n.khoreva2010@yandex.ru

Аннотация. В статье характеризуются источники и литература, раскрывающие вехи жизни и творчества артистки балета Матильды Кшесинской в России и за границей. Авторы обращают внимание на то, что период эмиграции в жизни «царицы петербургской

сцены» способствовал признанию русской техники балетного танца за рубежом в качестве эталона.

Ключевые слова: Мариинский театр; прима-балерина; балетное искусство; балетный танец; балетовед; представители царской фамилии.

Summary. The article describes the sources and literature revealing the milestones of life and creativity of the ballet dancer Matilda Kshesinskaya in Russia and abroad. The authors draw attention to the fact that the period of emigration in the life of the "Queen of the St. Petersburg stage" contributed to the recognition of Russian ballet dance technique abroad as a standard.

Key words: Mariinsky Theater; prima ballerina; ballet art; ballet dance; ballet expert; representatives of the royal family.

В марте 2018 г. исполнилось 200 лет со дня рождения одного из величайших балетмейстеров, талантливого педагога Мариуса Ивановича Петипа (1818–1910). «Отец русского балета» поставил на отечественной сцене около 70 спектаклей. Среди них легендарные «Пахита», «Дон-Кихот», «Тщетная предосторожность», «Эсмеральда», «Спящая красавица», «Золушка», «Щелкунчик», «Лебединое озеро», «Раймонда», «Пробуждение Флоры», «Баядерка», «Дочь фараона» и многие другие. Все они неоднократно получали высочайшую оценку современников и критиков: *«Творения Петипа всегда будут жемчужинами в репертуаре любой балетной труппы. Их надлежит сохранять в назидание потомству с благоговением, приличествующим их значению»* [1, с. 275]. Музой балетмейстера была балерина Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971). В спектаклях Петипа именно она исполнила подавляющее большинство главных ролей. Несколько балетных спектаклей Мариус Иванович возобновил, технически усложнив их, специально для «царицы петербургской сцены», как тогда называли Кшесинскую. Кшесинская и Петипа создали блистательный творческий тандем.

Таким образом, заслуга М.И. Петипа состоит еще и в том, что именно он сумел увидеть, в полной мере раскрыть и показать миру талант М. Кшесинской, которая смогла составить достойную конкуренцию западным танцовщицам и стать «царицей петербургской сцены».

Прима-балерина Мариинского театра М. Кшесинская заслуживает к себе особого внимания. Внучка знаменитого польского оперного певца, музыканта Войцеха Красинского и дочь не менее известного Феликса Кшесинского – первого мазуриста на российской сцене – Матильда всю свою жизнь посвятила балетному искусству.

У Кшесинской была большая семья, где всегда царила атмосфера любви, дружбы, взаимопонимания и творчества. С ранних лет она видела перед собой только прекрасное: Большой театр, опера, танцы. Не удивительно, что талант девочки начал проявляться очень рано.

Матильда Феликсовна сумела покорить сердце самого наследника российского престола Н.А. Романова, будущего императора Николая II. К этой девушке были неравнодушны многие представители венценосной фамилии, но женское счастье Кшесинская обрела с князем Андреем Владимировичем Романовым.

Значимыми источниками для изучения жизни и творчества примабалерины Мариинского театра являются мемуары самой Матильды Феликсовны («Воспоминания»), «Дневники Директора императорских театров» В.А. Теляковского, «Воспоминания» М.И. Петипа, мемуары А. Вертинского («Дорогой длинною…») и М. Фокина («Против течения»), а также «Дневники императора Николая II».

«Воспоминания» [2] М. Кшесинской ярко и подробно воссоздают ее необычную жизнь. Одна из талантливейших балерин в истории балета, блистательная женщина М.Ф. Кшесинская прожила почти сто лет и до конца своих дней сохранила интерес к жизни и прекрасную память.

Впервые «Воспоминания» М. Кшесинской были опубликованы в Париже в 1960 г., и лишь в 1973 г. в Москве появился машинописный экземпляр этих мемуаров на русском языке. Мемуары балерины состоят из 42-х глав, каждая из которых посвящена определенному этапу ее жизни. Местами текст достигает уровня высокохудожественной прозы, что удивительно для жанра воспоминаний. Текст источника отличается простотой изложения и легкостью его восприятия. Книга Кшесинской получила высокие отзывы критиков и обнаружила способности выдающейся балерины к литературе.

Значимым источником являются «Воспоминания» балетмейстера и учителя М. Кшесинской М.И. Петипа [1]. В большинстве спектаклей этого гениального балетмейстера блистала Матильда Кшесинская. Вместе они создали шедевры классического балетного танца, ставшие образцом для последующих поколений танцовщиков. Поэтому именно на Кшесинскую Мариус Иванович часто ссылается в главе «Музыкально-сценические планы балетов» («Раймонда») и «Балетмейстерских экспликациях» («Спящая красавица», «Щелкунчик», «Млада», «Баядерка» и др.).

Еще одним источником, представляющим жизнь и творчество М. Кшесинской, являются «Дневники Директора императорских театров» В.А. Теляковского [3]. Книга охватывает период с лета 1901 г. до осени 1903 г. – два первых театральных сезона после назначения Владимира Аркадьевича директором Императорских театров и его переезда в Петербург. Источник повествует о жизни различных петербургских театров: Александринского, Михайловского, а также Мариинского, в котором служила М. Кшесинская. Основное содержание автор дневников уделяет закулисным взаимоотношениям артистов балета, отношению к театру императорского двора, петербургского общества и периодической печати.

Кроме того, о М. Кшесинской в своих мемуарах писали А. Вертинский [4] и М. Фокин [5]. В книгах этих авторов собраны воспоминания, статьи, письма о различных деятелях балетного искусства, их творчестве, взаимоотношениях, что помогает воссоздать целостную картину балетного мира рассматриваемого периода.

Значимым источником, который позволил более детально рассмотреть отношения М. Кшесинской с наследником российского престола Николаем Александровичем, являются дневниковые записи будущего российского мо-

нарха, которые опубликованы под названием «Дневники императора Николая II» [6]. О своих чувствах цесаревич пишет очень сдержанно, упоминая их в контексте происходивших в течение дня событий.

Тему развития русского балетного искусства, его становления в разные периоды, в том числе, в период жизни и творчества Матильды Феликсовны, а также характеристику других выдающихся деятелей этого вида искусства затрагивали в своих работах многие авторы – критики, балето- и театроведы.

Среди дореволюционных исследователей данной темы можно назвать А.А. Плещеева и М.В. Борисоглебского. Книга журналиста, театрального критика и историка балета А.А. Плещеева «Наш балет» [7] стала первым опытом написания истории балета в России с XVII до конца XIX века. В работе представлены первые значительные исследования отечественного балета, опыты изучения его становления и развития. Автор соотносит этапы становления и развития танцевального искусства с периодами правления российских монархов.

Двухтомник М.В. Борисоглебского «Материалы по истории русского балета» [8] содержит не публиковавшийся ранее фактологический материал по истории русского балетного спектакля, дает подробные характеристики деятелей балетного искусства. Этот труд не теряет своей актуальности и продолжает оставаться важнейшим источником информации по истории петербургского балета дореволюционного периода.

Советские исследователи продолжили рассматривать указанную тему. В частности, значительный вклад в ее изучение внесли В.В. Ванслов, П.М. Карп, В.М. Красовская, Ю.А. Бахрушин. Книга советского искусствоведа В.В. Ванслова [9] представляет собой сборник очерков по актуальным вопросам теории и истории балетного театра. Автор поднимает важную проблему соотношения традиций и новаторства в творчестве виднейших хореографов.

Труд российского публициста, поэта, балетоведа, переводчика П.М. Карпа [10] посвящен балетному танцу. В нем подробно рассматриваются важные составляющие балетного искусства (сценарий, музыка, пластика артиста, хореография, жанры и стили балетного спектакля), показаны происходившие в нем со временем важнейшие изменения.

Произведения балерины, балетоведа и историка балета В.М. Красовской [11–13] подробно освещают как историю становления русского балета в целом, так и определенные периоды в развитии русского балетного спектакля (вторая половина XIX века, начало XX века).

Еще один советский балетовед, критик, историк театра, представитель московской школы балетоведения Ю.А. Бахрушин в своей книге [14] подробно описывает динамику развития русского балетного искусства от его истоков до 1917 г. Автор показывает борьбу передовых деятелей за направленность, самобытность и реализм русского балета, его связь с хореографическими культурами других стран. В работе рассказывается о наиболее зна-

чительных балетных спектаклях, о творчестве замечательных мастеров русского балета.

Современным исследователям также интересна тема истории русского балетного театра и его представителей. Наиболее значительными являются труды О.Г. Ковалик, В.Я. Вульфа, Е. Арсеньевой, И.А. Муромова, В.В. Асташина, Г.Н. Седова, А.Н. Боханова, Д. Вронской и А.Б. Широкорада.

В своей работе «Повседневная жизнь балерин русского Императорского театра» О.В. Ковалик [15] описывает разные судьбы балерин. Дебюты, премьеры и бенефисы, ежедневные хлопоты, закулисные интриги и любовные истории балерин, их ближайшее окружение, начальство и поклонники – все это составило эпоху русского Императорского балета, когда «танцорки младые» являлись «кумиром знати и божеством толпы».

Интересна статья известного искусствоведа и театроведа В.Я. Вульфа «Матильда Кшесинская. Императорская балерина» [16], в которой раскрываются основные вехи жизни и творчества звезды русского балета.

Одна из книг серии «100 великих женщин» И.А. Муромова [17] тоже посвящена Матильде Кшесинской. Ей первой удалось освоить фуэте, она заставила отступить от завоевания русской сцены зарубежных артистов и открыла дорогу многим талантливым русским танцовщицам – Преображенской, Трефиловой, Павловой, Карсавиной. Это женщина-легенда, которая никого не могла оставить равнодушным.

В работах Г.Н. Седова [18] и В.В. Асташина [19] Матильда Кшесинская показана не только как выдающаяся балерина, долгие годы бывшая примой русского балета, но и как обворожительная женщина, фаворитка Дома Романовых. Сотрудничество Кшесинской с М. Петипа, С. Дягилевым и М. Фокиным стали неотъемлемой частью истории балетного искусства. А романы Кшесинской с представителями императорской династии до сих пор являются предметом обсуждений и споров.

В большей степени интерес современных историков и журналистов привлекает личная жизнь балерины и ее отношения с представителями царской фамилии. В своих работах Е. Арсеньева [20], А.Н. Боханов [21], Д. Вронская [22] и А.Б. Широкорад [23] дают свою оценку и личности М. Кшесинской, и происходившим событиям.

Кроме произведений современных авторов, исследующих биографию выдающейся балерины, на сегодняшний день имеется большая база данных в сети Интернет, где можно подробно ознакомиться с жизнью и творчеством М.Ф. Кшесинской [см., например: 24]. Прима-балерине Мариинского театра посвящено множество сайтов, где в свободном доступе содержится большой массив информации о ней и ее семье, фотографии и другие интересные материалы.

На сегодняшний день интерес к личности М. Кшесинской только растет. Чем же обусловлено такое внимание общественности?

Современным ярким примером является художественный фильм режиссера А. Учителя «Матильда» (2017). Снятый в жанре исторической мело-

драмы, он показывает отношения наследника престола Николая Александровича с М. Кшесинской. Рейтинг фильма был очень высок.

«Матильда» – не первая уже работа А. Учителя, посвященная балету. В 1995 г. режиссер снял кинокартину «Мания Жизели», рассказывающую о балерине Ольге Спесивцевой (1895–1991).

На создание фильма «Матильда» А. Учителя подтолкнула Т. Винокур-Первакова – артистка балета Московского Театра оперетты. Сам режиссер говорит о ленте, что это *«фильм не биографический, не о Матильде Кшесинской. Скорее, о фигуре наследника и затем императора Николая II, который меня очень интересует, к которому я отношусь очень уважительно»* [25]. Далее режиссер в своем интервью подчеркнул, что «Матильда» – фильм *«не о любовной интрижке»*, а о выборе наследника: какой путь выбрать дальше, каким образом будет развиваться наша страна. А первые романтические отношения между Николаем и Кшесинской – лишь повод к интересной и увлекательной истории.

Как отмечает режиссер, кинокартина основана на реальных событиях, но при этом не лишена доли вымысла. Фильм – это *«некая локальная история в коротком промежутке времени, которая построена не только на Кшесинской, но и на Николае II»* [25]. Какого-то политического смысла, посыла А. Учитель в свою картину не вкладывал, просто в определенный момент ему как режиссеру показалось, что *«от этой маленькой женщины (Кшесинской) на самом деле зависела в какой-то степени судьба России»* [25].

Таким образом, изучив источники и литературу, можно заключить, что творческая биография балерины делится на два больших периода: 1) жизнь и творчество Кшесинской в России; 2) период эмиграции.

На протяжении первого периода М. Кшесинская была чрезвычайно популярна, востребована как на русской, так и на зарубежной сцене. Она достигла больших высот в творческой карьере балетной артистки, показала силу и мощь русской классической техники балетного танца за границей, что нельзя не отметить в достижениях России в контексте мирового балетного искусства.

Не менее интересен период эмиграции в жизни прима-балерины. Именно здесь, вдали от Родины проявились не только танцевальные таланты Кшесинской, но и ее педагогические, организаторские, литературные способности. М. Кшесинская внесла огромный вклад в сохранение, развитие и обогащение русского классического балета в эмиграции. Это и создание собственной балетной школы, которая пользовалась популярностью, и содействие в создании английской национальной балетной школы по русским образцам классического балетного танца, и почетное членство в Федерации русского классического балета в Лондоне. Все это, безусловно, способствовало еще большему поднятию авторитета русской техники балетного танца и признанию ее эталоном во многих западных странах.

За свою жизнь М. Кшесинская была удостоена множества наград, одержала многочисленные победы. Эта хрупкая женщина обладала блестя-

щим талантом, силой воли, трудолюбием, внутренним стержнем, была сильной на балетной сцене, но слабой в своих чувствах. Этим и объясняется интерес к публичной и, в то же время, такой загадочной личности М. Кшесинской.

Источники и литература

1. Петипа М.И. Материалы, воспоминания, статьи. – Л.: Искусство,1971. – 434 с.
2. Кшесинская М.Ф. Воспоминания [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=138394 (дата обращения: 25.10.2018).
3. Теляковский В.А. Дневники директора Императорских театров. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2002. – 702 с.
4. Вертинский А.Н. Дорогой длинною… – М.: Правда, 1990. – 576 с.
5. Теляковский В.А. Дневники Директора Императорских театров. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2002. – 702 с.
6. Николай II. Дневники императора Николая II. – М.: Орбита, 1992. – 736 с.
7. Плещеев А.А. Наш балет. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1896. – 402 с.
8. Борисоглебский М.В. Материалы по истории русского балета. В 2 тт. – Л.: Издание Ленинградского Государственного Хореографического училища, 1938-1939.
9. Ванслов В.В. Статьи о балете. – Л.: Музыка, 1980. – 192 с.
10. Карп П.М. О балете. – М.: Искусство, 1967. – 227 с.
11. Красовская В.М. Русский балетный театр второй половины XIX века. – Л., М.: Искусство, 1963. – 551 с.
12. Красовская В.М. Русский балетный театр начала XX века: в 2 ч. – Л.:М.: Искусство, 1971–1972. Ч. 1: Хореографы. 1971. – 525 с.; Ч.2: Танцовщики. 1972. – 456 с.
13. Красовская В.М. История русского балета. – Л.:М.: Искусство, 1978. – 231 с.
14. Бахрушин Ю.А. История русского балета. – М.: Советская Россия, 1965. – 227 с.
15. Ковалик О.Г. Повседневная жизнь балерин русского императорского театра. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 572 с.
16. Вульф В.Я. Матильда Кшесинская. Императорская балерина // L'Officiel. – 2002. – № 42 [Электронный ресурс]. – URL: http://viperson.ru/articles/vitaliy-vulf-matilda-kshesinskaya-imperatorskaya-balerina (дата обращения: 20.10. 2018)
17. Муромов И.А. 100 великих женщин: Матильда Кшесинская. – М.: Вече, 1998.
18. Седов Г.Н. Мадам семнадцать: Матильда Кшесинская и Николай Романов. – М.: Текст, 2006. – 189 с.
19. Асташин В.В. Матильда Кшесинская: балет, любовь и воля к жизни. – Ростов н/Д: Феникс, 2011. – 256 с.
20. Арсеньева Е. Разбитое сердце Матильды Кшесинской [Электронный ресурс]. – URL: http://knizhnik.org/elena-arsenjeva/razbitoe-serdcze-matildy-kshesinskoj/1 (дата обращения: 05.11. 2018)
21. Боханов А.Н. Сердечные тайны Дома Романовых. – М.: Вече, 2008. – 448 с.
22. Вронская Д. Неистовая Матильда. Женщина, покорившая Романовых. – М.: Совершенно секретно, 2005. – 256 с.
23. Широкорад А.Б. Матильда Кшесинская. Русская Мата Хари. – М.: Алгоритм, 2015. – 256 с.
24. Матильда Кшесинская – биография, информация, личная жизнь [Электронный ресурс]. – URL: http://stuki-druki.com/authors/Kshesinskaya-Matilda.php (дата обращения: 05.03.2018)
25. Интервью Алексея Учителя – о «Матильде», Николае II и проверках прокуратуры [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fond-kino.ru/news/intervu-aleksea-ucitela-o-matilde-nikolae-ii-i-proverkah-prokuratury/ (дата обращения: 25.04.2018)

УДК 929(092)

СТОЛЯР Т.Н. ГАНКОВ – ИЗ АРЗАМАССКОГО ОКРУЖЕНИЯ М. ГОРЬКОГО

CARPENTER T.N. GANKOV –
A MAN FROM M. GORKY ENVIRONMENT IN ARZAMAS

Т.В. Казнина
T.V. Kaznina
Литературно-мемориальный музей А.П. Гайдара г. Арзамаса Нижегородской области, Отдел Мемориальный музей А.М. Горького, старший научный сотрудник
607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 17
E-mail: arz-gorkii@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается биография арзамасского столяра Терентия Ганкова, изготовившего для М. Горького письменный стол, за которым писатель закончил драму «На дне», работал над пьесой «Дачники».

Ключевые слова: Арзамас; М. Горький; письменный стол; столяр Т. Ганков.

Summary. The article reveals the biography of Arzamas carpenter Terenty Gankov, who made a desk for M. Gorky, where the writer finished the drama “At the bottom”, and wrote the play “Summer Residents”.

Key words: Arzamas; M. Gorky; Desk; carpenter T. Gankov.

В октябре 1883 г., в селе Мотовилово Арзамасского уезда, в семье крестьянина-столяра Никифора Павловича Ганкова и Марьи Андреевны родился мальчик, который в святом крещении был наречен Терентием [1, д. 58, л. 85]. Исстари в этом селе крестьяне занимались столярным ремеслом. Они изготавливали прекрасную мебель, оконные рамы и детские тележки, канапеи или софы. Ежегодно мальчиков лет восьми-двенадцати родители отдавали на обучение в сельскую школу. Вернувшись из школы, дети постигали азы столярного мастерства. Когда Терентий подрос, как и его старшие братья, с восьми лет учился плести подушки, с двенадцати лет отец приучал его постепенно к столярному делу. К девятнадцати годам Терентий уже состоялся как хороший мастер. Работал он по 15–17 часов в сутки. Приходилось вместе с отцом закупать материал и продавать свои изделия, которые расходились по всей Нижегородской губернии. Наибольший сбыт был в Арзамасе в Щепном ряду, что у стен Спасского монастыря. Там Терентий Ганков с отцом и братьями торговал в базарные дни и накануне больших праздников: Рождества, Масленицы и Пасхи.

В начале 1900-х гг. Терентий Никифорович перебрался в Арзамас. Поселился он на улице Новой в собственном доме [2, д. 39, л. 67]. Улица Новая (ныне ул. Кирова) в XIX – начале XX века своим внешним видом мало чем отличалась от других арзамасских улиц, где жили зажиточные люди. Такие же обширные городские дома-усадьбы с огородами и садами, здания в большинстве своем деревянные на каменном фундаменте. Одноэтажный деревянный дом Ганкова выбивался из этого ряда. Был он небольшой, но очень уютный. В нем молодой столяр открыл мастерскую и принимал заказы на изго-

товление всевозможных столярных работ: мебели, панелей для комнат, мозаичных паркетов, парадных дверей и т.д. Нужно отметить, что дом Ганковых находился вблизи полицейского управления, где не раз бывал ссыльный писатель М. Горький (его обязывали ежедневно являться в полицию отмечаться и сообщать, кто у него за прошедшие сутки был, куда он ходил, с кем виделся). Вероятно, в один из майских дней 1902 г. Терентий Ганков познакомился с М. Горьким, сосланным в Арзамас под гласный надзор полиции. Алексей Максимович заказал молодому столяру большой письменный стол, о чем сообщил в письме к К.П. Пятницкому: *«Заведу себе на днях стол, начну работать…»* [3, с. 243, № 203].

В своей мастерской Т.Н. Ганков изготовил для писателя простой, некрашеный деревянный стол с выдвижным ящиком в столешнице. Прямоугольную столешницу мастер сделал из пяти сосновых досок, разной ширины, диаметром около 18 мм, которую декорировал фигурным профилем, скрепленным с помощью стяжек. По просьбе Алексея Максимовича, ножки у стола Терентий сделал высокими, около 95 см. Это было выше обычной нормы, чтобы писателю можно было работать, не сгибаясь. В кабинете стол был поставлен лицом к свету перпендикулярно стене. За этим письменным столом М. Горький много и плодотворно работал. В июне 1902 г. закончил драму «На дне». Задумал новые пьесы: «Дачники», «Человек». Правил свой рассказ «Читатель», который войдет в новое издание сочинений. Работу писателя М. Горький сочетал с редакционно-издательской; порою отложив свою работу, он читал рукописи «знаньевцев» – Л. Андреева, С. Скитальца, А.М. Ремезова, Е. Чирикова и начинающих писателей – Полилова, Маевского, Сутугина и В. Канина. По просьбе К. Пятницкого писал рецензию на стихи И. Бунина. Отвечал на письма, шедшие в Арзамас из разных городов России.

По воспоминаниям жены писателя, Екатерины Павловны, помимо рабочего стола столяру были заказаны и две простые широкие некрашеные полки. Одна из них служила буфетом, вторая предназначалась для книг. Для столовой Ганков изготовил еще и длинный деревянный обеденный стол, за которым собирались все домочадцы и гости дома писателя. Для детской комнаты – липовый гардероб для белья и платья детей и двухъярусную этажерку для детских игрушек и книжек [4, с. 140]. Покидая Арзамас, Пешковы большую часть мебели, приобретенную во время ссылки, забрали с собой в Нижний Новгород. Так, рабочий стол писателя поставили в детскую комнату, причем у стола подрезали ножки и скруглили углы. Ныне этот стол находится в музее М. Горького в Арзамасе. Липовый гардероб долгое время служил Екатерине Павловне в Нижнем Новгороде, а затем в Москве. Судьба многих предметов, изготовленных Ганковым для семьи Пешковых, ныне осталась неизвестной.

Терентию Никифоровичу приходилось довольно часто бывать в доме Пешковых в Арзамасе. Там у него была возможность познакомиться со многими гостями писателя, в том числе с Л. Андреевым, Ст. Скитальцем,

Л. Сулержицким, С. Сориным и Зиновием Свердловым, который оставался в Арзамасе и после отъезда Алексея Максимовича.

Поселился Зиновий в доме А.И. Волкова, что неподалеку от дома Т. Ганкова. В Арзамасе решалась его судьба – священник Троицкой церкви Ф.И. Владимирский *«по поручению нижегородской духовной консистории, совершил чин присоединения к православной церкви полоцкого мещанина Свердлова, иудейского вероисповедания, 19 лет от рождения»*. С принятием христианства крестник М. Горького стал зваться Зиновием Алексеевичем Пешковым. В ту пору молодые люди общались, и Терентий поддерживал нового друга, оказавшегося под присмотром старших товарищей – инспектора народных училищ А.М. Храброва и священника Ф.И. Владимирского. Возможно, их влекла друг к другу революционная романтика. Еще до революции 1905–1907 гг. в Арзамасе действовал революционный кружок, куда входил и Терентий Никифорович Ганков. Часто сходки устраивались в его столярной мастерской под боком Арзамасского полицейского управления. Позднее он вступил в партию социалистов-революционеров, где имел партийную кличку «Хулиган» [5, с. 214]. После революции 1905–1907 гг. Терентий Ганков участвовал в организации сходок и митингов, вел антиправительственную агитацию среди жителей Арзамаса и в своем родном селе Мотовилове. Поддерживал он связь и с революционно настроенными учителями – сестрами Кузьмиными, уроженками села Ломовки, которые снимали квартиру на улице Новой в доме О.К. Макаровой в Арзамасе. Летом 1902 г. сестры Надежда, Екатерина и Варвара познакомились с М. Горьким и часто бывали в доме на Сальниковой. Позднее они пытались организовать в селах Арзамасского уезда «крестьянское братство», но это их начинание не увенчалось успехом. Летом 1908 г. у сестер Кузьминых и у тринадцати имевших с ними связи крестьян были произведены обыски, в ходе которых были обнаружены запрещенные издания, как эсеровские, так и социал-демократические. В результате сестры были высланы в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции [6, д. 267, л. 106–108]. После этого городская группа в Арзамасе все еще функционировала, но крайне осторожно: в основном, ее деятельность проявлялась в частных собраниях.

В это время Терентий Ганков решил обзавестись семьей. В сентябре 1913 г. тридцатилетний Терентий женился на Марии Егоровне Новиковой – дочери крестьянина из села Малый Макателем [7, д. 6, л. 117 об.]. 19 ноября 1914 г. в семействе Ганковых родился первенец. Сына нарекли Александром. Семья росла, и через три года Терентий Никифорович приобрел большой дом на улице Сальниковой. Позднее и родители Терентия перебрались в Арзамас, поселившись в Софийском переулке (ныне ул. Революции). В годы Первой мировой войны Ганков не раз избирался в разные городские организации: входил в состав Арзамасского уездного воинской повинности присутствия [8, д. 123, л. 3], в уездный земельный комитет [9, д. 64, л. 360].

В конце февраля 1917 г. в Арзамас пришла новость о свержении царя и образовании Временного правительства, к которому перешло управление

страной. Третьего марта в 10 часов утра в Арзамасе было созвано чрезвычайное заседание городской думы для обсуждения создавшегося положения и выработки мероприятий по поддержанию единения, порядка и спокойствия между населением. Был создан Временный городской общественный комитет, в состав которого вошел и Терентий Никифорович Ганков. Девятого марта было созвано собрание рабочих города. На него собралось около 1,5 тыс. человек. Участники собрания решили присоединиться к Нижегородскому Совету рабочих депутатов и поддержали его лозунги. Собрание избрало своим представителем эсера Т.Н. Ганкова и поручило ему войти в сношение с Нижегородским Советом рабочих депутатов, достать партийную литературу и пригласить оратора для встреч с местными рабочими. Город бурлил. На бесчисленных митингах выступали члены городского общественного комитета, в том числе, и Т. Ганков. Двадцатого августа 1917 г. Терентий Никифорович стал членом Арзамасской городской думы, а после свержения Временного правительства, в ноябре 1917 г., был избран в состав Арзамасского Совета рабочих и солдатских депутатов от партии эсеров.

Всего через всего два года, в июне 1919-го, Ганков впервые был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и приговорен к месяцу тюремного заключения. Двадцать девятого июля 1919 г. дело было закрыто и сдано в архив. Столяр Ганков вышел на свободу. Через год, в сентябре 1920 г., заведующий кустарным отделением Нижегородского гублескома Терентий Ганков был арестован во второй раз. На этот раз его приговорили к двум месяцам тюрьмы. Двадцать девятого ноября 1920 г. дело было прекращено. Выйдя из тюрьмы, Ганков продолжил работу в гублескоме. Ему приходилось обеспечивать местных кустарей необходимым сырьем и орудиями производства, искать наиболее выгодные рынки сбыта их продукции.

В 1930-е гг. Т.Н. Ганков работал столяром при арзамасской городской аптеке № 32, что на улице М. Горького. Второго августа 1937 г. в дом Ганковых пришла беда – глава семьи был арестован в третий раз во исполнение приказа НКВД за № 00447 по репрессированию «антисоветских элементов». Следствие прошло в ускоренном и упрощенном порядке. Ганков как бывший эсер был обвинен в контрреволюции, 8 августа 1937 г. осужден тройкой и приговорен к высшей мере наказания. Четырнадцатого сентября того же года за участие в контрреволюционном выступлении против Советской власти Т.Н. Ганков был расстрелян.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 231. Оп. 1.

2. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 2.

3. Письма. М. Горький – К.П. Пятницкому // Собр. соч. Т. XXVIII. – М.: Изд. художественной литературы, 1954.

4. Пешкова Е.П. Дом Подсосовых в Арзамасе // Горький нижегородских лет. – Горький, 1978.

5. Медведев А.В., Слепченкова А.А. Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае 1905–1923. – Н. Новгород, 2012.
6. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 918. Оп. 8.
7. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 195. Оп. 1.
8. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 3.
9. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-2161. Оп. 3.

УДК 908

ПОЭМА М.В. ШЕСТЕРИКОВА «ТЕТРАДКА» (проблема формирования личности)

M.V. SHESTERIKOV' POEM «NOTEBOOK» (the problem of the personality formation)

***Г.И. Родина*[1], *В.С. Чепак*[2]**

G.I. Rodina, V.S. Chepak

[1] Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания, доктор филологических наук, профессор
607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: grodina@yandex.ru

[2] Арзамасский филиал ННГУ, факультет дошкольного и начального образования, студентка
E-mail: chepak-00@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется поэма М.В. Шестерикова «Тетрадка» (1965) в аспекте формирования в начальных классах личности ребенка и роли в этом процессе семьи, учителя, школы. Раскрыты некоторые особенности поэтики произведения.

Ключевые слова: М.В. Шестериков; поэма «Тетрадка»; школа; учительница; формирование личности.

Summary. The article analyses M.V. Shesterikov' poem "Notebook" (1965) in the aspect of personality formation of a child in the initial classes and a role of the family, a teacher and school in this process. Some features of poetics of the work are revealed.

Key words: M.V. Shesterikov; poem "Notebook"; school; a teacher; formation of the personality.

Педагогическая концепция известного советского педагога-новатора В.А. Сухомлинского (1918–1970) выражена, в частности, в его высказывании о том, что *«нет в мире ничего сложнее и богаче человеческой личности»* [1, с. 4], основа которой закладывается и формируется с раннего детства в семье, а затем и в школе.

Определяющую роль в этом процессе играет воспитывающий ребенка взрослый. В школьные годы, начиная с первого класса, таким наставником является учитель, под руководством которого школьник получает новые знания, умения; продолжается начатое в семье формирование его личностных качеств.

В поэме Михаила Васильевича Шестерикова (1906–1974) «Тетрадка» (1965) [2, с. 4; 3, с. 81–87] художественно воплощается идея В.А. Сухомлинского о том, *что «быть хорошим учителем можно, только будучи хорошим воспитателем…. Без участия в воспитательной работе вся педагогическая культура, все знания педагога являются мертвым багажом»* [4, с. 75].

М.В. Шестериков, советский поэт и публицист, на протяжении всей своей творческой жизни уделял пристальное внимание теме воспитания и формирования личности подрастающих поколений в советской стране. В 1930-е гг. он преподавал историю детской литературы на филологическом факультете Горьковского пединститута, писал стихи для детей и о детях, о школе, об учителях, о начале учебного года, о родителях [5]. *«Писать для детей,* – утверждал он, – *большая, ответственная и почётная задача»* [6, с. 3].

Проблематика поэмы «Тетрадка» вневременна́я, она актуальна и для нашего времени: роль семьи, матери, учителя, школы для формировании личности в процессе образования и воспитания, характер взаимодействий мать – дитя, учитель – ученик, ученик – школа, ученик – одноклассники, семья – школа.

Эпическое начало в поэме связано с ее главным героем – мальчиком Димкой. Он ученик начальных классов, *«упрямец и неслух», «паршивая овца»,* двоечник, не отличающийся примерным поведением ни в школе, ни после уроков:

Окошко разбил у соседки.
Шурупы стянул из розетки…
И много еще набежало
На грозного лидера жалоб.

В эпитете *«грозный»* скрывается авторская ирония по отношению к персонажу, лидерство которого проявляется в озорстве: он то «*козлом начинает кричать»,* то *«играет в прятки»*, собирая своих друзей для шумных забав.

Характеристику Димки дополняют портретные детали: он *«грязный как бес и облезлый», «мылу отчаянный враг», «мех на ушанке повытер, штаны на коленях протёр».* Поэтому и имя у него – не Дима, а Димка. Автор обращается к просторечной форме имени, используя суффикс субъективной оценки «к» и подчеркивая, что его герой настоящий сорванец.

Проблема воспитания в неполной семье, занятости женщины на работе связана с образом Димкиной матери. Автор не дает ей имени, подчеркивая обобщающий смысл образа. Мать Димки растит его одна и, трудясь с утра до вечера на производстве, не видит его, и он предоставлен сам себе и улице. Она использует свои методы для укрощения непослушного ребенка и ждет его на пороге дома, чтобы *«выдрать»* веревкой. Ей жаль сына, но она

«твердо уверена», что самый действенный способ убеждения – физическое наказание, что *«надо не словом, а палкой / В башку ему разум вгонять».*

Поэтому Димка, помня слова матери *(«придешь, окаянный, выдеру!»),* допоздна задерживается на улице в компании друзей. Ближе к ночи он тайком пробирается домой в *«избёнку»,* надеясь, что его мать после тяжелого рабочего дня уже спит.

Плохая репутация у Димки и среди учителей, однажды решивших на педсовете исключить его из школы, поскольку он необучаем и *«глуп и упрям, как козёл»*. Вступилась за него учительница Мария Петровна, взявшая его тогда (два года назад) в свой класс. В системе персонажей произведения с этим образом связана оппозиция всей поэмы – Мария Петровна и учителя, Мария Петровна и мать Димки.

Мария Петровна единственная в школе, кто понимает этого *«упрямца и неслуха».* Знаток детской души, тонкий психолог, она находит *«те тропинки»,* которые ведут к детскому сердцу [7, с. 78]. Она понимает, что

… не каждому видно,
Как Димка враждует с собой,
Как горько ему и как стыдно,
Что в школе он самый плохой.

За обликом хулигана-двоечника она видит любознательного ребенка с чистой душой, который нуждается в любви, внимании и заботе. Автор-повествователь соглашается с учительницей, подсказывая читателю, что Димка, например, *«стянул шурупы из розетки»* не ради хулиганства, а *«для нужд инженерских своих».* А в сердце своем Димка тайно лелеет большую и светлую мечту о космосе, о звездах, о полетах на ракете. Его кумир – Юрий Алексеевич Гагарин (1934–1968; гражданин Советского Союза, первый человек в мировой истории, совершивший полет в космическое пространство 12 ноября 1961 г.). Димке *«снятся океаны, компас, космос и лёд»,* что его *«берут в капитаны, Гагарин в ракету берёт».* Свою тайную мечту он проживает в снах и в воображении.

Но Димка понимает, что *«в школе он самый плохой»,* поэтому для него *«закрыты ракеты»,* и *«другие помчат на планеты, на синюю Вегу-звезду»,* а ему *«придется слоняться на скучной старухе Земле».*

Учительница же старается вдохнуть в своего ученика уверенность в том, что он может реализовать свою мечту, преодолевая себя и трудности.

Название произведения дает ключ к тем смыслам, что заключены в тексте. В заглавие поэмы автор выносит не образ Димки, а его тетрадь, образ которой олицетворяет школьника, его внутренний мир. Какова тетрадка – таков и ученик. Изменяется тетрадка – изменяется и он. Именно через тетрадь учительница выстраивает диалог с Димкой, воспитывает его, направляет на

верный путь. И ее *«метóда – уверенность в Димку вдохнуть»* дает обнадеживающие результаты.

Вначале эта тетрадка *«лихая», «гиблая», «злосчастная», «измятая, словно из стирки»,* она полна двоек с их *«змеиным языком».* Но постепенно вместо *«поганок»* двоек начинают появляться четверки. Мария Петровна не уговорами и убеждениями начала влиять на Димку, а оценками. И добилась успеха – успеваемость Димки улучшилась, у него появилась вера в свои силы, и как следствие – три четверки, каждая из которых – *«как пламя, ярка, весела».*

В борьбе за Димку Мария Петровна мобилизовала весь класс. Ребята помогают ему овладевать знаниями, и Димка понимает, что

… хочешь не хочешь – старайся,
Забудь о гулянье, учи!

Кольцевая композиция поэмы придает произведению завершенность, выражая его идею. Поэма начинается и заканчивается одинаковыми строфами, объединенными образом неба. По нему, освещая все вокруг, *«плывёт в бесконечности вечной» «голубая звезда»,* символизирующая яркую и светлую мечту главного героя, которая обязательно осуществится. И пусть *«голубая звезда»* пока еще далека от него, но он уже осознанно делает первые шаги, чтобы приблизиться к ней. И вектор этого пути задан первой учительницей.

Проблематика написанной в 1965 г. поэмы остается востребованной и в наше время новых технологий и гаджетов, поскольку индивидуальный подход к формированию личности важен независимо от времени и эпохи, как важна и роль учителя: только личность способна сформировать личность, устремленную к высоким идеалам.

Источники и литература

1. Сухомлинский В.А. Вижу человека! // Литературная газета. – 1967. – 27 сентября.

2. Шестериков М.В. Тетрадка. Поэма // Учительская газета. – 1965. – № 77. – 29 июня (вторник).

3. Шестериков М.В. Стихи, поэмы / Предисловие Н.Бирюкова. – Горький: Волго-вятское книжное издательство, 1966. – С. 81-87.

4. Сухомлинский В.А. Педагогический коллектив средней школы. – М.: Учпедгиз, 1958.

5. Родина Г.И. М.В. Шестериков и детская литература // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 216-222.

6. Шестериков М. Первая книга молодого автора // Ленинская смена. – 1954. – № 93. – 5 августа (четверг).

7. Сухомлинский В.А. Воспитание личности в советской школе. – Киев: Радянська школа, 1965.

УДК 908

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ СЕЛА ХВАТОВКИ (1920-е – 1980-е гг.)

CULTURAL LIFE OF KHVATOVKA VILLAGE (1920s – 1980s)

М.Ю. Макарова

M.Yu. Makarova

Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, магистрант

607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

E-mail: dazysaintpatience@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается культурная составляющая развития села Хватовки на примере биографий художника В.Н. Юдина, поэтов М.В. Шестерикова и В.А. Ратаева.

Ключевые слова: село Хватовка; Арзамасский район; культура; поэзия; живопись.

Summary. This article discusses the cultural component of the development of Khvatovka village by the example of the biography of the artist V.N. Yudin, poets M.V. Shesterikov and V.A. Rataev.

Key word: Khvatovka village; Arzamas district; culture; poetry; painting.

Современная эпоха отличается усилением интереса к местной истории, к региональному культурному наследию. Ученые, работая в архивах, библиотеках, набирая разнообразный материал, пытаются тем самым восстановить отдельные утраченные нити преемственности с прошлым местной культуры.

Культура Нижегородского края неразрывно связана с именами многих талантливых людей, среди которых хочется выделить жителя села Хватовки Арзамасского района Владимира Николаевича Юдина. Художник-самоучка со сложной судьбой, он был патриотом своей малой родины, пронесшим через всю жизнь память поколений в своих работах.

Владимир Николаевич родился в 1902 г. в семье маляра в селе Кичанзино. Деды и прадеды художника были простыми хлебопашцами, помимо всего прочего, занимавшимися строительством в селе: дома, бани, сараи [1]. Однако Владимир с детства мечтал о творческой работе. Он был отдан в ученики к живописцам и впоследствии занялся иконописью [2]. Его родители часто были в отъезде на заработках. По воспоминаниям самого художника, их он *«видел дома только в зимнее время. На все лето они уезжали из дома расписывать церкви, а меня оставляли на попечение бабушки, дяди и Екатерины, жены дяди Петра (родного брата отца), у которой детей не было»*. С ранней весны его отец мыл в керосине кисти, чинил деревянный ящик для красок. Он раскрашивал стены, потолки, рисовал иконы в нововыстроенных монастырях и церквях [3].

С одиннадцати лет, как и многие односельчане, Владимир поступил в Хватовскую церковно-приходскую школу, где обучался грамоте, чтению и

счету. В последующие годы он потерял почти всех родственников: сначала от дизентерии умерли в раннем возрасте братья и сестры, затем – бабушка и дядя. В 1918 г. от гриппа-испанки умерли родители.

Как уже отмечалось, желание стать живописцем у Владимира Юдина появилось еще в детстве. Даже в самые сложные годы рисованию в жизни художника всегда находилось место; иногда он брал оставшиеся от отца краски и писал с натуры хватовские поля на берегах Тёши. Не имея полного среднего образования, в 1920 г. Владимир Николаевич отправился поступать в Ленинградскую Академию художеств [2], чему во многом поспособствовал известный живописец Николай Андреевич Шестериков. Но итогом поездки стал не диплом с отличием, а возвращение на родную землю: зачисленный вольнослушателем Юдин остался без права на стипендию и хлебный паек. *«Свои рисунки я принес в Ленинградский Петропрофобр, только через несколько дней мне передали выписку из решения, что он просит Академию приравнять меня к правам студентов и одновременно рекомендует принять на рабфак, где предоставили общежитие и паек, но тиф и голод чуть не свели меня к праотцам, пришлось вернуться домой»* [3].

Спустя шесть лет художник предпринял вторую попытку получить профильное образование, посвятив свою жизнь искусству. С большим трудом ему удалось поступить в художественно-промышленное училище, одновременно учась в вечерней школе. После закрытия среднего учебного заведения, в 1929 г. Владимир Николаевич отправился в Москву. Случайно узнав о существовании Полиграфического института, он решил подать заявку на курсы по предварительной подготовке к поступлению. На втором курсе художник тяжело заболел и вернулся в Хватовку.

Несмотря на подорванное здоровье, по возвращении на историческую родину он вновь занялся изобразительным искусством. При создании работ Юдин использовал разнообразные материалы: акварель, карандаш, уголь, занимался иллюстрацией и участвовал в выставках («Чкалов на Волге», «Горький в Арзамасе» и т.д.). Многие его работы были отмечены премиями и грамотами, но, несмотря на это, на арзамасские выставки художника старались не приглашать.

В 1933 г. Владимир Николаевич был приглашен учителем труда, рисования и немецкого языка в Каменскую школу. В 1935 г. Юдин закончил работу над картиной «Горький в Арзамасе», которая была выставлена в Москве в литературном музее имени Максима Горького. От этого периода осталось множество разнообразных эскизов, набросков карандашом и законченных небольших картин. В основном, они показывают деревню того времени, основой которой является колхоз. Художник изображал встречу отца с сыном-летчиком, матери с сыном-танкистом, пейзажи малой родины и ее облик. Одновременно он работал над картиной о времени Гражданской войны.

В 1932–1933 гг., в период экономического подъема колхоза, в Хватовке был построен сельский клуб. На конном дворе в конюховской оборудовали столовую, где сосредотачивалась культурно-просветительская работа: чтение

газет, проведение дискуссий и бесед, выступления художественной самодеятельности.

В 1938 г., после посещения Нижегородского областного дома народного творчества, Владимир Николаевич предложил организовать в родном колхозе изостудию. Предложение было поддержано. Под нее сельсовет отвел комнату колхозного клуба. Работе в сельской художественной студии Юдин уделял много внимания: в любую погоду десятки желающих приходили в Хватовку, желая научиться искусству рисунка и живописи [2].

Среди учеников Юдина были весьма талантливые люди. Так, Иван Зотов (один из первых коммунистов Арзамасского района) написал картину «Ленин с делегатами балтийских матросов обсуждает план защиты Петрограда». На переднем плане – склонившийся над картой Владимир Ильич. Его тесно обступили вооруженные, с полными решимости лицами матросы. Другая его работа – «Дома за уроком»: ученица аккуратно разложила на столе вокруг себя книги, тетради и старательно выводит буквы в прописях.

Василий Лызлов, еще один ученик Владимира Юдина, стал автором работы «Владимир Ильич выступает в революционном кружке». Ее действие происходит в квартире рабочего – собрание подпольного общества держится в строгой тайне. Полотно Ивана Стальнова «Сталинские соколы» посвящена перелету Валерия Чкалова через Северный полюс. Все эти и другие работы экспонировались на Всесоюзной выставке «Ленинизм в народном творчестве» [4].

Своих учеников и в школе, и в изостудии Владимир Николаевич учил не просто определенному предмету. Он давал им куда больше: прививал любовь к искусству, русской классической литературе. Благодаря личным качествам педагога изостудия в Хватовке стала широко известна и за пределами Горьковской области. В 1940 г. была организована первая художественная выставка работ учащихся, занимающихся в ней [2].

С началом Великой Отечественной войны работа студии прекратилась. Но накануне тех страшных лет Владимир Николаевич приобрел фотоаппарат и всерьез увлекся фотосъемкой, результаты которой есть в семейных альбомах многих хватовцев: широкие улицы села, улыбки его жителей. В самую гущу военных событий художник не попал – по состоянию здоровья.

После войны до конца жизни Владимир Николаевич проработал учителем в Хватовской средней школе, оставив добрую память о себе у каждого ученика.

Юдин – художник многих тем. Многогранность его взгляда на все, что нас окружает, до сих пор поражает воображение зрителей. Вся тематика навеяна самой жизнью, персонажи – искренни в своих эмоциях, будь то портреты известных людей или изображение сельских будней. Художник-самоучка, так и не получив специального образования, смог дать многим сельчанам района возможность поступить в средние и высшие учебные заведения творческого направления.

Вклад Владимира Николаевича в развитие местной культуры огромен. Благодаря его полотнам мы можем заглянуть в прошлое, полнее представить нелегкую жизнь простых сельчан, а главное – понять, что культурную сферу заполняют именно такие, порой неизвестные, мастера своего дела.

Поколение писателей и поэтов Арзамасского района, рожденных в довоенные годы XX века, через все свое творчество прокладывало линию пережитых событий. Они были людьми негромкой славы. Но именно их творчество позволяет нам сегодня понять внутренний мир человека, отмеченный страшными событиями Великой Отечественной войны. К таким поэтам принадлежит уроженец села Хватовки Михаил Васильевич Шестериков. Он родился в 1906 г. в семье фельдшера. С юных лет стал комсомольцем – в возрасте 19 лет был направлен в Горький на должность инструктора сельхозлесрабочих. Будучи деятельным секретарем ячейки, он активно интересовался современной поэзией и сочинял собственные стихи.

Поэту было 26 лет, когда вышел первый сборник его стихов. Именно в нем был поставлен и определен голос Михаила Васильевича, пронизанный в тот период отзвуками эпохи коллективизации. Осенью 1926 г. Шестериков стал одним из самых активных молодых авторов при газете «Молодая рать» и вступил в только что созданную Нижегородскую ассоциацию пролетарских писателей.

Одновременно с постоянным участием в культурной жизни города, Шестериков закончил рабфак, однако в 1932 г. поступил в педагогический институт на кафедру русской литературы. В это же время он был принят в Горьковское отделение Союза советских писателей. Окончив аспирантуру в 1936 г., поэт остался преподавать на своей кафедре.

В 1937 г. Михаил Васильевич выпустил «Стихи». Небольшая по объему книга собрала в себе 13 произведений, но на каждой из страниц точно охарактеризованы основные приметы того времени. Здесь и судьба родного села – образ перестраивающейся на новые рельсы деревни, контрасты побед и поражений эпохи, классовая борьба и непримиримость, будни индустриализации и увлечение молодым советским спортом, мысли о необходимости обороны страны и, конечно же, любовь. Через каждую строчку проносилась жизнь молодого поэта.

Шестериков стал работником литературы в широком смысле этого слова: писал статьи, рецензии и очерки. Немало дали ему, несмотря на эпизодичность, встречи с А.М. Горьким и В.В. Маяковским.

С осени 1942 г. Михаил Васильевич – корреспондент фронтовой газеты «Красное знамя». Для нее он писал рассказы в стихах; одно из лучших произведений – «Баллада о солдате». В этом же году у поэта вышли два небольших сборника: первый вариант поэмы «Чкалов» и «Мы на запад идем» [5, с. 7]. Он прошел Сталинградскую битву, Корсунь-Шевченсковскую и Ясско-Кишиневскую операции, участвовал в окружении и взятии Будапешта. Конец войны встретил в Вене. В качестве специального корреспондента он присут-

ствовал на Нюрнбергском процессе и до марта 1947 г. находился в Австрии, продолжая работу в газете. Войну поэт окончил в звании майора.

После Великой Отечественной войны Михаил Васильевич 12 лет возглавлял писательскую организацию в Горьком. На рубеже 1960-х гг. творческое слово автора продолжало развиваться – в год своего 50-летия он завершил работу над масштабным произведением «Огонек моей юности» – поэмой, впоследствии внесшей большой вклад в советскую поэзию тех лет. Впервые она была опубликована на страницах журнала «Новый мир», редактором которого тогда был А. Твардовский. Уникальность данного произведения состоит в единой сквозной связи повествования – образом огонька юности. Во многом автобиографичная судьба человека связывается в строфах с анализом данной эпохи и достижений целого поколения – Октябрьской революции, Великой Отечественной войны.

Наполненное философским смыслом, казалось бы, градостроительное словосочетание «Жилая зона» стало названием нового сборника поэта, заняв особое место среди остальных его книг. Через каждое из сорока стихотворений проносятся приметы эпохи, находя отражение в повседневном и привычном: «жаркие заплаты» – асфальтовые «заделы» на тротуарах, «однорукие силачи» – строительные краны и телеграфные столбы. В эти и многие другие привычные для нас вещи он вдохнул живую душу, определил характер. Михаил Васильевич утверждал: все на земле живое – может мыслить, горевать, радоваться и жить, если к нему прикоснется рука человека.

Поэзия Шестерикова глубоко традиционна, однако, несмотря на это, отличается разнообразием жанров. Это и лирические стихи, и поэмы, юморески и басни. Тема войны присутствовала в его поэзии до последних строк: в них ощущается боль старых ран, память об ушедших друзьях:

Как я забуду о войне,
Когда она сидит во мне.

Выветривает время имена,
Стирает даты, яркие когда-то,
Историей становится война,
Уходим в книги мы, ее солдаты [5, с. 163].

Михаил Васильевич любил определение «настоящий». Настоящая книга, настоящий поэт. Писатель не искал широкой популярности, столичной жизни известного автора, а всю жизнь трудился на родной земле.

Еще одним местным известным поэтом и публицистом является Василий Алексеевич Ратаев. Он родился в поселке Ясная Поляна Арзамасского района в 1935 г. Некоторое время спустя его семья переехала в Хватовку. Отсюда забрали на фронт его отца, который героически погиб.

Как и многим его сверстникам, Ратаеву пришлось испытать на себе тяготы и лишения военного времени. Особенно крепко в его памяти остались

воспоминания о тяжелом, изнурительном труде сельчан. И взрослые, и дети, по воспоминаниям современников, работали без устали, обрабатывая поля и пастбища вручную, за «палочки» – иными словами, за хлебные карты. Это отражают многие стихи поэта.

Василий Алексеевич рос наблюдательным и любознательным, впечатлительным и неравнодушным. С успехом он окончил сельскую школу. Первые шаги на пути тяги к знаниям поэт всегда связывал с отцом, что отражено в стихотворении «Первое слово», в котором описываются история о том, как отец принес младшему сыну фанерные буквы, чтобы тот обучался грамоте [2].

В своих стихах В.А. Ратаев преимущественно уделял внимание жизни в тылу, ведь там тоже шла война – с голодом, смертью, непосильным каждодневным трудом.

В послевоенные годы для каждого советского подростка служба в армии была почетным долгом, но одновременно вызывала смешанное чувство неуверенности, страх неизвестности, отношений с сослуживцами. В 1957 г. Ратаев сделал шаг во взрослую жизнь, начав армейскую службу. Этим событиям он в дальнейшем посвятил цикл стихотворений, проникнутых переживаниями – волнением перед тем, что возможно не попасть на срочную службу, и нотками патриотизма. Именно в эти годы ярко проявился его талант стихосложения. Первые его стихи были опубликованы в окружной армейской печати. Военный комиссариат вынес творчеству молодого поэта положительный вердикт.

С 1959 г. имя молодого поэта стало появляться в печати на страницах газет «Арзамасская правда», «Литературная Россия», во многих альманахах и журналах. Именно в литературном объединении первого указанного печатного издания он познакомился с поэтами-земляками, в т.ч. с А.И. Плотниковым, который с первого дня поддержал молодой талант.

По рассказам современников, Василий Алексеевич писал не так много стихов, но с большим трудом. Каждое стихотворение он обсуждал с товарищами, много раз правил текст. Его произведения печатались в Горьком и некоторых московских журналах («Советские профсоюзы», «Рабоче-крестьянский корреспондент» и др.). Вместе с другими арзамасскими поэтами он участвовал в записи телевизионных передач на городском телевидении [6, с. 186].

Ратаев трудился кочегаром, оператором газовой котельной. Он всегда подписывал свои публикации, указывая профессию, которой гордился и любил. Умер поэт в 1990 г., едва отметив свое 55-летие.

Культура Нижегородского края связана с именами многих творческих людей. Уроженцы села Хватовки, талантливые поэты, писатели, художники на протяжении многих десятилетий участвовали в формировании культурной жизни региона, и в частности, Арзамасского района, оставив богатое наследие своим потомкам.

Источники и литература

1. Запись беседы со старожилом с. Хватовка Н.М. Балаховой // Из личного архива М.Ю. Макаровой.
2. Материалы музея МБОУ Хватовская ОШ.
3. Рукопись художника В.Н. Юдина // Из личного архива З.Н. Колоковой.
4. Шелепенков Б. Художники-колхозники // Арзамасская правда. – 1967. – 23 мая.
5. Шестериков М. Стихотворения и поэмы. – Горький, 1986.
6. Агафонов В. О Вячеславе Васильеве // Арзамасская сторона: альманах. – Арзамас, 2012.

УДК 908

МЕМОРИАЛЬНЫЕ МЕСТА ГОРОДА АРЗАМАСА

MEMORIAL PLACES OF THE CITY OF ARZAMAS

Е.В. Колосунин

E.V. Kolosunin

Арзамасский приборостроительный колледж имени П.И. Пландина, преподаватель

607230, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Жуковского, д. 2

E-mail: pak-725@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ исторических мест Арзамаса, которые отмечены на карте города государственными памятными знаками – мемориальными досками.

Ключевые слова: мемориальная доска; Арзамас; Почетный гражданин; трудовые и военные подвиги.

Summary. The article presents an analysis of the historical sites of Arzamas, which are marked on the city map with state memorials – plaques.

Key words: memorial plaque; Arzamas; Honorary citizen; labor and military exploits.

Ход времени невозможно ни остановить, ни изменить, можно только сохранить в памяти то, что составляет нашу общую историю. Но воспоминания о прошлом выборочны и недолговечны. Осознав это, люди придумали прием – увековечивание. Храмы, скульптурные монументы, обелиски, мемориальные доски – все это призвано напоминать нам о чем-то важном из прошлого [1, с. 62].

Наш город богат историей на события и биографии. И на культурной карте Арзамаса немало мемориальных мест. Но мы привыкаем к ним, как привыкают к интерьеру. Особенно к тем местам, что скромно отмечены мемориальной доской на фасаде здания. В суете своих будней мы часто не обращаем внимания на эти памятные знаки. А ведь за каждой мемориальной доской стоит чья-то судьба, чей-то трудовой или военный героизм [2, с. 319]. Изучая эти своеобразные памятники, можно получить немало информации о прошлом. Надписи на них рассказывают о значимых событиях, выдающихся земляках, деятелях культуры и науки.

Между тем, ситуация с существующими мемориальными досками в Арзамасе складывается любопытно. С одной стороны, их открывают с завидной периодичностью. Инициаторами выступает общественность города, администрация, трудовые коллективы, Русская Православная церковь. Информация об этом размещается в местных СМИ, на интернет-порталах [3, 4]. Но сколько всего по городу этих памятных знаков сейчас – ответить сложно. Во всяком случае, полного реестра или путеводителя по памятным доскам Арзамаса автору найти не удалось. К сожалению, информация не систематизирована и является предметом изучения отдельных краеведов-энтузиастов. Прежде всего, это известный в нашем городе фотограф Д.В. Начаркин. В течение нескольких лет он по собственной инициативе создает фотоархив памятных мест Арзамаса, которые отмечены мемориальными досками. Сейчас в его архиве более 100 фотографий. Анализ собранного им материала и составил основу предлагаемой статьи [5].

Точных данных, когда на фасадах или внутри городских зданий Арзамаса появились первые мемориальные доски, пока найти не удалось. Но в интерьерах Воскресенского собора у главного входа мы можем видеть фамилии представителей арзамасского купечества, которые внесли существенный вклад в строительство главного городского храма.

Условно можно выделить несколько принципиальных подходов в установлении мемориальных мест на карте города. Они зависели от конкретных исторических условий и государственной идеологии:

1) увековечение событий и биографий, связанных со становлением Советской власти и первых лет молодого государства рабочих и крестьян;

2) победа в Великой Отечественной войне;

3) память о событиях и биографиях дореволюционного периода;

4) персонификация памяти людей, которые внесли конкретный вклад в развитие и процветание города;

5) увековечение событий и биографий, связанных с историей РПЦ.

Люди старшего поколения вспоминают, что традиция открывать мемориальные доски в советский период появилась в 1960-е гг. Можно предположить, что это было связано с юбилеем события государственного масштаба, а именно с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Улица Октябрьская, д. 16. Ничем не примечательный двухэтажный жилой дом, на который не каждый обратит внимание. На нем установлена скромная по размерам и художественному оформлению мемориальная доска, которая напоминает, что здесь 1 декабря 1917 г. состоялось заседание Уездного Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которое провозгласило установление Советской власти в Арзамасе.

Традиция увековечения знаковых событий первых революционных лет нашла свое отражения на фасадах многих скромных зданий исторического центра города. На эти мемориальные доски сегодня мало кто обращает внимание, скорее, воспринимают их как «исторический атавизм». Между тем,

они могут стать отправной точкой при реконструкции событий новой социалистической реальности: работа клуба социал-демократов; выступление председателя ВЦИК М.И. Калинина перед трудящимися Арзамаса в апреле 1919 г.; создание первой комсомольской организации Арзамаса в июне 1919 г.; первые комсомольские собрания местной молодежи в помещении Арзамасского Уездного комитета комсомола и место печати комсомольской газеты «Авангард».

Мемориальные доски, связанные с данным периодом арзамасской истории, дают нам возможность вспомнить почти забытые ныне имена: А. Плеско – первый редактор газеты «Авангард» (органа Арзамасской уездной организации РКСМ), М.Ф. Владимирский – советский государственный и партийный деятель, комсомольские вожаки из семьи Цыбышевых, первые комсомольцы Арзамаса – П. Горин-Коляда, А. Ольшевский, Н. Кондратьев.

Нескольких мемориальных досок, отсылающих нас к именам той эпохи, мы уже не найдем. Вместе с жилым домом ушло в прошлое имя М.В. Гоппиус (ул. К. Маркса, д. 63). Хотя сохранилась небольшая улица, названная в ее честь. Снята мемориальная доска с фасада бывшего кинотеатра «Искра». В этом здании трудящиеся города слушали обращение к ним М.И. Калинина. Пройдут ли фильтр исторической памяти и как сложится судьба остальных исторических мест данного периода, пока не ясно. Вероятно, они исчезнут вместе с фасадами зданий, которые помнят их имена.

Годы ослабили боль военных потерь, и настала пора вспомнить всех поименно, кто погиб защищая Родину в Великой Отечественной войне, или работал в тылу для достижения общей Победы. В 1970-е – первой половине 1980-х гг. появляются мемориальные доски с именами погибших выпускников школы № 1. Имена погибших бойцов первого состава истребительного батальона мы можем прочитать на мемориальной доске, которая размещена на здании медицинского колледжа. О наших земляках – Героях Советского Союза напоминают мемориальные места на фасаде Арзамасского ликероводочного завода (ныне не существующего на карте), где работал А.А. Куликов; здании Арзамасского техникума механизации и электрификации сельского хозяйства, где учился В.А. Новиков; на здании ОКБ «Темп» и ул. Кольцова, д. 16, где работал и жил Н.А. Старчиков. Не была забыта и история зданий, связанных с военными событиями: Соборная площадь (в советское время – площадь Ленина), д. 14 – место расположения 5-го отделения эвакогоспиталя № 2823 и Соборная площадь, д. 2, где был дислоцирован штаб 29-го отдельного батальона ВНОС.

В 2005 г. в связи с 60-летием Победы мемориальные доски в память о ратном труде и воинских подвигах появились на фасадах войлочной фабрики, ликероводочного завода, локомотивного депо, главпочтамта, городской администрации.

Новый подход в определении памятного места, а следовательно, в установлении памятной доски был обозначен постсоветской историей. Общество вспомнило о тех, кто до этого не вписывался в пантеон «героев нашего времени». В Арзамасе появляются мемориальные доски в память о нашем земляке – Н.М. Щеголькове: на ул. Березина, д. 3, где располагался дом, в котором родился известный арзамасский краевед, и на ул. Ленина, д. 16, где в здании арзамасской городской думы и управы он работал в должности городского головы. Не был забыт и выдающийся русский педагог и общественный деятель В.П. Вахтеров. Его имя появилось на мемориальной доске, установленной на здании бывшего Арзамасского духовного училища [6].

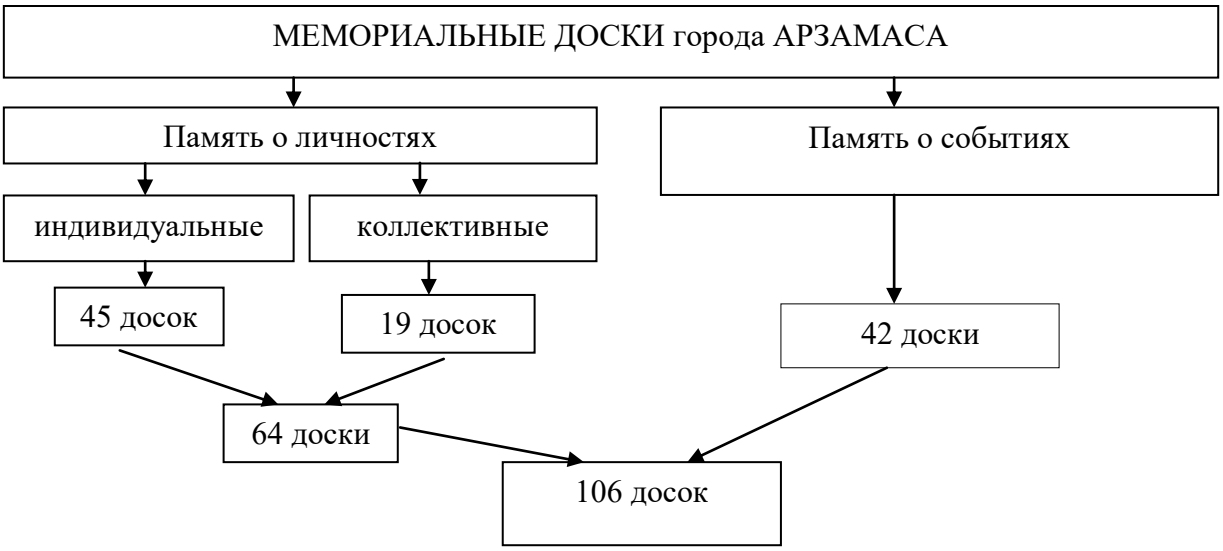
Более свободным стал подход в определении памяти о личностях. Фамилии и лица на мемориальных досках стали близки и понятны горожанам, особенно старшему поколению. С этими людьми они работали, жили по соседству, обращались к ним и получали помощь. Это были люди, которых знали все, которые многое решали и могли сделать во благо города: П.И. Пландин, Ю.П. Старцев, И.П. Скляров, М.А. Мирошников, Д.Д. Верхоглядов, Г.И. Иванов, С.В. Жданов, Ю.И. Горшков, И.Д. Литвиненко. Увековечение памяти таких людей стало характерной чертой последних десятилетий. Но важно при этом, чтобы память о них не ушла с поколениями, которые их помнят.

История православного Арзамаса – это еще один принципиальный подход последних десятилетий в увековечении истории города в мемориальных досках. Первые из их числа были связаны с историей Алексеевского женского монастыря: племянница А.С. Пушкина – О.Л. Пушкина-Оборская, семейство Страгородских. Затем появилась выполненная в высокохудожественном стиле мемориальная плита в память Сергия (Страгородского) на фасаде бывшего Арзамасского духовного училища.

В 2017 г. по инициативе Арзамасской православной гимназии в городе была проведена акция «Утраченные ценности». Сразу 18 мемориальных досок смогли напомнить горожанам об уничтоженных в годы гонений на церковь арзамасских храмах и монастырях.

Таким образом, принцип определения мемориального места на карте города менялся вместе с изменениями общественно-политической жизни страны.

Для систематизации фотоархивного материала, собранного Д.В. Начаркиным, все мемориальные доски нашего города можно разделить на две группы: «Память о личности» и «Память о событии». В итоге мы предлагаем следующую схему.



Среди фамилий на мемориальных досках, которые увековечивают память о личностях, можно встретить художников (В.Г. Перов), писателей (М. Горький, А.П. Гайдар), педагогов (А.В. Ступин, В.П. Погодин), врачей (А.В. Сперанский, Ю.И. Горшков), общественных и политических деятелей (Н.М. Щегольков, И.П. Скляров). Есть среди них Герои Советского Союза (В.А. Новиков, Н.А. Старчиков, А.В. Обухов) и «генералы советской индустрии», которые руководили ведущими предприятиями Арзамаса (П.И. Пландин, Ю.П. Старцев, С.В. Жданов, Г.И. Иванов, М.А. Мирошников, В.А. Шилов). Эти фамилии принадлежат разным эпохам. О некоторых из них слышали все, а кто-то дорог только своим близким. Но все они прожили достойную жизнь.

Что касается событий, то они также были разными в своей исторической значимости. От первой в России провинциальной школы живописи до строительства детской библиотеки и музея им. А.П. Гайдара на средства, заработанные комсомольцами и пионерами г. Арзамаса и района. Но вместе они создают общую историю города, в котором мы живем.

Наш город богат историей на события и биографии. И об этом говорят не только православные храмы и скульптурные монументы на площадях и в парках, но и скромные мемориальные доски, мимо которых мы каждый день проходим в суете своих будней.

Источники и литература

1. Беседина Е.А., Буркова Т.В. Мемориальная доска как знак исторической памяти // Сохранение историко-культурного наследия – будущее Санкт-Петербурга: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2013. – С. 161–163.

2. Беседина Е.А., Буркова Т.В. Мемориальная доска как малоформатный текст // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 317–319.

3. Арзамас-Сити.Ru: Интернет-портал. Режим доступа. – http://www.arzamas-city.ru/news/18385.

4. Новаев И. Солдаты не умирают… // Арзамасские ведомости. – 2004. – 27 февраля.

5. Личный фотоархив Д.С. Начаркина.

6. Абрамов И. Памятный знак // Арзамасские новости. – 2003. – 1 февраля.

УДК 908

РАЗЪЕЗД «44-я ВЕРСТА»

CROSSING “THE 44th MILE”

С.В. Завьялова[3], И.А. Цветков[2], С.П. Цветкова[2]

S.V. Zavyalova, I.A. Tsvetkov, S.P. Tsvetkova

[1] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, кандидат исторических наук, преподаватель
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а
E-mail: zavyalova_sv@mail.ru;

[2] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, студент
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а;

[3] МБУК «ЦБС» г.о. Семёновский, заведующая отделом
606630, Нижегородская область, ст. Тарасиха, ул. Проселочная, д. 1

Аннотация. В статье рассказывается об истории становления поселка Тарасиха Нижегородской области, ранее именуемого разъездом «44-я верста». Его возникновение связано со строительством железнодорожной линии Нижний Новгород – Котельнич.

Ключевые слова: Нижегородская область; железная дорога; разъезд «44-я верста»; поселок Тарасиха.

Summary. The article tells about the history of the formation of Tarasikha village of Nizhny Novgorod region, previously called “The 44th mile”. Its emergence is associated with the construction of the railway line Nizhny Novgorod – Kotelnich.

Key words: Nizhny Novgorod region; railway; crossing “The 44th mile”; Tarasikha village.

Возникновение и развитие поселка Тарасиха городского округа Семёновский Нижегородской области связано со строительством Котельнической линии Московско-Казанской железной дороги. От Толоконцева и до самого Семёнова до 1927 г. была лишь одна остановка – Линда. В январе того же года был открыт разъезд, который назвали «44-й верстой». До 1929 г. на месте станции Тарасиха не было ни одного дома, вокруг был высокий лес, в который ходили за ягодами и грибами жители близлежащих деревень.

С 1 октября 1929 г. был организован Семёновский леспромхоз; он имел семь самостоятельных складов (на ст. Линда, на 44-м км). Для проживания лесозаготовителей намечено было построить 17 бараков [1].

В лесных массивах вблизи «44-й версты» начинались лесные разработки. Первые бараки на «44-й версте» были построены в 1929 г. для рабочих лесоповала и их семей. Сейчас сложно представить, что на современной улице Центральной, кроме бараков, ничего не было.

На аудиозаписях Константин Андрианович Киселев рассказывает о строительстве первых домов, о появлении первой улицы с интересным названием «Голопятая» (современная Запрудная), как постепенно отступал лес, что в 1930-е гг. на «44-м» была пожарная вышка рядом с железной дорогой, а маленький домик на улице 1 Мая – бывший роддом. Константин Ан-

дрианович говорил, что в самом большом бараке был клуб и изба-читальня, а в другом – столовая, в которой готовили обеды лесорубам и на лошадях возили прямо в делянки [2].

Анатолий Андреевич Миронов в своих воспоминаниях подробно рассказывает о вывозке леса из делянок. Разработка велась самым примитивным способом. Древесину вывозили на лошадях зимой по ледянке (современная улица Школьная). Протяженность ее составляла 11 км. Время строительства – 1931 г. [1].

В произведении Сергея Алексеева «Хлебозоры» есть описание ледянки: *«Ледянка шла по квартальной просеке…. Узкая, как раз по ширине полозьев дорога соединяла лесосеки с плотбищем, где лес маркировали и увязывали в маты черемуховыми вязками. После каждого снегопада ледянку поливали водой. Конюх Овчинников, здоровый, приземистый старик из сосланных кулаков, запрягал быков, ставил на сани две бочки с водой и открывал в них заслонки. Вода постепенно вытекала в колеи, схватывалась на морозе, и следом уже катили на конях и быках возчики… Не будь этой ледянки – горел бы план синим огнем... А ледянка спасала»* [3].

Земляк – Владимир Ильич Горбунов в своей книге о поселке опубликовал воспоминания Прасковьи Ивановны Кузьминой: *«…Работала я на поливе ледяной дороги, по которой возили лес и дрова. Выезжали в полночь, а то и раньше бывало. Наливали ведрами огромную емкость воды, а кончится вода, снова наливали – и так до рассвета. Пойдешь домой в мокрой одежде, усталая, голодная, бывало, только заснешь, а часа через два мастер снова поднимает – давайте, бабёнки, выходите на расчистку дороги, – голос Прасковьи Ивановны дрожит, невольно наворачиваются слезы. – Сами еще не отдохнули, да и одежда не успела просохнуть, а идти нужно»* [4, с. 61–62].

Летом лес вывозили по узкоколейной дороге, рельсами служили обыкновенные жерди. Эта дорога называлась Диковилькой (ныне улица Гагарина). Протяженность магистрали составляла 6 км. Время строительства – 1932–1933 гг. [1].

В 1940-х гг. деревянные рельсы были заменены металлическими. Дорогу так и называли диковилькой; вероятно, такое название соответствует дикому, первобытному способу транспортировки. Улица, по которой она проходила, так и названа была Диковильной, хотя при постройке улицы от дороги оставалась лишь земляная насыпь в понижениях рельефа. Рядом с узкоколейкой (Диковилькой) была построена шпалорезка. По железной дороге лес отправляли в другие области, однако основным потребителем леса был Балахнинский бумажный комбинат. Семёновский леспромхоз поставлял строительные бревна, шпалу, дощечку для ящиков и бочек, дрова и т.д. [5].

В 1937 г. были организованы курсы лесорубов-лучкистов, так как в основном они и работали на лесоповале. Основными орудиями лесорубов-заготовителей были обыкновенная поперечная пила и топор. Сейчас верится с трудом, что именно с помощью них валились огромные деревья, выполнялись планы. А в войну все это делалось женскими руками! Деревообрабаты-

вающая промышленность развивалась; вдоль железной дороги складировались бревна, готовые для погрузки, и поселок стал называться Склады [5].

В документах, датируемых 1937 г., поселок именуется Тарасихой (вероятно, из-за близкорасположенной деревни Тарасиха); такое название не случайно, в честь первопоселенца – Тараса, что в переводе с греческого означает «беспокойный» [5].

Так стал строиться и развиваться поселок леспромхоза: построили семь бараков, пекарню, столовую, общежитие, конный двор, ясли для детей… Все это говорит о том, что население росло. Была в Тарасихе и казенная баня. До 1935 г. постоянных рабочих в леспромхозе было немного, вербовали жителей из других деревень, которые приезжали на работу временно или сезонно (колхозники), поэтому казенная баня была необходимостью [5].

С увеличением количества детей появилась необходимость в строительстве средней группы детского сада и школы, которая была перевезена сюда из Успенья в 1947 г. Первым учителем начальной школы была Анна Васильевна Виноградова. История школы берет свое начало из села Горшково (ныне Успенье), которое являлось административным и духовным центром этого района. Сохранились записи воспоминаний Анны Васильевны, в которых она сообщает, что до революции грамотным человеком на селе был поп Салганский. Он на досуге и обучал грамоте детей зажиточных крестьян села Горшково. Очень большую работу проделал и фельдшер поселка Дмитрий Павлович Серебряков; в его подчинении, кроме Тарасихинского, было еще несколько медпунктов. В 1948 г. рядом с бараком № 6 было построено новое здание сельского клуба. Первой его заведующей была Александра Ивановна Морозова [5].

Большим событием для поселка явилось строительство в 1962 г. тяговой подстанции распределения электроэнергии. Для работников подстанции построен первый в поселке кирпичный двухэтажный жилой дом. В 1968 г. было построено кирпичное здание почты. В этом же здании разместились сберкасса и АТС [5].

В 1975 г. было построено новое здание Тарасихинского сельского Совета (ныне здание администрации), в то время Заевского сельского Совета, который переехал из деревни Заево вместе со своим председателем Николаем Ивановичем Кудряшовым. Далее на этом посту работал Владимир Иванович Кочнев, а после его ухода на пенсию – Александр Ефимович Воронин, который проработал на этом посту более 30 лет. Сейчас этот пост занимает Андрей Юрьевич Ежов [5].

По данным переписи 2010 г., в Тарасихе проживает 1.559 человек [6].

В Тарасихе жили замечательные люди, многих из них уже нет в живых. Это участники Великой Отечественной войны и труженики тыла (Михаил Андреевич Князев, Иван Данилович Калинин, Анатолий Макарович Козлов, Игнатий Поликарпович Горев, Игнатий Михайлович Кораблев), награжденные орденом Красной Звезды, медалями «За победу над Германией», «За бо-

евые заслуги», «За трудовую доблесть». С полей сражений не вернулись к своим семьям Андрей Ерастович Борисов, Кузьма Федорович Бобров, Иван Степанович Головкин, Федор Петрович Денисов, Александр Андреевич Егорушкин, Иван Алексеевич Егорушкин, Григорий Яковлевич Жеглов, Петр Григорьевич Ильичев, Павел Сергеевич Кобылин, Федор Александрович Кабаев, Павел Алексеевич Кокурин, Михаил Тимофеевич Лебедев, Василий Иванович Лысов, Виктор Алексеевич Миронов, Леонид Савирович Носов, Григорий Матвеевич Перцев, Павел Иванович Уткин, Петр Евгеньевич Тряпкин, Василий Григорьевич Туманов, Евтифий Тихонович Холстиков, Виктор Владимирович Хухлыгин. В 1985 г. в поселке был открыт памятник Герою-освободителю [5].

В истории поселка были герои и в мирное время. В 1986 г. награждены медалями «За трудовое отличие» работники лесопункта ГАЗ – водитель лесовозной автомашины Николай Николаевич Копейкин и мастер лесозаготовок Александр Лаврентьевич Гореловский. За участие в военных действиях в Чеченской республике был награжден двумя медалями «За отвагу» и Орденом мужества молодой десантник Александр Александрович Гореловский [5].

В начале 1990-х гг. Тарасиха стала расширять свои границы. Были намечены участки для строительства домов второго микрорайона в сторону Семёнова. В настоящее время там построено 92 дома. Начата газификация поселка. В 2010 г. построено новое здание вокзала [5].

Так, благодаря строительству железнодорожной линии Нижний Новгород – Котельнич возник разъезд «44-я верста» (впоследствии поселок Тарасиха г.о. Семеновский Нижегородской области), основным занятием населения которого стала заготовка и транспортировка леса.

Источники и литература

1. Материалы клуба «Поиск истины» при сельском Доме культуры ст. Тарасиха (руководитель Т.И. Ерикова).

2. Материалы кружка «Топонимы родного края» при Тарасихинской средней школе (руководитель О.Ю. Нигай).

3. Алексеев С. Хлебозоры. – М.: Патриот, 1990. [Электронный ресурс]. – URL: http://sergey-alekseev-hlebozory.html

4. Горбунов В.И. О малой родине, земляках и не только… – [Б.м.]: [Б.и.], 2011. – 132 с.

5. Материалы краеведческого клуба «Истоки» при Тарасихинской библиотеке-филиале № 28 (руководитель С.П. Цветкова).

6. Тарасиха | ПГТ, рабочий поселок [Электронный ресурс]. – URL: wikimapia.org›12735233/ru/Тарасиха

УДК 908

ПОРТРЕТ КОМСОМОЛЬСКОГО ЛИДЕРА: А.М. СПЕКТОРСКИЙ

PORTRAIT OF A KOMSOMOL LEADER: A.M. SPEKTORSKY

С.В. Завьялова[1], А.А. Завьялова[2], Е.А. Маркина[3]

S.V. Zavyalova, A.A. Zavyalova, E.A. Markina

[1] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, кандидат исторических наук, преподаватель
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а
E-mail: zavyalova_sv@mail.ru;

[2] МБОУ «Школа № 60» г. Нижнего Новгорода, учитель истории и обществознания высшей категории
603135, г. Нижний Новгород, пр. Ленина, д. 55 к. 3;

[3] МБОУ «Школа № 60» г. Нижнего Новгорода, ученица 11-го класса

Аннотация. В статье рассказывается о комсомольском прошлом Александра Михайловича Спекторского, о его службе в ВМФ СССР, о формировании качеств характера комсомольского лидера и их влиянии на профессиональную деятельность.

Ключевые слова: Александр Михайлович Спекторский; комсомол; Военно-Морской Флот СССР; противолодочный корабль.

Summary. The article describes Komsomol past of Alexander M. Spektorsky, his service in the Soviet Navy, the formation of the qualities of the character of the Komsomol leader and their impact on professional activities.

Key words: Alexander M. Spektorsky; Komsomol; the Soviet Navy; anti-submarine ship.

2018 г. богат на юбилейные даты, связанные с отечественной историей. Одной из них является 100-летие комсомольской организации. Комсомол в советское время стал настоящей школой жизни, источником формирования мировоззрения, личных и деловых качеств для миллионов молодых людей. К огромной армии комсомольцев принадлежал тогда и Александр Михайлович Спекторский – ныне директор нижегородской школы № 60.

В ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ВЛКСМ) А. Спекторский вступил в октябре 1971 г. во время учебы в родной школе № 169 Автозаводского района города Горького, вступил одним из первых среди одноклассников. Александр хорошо учился, проявлял себя в общественной работе, спортивных соревнованиях – по баскетболу, лыжам, легкой атлетике. После окончания школы был призван на службу в Военно-морской флот. Служба для него началась в Архангельске в учебном отряде по специальности «радиометрист артиллерийский». Здесь Александр проучился полгода. Перед тем, как попасть на военный корабль, прошел серьезную проверку физических и интеллектуальных возможностей, испытание в барокамере, тестирование. После «учебки» служил в Североморске с 1974 по 1977 год, сначала на большом противолодочном корабле «Доблестный», за-

тем на аналогичном судне «Жаркий». Для этого нового корабля, полученного в Ленинграде, была сформирована новая команда, а через некоторое время Александр Михайлович был избран секретарем комсомольской организации этого корабля [1].

Первый месяц службы изучали устройство корабля, потом сдавали экзамен. В учениях запрещалось подсказывать друг другу, иначе следовало наказание. Чаще всего наказание заключалось в дежурстве с двух часов ночи до шести часов утра. Если дежурный засыпал, то получал очередное взыскание. Так вырабатывались такие черты характера, как выдержка и самообладание, сила воли и мужество.

В отделении на корабле было шесть человек, отвечавшие за стрельбу из двух скорострельных орудий. Нередко участвовали в учениях, сбивали учебные радиоуправляемые самолеты (ЛА-17). На корабле было помещение, в котором находились мониторы; на их экранах высвечивался захват цели и раздавалась команда «Огонь!» Для того, чтобы выстрелить из двух орудий, два человека одновременно нажимали каждый на свою гашетку. Так вырабатывались четкость и синхронность в действиях, ответственность, взаимодействие с другими и сплоченность [1].

Кроме тренировочных стрельб, отрабатывались действия в разных ситуациях. Например, сдавали допуск на случай, если корабль получит пробоину. Это была учеба по борьбе «за живучесть» судна. Трюм во время такой учебы наполняли водой, нужно было быстро закрыть пробоины.

Дважды в неделю на корабле проводились политические занятия, на которых Александр Михайлович часто выступал с сообщениями по материалам съездов КПСС и пленумов ЦК. Для таких выступлений была оформлена специальная красная тетрадь с конспектами лекций по выступлениям государственных и политических деятелей СССР. В соответствии с должностью комсомольского лидера Александр Михайлович не мог оставаться в стороне от современной ему политической ситуации в стране и мире [1].

В семейном архиве Спекторских хранятся письма к родным со службы на флоте. Их автор никогда ни на что не жаловался, описывал только положительное из того, что происходило на корабле. Сын заботился о том, чтобы родные были спокойны. А во время службы случалось разное. После полутора лет службы на флоте Александр Михайлович участвовал в дальнем боевом походе, за который получил соответствующий значок. Начался этот поход в Баренцевом море, в Мурманской области около острова Кильдин. За время похода, продолжавшегося около 2,5 месяцев, корабль прошел все океаны, кроме Тихого. Во время похода заходили на Кубу по плану предварительного ремонта (ППР), там же пополнили запасы свежего питания и воды. В течение боевого похода самолеты блока НАТО часто пролетали низко над палубой корабля, махали крыльями и иногда сбрасывали посторонние предметы, то есть совершали провокационные действия. Однажды стояли в Александрии, в Египте. В то время отношения между СССР и Египтом ухудшились, и на

базу советского корабля прорвались «чернорубашечники», кидали «коктейли Молотова». Командование корабля приняло решение покинуть бухту.

В столице Норвегии, городе Осло, провели целую неделю, ходили в увольнение с офицером – капитан-лейтенантом Евгением Кнышем, который заведовал на корабле связью, служил в отделении радиометристов (после службы на флоте он преподавал на военном факультете Горьковского политехнического института).

Во время боевого похода проходили пролив Босфор, при этом для военного корабля был выделен буксир-лоцман, чтобы корабль не сел на мель. Приходилось ходить на корабле при шторме в шесть баллов. У каждого корабля есть успокоитель качки (УК), который создает во время шторма баланс. На каждом столе в столовой имелись специальные приспособления, чтобы тарелки не съезжали во время шторма в сторону. Во время боевых походов выставлялись бумажные мешки с сухариками, чтобы организму было легче переносить качку: бортовую (слева направо) и килевую (с носа корабля набок). Во время шторма ящики для вещей в кубрике закрывались на ключ. У выхода на палубу дежурили старослужащие, чтобы молодые и неопытные матросы не выходили на палубу, чтобы их не снесло ветром или не смыло волнами за борт. Привыкать к штормовым условиям было очень трудно.

На корабле был десантный взвод из двадцати человек, он должен был защищать корабль и команду от возможных провокаций натовских военных. Когда десантники выходили на берег, команда корабля прощалась с ними как в последний раз, но с надеждой на их благополучное возвращение.

В узких проливах нейтральных вод фрегаты блока НАТО выстраивались в ряд. При этом командир нашего корабля приказывал приводить в боевую готовность орудия и ракетно-бомбометные установки (РБУ с 12 ракетами), которые предназначены для уничтожения подводных лодок. Гидроакустики обнаруживали местонахождение подводных лодок. Во время учений РБУ «вспахивали» дно моря на 0,5 гектара, жизнь в этом месте океана останавливалась. Также на корабле находились торпедные аппараты и другое вооружение.

Почему Александра Михайловича на корабле выбрали секретарем комсомольской организации? Он был ответственным, политически грамотным, знал историю, мог доступно донести нужную информацию до своих товарищей-комсомольцев, являлся отличником боевой и политической подготовки. Экипаж корабля составлял около двухсот человек, за поведение комсомольцев секретарь комсомольской организации был в ответе. Необходимо было сплотить коллектив едиными целями, ценностными установками, чтобы каждый чувствовал себя частью единой большой команды. Задача секретаря комсомольской организации корабля заключалась также в следующем: помогать офицерам проводить политические занятия (учебу), настраивать коллектив перед выходом в боевой поход, на боевое дежурство, а также своим поведением быть образцом, примером для других и не теряться в экстремальных ситуациях. А ситуации были разные, в том числе и конфликтные. В от-

делении (это восемь человек) были и русские, и украинцы, и эстонцы, киргизы, казахи. А.М. Спекторский и как лидер по натуре, и как секретарь комсомольской организации корабля, улаживал такие ситуации, помогал в трудных случаях жизни на корабле, старался поднять настроение, создать хорошие отношения. На корабле нельзя давать волю страху и панике.

После службы на Северном флоте Александр Михайлович учился в Горьковском педагогическом институте им. М. Горького на естественно-географическом факультете, который окончил в 1984 г. С 1986 по 2003 год работал учителем биологии. Его ученики всегда радовали своими успехами. Многие участвовали в областных и всероссийских олимпиадах, показывали хорошие результаты, поэтому Александр Михайлович два года возглавлял рейтинг лучших учителей Нижнего Новгорода. Область его творческих интересов составляют здоровьесберегающие, личностно-ориентированные педагогические технологии, профилизация в общеобразовательном процессе. А.М. Спекторский – неоднократный участник научно-методических конференций преподавателей вузов, ученых и специалистов, автор публикаций в трудах этих конференций. За творческий труд он неоднократно отмечался грамотами и благодарностями Департамента образования города и области. В 2002 г. ему было присвоено звание «Почетный работник общего образования Российской Федерации» [2, с. 222].

В июле 2003 г. Александр Михайлович стал директором школы № 60 Нижнего Новгорода, где работает по сей день. За время его руководства школа стала современной, узнаваемой в городе и области. Благодаря успешной реализации программы модернизации образовательных учреждений удалось серьезно преобразовать школу, сделать ее комфортнее и информативнее.

Как директор, Александр Михайлович не останавливается на достигнутом, строит планы на будущее: *«В перспективе хотелось бы, чтобы каждый кабинет был оформлен по последнему слову техники, чтобы ученики с легкостью могли пользоваться персональными компьютерами или планшетами. Здание школы должно быть современным. Многое уже сделано, но сделать предстоит еще больше»* [3].

Совмещая работу с учебой, Александр Михайлович получил второе высшее образование в Московском государственном университете экономики, статистики и информатики (МЭСИ) по специальности «Государственное и муниципальное управление».

Служба в Военно-морском флоте и исполнение обязанностей секретаря комсомольской организации дали многое, научили находить правильные решения в чрезвычайных ситуациях, закалили. К тому же служба научила лидерству.

Команда корабля – единый организм, от слаженности действий которой зависит успех, от одного зависят все. Навыки комсомольского лидерства пригодились и в педагогической деятельности, в руководстве школой, в которой, подобно кораблю, все должно функционировать слаженно, синхронно,

ответственно и эффективно, потому что от умелого руководства зависит успех всех: и учителей, и обучающихся, и родителей.

Источники и литература

1. Интервью с А.М. Спекторским 21.05.2018 г. // Хранится в личном архиве А.А. Завьяловой.
2. Кто есть кто. Нижегородская область / ред. Л.Г. Гайко. – Н. Новгород, 2007.
3. Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Школа № 60» города Нижнего Новгорода [Электронный ресурс]. − URL: http://60nn.ru/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8B/ (дата обращения: 16.10.2018).

УДК 908

К ИСТОРИИ ЛИНДОВСКОЙ ПТИЦЕФАБРИКИ

TOWARDS HISTORY OF THE LINDOVSKAYA POULTRY FARM

С.В.Завьялова[1], Н.Ю. Лещук[2]

S.V. Zavyalova, N.Yu. Leshchuk

[1] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, кандидат исторических наук, преподаватель

603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а

E-mail: zavyalova_sv@mail.ru;

[2] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, студент

603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а

Аннотация. В статье на основе воспоминаний руководителей и работников Линдовской птицефабрики рассказывается о становлении и развитии предприятия, о трудностях и подъемах производства, связанных с политической и экономической ситуацией в стране, о людях, внесших вклад в развитие предприятия.

Ключевые слова: Нижегородская область; село Линда; город Бор; ОАО «Линдовская птицефабрика – племенной завод»; Г.К. Эльберт.

Summary. The article based on the memoirs of managers and employees of the Lindovskaya poultry farm describes the formation and development of the enterprise, the difficulties and the rise of production associated with the political and economic situation in the country, the people who have contributed to the development of the enterprise.

Key words: Nizhny Novgorod region; Linda village; Bor city; open joint stock company “Lindovskaya poultry farm – breeding plant”; G.K. Elbert.

В селе Линда городского округа город Бор Нижегородской области функционирует ОАО «Линдовская птицефабрика – племенной завод», строительство которой началось в 1971 г.

Почему именно в Линде решено было построить сельскохозяйственный комплекс по производству мяса птицы? По воспоминаниям первого директора предприятия Г.К. Эльберта, *«здесь сосредоточен узел шоссейных автомобильных дорог, ведущих в города разного направления. Есть и*

железная дорога Нижний Новгород – Вятка. В округе Линды много деревень – источника рабочей силы. Во-вторых, близость больших городов области: Бор, Семёнов, Городец, Дзержинск, Кстово и, главное, Нижний Новгород. Все это вместе взятое и предопределяло выбор» [1]. 26 декабря 1973 г. государственная комиссия приняла в эксплуатацию новую птицефабрику на 2 млн бройлеров, с годовой мощностью 3,1 тыс. тонн мяса птицы в живой массе. Она явилась первенцем новой отрасли в Горьковской области. С ней и пришел новый рассвет в Линду [2].

25 мая 1973 г. газета «Борская правда» писала: *«Первого мая в инкубаторий строящейся птицефабрики была заложена первая партия яиц – 29659 штук»* [3]. Это были первые шаги и первые успехи. Применяя временные схемы водоснабжения и канализации, коллектив предприятия вывел его на проектный режим уже через месяц после официальной приемки фабрики и занялся выращиванием птицы, что позволило приступить к сдаче мяса государству на год раньше срока. Практически в первый год работы, с учетом удлинения кормовых линий Линдовской птицефабрики осуществлена посадка 24 тыс. бройлеров вместо 20 тыс. по проекту.

Уже в 1975 г. было произведено 4.370 тонн продукции, а в 1976 г. – 5.300 тонн. Прибыли получили 5,6 млн рублей.

Птицеград – так образно называли газеты тех лет новую фабрику. В то время, когда только-только начали подниматься новые громадные корпуса над окрестными полями и лесами, град все же существовал в чертежах и воображении тех, кто был причастен к его становлению. Сегодня он впечатляет своими размерами. На Линдовской площадке размещено 50 корпусов, каждый около 100 м длиной. Построен и успешно работает по голландской технологии свой комбикормовый завод, два инкубатория, колбасный и консервный цеха, большой современный автогараж с мастерскими и многое другое. К тому же фабрика ОАО «Линдовское» имеет племзавод по разведению линдовских гусей. В ее составе и племсовхоз по крупнорогатому скоту со средним годовым надоем молока более 5 тыс. литров от каждой фуражной коровы.

Птицефабрика строилась в два этапа. На первом этапе – с 1970-х гг. – строились цеха с 1-го по 37-й. Одновременно с производственными корпусами возводились жилые дома и инкубаторий. На втором этапе – в 1978–1985 гг. – строились цеха с 38-го по 52-й. Конечно, не все на стройке было хорошо и гладко [4]. Вот что писала «Борская правда» 1 февраля 1980 г.: *«Еще в середине 1979 г. в производственном бройлерном объединении "Линдовское" должны были вступить в эксплуатацию 14 птичников. С учетом их ввода предприятию был увеличен план продажи диетического мяса на 500 тонн. Завершался январь 1980 г., а на этом важном объекте работы непочатый край... Между тем план мяса (с включением четырнадцати несуществующих) вновь увеличен на 800 тонн. Сооружение птичников ведут ПМК-246 треста № 6 и ПМК-267 треста № 11. Но как? Ни шатко ни валко – другого не скажешь»* [5].

По словам начальник участка ПМК-267 А.Н. Горячева, *«сдерживает работу нехватка каменщиков. Нужна также техника: краны, бульдозеры, которые с нашего объекта сняли на строительство животноводческого комплекса. Не хватает пиломатериалов. Есть и другие причины, тормозящие дело на стройке. Управление нулевого цикла не все работы закончило по вертикальной планировке. Это же управление должно строить теплотрассу, водопровод, два пожарных водоема, но ничего этого не делает»* [6].

Начальник участка ПМК-246 Л.И. Дертев также сетует на нехватку каменщиков: *«В феврале человек пятнадцать каменщиков у нас здесь будет»*. В то же время он высказал претензии к руководству управления механизации № 6 треста «Строймеханизация», силами которого должна быть закончена вертикальная планировка: *«Если в сооружаемых птичниках строителями ПМК-267 силами ПМК "Сельхоз-монтаж" кое-какие работы ведутся, то на объектах, возводимых силами ПМК-246, субподрядные организации пока ничего не делают, ни сантехники от управления нулевого цикла треста № 6, ни электрики»* [7].

К февралю 1980 г. на стройке производственного бройлерного объединения «Линдовское» из общей суммы 2.673,3 тыс. рублей было освоено только 1.097 тыс. рублей. Но ход строительства на важной стройке находился под особым организационным и финансовым контролем высокого районного и областного начальства, что позволило в сжатые сроки закончить строительство и сдать в эксплуатацию цеха второй очереди. Плановая проектная мощность составляла 9,3 тыс. тонн мяса птицы в год. В свои лучшие годы (1989–1992 гг.) предприятие производило от 10 до 12 тыс. тонн мяса в живом виде. В Линде за период с 1971 г. по 1996 г. было построены 800 квартир, жилье получило более 2,5 тыс. человек. Первый пятиэтажный дом № 3 по ул. Школьной был заселен уже в 1975 г., и 90 семей справили новоселье. Сейчас в Линде шесть таких домов. Много 2-, 3-, 4-этажных зданий [8].

Первого мая 1983 г. в Линде был торжественно открыт Дворец культуры и спорта. С его появлением в селе открылись десятки спортивных секций, кружков, цирковая студия, были созданы танцевальные ансамбли, известный в районе Линдовский хор под руководством М.П. Кухта. Сотни ребят в эти годы были заняты увлекательным делом, а главное, за период существования ОАО «Линдовское» произведено свыше 205 тыс. тонн мяса – это как железнодорожный состав от Нижнего Новгорода до города Семёнова [9].

В эти успехи заложен огромный труд людей. Весьма характерно, что впервые в СССР использовав предложенный Л.Г. Колесовой с соавторами новаторский метод первоначальной уплотненной посадки птицы, только в 1984–1994 гг. было получено 90 тонн бройлера сверх официальной проектной мощности предприятия.

Одним из первых пришел на строительный объект в 1971 г. Константин Иосифович Галкин. Нужен был человек по комплектации оборудования. Именно он и взялся тогда за это дело. Позднее он много лет руководил убойным цехом.

В начале 1980-х гг. по железной дороге и автотранспортом на стройку шли потоком грузы: оборудование, стройматериалы. Вся тяжесть разгрузочно-погрузочных работ легла на плечи необычайно трудолюбивого человека – крановщика Михаила Ивановича Коннова. Одними из первых трактористами работали на фабрике Голубев Владимир, Колесов Валентин, Смирнов Павел, Бравлик Владимир. Особенно много молодежи и людей среднего возраста было принято на работу в 1973 г., когда корпуса начали заселяться птицей. На предприятии с начала его создания работают целые семьи. Так, трудится семья Филютиных: отец Иван Петрович, сын Владимир, его жена Елена. Много лет работал и старший сын Евгений с женой Надеждой. Десятки лет трудились на фабрике семьи Барабиных, Сироткиных, Андрияновых и многие другие. Первыми строителями по праву можно считать и братьев Гараничевых: Дмитрия, Михаила и Федора. Сразу после окончания института в Линду приехали жить и трудиться молодые супруги Агаповы – Владимир и Людмила. Именно они своими руками вырастили на птицефабрике одну из первых партий птицы. Мясо пошло со второй половины 1973 г. Первых цыплят дал уже свой инкубатор. Задачей руководство фабрики было тогда не только запустить новое производство, но и преодолеть бюрократическую рогатку. Дело в том, что мясо пошло сотнями тонн, а премировать рабочих за хороший труд было нельзя, так как предприятие считалось еще не действующим. Денег на премирование не отпускалось, но Г.К. Эльберт и К.М. Минее находили выход. В эти годы лозунг «Кадры решают всё!» был в моде. Руководство новой фабрики тщательно подбирали кадры среднего звена, специалистов, птичниц [10].

В 1973–1980 гг. за Линдовской птицефабрикой было закреплено 1.283 га земли, из них 47% занимали сельскохозяйственные угодья, в т.ч. 446 га пашни. Первым агрономом стала работать Логинова Екатерина Федоровна. Именно она руководила ходом полевых и уборочных работ на Доенковских полях. Вела большую работу по озеленению территории фабрики: вдоль дороги, ведущей от фабрики в село, сажали деревья.

В историю развития птицефабрики, ее становление внесли свой посильный вклад сотни, тысячи людей.

Сразу после окончания института в 1976 г. пришли работать молодыми специалистами Людмила Генриховна Колесова – кандидат сельскохозяйственных наук и Любовь Алексеевна Пряничникова – заслуженный зоотехник РФ. Большой вклад в развитие производства в разные годы внесли Юрий Михайлович Горбылев – главный инженер-механик, Евгений Александрович Губанов – главный зоотехник, Борис Кузьмич Ширяев – главный энергетик, Николай Константинович Шапарский – главный инженер-механик, Юрий Иванович Борисков – главный агроном, Борис Михайлович Готмин – глав-

ный агроном, Александр Иванович Солдатов – главный зоотехник, Константин Михайлович Минеев – главный инженер-строитель, Л.И. Яворская – инженер по технадзору, Л.И. Козлов – главный энергетик, рационализаторы Ю.Е. Прибыткин, В.В. Брюховицкий, В.И. Военнов. Многие годы работали на предприятии бригадирами бройлерных цехов и зоотехниками Н.И. Беляева, Р.С. Елагина, Н.Я. Тютина, Г.И. Цветкова, И.И. Губанова, А.И. Панфилова, Л.П. Агапова. Более двадцати лет трудилась главным экономистом предприятия Эльвира Васильевна Сулоева. С 1973 г. трудились птичницами Мария Бараблина, Нина Сергеева, Ольга Бобина, Евгения Галанина, Екатерина Горохова, Валентина Христачева, Т.С. Платонова. Некоторые из них награждены правительственными наградами за высокие показатели в работе [11].

История предприятия была бы неполной, если бы не были отмечены имена Н.Г. Биткиной (рабочей убойного цеха), О.Т. Зайцевой (рабочей на мойке цехов), водителей автопарка Валерия Табунщикова, Анатолия Сандалкина и Алексея Чикунова, механика Александра Михайловича Королева, проработавшего заведующим гаражом более 18 лет, механика Юрия Михайловича Козлова, бывшего начальника автохозяйства, тракториста Н.И. Пикузова. Звание Заслуженного ветеринарного врача РФ в 1998 г. получила Ольга Николаевна Алиева. Она успешно трудится главным ветврачом объединения. К руководству ОАО «Линдовское» в последние годы пришли молодые, грамотные, нового типа руководители, сформировавшиеся в годы экономических реформ и переходного периода от социализма к рыночной экономике. Это новый генеральный директор Н.В. Крыжановский, исполнительный директор О.А. Дворникова, директор по производству С.А. Сычев, главный технолог М.Ю. Сниткин, технический директор Н.Ю. Виноградов, финансовый директор С. Калра, главный бухгалтер К.Н. Кобыленкова, главный инженер-механик М.Л. Пуганов. И есть уверенность и надежда в том, что ОАО «Линдовское» вновь займет ведущее место по птицеводству в Нижегородской области [12].

Начиная с 1995 г. и по 2000 г. наметился резкий спад производства. Из-за отсутствия денег в ход пошел бартер. Были нарушены многие договорные связи. Не хватало кормов. Чтобы сохранить поголовье птицы и как-то поправить экономическое положение предприятия, Г.К. Эльберт искал разные пути. Это по его инициативе в ряде свободных цехов стали выращивать шампиньоны, пользующиеся у населения спросом. По его же предложению и расчетам было налажено производство муки из пророщенного зерна, а затем выпечка хлеба, булочек, печенья. Это, как утверждают специалисты, не обычный хлеб, а кладовая витаминов. Но для выживания предприятия в новых условиях этого было недостаточно. Тем более, что при смене руководства, был допущен ряд непростительных просчетов и ошибок. Начиная с 2001 г. обстановка стала налаживаться. Главное – была проведена санация всей площадки для выращивания кур. Это позволило без сбоев поставлять на нижегородский рынок линдовскую птицу, но это уже не та птица, что производилась ранее. Птица кросса «Смена» была заменена на другой кросс – «Ба-

рос». Чтобы провести эту работу, пришлось идти на ряд не очень популярных мер. У многих жителей Линды и области они вызвали шок. Вплоть до того, что Линдовская птицефабрика закрывается. Это было вызвано необходимостью. Двадцать лет работала фабрика на кроссе «Смена», а тут было принято решение сменить породу. Первая партия бройлеров кросса «Барос» в порядке эксперимента была выращена на Чернораменской птицефабрике. Результат получили значительно лучший, чем со «Сменой». По данным 2002 г., среднесуточный привес составил 39–41 грамм. Кормовой рацион птицы составили отечественные зерновые: ячмень, пшеница, шрот. Витамины и аминокислоты, к сожалению, применяются в основном импортные (из США и Европы), а иностранцы продают свою продукцию только за доллары [13].

В 2000 г. птицефабрика простояла без птицы три месяца. Именно столько длилась санация (очистка и санобработка цехов по выращиванию птицы). Сама по себе она не страшна, если проводить ее планомерно.

Однако ситуация могла выйти из-под контроля. Дело в том, что из-за несоблюдения технологии бройлерного производства резко повысился «микробный фон». Начались болезни и падеж птицы. И руководители не нашли другого выхода, как провести убой всего стада. Люди остались без работы. Многие уволились, уехали в город. Утренние электрички от Линды уходили в Нижний Новгород наполненными до отказа. Именно в это время по инициативе Г.К. Эльберта произошла смена владельцев птицефабрики, а ее финансирование стало осуществлять «Эллине Банк», генеральным директором, заменив на этом посту А.Г. Шлямова, стал О.В. Головко. Глубокие преобразования в птицеводческой отрасли в Нижегородской области с участием голландских специалистов позволили сделать производство рентабельным и конкурентоспособным. Только общая сумма вложений за шесть месяцев 2001 г. составила более 50 миллионов рублей [14].

Хороших показателей добилось предприятие и по итогам 2002 г. Выращено более 6,2 млн голов птицы со средним живым весом 1,7 кг. Произведено в живом весе 10,8 тыс. тонн, убойный вес составил 7,3 тыс. тонн, среднесуточный привес – 39,2 грамма. Эти показатели сравнимы с высокими показателями Линдовской птицефабрики в ее лучшие годы.

Для дальнейшего развития и реконструкции предприятия потребовалось привлечь огромные дополнительные капиталовложения. Для установки клеточного оборудования только в одном корпусе (а их на предприятии сто) необходимо порядка двух миллионов рублей. В дело вступил известный предприниматель Р.А. Абрамович, а руководство птицефабрики перешло к новой команде во главе с председателем Совета директоров С.И. Пастухом. Г.К. Эльберту присвоено звание «Почетный президент ОАО «Линдовское» [15; 2].

В настоящее время ведется работа по созданию агрокомплекса «Нижегородбройлер», в который будут входить: ОАО «Линдовская птицефабрика – племенной завод» и ряд других предприятий области, производители фураж-

ного зерна, мясоперерабатывающие предприятия, торговопроводящая сеть. Все они будут связаны единой финансовой и технологической цепочкой.

Источники и литература

1. Воспоминания Г.К. Эльберта // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
2. Воспоминания Л.А. Шаминой // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
3. Борская правда. – 1973. – 25 мая.
4. Воспоминания Ю.А. Лещука // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
5. Рыбаков В. Ни шатко, ни валко // Борская правда. – 1980. – 1 февраля.
6. Воспоминания А.Н. Горячева // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
7. Воспоминания Л.И. Дертева // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
8. Воспоминания Е.Е. Лапенковой // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
9. Воспоминания М.П. Кухты // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
10. Воспоминания З.И. Георга // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
11. Воспоминания Т.И. Липиной // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
12. Воспоминания А.З. Сандалкиной // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
13. Воспоминания Р.В. Недоносковой // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
14. Воспоминания А.А. Кабалова // Из личного архива Н.Ю. Лещука.
15. Воспоминания Н.А. Завьяловой // Из личного архива Н.Ю. Лещука.

УДК 372.893

КАРИКАТУРА КАК НАГЛЯДНОЕ СРЕДСТВО И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В УСЛОВИЯХ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ

CARICATURE AS A VISUAL MEANS AND HISTORICAL SOURCE IN THE CONDITIONAL TRAINING VISUALIZATION

О.В. Воробьёва

O.V. Vorobyova

Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, доцент

607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

E-mail: istros2008@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема визуализации обучения истории в школе, предлагается возможный вариант формирования одного из сложных познавательных умений – интерпретации исторического источника на основе многоуровнего анализа карикатуры.

Ключевые слова: визуализация; наглядные средства обучения; умение интерпретировать; исторический источник; карикатура; многоуровневый анализ.

Summary. The article deals with the problem of visualization of teaching history in school, suggests a possible way to form one of the complex cognitive skills of interpreting a historical source based on a multi-level caricature analysis.

Key words: visualization; visual teaching aids; ability to interpret; historical source; caricature; multilevel analysis.

Житейская мудрость гласит: «Не верь речам, а верь своим очам», «Глаза не видят, так и душа не ведает», «Уши обманывают, глаза правдивы». Доказано, что у большей части учащихся органы зрения передают в пять раз больше информации, чем органы слуха. Новая научная дисциплина – визуалогия – изучает «видение» как культурно-исторический и социально-психологический феномен и предлагает теорию визуальной деятельности. Трудно переоценить работу с наглядными средствами обучения.

Считается, что сегодняшние школьники и студенты уже перешли к осознанной визуализации в процессе обучения (взаимодействия участников по предоставлению и усвоению информации и знаний в форме, ориентированной на зрительное восприятие) [1, с. 9]. Они живут и учатся среди многочисленных потоков информации, справляются с поиском необходимых сведений из разных источников, умеют оперировать найденным материалом. Но в предметной области – в обучении истории – учащиеся испытывают определенные трудности: не понимают смысла, не могут выявить причины и следствия, не способны дать оценку событию. Для визуального восприятия характерна некоторая автоматизированность – непрерывно и очень быстро один фрагмент реальности сменяется другим, глаз «схватывает» информацию как бы без усилий сознания. Аналитические операции не успевают осуществляться в полной мере, нет глубинного осмысления, не формируется критическое мышление. Таким образом, важно не только увидеть «картинку», но и остановиться, подумать о ней.

Особенностям использования наглядных средств обучения как носителей исторической информации среди последних публикаций посвящена статья М.В. Коротковой. Автор предлагает свой алгоритм визуальной деятельности на уроке истории с учетом основных условий формирования видения как умения – различной визуальной активности школьников, индивидуального личного опыта, возраста ученика [1, с. 10–11]. И.А. Шуринова и Е.И. Белянкова наряду с такой функцией наглядности, как визуализация, выделяют мотивационно-стимулирующую (активизация к познавательной деятельности), аксиологическую (развитие ценностного компонента обучения), познавательную (наглядность – источник знаний) и практическую (формирование учебных действий) [2, с. 48–49]. Л.П. Борзова и М.И. Дударев настаивают на кропотливой работе с наглядными средствами обучения при подготовке к ЕГЭ по истории и дают методические рекомендации в отношении этапов организации познавательной деятельности. На уровне «узнавания» учащийся припоминает виденное ранее, далее следует «распознавание» – соотнесение известного и нового, затем – «анализ и интерпретация», «считывание новой информации», завершается все «реализацией полученной информации в практических формах работы с изображением» [3, с. 38]. Е.П. Максименко останавливается на методических и методологических аспектах применения плакатов в обучении курса «Обществознание» и подчеркивает их агитационную и пропагандистскую роль в историческом контексте [4, с. 41].

Практически все исследователи настаивают на глубоком и комплексном использовании наглядных средств обучения на уроках. Среди иллюстративной наглядности наибольшим методическим потенциалом обладает карикатура – изображение, в котором сознательно создается комический эффект. Карикатура обладает способностью эмоционального воздействия на ученика, что способствует мотивации; кроме того, иносказательная форма трансляции информации заставляет школьника дешифровывать, интерпретировать, объяснять смысл изображенного, тем самым формирует критическое мышление ученика. Но рассматривать карикатуру исключительно как иллюстративное средство было бы ошибочно. Это уникальный исторический источник, таящий в себе свидетельства об определенной эпохе, о социальных проблемах, отражающий яркую авторскую позицию.

В педагогической литературе предлагаются разнообразные приемы работы с карикатурой: от традиционных (эвристическая беседа с элементами дешифровки информации) до творческих работ по созданию собственных карикатур [5]. Более эффективным способом использования карикатуры может быть многоуровневый анализ исторического источника, предложенный Е.Е. Вяземским и О.Ю. Стреловой. Эти авторы дали подробные методические рекомендации в отношении интерпретации произведений живописи как исторического источника [6, с. 56–62]. Подобный алгоритм уместен и при работе с карикатурой. Начинать обучение «чтению» карикатуры как источника необходимо с демонстрации этого приема школьникам. Учитель подбирает изображение, соответствующее теме урока; объясняет, какие вопросы могут быть сформулированы для анализа карикатуры (уровень паспортизации источника, историко-логические и аксиологические вопросы, критический и пракселогический уровни); дает подробные ответы.

Рассмотрим демонстративный этап на примере анализа карикатуры «Антанта» в рамках темы «Гражданская война и иностранная интервенция в России» ***(Приложение 8, рис. 1)***.

Первый шаг – *«паспортизация»* источника (вопросы помогают установить личность автора документа, время, место, обстоятельства его создания, вид источника). *Как называется карикатура? Известен ли автор и время ее создания? Что происходило в это время в Российском государстве? Какие обстоятельства, по Вашему мнению, способствовали появлению этого рисунка?* Возможные ответы: карикатура называется «Антанта» («Псы Антанты»), ее нарисовал художник В.Н. Дени (Денисов) в 1919 г., во время Гражданской войны в России. Карикатура явно имела пропагандистскую направленность.

Второй уровень – *историко-логические задания* ориентируют на выделение того главного, о чем рассказывает автор (сам факт, его причины и последствия). *Что (кто) изображено на карикатуре? Опишите детали. Какой исторический факт зашифрован в рисунке?* Возможные ответы: на поводках у лидеров Антанты в разные стороны рвутся белые генералы – А.И. Деникин, А.В. Колчак и Н.Н. Юденич, которых художник изображает в мундирах, со

знаками отличия, но в виде свирепых псов. Цилиндры представителей «Сердечного согласия» окрашены в цвета национальных флагов США, Франции и Великобритании. Карикатура в иносказательной форме рассказывает о связях Белого движения и империалистов.

Третий шаг – *аксиологические вопросы (ценностные)* предполагают анализ ценностей, норм, традиций эпохи, представленной в источнике, а также изучение ценностных установок автора документа. *Против кого (чего) направлена карикатура? Какие идеологические противоречия существовали в России в то время? На чьей стороне автор? Какой позиции придерживается он? Почему Вы так решили? Какие детали карикатуры говорят об этом?* Примерные ответы: изображение явно настраивает зрителя против Белого движения. Автор придерживался пробольшевистских настроений и всячески старался показать рабочим и крестьянам истинный характер Белого дела, которым манипулируют иностранные интервенты. Русские генералы неслучайно изображены на поводках, так автор подчеркивает их ведомость. На карикатуре доминируют темные цвета, что говорит о «черной» стороне Белого дела.

Четвертый уровень – *критические задания* заставляют обучающихся подвергнуть сомнению достоверность источника, подталкивают к объяснению мотивов и причин манипуляции автора документа с историческими фактами. *Подумайте, насколько достоверную информацию приводит автор? Как можно проверить истинность фактов? К каким историческим документам следует обратиться?* Возможные ответы: Поскольку автор явно симпатизирует красным, он предлагает нам именно такой обличающий образ белых генералов и интервентов. В любом социальном конфликте обе стороны виновны, поэтому следует познакомиться с историческими источниками, которые, возможно, покажут другую сторону Гражданской войны (Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. – 1990–1994; Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. – Л.,1991).

Пятый шаг – *праксеологические вопросы* (позволяют определить смысл использования конкретного документа в рамках учебной темы, проблемы). *Насколько важным для современников и потомков является эта карикатура о Гражданской войне и иностранной интервенции?* Карикатурный образ лидеров Белого движения, «послушных псов империалистов», должен был настроить граждан Советской России на непримиримую борьбу с ними. Потомков рисунок заставляет задуматься о сложном и противоречивом периоде истории нашей страны и объективно оценить факты, произошедшие в то время.

Итак, алгоритм работы с карикатурой продемонстрирован. Далее в рамках изучения последующих тем уместно ограничиться лишь формулировкой вопросов и предложить учащимся самостоятельно ответить на них. Следующий шаг – школьники самостоятельно составляют вопросы многоуровнего анализа при работе с карикатурой по памятке. Завершающий этап

формирования умения интерпретировать карикатуру – анализ изображения по алгоритму без памятки.

Таким образом, используя широкий методический потенциал карикатуры (не столько как иллюстрации, в большей степени как исторического источника), можно научить детей сложному познавательному умению, которое станет основой для формирования более серьезных профессиональных компетенций в будущем.

Источники и литература

1. Короткова М.В. Новый образ методики преподавания истории в условиях информационных и визуальных вызовов XXI века // Преподавание истории в школе. – 2018. – № 1.

2. Шуринова И.А., Белянкова Е.И. Изобразительные средства на уроках истории и обществознания: функции, методические аспекты использования и отбора // Преподавание истории в школе. – 2016. – № 7.

3. Борзова Л.П., Дударев М.И. Работа с изобразительной наглядностью на уроках истории при подготовке к ЕГЭ // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2015. – № 6.

4. Максименко Е.П. Преподавание обществознания: использование иллюстративных материалов при изучении тем раздела «Политика» // Преподавание истории в школе. – 2016. – № 5.

5. Горяйнова О.А. Исторический источник – карикатура // Педагогическая мастерская. Открытый урок. 1 сентября [Электронный ресурс]. – URL: http://xn--i1abbnckbmcl9fb.xn--

6. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Педагогические подходы к реализации концепции единого учебника по истории: пособие для учителей общеобразовательных организаций. – М., 2015. – С. 56–62.

НАШИ АВТОРЫ

Андронов Алексей Сергеевич – экскурсовод Музея русского патриаршества в г. Арзамасе; магистрант историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Аникина Елена Юрьевна – независимый исследователь (г. Москва).

Арясов Николай Васильевич – магистрант историко-филологического факультета Марийского государственного университета.

Бажанова Дарья Сергеевна – студентка Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Балахонова Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, учитель МБОУ «СШ № 7 им. А.П. Гайдара» (г. Арзамас).

Варенцова Лариса Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Воробьёва Ольга Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Глазунов Андрей Сергеевич – студент Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ.

Гребенникова Анна Дмитриевна – студентка Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Домахин Александр Алексеевич – магистрант Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Егошин Алексей Леонидович – научный сотрудник Нижнеокского историко-археологического бюро «Артефакт», старший преподаватель кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Ефимов Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Железнов Денис Павлович – студент Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Завьялова Александра Арефьевна – учитель МБОУ «Школа № 60» г. Нижнего Новгорода.

Завьялова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель филиала Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде.

Зайцева Ирина Геннадьевна – главный архивист отдела информационно-поисковых систем и использования документов Государственного архива Нижегородской области, г. Арзамас.

Игонькин Сергей Александрович – учитель МБОУ «Средняя школа № 1 им. М. Горького с углубленным изучением английского языка» (г. Арзамас).

Инжутов Александр Алексеевич – директор Шатковского районного историко-краеведческого музея.

Исаков Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Исакова Любовь Владимировна – преподаватель Нижегородского экономико-технологического колледжа.

Казнина Татьяна Венедиктовна – старший научный сотрудник Литературно-мемориального музея А.П. Гайдара г. Арзамаса Нижегородской области, Отдел Мемориальный музей А.М. Горького.

Калмыков Иван Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории и иностранных языков Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии.

Кауркин Радислав Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических наук Высшей школы экономики, г. Нижний Новгород.

Клюшина Александра Евгеньевна – архивист Российского Федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ – ВНИИЭФ).

Колосунин Евгений Викторович – преподаватель Арзамасского приборостроительного колледжа им. П.И. Пландина.

Коннова Ольга Николаевна – научный сотрудник Историко-художественного музея г. Арзамаса Нижегородской области.

Кузьмина Ангелина Игоревна – специалист экспозиционно-выставочного отдела МБУК музей «Природа» им. С.И. Трофимова (р.п. Выездное Арзамасского района), магистрант историко-филологического факультета Марийского государственного университета.

Кузьмина Анна Николаевна – начальник отдела информационно-поисковых систем и использования документов Государственного архива Нижегородской области, г. Арзамас.

Кудряшова Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Курдин Юрий Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, декан историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Лещук Никита Юрьевич – студент филиала Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде.

Ляпин Дмитрий Александрович – учитель МБОУ «Лицей № 15 им. Академика Ю.Б. Харитона» (г. Саров).

Макарова Марина Юрьевна – магистрант историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Малышев Алексей Владимирович – независимый исследователь (г. Нижний Новгород).

Малышев Андрей Вячеславович – независимый исследователь (г. Нижний Новгород).

Маслова Екатерина Ивановна – независимый исследователь (г. Нижний Новгород).

Маркина Екатерина Александровна – ученица 11-го класса МБОУ «Школа № 60» г. Нижнего Новгорода.

Михеева Валерия Владимировна – магистрант историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Морозова Ирина Васильевна – учитель МБОУ «Юрьевская средняя школа» (с. Юрьево Гагинского района Нижегородской области).

Нагорных Ольга Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета.

Неупокоева Валентина Юрьевна – научный сотрудник Муромского историко-художественного музея Владимирской области, магистрант историко-филологического факультета Марийского государственного университета.

Николаев Дмитрий Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Павлова Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Нижегородского государственного инженерно-экономического университета.

Пакшина Наталья Алексеевна – кандидат технических наук, доцент кафедры «Прикладная математика» Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ.

Панов Александр Ростиславович – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Подрепный Евгений Ильич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и политики России Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Пустырев Павел Валерьевич – соискатель ученой степени кандидата исторических наук (кафедра истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ).

Сапон Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин НГПУ.

Скрябина Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Историко-художественного музея г. Арзамаса Нижегородской области.

Смирницкий Александр Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин НГПУ.

Смирнов Александр Юрьевич – студент факультета гуманитарных наук НГПУ.

Сочнев Юрий Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Высшей школы экономики, г. Нижний Новгород.

Субботина Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и управления в машиностроении Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ.

Суетнова Нина Ивановна – научный сотрудник Историко-художественного музея г. Арзамаса Нижегородской области.

Родина Галина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Русаков Илья Сергеевич – студент филиала Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде.

Титков Евгений Павлович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-методического центра по изучению дискуссионных вопросов отечественной истории (Арзамасский филиал ННГУ).

Федченко Алексей Михайлович – архивист II категории Российского Федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ – ВНИИЭФ).

Хорева Наталья Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Цветков Илья Александрович – студент филиала Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде.

Цветкова Светлана Павловна – заведующая отделом МБУК «Центральная библиотечная система» г.о. Семёновский.

Чепак Виктория Олеговна – студентка факультета дошкольного и начального образования Арзамасского филиала ННГУ.

Щетинин Алексей Иванович – независимый исследователь (г. Арзамас).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

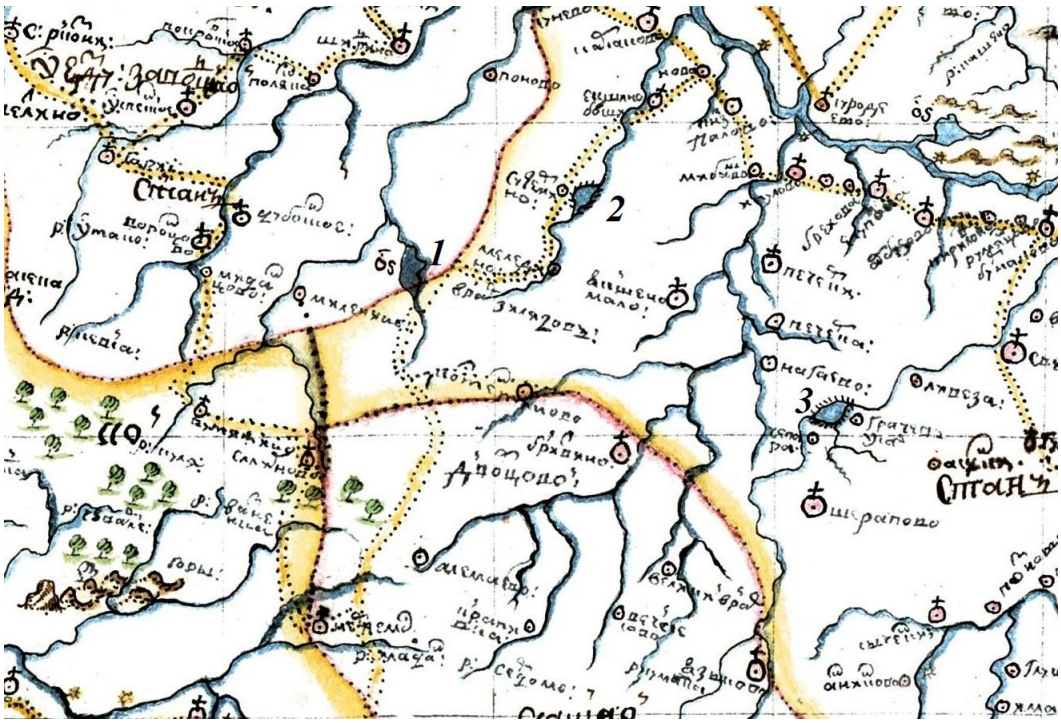


Рис. 1. Озера на фрагменте карты Арзамасского уезда 1722-1734 гг.
(1. Озеро на Малой Келе (Колмырка?); 2. Озеро на Якшени; 3. Озеро на Чапаре)

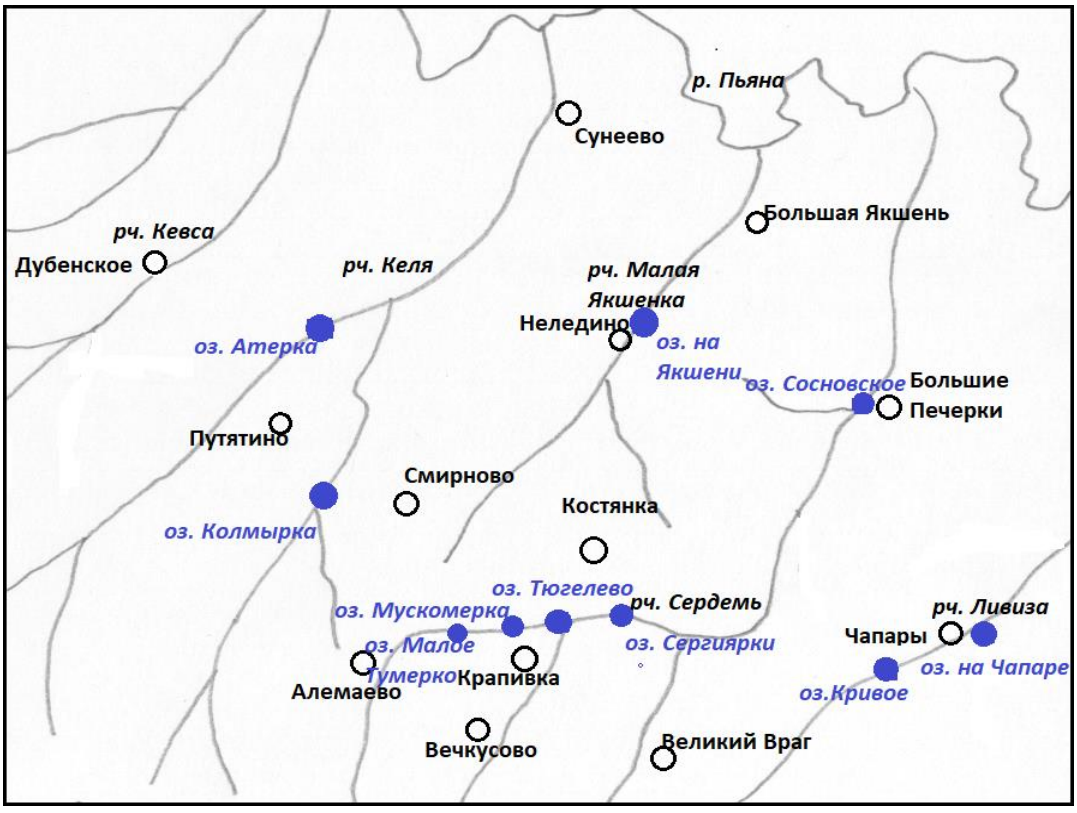


Рис. 2. Схема месторасположения озер.

Приложение 2

Илл. 1. Предметы из металла (раскоп В.В. Бейлекчи 2015 г. по адресу: г. Арзамас, ул. Свободы, 12): *1* – литой образок «Св. Николай Мирликийский», бронза, XVIII век; *2* – нательный крест, медь, XVIII век; *3* – пластинчатое кресало с петлей, железо; *4* – нож для разрезания бумаги, бронза, конец XIX – начало XX века; *5* – черешковый хозяйственный нож, железо; *6* – навесной малый замок, железо; *7* – обувная подковка, железо, XVIII–XIX вв.

Илл. 2. Монетный материал с раскопов в Арзамасе
(*1-6, 8* – археологические раскопки В.В. Бейлекчи 2015 г. по адресу: г. Арзамас, ул. Свободы, 12; *7* – археологические наблюдения В.Н. Мартьянова 1993 г. по адресу: г. Арзамас, Соборная площадь, 20): *1* – 2 копейки, медь, 1814 г.; *2* – денежка, медь, 1854 г.; *3* – 1 копейка серебром, медь, 1841 г.; *4* – 1 копейка, медь, 1824(?) г.; *5* – копейка, медь, 1860 г.; *6* – 5 копеек, медно-никелевый сплав, 1961 г.; *7-8* – монеты «пуло», медь, XVII (?) век.

Илл. 3. Предметы из стекла (раскоп В.В. Бейлекчи 2015 г. по адресу: г. Арзамас, ул. Свободы, 12):
1-3 – клейма-медальоны винных бутылок, XIX век; *4* – бутылка винная «шампань», XIX век; *5* – бутылка из-под растительного масла, 1850-е гг.; *6* – винная бутылка 100 гр., начало XX века; *7* – флакон из-под чернил, первая половина XX века; *8-10* – флаконы аптечные, XIX – начало XX века.

Илл. 4. Предметы из фаянса, фарфора и глины (раскоп В.В. Бейлекчи 2015 г. по адресу: г. Арзамас, ул. Свободы, 12):
1-3 – банки помадные, фаянс, XIX – начало XX века; *4* – фрагмент головы куклы, фарфор, XIX – начало XX века; *5* – фрагмент пиалы фабрики Гарднера, фаянс, XIX век; *6* – тарелка сервизная фабрики Н.Е. Кузнецова, фаянс, конец XIX – начало XX века; *7* – чаша курительной трубки, глина, вторая половина XVIII века; *8* – головка каминной фигурки-барашка, фаянс, конец XIX – начало XX века; *9* – фрагмент красноглиняного «муравленого» изразца, глина, конец XVIII – XVIII век; *10* – обломок духового музыкального инструмента (флейты?), глина, XVIII – начало XIX века.

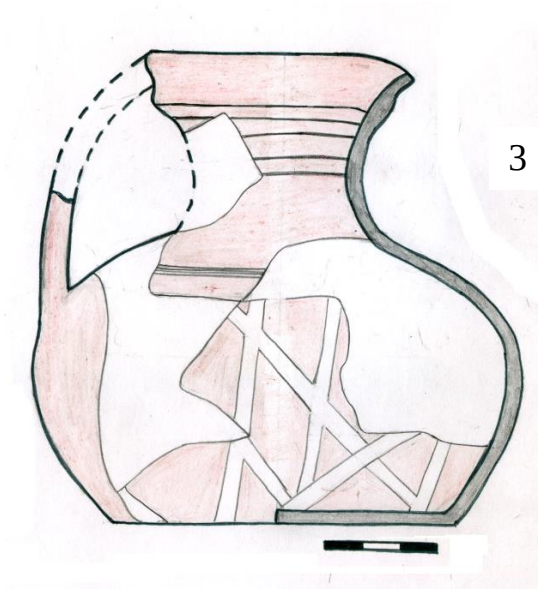
Приложение 3

Рис. 1. Основные формы кувшинов и клейм XV–XVI вв.:
1, 2 – клейма на донцах краснолощеных сосудов;
3, 4 – клейма на донцах красноглиняных сосудов

Рис. 2. Орнаментированные и ангобированные фрагменты сосудов XV–XVI вв.:
1 – фрагменты красноглиняных сосудов, расписанных белым ангобом;
2 – стенки краснолощеных сосудов со штампованным орнаментом

1

2



3

4

Рис. 3. Категории сосудов XV–XVI вв.:
1 – миска красноглиняная с росписью ангобом;
2 – кубышка красноглиняная с росписью ангобом;
3, 4 – кувшины красноглиняные с росписью ангобом

Приложение 4

Фото 1. Дом мещанина Синицына, ул. 1 Мая, д. 1 (конец XIX века)

Фото 2. Наличник.
Ул. 1 Мая, д. 1 (конец XIX века)

Фото 3. Элемент зооморфного резного оформления (лошадь).
Ул. 1 Мая, д. 1 (конец XIX века)

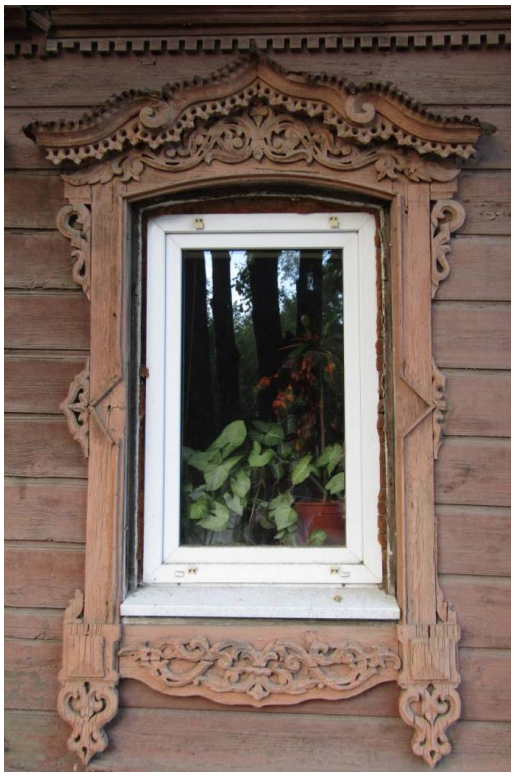
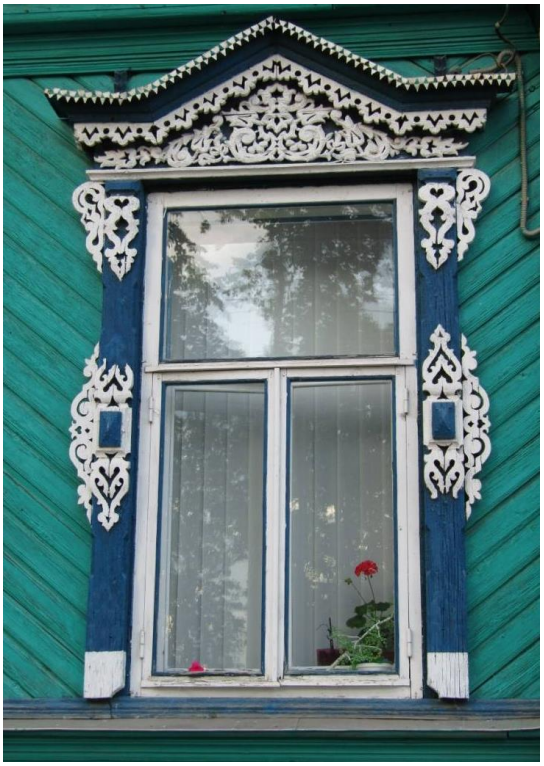



Фото 4-7. Резные наличники в Арзамасе (вторая половина XIX века). Слева направо: ул. Ступина, д. 1; ул. 1 Мая, д. 10; ул. Березина, д. 10; ул. Октябрьская, д. 16.

Фото 8. Дом с элементами модерна в оформлении (начало XX века). Ул. Советская, д. 4.

Фото 9. Резной наличник с крупным геометрическим орнаментом (модерн, начало XX века). Ул. Советская, д. 4.

Фото 10. Солярные символы в оформлении дома № 39
по ул. Советской (конец XIX – начало XX века)

Приложение 5

Фото 1. Косоклинный сарафан. Ткань, тесьма, пошив.
Арзамасский уезд, XIX век

Фото 2. Традиционное хранение косоклинного сарафана в с. Чернуха Арзамасского уезда (Музей «Природа» им. С.И. Трофимова, р.п. Выездное Арзамасского района)

Фото 3. Чернухинский золотный женский крестьянский костюм. Шелк, золотная нить, золотная бахрома, витейка, бить, блестки; пошив, золотная вышивка в прикреп по карте (с. Черхуха Арзамасского уезда, XIX век).

Фото 4. Золотный кафтан «пониток». Ткань, золотная тесьма, золотная бахрома, витейка, бить; пошив (с. Чернуха Арзамасского уезда, XIX век).

Фото 5. Костюмный комплекс с прямым сарафаном на лямках и кофтой. Ткань, тесьма, кружево, лента; пошив (с Озерки Шатковского уезда, XIX век).

Фото 6. Костюм «парочка» из юбки и кофты. Шелк, кружево, шнур, ленты; пошив, аппликация. Арзамасский уезд, XIX в.

Приложение 6

Фото 1. Интерьер редакции газеты «Авангард».

Фото 2. Раздел выставочного проекта
об участии арзамасских комсомольцев в освоении целины.

Фото 3. Селфи-зона выставки.

Приложение 7

Фото 1. Красноармеец Н.В. Артёмов (1941 г.)

Фото 2. Н.В. Артёмов – учитель Кремёнковской НСШ (1950 г.)

Фото 3. Здание Кремёнковской НСШ. 1954 г.

Фото 4. Педагогический коллектив Кремёнковской НСШ в 1950 г. (Н.В. Артёмов – сидит третий справа).

Фото 5. Педагогический коллектив Кременковской НСШ в 1953 г.
(Н.В. Артёмов – сидит в центре)

Фото 6. Члены исторического объединения «Саровская пустынь» на могиле Н.В. Артёмова.
Слева направо: Алексей Александрович Демидов, Анатолий Александрович Агапов, Александр Иванович Рыжов. (Фото Алексея Михайловича Подурца).

Приложение 8

Рис. 1. Карикатура «Псы Антанты». Художник В.Н. Дени (Денисов) Литературно-издательский отдел Политуправления Реввоенсовета Республики. Москва, 1919 г.

На последней странице обложки:
бюст А.М. Горького в г. Арзамасе, 1968 г.
(Скульптор М.М. Лимонов)

Научное издание
ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
Сборник статей участников
XVI Региональной научно-практической конференции
(13 декабря 2018 г.)
Выпуск XV

Технический редактор С.П. Никонов
Корректор Н.В. Жучкова
Верстка и вывод оригинал-макета З.Ю. Скочигоровой

Подписано в печать 22.02.2019. Формат 60x84/16
Усл. печ. листов 19,6. Тираж 300 экз. Заказ 83

Издательство Арзамасского филиала ННГУ
607220 г. Арзамас Нижегородской обл. ул. К.Маркса, 36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000 г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37